

ВАЛЕНТИН ПИКУЛЬ

Антонина
Пикуль

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Валентин Саввич Пикуль считал себя счастливым человеком: тринадцатилетним мальчишкой тушил «зажигалки» в блокадном Ленинграде — не помер от голода. Через год попал в Соловецкую школу юнг; в пятнадцать назначен командиром боевого поста на эсминце «Грозный». Прошел войну — не погиб. На Северном флоте стал на первые свои боевые вахты, которые и нес, но уже за письменным столом, всю жизнь, пока не упал на недо-писанную страницу главного своего романа — «Сталинград». Каким был Пикуль — человек, писатель, друг, — тепло и доверительно рассказывает его жена и соратница. На протяжении всей их совместной жизни она заносила наиболее интересные события и наблюдения в дневник, благодаря которому теперь можно прочитать, как создавались крупнейшие романы последнего десятилетия жизни писателя. Этим жизнеописание Валентина Пикуля и ценно.

- [Антонина Пикуль](#)
 -
 -
 - [Венок памяти](#)
 - [Часть первая. ИСТОКИ](#)
 - [Глава первая. Корни](#)
 -
 - [Мир детства](#)
 - [В кольце блокады](#)
 - [Глава вторая. «Вставай, страна огромная»](#)
 - [В «ребячьей академии»](#)
 - [Огненные мили «Грозного»](#)
 - [Глава третья. ПОИСК МЕСТА ПОД СОЛНЦЕМ](#)

- [Трудные испытания](#)
- [Продолжение вахты](#)
- [Часть вторая. СТАНОВЛЕНИЕ](#)
 - [Глава первая. Начало восхождения](#)
 - [«Океанский патруль»](#)
 - [Подступы к «Аракчеевщине»](#)
 - [Друзья-приятели юности](#)
 - [Глава вторая. Следопыт истории](#)
 - [Роман «Баязет»](#)
 - [Семейный корабль](#)
 - [Глава третья. Здравствуй, Рига!](#)
 - [Первые литературные опыты в Риге](#)
 - [Друзья по литературному цеху](#)
 - [Глава четвёртая. Замыслы и свершения](#)
 - [«На задворках великой империи»](#)
 - [Неосуществлённая мечта](#)
 - [«Из тупика»](#)
 - [Глава пятая. По городам и весям Латвии](#)
 - [В глубь веков и десятилетий](#)
 - [Курляндский роман «Слово и дело»](#)
 - [Глава шестая. Либавский роман «Моонзунд»](#)
 - [Вокруг генеалогии героев «Моонзунда»](#)
 - [Глава седьмая. Любимая тема — дипломатия](#)
 - [«Пером и шпагой»](#)
 - [Среди героев Эстонии и Литвы](#)
 - [«Битва железных канцлеров»](#)
 - [Глава восьмая. Друзья юности — верные друзья](#)
 - [Мальчики с бантиками](#)
 - [Юнги — надёжные друзья](#)
 - [Путешествие по Камчатке](#)
 - [Глава девятая. Скандальная слава](#)
 - [«Нечистая сила»](#)
 - [Читательская поддержка](#)

- [Пикуль в беде](#)
- [Часть третья. СВЕРШЕНИЯ](#)
 - [Глава первая. Заочное знакомство](#)
 - [Ночное знакомство, или Хитросплетения судьбы](#)
 - [Мир вдвоём](#)
 - [Глава вторая. Восток — дело тонкое](#)
 - [Два месяца с «Окини-сан»](#)
 - [День рождения](#)
 - [Как встретишь](#)
 - [Глава третья. Творческие успехи, планы и реальность](#)
 - [«Три возраста Окини-сан»](#)
 - [Работа — прежде всего](#)
 - [Глава четвёртая. Успехи, волнения, радости, встречи](#)
 - [Ночная почта о создании «Фаворита»](#)
 - [Пикуль и дети](#)
 - [Будни и праздники](#)
 - [Глава пятая. Эволюция поисков](#)
 - [От «Фаворита» к...](#)
 - [Чай, чай, только чай...](#)
 - [Подарки и не только](#)
 - [Доводка «Фаворита»](#)
 - [Глава шестая. Творческая лаборатория писателя](#)
 - [Его библиотека](#)
 - [Портретная галерея](#)
 - [Портретная и историческая картотеки](#)
 - [Глава седьмая. Русско-французские отношения](#)
 - [Роман «Каждому своё»](#)
 - [Гражданин Моро](#)
 - [Макс Эйльбронн](#)
 - [Молчаливый финиш](#)

- Глава восьмая. Дела семейные
 - Мои заботы
 - Заочные и очные контакты
 - Завтра...
 - Вернёмся к Пикулю
- Глава девятая. Год «Фаворита»
 - Друзья и помощники «Фаворита»
 - Этот год високосный
 - Здравствуй, «Фаворит»!
- Глава десятая. В студёных северных морях
 - «Реквием каравану PQ-17»
 - «Тени на добрых именах»
 - Помнит «Ижору»
- Глава одиннадцатая. Мысли и поиски
 - Как рождался роман «Крейсера»
 - Перевеска картин
 - «Крейсера» покидают гавань
- Глава двенадцатая. Вокруг «Фаворита»
 - Памятные встречи
 - Зарисовки с натуры
 - Письма и посылки
- Глава тринадцатая. Оборона Сахалина
 - Роман «Каторга»
 - Послесловие к «Каторге»
- Глава четырнадцатая. Жизнь в истории и для истории
 - Тернистый путь к успеху
 - Творческий процесс писателя
- Глава пятнадцатая СИЛА СУДЬБЫ
 - Жизненные дороги писателя
 - Встречи и контакты
 - Инфаркт
 - На перекрёстках, дорогах и тропинках
 - Снова о творчестве
- Глава шестнадцатая НОЧИ И ДНИ
ВАЛЕНТИНА ПИКУЛЯ
Итоги подводят

вначале...

-
- Завершение тетралогии
- Дачные сюжеты
- Глава семнадцатая СОЗДАНИЕ И ЖИЗНЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Новые успехи и новые встречи
 -
 - Курс — океан времени
 - Водовороты будней
- Глава восемнадцатая ПОСЛЕДНЯЯ ВЫСОТА
 - Контрасты года
 - Сказ о незаконченном романе
- Глава девятнадцатая. Из записок офицера российского генштаба
 - Роман «Честь имею»
 - Взгляд читателей на роман «Честь имею»
 - Укрепление и разрывы связей
 - Небезразличные штрихи
 - Короткое, но важное сообщение
- Глава двадцатая НАСТУПИЛА ЭПОХА ГЛАСНОСТИ
 -
 - Пикулевский подарок
 - Единомышленники и «разномышленники»
 - «Янычары»
 - Жизнь — она полосатая...
- Глава двадцать первая. Воплотить свою мечту
- Глава двадцать вторая. Многоцветный венок Валентина Пикуля
 - Гордиться славою предков
 - Последние миниатюры Валентина Пикуля
- Глава двадцать третья НА ПОДСТУПАХ К СТАЛИНГРАДУ

- [Часть четвёртая. В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ](#)
 - [«Его зарыли в шар земной»](#)
 - [Три подвига Валентина Пикуля](#)
 - [Завещание Валентина Пикуля](#)
 - [Постскриптум](#)
 - [Основные даты жизни и творчества В. С. Пикуля](#)
 - [Литература о жизни и творчестве писателя](#)
 - [Основные источники для написания книги](#)
 - [Фотографии](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Антонина Пикуль

ВАЛЕНТИН ПИКУЛЬ

Жизнь замечательных людей.

Серия биографий.

Основана в 1890 году Ф. Павленковым и продолжена в 1933 году М. Горьким.

Издательство благодарит Артура и Надежду Невицких за помощь в подготовке настоящего издания.

Венок памяти

В начале своего творческого становления *Валентин Пикуль загадал себе судьбу*. Об этом я узнала уже после его смерти.

Целую неделю после ухода Валентина Саввича в мир иной я не могла войти в его кабинет, мне представлялось — как только открою дверь — вновь увижу его за работой.

Наконец, собравшись с духом, вошла, огляделась, и вдруг какая-то неведомая сила повела меня к книжной полке. Там среди редкостных фолиантов стояла ничем не приметная книга: «Общий журнал о раскольниках». Эту книгу Валентин приобрёл во время работы над своим первенцем — историческим романом «Баязет». Ранее я её никогда в руках не держала.

Раскрыв книгу, я обомлела. На форзаце, ярко-красным карандашом, как кровью, рукой Валентина было написано:

«Когда я умру, эта книга достанется кому-нибудь, и он подумает, зачем же я интересовался подобными предметами? В том-то и дело, что, благодаря разносторонности интересов, я и стал писателем. Хотя при жизни я так никогда не называл себя, предпочитая более скромное — литератор. Я имел образование всего 5 классов, я воевал с 14 лет жизни, и всё, что я приобрёл впоследствии, я приобрёл от страстной, почти фанатической любви к познаниям.

Сейчас мне 31 год (13 июля 1959. — А. /7.), у меня сделаны два романа, задуманы ещё четыре. Писал это Пикуль Валентин Саввич, русский, родился 13 июля 1928 года, умер 16 июля 19... В. Пикуль».

Он верил в смерть, как верил в жизнь. Он сам загадал себе судьбу... Ошибся всего на немного, на три

дня.

Трудно сейчас объяснить, почему появились такие строки на форзаце книги.

К тому времени Валентин был молод, шёл второй год, как они с Вероникой поженились, он был известным писателем, автором романа «Океанский патруль», о котором появились хорошие отзывы, готовился к выходу исторический роман «Баязет».

По-видимому, эта надпись на книге преследовала его всю жизнь. Объясню почему: во-первых, он не любил тринадцатое число, никогда не начинал в этот день новых произведений; во-вторых, не любил речей и дифирамбов, какие обычно произносятся в торжественные дни. Об этом Валентин говорил в одном интервью: «Не люблю дни рождения, когда пожелания произносятся авансом. А что, если я этот аванс не отдам — стыдно будет. Причём, в день рождения все тебя любят, а потом...» Но, по-моему, главная *причина* — дни рождения чаще всего *выбивали из его творческого процесса*, а на руках у писателя всегда был договор, обязывающий сдать рукопись к намеченному сроку.

И ещё один случай заставляет задуматься, что надпись на книге появилась не случайно. В 1989 году, в день рождения Валентина мы получили авторские экземпляры Воронежского издания романа «Нечистая сила». По установленной традиции Валентин отобрал лучший томик и сделал дарственную надпись: «Тонечке — как всегда с любовью. *В ужасный для нас день. 13,07,1989.* Твой В. Пикуль».

Не правда ли, немного странная надпись для своего дня рождения?

Поражает, как далеко смотрел 31-летний писатель, автор «Океанского патруля», в голове которого вызревали ещё четыре романа? Как беспокоился он о судьбе своей книги, а значит, и библиотеки, пусть не такой богатой, какую он оставил после себя. И как его

мысли спустя 58 лет переплетаются с днём сегодняшним.

Наследие писателя спустя более двух десятков лет после его кончины на родине не востребовано.

Более того, его книги не включены в качестве обязательного чтения в программы учебников школ и вузов. Критики, обслуживающие официозных политиков, всегда относились к нему уничижительно. Или просто замалчивали этого писателя. Это продолжается до сих пор.

Но мне кажется, что на примере биографии и творчества Пикуля можно и должно воспитывать молодое поколение. Посудите сами: в 14 лет принял единственную в своей жизни *присягу* и остался ей верен до конца; в 15 лет встал у штурвала боевого корабля на эсминце «Грозный»;

в 16 лет стал командиром боевого поста; в 17 лет уже демобилизован.

Что оставил после себя Валентин Пикуль?

Уникальную *библиотеку*, в которой большинство книг — раритеты и суперраритеты. На полках библиотеки стоят книги, как солдаты в бою, каждая из них не единожды побывала в руках писателя и использовалась им в работе.

Картотеку исторических лиц, созданную им на основании собственной библиотеки на протяжении всего творческого пути.

Портретную галерею, включающую старинные гравюры, иллюстрации из альбомов, шаржи, портретные зарисовки. Валентин Пикуль не мог писать до тех пор, пока не посмотрит своему герою в лицо. На каждый портрет заведена каталожная карточка в *картотеке портретов*, дающая подробные сведения о той или иной исторической личности.

Десятки планов-«почасовиков» к завершённым и незавершённым произведениям.

За свою короткую жизнь он написал 22 романа, четыре из них двухтомных и 151 историческую миниатюру. Диапазон его творчества простирается от эпохи Ивана Грозного и до событий Великой Отечественной войны.

Книги Валентина Пикуля пронизаны любовью к истории Родины. Всё, о чём писал автор, — он делал по велению сердца, а не по заказу или приказу свыше.

Я — не летописец жизни Валентина Пикуля, а лишь страстный почитатель его творчества. То, что видела собственными глазами, чем была захвачена, что мне дорого. Книга лишена вымыслов и домыслов. Ведь ценность представляют только фактические материалы: дневники, архивы, документы.

Да поймет и простит меня читатель за то, что при написании книги не избежать личной симпатии, любви и гордости за этого человека и писателя.

Примите мою книгу как приглашение к раздумью над далеко ещё не познанной величиной, имя которой — Валентин Саввич Пикуль.

Часть первая. ИСТОКИ

Глава первая. Корни

Валентин Пикуль родился 13 июля 1928 года в Ленинграде.

Мать и отец ждали первенца в Петров день, но судьба распорядилась иначе. Только на исходе второго дня, в сумерки, когда на небе зажигались звёзды, на руках врача появился младенец.

— Родился в рубашке, — сказала акушерка матери, — значит, будет счастливым...

И действительно, звезда, взошедшая на небесном небосклоне 13 июля, оказалась счастливой в недолгой, трудной, но прекрасной жизни Валентина Пикуля.

В Кировском отделении ЗАГС под № 5138 от 30 июля 1928 года указано время и место рождения мальчика. Родители в тот период проживали по адресу: Международный проспект, дом 130, квартира 45.

Пожелтевшая от времени автобиография сообщает нам, что Савва Михайлович (отец Валентина) родился 5 декабря 1901 года в местечке Кагарлык Киевской губернии. В 1909 году пошёл в школу. С 1913 года по 1922-й, до призыва в РККА, совместно с отцом занимался крестьянским хозяйством.

В тот период Кагарлык невозможно было отыскать даже на самых подробных картах; но посёлок быстро рос, развивался и в 1971 году стал городом.

Из истории Кагарлыка известно: после присоединения Правобережной Украины к России Екатерина II подарила Кагарлык (с населением 6615 человек) с его окрестностями государственному деятелю Дмитрию Прокофьевичу Трощинскому, занимавшему при дворе Екатерины Великой должность статс-секретаря. Д. П. Трощинский много сделал в деле благоустройства Кагарлыка: построил Свято-Троицкую

церковь, собрал богатейшую библиотеку, заложил обширный знаменитый парк.

Многие жители Кагарлыка в совсем недавние времена носили фамилию Пикуль и были связаны между собой дальними или близкими родственными связями. Отец Саввы — Михаил Денисович, в начале века занимался хлебопашеством, имел дом, ригу, домашний скот. В 1931 году вступил в колхоз. В семье росло четверо детей. Мать Саввы — Александра умерла от чахотки в 1918 году. В 1922–1926 годах Савва был призван на службу в РККА и проходил её на эсминце «Фридрих Энгельс» Красного Балтийского флота. Во время службы вступил в ряды ВКП(б). Уже тогда у него открылась другая способность: «Отец был наделён прекрасным и сильным голосом. Украинцы — хорошие певуны. Он мог выбрать карьеру певца, как некоторые его сослуживцы, но он пошёл другой дорогой — стал инженером», — рассказывал Валентин об отце в одном из интервью.

После демобилизации с флота Савва Михайлович осел в Ленинграде, устроившись на фабрику «Скороход», где работал и одновременно учился на курсах продотысячников.

На этой же фабрике работала и Мария Константиновна Каренина — уроженка деревни Замостье Псковской губернии. (Так сообщает свидетельство о браке, выданное Мо-сковско-Нарвским районом города Ленинграда.) Судьбе было угодно, чтобы эти два столь непохожих по характеру человека встретились, полюбили друг друга и в 1926 году поженились.

Мать, Мария Константиновна, была полной противоположностью супругу, весёлому и ухажёристому Савве — спокойная, доброжелательная. Выросшая, как и Савва, в деревне, долго не могла привыкнуть к городской жизни: жизнь в деревне

намного человечнее, ближе к земле, к соседям, чем в городе. Сельские жители всегда помогают друг другу.

Работая на фабрике, Савва поступил учиться в Ленинградский инженерно-экономический институт имени В. М. Молотова и в 1935 году его окончил. До 1940 года работал на заводе № 190 (ныне Адмиралтейский завод) в качестве руководителя группы производственного отдела.

Обстановка в это время в мире была напряжённой, в Европе шла война. Стране нужен был боеспособный морской флот.

В это же время на Севере в городе Молотовске (ныне город Северодвинск, переименован в 1957 году), закладывалась новейшая мощная судостроительница. Савва Михайлович попросился на новостройку и с июля 1940 года и до начала войны работал на новой судостроительнице. Валя с матерью приехали к отцу летом 1940 года, где он закончил пятый класс. К этому времени город Молотовск насчитывал уже около 30 тысяч жителей.

В трудовом договоре от 4 июля 1940 года завода № 402 указано, что Савва Михайлович, старший инженер группы ППО, проживал в городе Молотовске по улице Республиканской, дом 36, а с приездом семьи Савва Михайлович получил комнату в новом доме по улице Индустриальной, 36.

В самые трудные для нашей родины дни войны Савва Михайлович добровольно уходит на фронт. Сражается на Беломорской военной флотилии, а с июля 1942 года в районе Сталинграда — в составе четвёртого батальона морской пехоты 42-й отдельной стрелковой бригады, сформированной для защиты Сталинграда из сибиряков и моряков-североморцев. 42-я бригада, где комбригом был Герой Советского Союза Матвей Степанович Батраков, входила в состав 62-й армии.

«26 сентября. Утром бригада Батракова занимала прилегающие к Волге кварталы в районе

Краснознаменной улицы от проспекта Ленина... К обеду немцы прорвались к командному пункту 4-го батальона Жукова, окружили его... Шёл жестокий бой за командный пункт до самой поздней ночи... На набережной Волги сохранилось старое здание Дома пионеров. Здесь размещался штаб батальона Жукова. Это был последний бастион защитников центра Сталинграда.

В результате боя за КП тяжело ранен секретарь партбюро старший политрук Савва Пикуль (скончался) и секретарь бюро ВЛКСМ младший политрук Костя Пучков. В этих боях батальон уничтожил пять танков, истребил несколько сот фашистов...

24 дня и ночи защищала 42-я бригада Сталинград, из них восемь суток сражались непосредственно в городе. Каждый дом, каждый квартал и улица, каждый перекрёсток, каждый клочок земли красивейшего центра сегодняшнего Волгограда пропитаны кровью батраковцев» — так пишет в своей книге «42-я отдельная» Василий Фёдорович Большаков, в прошлом инструктор политотдела 42-й бригады, где сражался Савва Пикуль.

Эту книгу прислал Валентину Пикулю почётный ветеран 42-й отдельной бригады, краевед из Волгограда Николай Сергеевич Попов, который много лет после окончания войны выяснял судьбы однопольчан.

«Бригада Батракова представляла собой великолепный по боевым и человеческим качествам сплав солдат сибиряков и моряков-североморцев... С самого начала 42-я бригада зарекомендовала себя исключительно стойкой. Такой она и вошла в историю Сталинградской битвы...» — писал маршал Н. И. Крылов в своей книге «Сталинградский рубеж».

Имя Саввы Михайловича Пикуля увековечено на Мамаевом кургане в памятных списках, которые

ведутся в форме алфавитной картотеки.

Ратный подвиг Саввы Михайловича Пикуля не забыт и в городе Северодвинске.

На плитах заводского мемориала среди имён 1483 бойцов, не вернувшихся с войны, отлита и его фамилия.

Мир детства

Валентин очень любил отца. Вспоминал одну из первых встреч с ним. Тогда мальчику было около четырёх лет. Мама сказала, что сегодня придёт папа. Отец протягивает к сыну руки, а тот тянется к матери... Савва долго развёртывал подарок, наблюдая за сыном, и когда в его руках оказалась резиновая собачка, Валя сам потянулся к отцу. Наверное, с того самого времени Валя полюбил собак.

Вспоминая о своём детстве, Валентин говорил: «Детство моё прошло без игрушек. Я и сейчас люблю бывать в детских магазинах, где с завистью, слишком запоздалой, люблюсь забавной пестротой...»

Нередко, уходя на работу, родители оставляли мальчика одного. Он играл с тарелками и чашками, расставлял их по комнате и придумывал этим предметам новые роли. Живость ума и наблюдательность мальчика возбуждали его фантазию.

Наряду с отцом и матерью на воспитание Вали благотворно повлияла добрая, но в то же время строгая бабушка — Василиса Минаевна Каренина (псковская крестьянка, по материнской линии уроженка деревни Замостье Порховского уезда).

До войны семья Пикулей жила на Международном проспекте, Обводной канал разделял жилища Пикулей и Карениных, поэтому свидания с бабушкой были ежедневными.

Василиса Минаевна жила в семье Веры Ивановны и Якова Константиновича Карениных. У них росло трое детей — Борис, Виктор и сестра Люся. Бабушка помогала воспитывать всех и по сути была главой семьи.

Проживали они на Мало-Детскосельском проспекте. Валя же был единственным ребёнком в семье, но никогда не чувствовал себя одиноким, так как рос вместе с сестрой и братьями. Все вместе они составляли большую дружную компанию.

Всю эту «ораву» на лето отправляли с бабушкой на её родину в деревню Замостье, а позднее на дачу, которую снимали родители в Мартышкине или Парголове — пригородах Ленинграда.

Особую радость детям в Замостье доставляли церковные праздники. Бабушка пекла вкусный пирог, приходили гости из соседних деревень, молодёжь по деревне водила хороводы, пели песни и исполняли пляски. Но день быстро пролетал, и наступали сумерки. Дети просили зажечь бабушку свет, а она, экономя копейку, говорила:

— Повременим до потёмок, нонеча керосин-то в красных сапожках бегаёт. Дождёмся часу потемнее, тогда и зажжём лампу. — Старая бабушка довольно улыбалась широким добрым лицом.

Лето быстро кончалось, и город вновь поглощал дачников. Жизнь в коммунальной квартире, перенаселённой людьми, была сложной.

Тусклые лампочки мерцали под потолком. В ванную, в туалет занимали очередь.

Отец — мастер на все руки, чтобы заработать денег, мастерил нехитрую мебель на продажу. Смастерил большой стол, за которым Валентин впоследствии напишет все романы и который до сих пор стоит в рижской квартире, храня память об отце.

Василисе Минаевне внуки обязаны тем, что с детства жили в мире старинных песен и сказок, которые она тут же и сочиняла. И каждая, вновь рассказанная ею сказка, казалась им убедительно правдивой. Бабушка в своих сказках редко повторялась, обычно начало было одинаковое, а конец всегда разный, непредсказуемый, но обязательно счастливый.

Как признавался впоследствии писатель, благодаря бабушке у него рано пробудилось и развилось чувство любви к народному русскому языку. Слушая её, он узнавал красоту не всегда понятных ему напевных слов.

С бабушкой можно было поговорить обо всем: она «всё знала и всё понимала — эта необразованная, но такая душевная, чуткая, неграмотная женщина».

Стремление к познаниям у Вали проявилось рано: читать он выучился сам — по кубикам и газетам. В четыре года Валя читал хорошо, а в пять — хорошо и много. Отца это радовало.

Книг в доме было мало. Кроме «Кобзаря» Т. Шевченко на украинском языке, «Истории ВКП(б)» и неизвестно откуда-то «залетевшего» в дом томика Михаила Лермонтова на русском языке, по которому позднее Валя будет учиться складывать рифмы, — ничего в памяти не всплывает.

С каждой зарплаты отец покупал в магазине или газетном киоске очередную книжечку из детской серии «Книжка за книжкой». Так Валя впервые приобщился к классике, прочитав рассказы Тургенева, Мамина-Сибиряка, Л. Толстого.

Отец приучил маленького Валу бережно относиться к книге, не загибать листы, а самое главное — не рвать. Ко всему любопытный, готовый всё в себя впитать и познать, Валя часто спрашивал у отца непонятные слова. Поэтому отец нередко называл сына «почемучкой».

Как самую драгоценную реликвию, которая прошла по жизни вместе с Валентином, хранил сын подарок отца — книгу О. Перовской «Ребята и зверята» с рисунками В. Ватагина, изданную «Детгизом» в 1936 году. На шмуцтитуле надпись: «Подарок моему дорогому Валечке. Пиши почаще, не забывай своего папу. 18.06.1937 г.». В это время отец был призван на флотские курсы, после чего ему присвоили воинское звание.

Желание стать моряком пришло к Вале от отца. Не важно, что Валя пока ещё не видел моря, но слышал много рассказов о нём и даже представлял, что оно намного больше Невы.

С первого по пятый класс Валя учился в образцовой школе № 16 имени академика Павлова, расположенной на Бородинской улице. В школе и во дворе его называли Валькой. Клички за ним никакой не водилось. Из этой школы вышло много замечательных личностей... Наряду со школьными уроками, которые Валя легко постигал, он ходил и в кружок рисования, и на акробатику.

Казалось бы, ничто не омрачало школьные годы мальчика, эту радостную и счастливую пору, хотя и трудную.

Товарищеские отношения складывались легко, со многими мальчиками он имел доверительные дружеские отношения: с Анатолием Беловым, Яшей Гриншпаном, Колей Претро, Юрой Пионтек.

Анатолий Белов совсем неожиданно напомнил о себе. Разыскивая своих друзей-одноклассников, Анатолий Николаевич, подполковник-инженер, прислал из Ярославля Валентину письмо и фотографию, сделанную в 1937 году у Смоленского садика. Вот что он писал: «Очень был бы рад, чтобы на старой фотографии, в верхнем ряду, третий справа были Вы». Да, это был Валя, ученик 3-го класса 16-й образцовой школы, а четвёртый слева мальчик, отмеченный

галочкой, был Толя Белов, с которым Валя часто играл в войну. Тогда это была только игра...

О войне уже много и повсюду говорили. Но никто не предполагал, что война так быстро подойдет к Ленинграду. Зимой 1939 года во время советско-финского конфликта Ленинград стал прифронтовым городом. Днём улицы города были загружены войсками и боевой техникой, ранеными и обмороженными, а ночью город погружался в кромешную тьму, пахло дымом и гарью. В небе гудели самолеты. Было страшно и холодно. СССР несёт большие потери. К счастью, в марте 1940 года военный конфликт был разрешён подписанием мирного договора с Финляндией. Граница от Ленинграда была отодвинута.

Заложенная новая мощная судостроительная верфь на Севере в городе Молотовске требовала новых специалистов.

Закончив на отлично четвёртый класс и попрощавшись с друзьями, Валя с матерью выехали к отцу на новое место жительства.

Что представлял собой Молотовск — этот город-новостройка, Пикуль пишет в своей биографии:

«Рефулёры, деревянные мостки, заключённые, вспышки электросварки, запах карбида и свежей сосны. Чуть выйдешь из города — болото, ещё не зарефулированное, так что лучше не суйся — провалишься».

Город-новостройка покорила его своей суровостью и красотой: здесь было всё не так, как в Ленинграде. Заключённые строили дома. На вечных болотах прокладывали новые улицы, железную дорогу. А самое главное — появились новые друзья, которые, как и он, мечтали стать моряками.

В Доме пионеров на Индустриальной улице успешно работал кружок «Юный моряк», который Валя усердно посещал, где осваивал новые для себя термины. Руководитель кружка во время войны с белофиннами

исполнял обязанности старшины на одном из боевых советских кораблей. А теперь бывший старшина — моряк Николай Иванович Сметанин прививал ребятам любовь к морю, объяснял азы флотской терминологии, рассказывал о типах боевых кораблей, учил вязать морские узлы.

Уже тогда море вошло в жизнь Вали робкой мальчишеской мечтой, чтобы заполнить его жизнь и навсегда остаться в сердце.

О работе кружка писала городская газета «Сталинец» от 26 декабря 1940 года:

«С увлечением и серьёзно занимаются ребята в кружке “Юный моряк” в Доме пионеров, готовясь стать моряками... Многие из них имеют хорошие оценки за отличную успеваемость. Витя Грязнов, Валя Пикуль, Коля Чернов — лучшие кружковцы — готовятся к сдаче норм на значок “Юный моряк”».

Это было самое первое упоминание имени Валентина Пикуля в печати.

В кольце блокады

Закончив пятый класс в Молотовске, Валя с мамой на летние каникулы выехали в Ленинград. Трудно передать словами, какой радостной была встреча с бабушкой, сестричкой Люсей, братом Борей. Но счастье, как всегда, долгим не бывает.

Грянула Великая Отечественная война.

Понятия «детство», «подросток», «война» — вещи несовместимые...

Большинство его друзей эвакуировались из города, но Вале этого сделать не удалось и пришлось в полной мере испытать горькую чашу блокады.

Ленинград 1941 года превратился в крепость. Расклеенные по городу плакаты: «Родина-мать зовёт!»,

«Чем ты помог фронту?» — призывают встать на защиту Родины. А наступление немцев стремительно продолжается. В середине августа немецко-фашистские захватчики взяли Стрельню, Петергоф и вплотную подошли к Ленинграду. Пропаганда Геббельса, подбадривая своих солдат, писала: «Немцы прошли всю Европу, пройдут и эти десять километров до резиденции русских царей».

8 сентября 1941 года кольцо блокады замкнулось. Валя с родными оказались в блокадном городе. Вчерашний школьник-пятиклассник шагнул во взрослую жизнь, встав в ряды защитников города.

О том страшном времени Валентин вспоминал: «Как и все ленинградские дети, я дежурил на чердаках, совал в бочки с водой брызжущие фосфором немецкие зажигалки. Пережил “глад” и “хлад” блокады, ещё по-детски, не сознавая, что всё виденное и испытанное уже становится историей».

Наступила самая страшная в жизни ленинградцев блокадная зима. Морозы доходили до минус сорока градусов. Начался голод. В результате интенсивной бомбёжки загорелись Бадаевские склады, где в мирное время хранилось продовольствие. Сахарную пыль разносило ветром, и она оседала на дома, на землю. Земля под складами впитала в себя сожжённый сахар, блокадники собирали её и варили. Из неё получался пахучий сладковатый напиток чёрного цвета, который и пили как чай вместе с пайкой липкого, как глина, суррогатного хлеба. Продавали вещи, обменивая их на кусок хлеба, ели всё, что можно было разжевать.

Ввели хлебные карточки. Мать часто посылала Валентина за куском хлеба, который входил в паёк. «За хлебом очередь занимали с ночи, чтобы сразу после открытия получить его. Хлеб выкупали на день вперед, — на больший промежуток времени не давали. Однажды, у нас на глазах, произошёл страшный случай.

Обезумевший от голода мужчина схватил с весов чужую пайку и быстро стал запихивать её в рот. Его били, но хлеб отнять не смогли, он упал, доедая хлеб, и мгновенно затих», — вспоминает двоюродная сестра Валентина Людмила Каренина-Колоярцева, пережившая блокаду.

Как к святыне прикасался каждый раз Валентин к буханке хлеба и в мирное, уже обеспеченное время.

— В народе существует примета — нельзя так хлеб класть, иначе его в доме не будет. А это страшно, — часто говорил мне Валентин, когда я небрежно клала хлеб.

Отопление не работало, спали, прижавшись друг к другу, чтобы согреться.

Руки мёрзли даже в рукавицах, а ноги — в валенках. Квартира напоминала своего рода «ледяной дом».

Пока были силы, Валя часто ходил на Клинский рынок, который находился поблизости — стоило только перейти через дорогу, на котором продавцов было больше, чем покупателей. Однажды увидел холодец фиолетового цвета, стоявший рядом с ним человек сказал: «Это — из человечины».

(Зимой 1942 года умрут от дистрофии бабушка, дедушка и двоюродный братик Валентина.)

Город слабел с каждым днём, казалось, что не выживет. Но ленинградцы не только выживали, а стар и млад трудились по 12–14 часов в сутки, приближая день победы.

И днём и ночью нутужно воют сирены. Постоянно слышится свист пикирующих бомбардировщиков. По радио объявляют — всем в бомбоубежище. Но даже в этом далёком подземелье слышно, как бьют наши зенитки.

Работница бомбоубежища пересчитывает людей и записывает в какой-то блокнот. Это на тот случай, если вдруг в бомбоубежище попадёт бомба и люди будут

засыпаны... Выходя из бомбоубежища, Валя подобрал листок, который заметало снегом. Это была листовка Гитлера: «Если вы думаете, что сможете защитить Ленинград, то вы глубоко ошибаетесь. Сопrotивляясь войскам нашего фюрера, вы погибнете под развалинами Ленинграда, под ураганом наших бомб и снарядов. Мы сравняем ваш Ленинград с землёй, а Кронштадт — с водою... Такова воля фюрера!..»

При очередном налёте в дом, где жили Пикули по Международному проспекту, попала бомба. Совсем близко мощный взрыв о землю потряс стены дома Пикулей, за ним последовал второй. Вторая бомба прошла через соседний подъезд и вырвала из-под их квартиры на первом этаже пивную. Квартира Пикулей, как говорил Валентин, как бы «повисла в воздухе», цепляясь за перекрытия. Об этом страшном эпизоде впоследствии Валентин напишет:

«Наша квартира вдруг наполнилась пылью, и стало нечем дышать. Дверь заклинило. Когда её выбили, первым человеком, кого увидели, была соседка. Она несла на руках мёртвую девочку. Лестница была залита кровью. Я удивился этой жуткой тишине, но тут из ушей словно выпали заглушки: со всех сторон обрушились стоны, крики отчаяния».

Валентин с матерью переехали к бабушке на Мало-Детскосельский проспект. Это была огромная коммунальная квартира, где жило около десятка многодетных семей. В зимние месяцы был жуткий холод, и, чтобы не замёрзнуть, все обитатели многонаселённой квартиры жили в одной комнате брата матери Якова Константиновича Каренина — так было теплее и надёжнее. Валя спал на столе, сработанном отцом, с другом Лёней Тепляковым, и стол спасал их от холода, как надёжная кровать.

Марию Константиновну и Валю беспокоило молчание Саввы Михайловича. С самого начала войны

от него не было никакой весточки. Но в один из дней, когда больше всего думали, как выжить, — свершилось чудо: какой-то человек в кителе флотском вручил Марии Константиновне письмо от мужа. Тогда-то все родственники и соседи узнали, что Савва Михайлович добровольцем ушёл на фронт, и воюет в Беломорской военной флотилии, главная база которой находится в Архангельске.

В начале января 1942 года начался прорыв блокады. В городе на Неве слышался постоянный непрерывный грохот артиллерии. В результате совместной операции, которая проводилась под кодовым названием «Искра», войска Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов при содействии артиллерии и авиации, преодолев укрепленную оборону врага, соединились. 27 января 1942 года блокада была прорвана.

Открылась спасительница блокадников — «Дорога жизни».

«История Ладужской трассы — это поэма о мужестве, настойчивости и стойкости советских людей», — писала газета «Правда».

Из блокадного Ленинграда Валя с матерью вырвались к отцу весной 1942 года. Ехали в открытых машинах — полуторках, которые были перегружены. Впереди шедшая машина попала в полынью и ушла под лёд. Валентину с матерью повезло: они миновали сей страшной участи.

Начальным пунктом трудной ледовой трассы была выбрана деревня Кабона — старинное рыбацкое село, известное в летописях ещё с XV века.

Через это легендарное село шло снабжение блокадного Ленинграда продовольствием, оружием и медикаментами.

Здесь, на станции Кабона, блокадников впервые покормили. Многие из них так и не встали из-за стола...

Валя с матерью с трудом добрались до Архангельска, где воевал отец.

Позади остались взрывы бомб и артиллерийских снарядов, ночные зарева пожаров и пайка в 125 граммов хлеба на целые сутки.

Подвиг «Дороги жизни» не забыт. После войны на берегу Староладожского канала, вблизи селения Кабона открыли гранитный обелиск, на котором высечены слова: «Через Кабону шла “Дорога жизни”. Она, прорвав фашистскую блокаду, соединила сердце Ленинграда с родной Москвой с Советской отчизной. 1941-1943».

Вечная память всем ленинградцам, не дожившим до светлого дня Победы. Каждый из ленинградцев был герой и патриот своего города.

Уже в зрелом возрасте, имея награды, Валентин больше всего гордился медалью «За оборону Ленинграда» под № 11684.

Глава вторая. «Вставай, страна огромная»

В «ребячьей академии»

Мальчишки и девчонки военных лет... Моряки, партизаны, связисты, разведчики, медсёстры. Как много они сделали для нашей победы, и как скудно отблагодарила их подвиги наша литература. Она в большом долгу перед юными участниками войны — теперь уже давно седыми ветеранами, многие из которых ушли в мир иной.

Среди них был и Валя Пикуль.

Савва Михайлович, встретившись с сыном, с трудом узнал его: бледен, глаза горят, худой — кожа да кости — в чём только душа держится!

Поселился Валентин с матерью в каком-то заброшенном домике — в пригороде Архангельска, на знаменитом острове Соломбала, откуда начинали свои морские пути Чичагов, Лазарев, Русанов, Седов и многие другие знаменитые мореплаватели.

Эта старейшая судоверфь России, заложенная на острове Соломбала самим Петром Великим в 1693 году, являлась в те далёкие времена единственным морским портом России.

1942 год... Фронт растянулся от Чёрного до Баренцева моря. Врагу стен Ленинграда, Сталинграда, в Крыму. Страна несёт огромные потери в живой силе и технике. Павших на полях сражений и в морях должны заменить молодые специалисты.

По приказу комиссара Военно-морского флота адмирала Николая Герасимовича Кузнецова под № 108 от 25 мая 1942 года на Соловецких островах была

создана Школа юнг — самая молодая воинская часть № 30835.

«В целях создания кадров будущих специалистов флота высшей квалификации, требующих длительного обучения и практического плавания на кораблях ВМФ, приказываю:

1. К 1 августа 1942 года сформировать при учебном отряде СФ школу юнг ВМФ со штатной численностью переменного состава 1500 человек, с дислокацией на Соловецких островах.

2. Школу укомплектовать юношами комсомольцами и не комсомольцами в возрасте 15-16 лет, имеющими образование в объеме 6-7 классов, исключительно *добровольцами*».

Тысячи мальчишеских сердец с пионерскими галстуками и комсомольскими значками взволновал приказ комиссара ВМФ.

Работники комсомола не всегда могли удовлетворить просьбы всех желающих стать моряками. Большинство мальчишек, ставших юнгами, ушли со школьной скамьи, но были и такие, которые уже испытали все «прелести» взрослой жизни, придя из партизанских отрядов и от заводских станков. Многим из них отказывали, тогда самые отчаянные пытались бежать...

К беглецам в Школу юнг присоединился и Валя Пикуль, и, чтобы его приняли, он прибавил себе год.

В день своего четырнадцатилетия Валентин, ещё не оправившись от блокады, больной цингой, брёл неторопливым шагом по берегу речушки Курьи и вспоминал рассказ старшины Н. И. Сметанина об истории судоверфи в Соломбале. Неожиданно его внимание привлекла группа подростков, примерно возраста Вали, может быть, чуть постарше, шагавших строем в сторону полуэкипажа.

— Кто вы такие? — крикнул им Валентин.

— Юнги, — ответили те. У Валентина в душе всё перевернулось. И откуда только взялись силы у цинготного мальчишки? Бегом домой. Схватил со стола две тетради по морскому делу из кружка «Юный моряк» и бросился вслед за строем. Именно эти тетради сыграли решающую роль в биографии подростка при определении дальнейшей судьбы!

Всё решилось на собеседовании в приёмной комиссии, перед которой Валя разложил свои «сочинения» по морскому делу и почти скороговоркой выкрикнул названия всех 32 румбов компасной картушки.

Учитывая хорошие знания Валентина по морскому делу, комиссия сделала для него исключение и зачислила в Школу юнг с пятью классами образования.

Так Валя стал юнгой. Получил форму. И совсем не страшно, что роба была ниже коленей, а брюки он стягивал ремнем под мышками...

Бросив вызов судьбе, среди чужих людей, ставших для него родной семьёй, Валя сделал решительный шаг по пути осуществления мечты — стать моряком.

Отец быстро отыскал беглеца, пришёл с сыном попрощаться. Положение на фронтах летом 1942 года было угрожающим, и Савва Михайлович в составе морской пехоты добровольцем уходил под Сталинград. Внешне отец был спокоен и в душе одобрял самостоятельность и ответственность поступка сына. Он не подозревал, что видятся они в последний раз.

На перроне в Архангельске, перед отправкой под Сталинград, его сослуживцы говорили Марии Константиновне: «Вы не волнуйтесь, мы постоим за нашего комиссара, мы сбережём его!»...

От Саввы Михайловича с фронта было несколько писем, в которых он сообщал о своих сослуживцах и просил Марию Константиновну известить знакомых жён, ждавших мужей в Архангельске.

А в это время будущих юнг перед отправкой из Солом-балы построили и командир произнёс хорошо запомнившуюся каждому подростку речь.

— Вы отправляетесь на Соловки. Там будет трудно, особенно в первое время, потому что ничего готового для вас нет. Вам самим придётся строить школу и оборудовать классы. Все ли из вас готовы преодолеть такие трудности? Ещё не поздно передумать и остаться. Кто решил не ехать — два шага вперёд! — Из строя никто не вышел.

2 августа 1942 года на госпитальном судне подростков отправили на Соловки.

Соловки... даже при их упоминании сколько картин встаёт перед глазами...

«Полтысячи лет назад на островах Соловецкого архипелага высадились первые русские люди. Это были новгород-цы-монахи. Они заложили обитель, ставшую потом столь прославленной». Монахи построили дороги, выкопали каналы, соединили ими озёра...

А сейчас перед глазами юношей возник силуэт величественного Соловецкого кремля с многочисленными башнями и бойницами, расположенными в крепостных стенах. На своём веку многое повидал Соловецкий кремль. Многими историями и легендами овеяны его стены.

Эти стены в 1611 году выдержали длительную осаду шведов и осаду английской эскадры в войне 1853–1856 годов. Во время Крымской войны британские офицеры требовали у монахов продать им мяса и получили отказ. Шла война. На том месте, где шли переговоры, лежит огромный камень, который называли «Переговорным». Этот камень облюбовали юнгаши, влезая на него, чтобы осматривать дальние горизонты.

Создавая Школу юнг на Соловках, командование рассчитывало максимально изолировать мальчишек от

реальной жизни и войны. Но жизнь большого мира проникала на Соловки и через толстые стены.

«В результате отступления советских войск в руки врага попал Донбасс, создалась угроза потери Кубани и Северного Кавказа и выхода противника к Волге».

В это время юнгам зачитали суровый приказ народного комиссара обороны СССР И. В. Сталина под № 227 от 28 июля 1942 года, который не был секретным, но в печати не публиковался.

«...Отныне железным законом для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования». Во время чтения приказа, как вспоминал Валентин, «по коже ползли мурашки. Было страшно. Сразу мы все как-то повзрослели, стали серьезнее относиться к учёбе и друг к другу».

Этот жестокий приказ Сталина сыграл решающую роль в победе. Немцам оставалось пройти 200 метров до Волги, но они так и не смогли их преодолеть. В Сталинградском котле оказалось около 330 тысяч немцев, итальянцев, румын — 22 дивизии.

7 августа было определено место строительства Школы юнг в глубине острова в посёлке Савватьево, в 12 верстах от Кремля.

От прежних обитателей скита сохранились два двухэтажных корпуса и полуразрушенное здание храма Богородицы Одигитрии. Под самой крышей одного из зданий висел щит с непонятной надписью: «С.Л.О.Н.». Валентин с любопытством обратился к старшему лейтенанту:

— Объясните, пожалуйста, что обозначает эта надпись?

— Расшифровать эти четыре буквы очень просто: «Соловецкий лагерь особого назначения», — сюда ссылали преступников...

Один корпус в Савватьево приспособили для классов, в другом — штаб для школы, где разместился преподавательский состав.

В эту суровую пору жизни Валентину, да и всем юнгам повезло: на их пути встретились прекрасные люди, наставники — капитан 1 ранга Николай Юрьевич Авраамов, начальник Школы юнг и комиссар школы, капитан 3 ранга Сергей Сергеевич Шахов.

Николай Юрьевич, потомственный морской офицер, в годы Русско-японской войны служил на крейсере «Громовой», за участие в войне был награждён орденами: Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом. Отважный офицер царского флота добровольно принял Октябрьскую революцию, а в годы Гражданской войны был награждён орденом Красного Знамени. Перед войной Н. Ю. Авраамов был начальником кафедры высшего военно-морского училища им. Ф. Э. Дзержинского.

С началом войны Авраамов командует Чудской военной флотилией.

В очерке о Н. Ю. Авраамове Валентин описывает свою первую встречу с начальником Школы юнг:

«От командного дома, в окружении офицеров, шагает к нам какой-то дяденька в кожаном пальто (погон тогда ещё не носили). Подходит ближе, и...как я понимаю сейчас, внешность этого человека не была отталкивающей. Но было что-то удивительно мрачное во всём его облике. Глаза его ярко горели. Не знаю, что испытывали мои товарищи, но я при этом мелко вибрировал...

Именно этот человек оказался добрым, справедливым, всё понимающим педагогом. Уже на следующий день Авраамов прошёлся по нашим «камерам», поговорил с нами, и мы — галдящей оравой! — сразу потянулись к нему, как к отцу

родному... Особое уважение вызывал и тот факт, что по его книгам («Рулевое дело») юнги учились и ему же отвечали на занятиях. Иногда даже трудно было представить, что перед тобой сидит живой автор, всё знающий и понимающий. Не знать материала или отвечать ему плохо было просто стыдно. Уж не с того ли времени мне захотелось стать писателем?»

Позднее в повести «Мальчики с бантиками» Пикуль напишет: «Юношество должно соприкасаться не только с ровесниками, а иметь друзей по возрасту, годящихся в отцы. Зрелый человек вовремя одёрнет, удержит от ненужных поступков».

Такую огромную воспитательную роль сыграл в жизни Валентина Николай Юрьевич Авраамов, по сути дела, заменивший ему отца...

Сергей Сергеевич Шахов, в ту пору капитан 3 ранга, инспектор Политуправления Северного флота, получает назначение на новое место службы. Начальник политотдела Учебного отряда на Соловках полковник Василий Максимович Гришанов ввёл прибывшего комиссара в курс предстоящей воспитательной работы: «Мальчишки к нам приходят горячие. Неудержимо стремятся в бой, но многого пока не понимают и не умеют. Пусти их сразу воевать, наломают дров да ещё погибнут по глупости. Наша задача — сохранить у них высокий патриотический подъём, боевой дух и научить бить врага без промаха. Нужно добиться, чтобы наша школа стала своеобразной *“Ребьячьей академией”* для подготовки их службы на кораблях. Это важнейшая политическая задача. От того, как мы её решим, зависит многое. И, прежде всего, будущее ребят. Желаю успеха».

Начались суровые будни комиссара в Школе юнг. На Соловках пришлось начинать всё с нуля.

Юнги разбили для себя палатки, жили по 13–15 человек в каждой. Сначала спали на нарах, на сосновых

лапах, потом на матрасах, набитых морской травой. В этих трудных условиях юнги корчевали пни, валили лес, ворочали камни, строили жильё, служебные помещения, оборудовали учебные кабинеты, по сути дела, своими руками создавали школу. А на всю школу имелись только газик-полу-торка и одна лошадь по кличке Бутылка. Большую часть строительного материала подростки таскали на своих плечах. Болели руки от тяжёлой работы, но юнгаши не сдавались. Они знали, что на фронте будет ещё труднее, поэтому необходимо осваивать выбранную специальность, ведь их ждут на кораблях.

1 сентября 1942 года начался учебный год. Строительство школы продолжалось усиленными темпами — приближались холода. А юнги всё ещё жили в палатках, обедали под открытым небом.

Выдержки из дневника юнги Павла Яшина возвращают нас в страшную пору военной действительности:

«13 октября 1942 года. Выпал первый снег... Идёт дождь или снег и вместе со снежинками и каплями дождя подносишь ложку с супом ко рту...Ноги замёрзли, сам дрожишь, как мокрая курица, а согреться негде...

4 ноября. Начали учиться по-настоящему, чего я очень долго ждал...

Опять началась обыкновенная школьная жизнь: те же уроки, классы, перемены.

23 ноября. Теперь живём в новых построенных кубриках... В палатках пришлось жить очень долго. Утром все покрывалось инеем, начались заморозки, не хотелось вылезать из-под одеяла...

25 ноября. Вместо уроков по радиоприёму будут уроки математики. Преподаватель распределил материал так, что всю математику мы должны пройти

за декабрь. В начале января будут зачёты. Сейчас очень много приходится заниматься.

Изобрели новый способ освещения. Ну, чего только эти юнги не придумают! В чернильницу положили сапожной мази (мазь на рыбьем жире. — А. П.), окунули фитиль, и полученный источник света прекрасно горит, только много копоти. Такие коптилки горят во всех уголках кубрика».

В ноябре были оборудованы кубрики-землянки, и школа зажила полноценной учебной жизнью, со своим распорядком дня.

В результате “тюрьма” была переоборудована в учебный класс, где юнги осваивали профессию рулевых, электриков, мотористов, боцманов: радисты изучали устройство разных типов приёмников, передатчиков, азбуку Морзе. Рулевые занимались прокладкой курсов кораблю, определением его местонахождения в открытом море. Боцманы учились управлять шлюпкой, сращивать тросы, вязать морские узлы, серьёзно занимались изучением сигнального дела. Все юнги проходили практику по военно-морскому делу. Ребята выходили в море на шлюпках под парусами и на вёслах. С их ладоней не сходили кровавые мозоли от вёсел. Но всё делали сами, некого было звать на помощь» — так писал о строительстве Школы юнг её комиссар Сергей Сергеевич Шахов.

Не забывало командование о закалке молодежи и физической подготовке. С утра зарядка, затем пробежка на 5 километров, занятия, самоподготовка, несение караульной службы. Добавим к этому — постоянные боевые тревоги — и днём и ночью, ведь линия фронта проходила совсем рядом.

Умывались юнги в проруби на озере, там же и стирали.

Валентин отлично помнил «баню» на берегу озера: 25 юнг качали пожарную машину, нагнетая воду из

озера (и это в октябре — ноябре месяце!), а 25 юнг «корчились» под душем по колено в ледяной воде в каменном склепе часовни.

Как сообщили ему юнги-ветераны, побывавшие на Соловках, их «баня» — часовня ещё была на месте и в 1972-м и в 1975 годах. А в котлованах бывших землянок уже шумел лес.

В первое время Валентину было всего трудней освоиться в Школе юнг. Он был небольшого роста, моложе всех по возрасту, у него не было друзей: дружили друг с другом в основном земляки. У него же земляков было мало. Наверное, в этом повинна блокада. Какое-то время он чувствовал себя отрезанным ломтем. После блокады был слаб, болели ноги, шатались зубы, кровоточили дёсны.

Физическая слабость всегда унижает мальчика в глазах сверстников. Кое-кто из семнадцатилетних парней попытался подшутить над цинготным блокадным мальчишкой, но у Вали нашлись хорошие покровители и друзья в лице Джека Баранова и Петра Царькова. Однако это длилось недолго, пока не образовался спаянный коллектив подростков, носящий имя — Школа юнг.

В 14 лет Валентин Пикуль принял присягу, без всяких скидок на малолетство.

Принятие присяги было приурочено к 25-й годовщине Великой Октябрьской революции и стало огромным событием, оставившим глубокий след на всю жизнь. «Сегодня смотришь иной раз по телевизору, как принимают присягу. Родители приезжают, оркестр исполняет праздничный туш. Ничего этого у нас не было. Застывший лес, шинель не по размеру, ботинки разваливающиеся, руки без перчаток. И вот берёшь рукавом винтовку ледяную, промёрзшую и даешь присягу. Вроде буднично, не романтично, даже грубо

как-то. Но всё это нами было до глубины души прочувствовано.

Присяга давалась в сложных условиях, и никакой папа, никакая мама, никакая бабушка не смотрели на нас в этот момент. Мы были наедине друг с другом — мы и присяга. И хором мы текст присяги не читали. Каждый произносил присягу сам. И этой *единственной в жизни клятве я верен и по сей день*», — говорил Валентин в одном из интервью.

Согласно положению о юнгах ВМФ со времени принятия присяги на них полностью распространялся Дисциплинарный устав ВМФ.

В условиях войны много разговоров было о боевых действиях, сводках с фронта, который проходил рядом, о коварном враге. Никто из юнг в глаза фашистов не видел, но их присутствие на островах явно ощущалось. А что враг находится поблизости, совсем рядом, неожиданно почувствовал и Валентин. 3 декабря он заступил на пост по охране склада боеприпасов, который размещался в самой отдалённой землянке, с учебной винтовкой. Ему пришлось нести самую трудную вахту, которую моряки называют — «собакой»: с 00 до 4.00 часов утра. Днём снег чуть-чуть припорошил землю, стоял мороз. Перчаток не было, руки по очереди отогревал в рукавах.

И вдруг поблизости треснула сломанная ветка, юнга уловил шорохи шагов и почувствовал присутствие человека.

Валентин поближе придвинулся к двери склада с оружием, своим телом прикрывая её.

Но что-то, видимо, спугнуло диверсанта или нарушило его планы. Он выпустил зелёную ракету и исчез. Почему диверсант ушёл, оставив на снегу свои следы, для руководства школы так и осталось загадкой.

Каждый день юнги не только постигали азы своей специальности, но и заготавливали дрова, валили лес

для строительства камбуза, складских помещений.

«15-16 декабря рота рулевых валила лес, — рассказывал друг Валентина Джек Баранов и очевидец событий. — Было очень холодно. Отогревались по очереди у большого костра. Мы с Вале́й лежали напротив друг друга по разные стороны костра. И тут случилось непредвиденное: подрубленная ель вопреки всем прогнозам, ветвями упала на костер, одновременно накрыв верхушкой Валентина. Пока он выбирался из “горящего плена”, на нём загорелась телогрейка и шапка. Пикуля госпитализировали с ожогами в госпиталь».

Несмотря на постоянные боли, госпиталь показался Вале раем. Здесь к нему пришла первая любовь — чистая и нежная — к медсестре с белым монашеским клобуком на голове. Он радовался улыбке медсестры, подолгу простаивал около её стола: счастливый влюблённый рассчитывал на ответное чувство, но... Заметив пристальное внимание юнги к сестре, лечащий врач перевёл Валентина в палату к тяжелобольным лётчикам. После выписки из госпиталя Валентин в течение нескольких месяцев пытался «подсластить» свою любовь. Приносил Гале свой месячный сахарный паёк. Сахар она принимала, а о любви — ни слова.

Однажды друг увидел Галю вдвоём с мужчиной. Валентин набрался храбрости и решил выяснить отношения. От Гали он узнал, что она замужем и у неё есть ребёнок. Вспоминая свою молодость, Пикуль обычно шутил: «Моя первая “сахарная” любовь быстро растворилась».

Первый учебный год принёс много знаний и много трудностей. Занятия шли по десять — двенадцать часов в сутки. Юнг готовили как старшин, без скидок, давая им самую сложную теорию.

Валентин учился в пятой роте по классу рулевых. Знания, полученные в кружке «Юный моряк», как

сигналы, внезапно всплывали из глубины памяти на поверхность, и с поразительной точностью и ясностью Валя отвечал на любой сложный вопрос преподавателя.

«Худое и бледное лицо Вали всегда преображалось на занятиях по “Морскому делу” и “Мореходным инструментам”. И в первую очередь поражала его исключительная память... В предмете “Набор корабля” нужно было перечислить сотни названий рангоута и такелажа — от кия до клотика, причём вся терминология была на английском и голландском языках.

Валя это делал без ошибок, мастерски, с каким-то шиком, блеском, с чистым акцентированием слов. Этот эффект положительно действовал на нас, и я невольно старался ему подражать. На первой же лекции по теории гирокомпаса, которую вёл мичман Сайгин, Валентин был буквально потрясён и увлёт меня. Первое, что он сделал — взял книги по теории и устройству гирокомпаса “Аншютц”. Валя объяснил мне, чтобы запомнить и лучше знать материал, необходимо конспектировать. Слово “конспектировать” было для меня новое, незнакомое, смысла его я не знал и, недолго думая, из толстенной книги по теории гирокомпасов начал переписывать в тетрадь всё подряд, не пропуская знаков препинания. Через несколько напряжённых «творческих» часов этой адской работы Валентин подошёл ко мне, посмотрел, покачал головой, хмыкнул и спросил: “Ты что делаешь?”

Отвечаю: “Конспектирую”.

— Нет, — говорит он, — это делается не так. — Я видел, как отец работает с книгой, готовясь к политзанятиям, выделяя основной смысл в конспекте» — так писал о занятиях в школе юнг Джек Баранов.

Роль первого ученика не только выделяет, но часто и отгораживает его от товарищей. Но с Валентином этого не произошло. Многие юнги, видя отличное

знание Валентином морского дела, стали обращаться к нему за помощью: объяснить непонятные трудные вопросы. На глазах вырос авторитет Валентина среди юнг.

Начало 1943 года было встречено несколькими радостными событиями. Для поднятия дисциплины и морального духа курсантов в школе юнг ввели ленточки и погоны.

Погоны представляли собой чёрные квадраты, на которых была отштампована буква «Ю». Одновременно с погонами на бескозырке крепилась ленточка с надписью золотом «Школа Юнгов ВМФ» с правого бока с бантиком. Погоны радовали глаз, но как поступить с ленточкой? Валентин долго колдовал над ней, пока прикрепил как нужно. Так юнги стали мальчиками с бантиками.

Годы учёбы в Школе юнг найдут позже отражение в повести Валентина «Мальчики с бантиками».

Второе радостное новогоднее событие — в кубрике зажглись электрические лампочки. Как сразу стало светло и прекрасно!

И третья радостная новость тоже коснулась каждого юнга. На проверке командир роты рулевых старший лейтенант Кравченко зачитал приказ, что отныне юнгам будет выплачиваться денежное довольствие. 28 января 1943 года Валентин получил первую в своей жизни получку в размере 8 рублей 50 копеек. Деньги невелики, но и тратить их было негде и не на что.

Чтобы как-то приблизить победу, помочь Родине в тяжёлые годы войны, юнги и педагоги собрали деньги на постройку торпедного катера. В письме на имя Верховного главнокомандующего они просили дать катеру гордое имя «Юнга».

21 апреля 1943 года на имя Аврамова (копия Шахову) пришла ответная правительственная

телеграмма такого содержания:

«Передайте юнгам, собравшим 160 тысяч рублей и сорок облигациями на постройку торпедного катера, мой привет и благодарность Красной Армии.

Желание юнг будет исполнено. Иосиф Сталин».

Валентин часто вспоминал разные курьёзные случаи, каких было немало во время учёбы на Соловках. Об одном из них он прочитал в корреспонденции К. Подыма и долго смеялся. Школу юнг часто посещали руководители высшего состава ВМФ — адмирал А. Г. Головкин, контр-адмирал А. А. Николаев, генерал-майор Н. А. Торик и начальник учебного отряда генерал-майор Броневицкий.

Но я забежала вперёд. Вернёмся в начало 1943 года.

Весь январь шли экзамены и зачёты. Больше всего юнга Пикуль боялся математики. 13 января этого года Фортуна улыбнулась ему — получил «отлично». Впереди «морская практика», «электротехника» — его любимые предметы, в успехе которых он не сомневался.

Ко дню рождения Красной армии силами художественной самодеятельности школы дали концерт. Во время чтения приказа Валентин услышал и свою фамилию — за отличные успехи ему была объявлена благодарность.

Своей образцовой службой и отличной учёбой Валентин доказал, что он имеет право стать комсомольцем раньше положенного срока. Впрочем, и разрешение носить оружие он тоже получил задолго до своего совершеннолетия.

В апреле сданы полугодовые экзамены на одни «пятерки». Это радовало Валентина. Но радость была омрачена. В один из дней, когда юнги шагали строем с камбуза, его подозвал Сергей Сергеевич Шахов. Что-то случилось, подумалось Валентину. «Сынок, ты уже взрослый военный человек, принял присягу и скоро станешь бойцом. Мужайся, юнга. К нам пришло

сообщение, что твой отец погиб смертью храбрых — под Сталинградом. Ты — военный человек и должен встать в строй вместо отца», — сказал комиссар.

Сердце будто оборвалось, ноги подкосились, с трудом добрёл он до кубрика. Слезы душили горло. Джек Баранов, как мог, поддерживал и успокаивал друга. Валентин сразу как-то повзрослел, не по годам стал серьёзным и взрослым.

С наступлением тёплых солнечных дней в класс рулевых заглянул Н. Ю. Авраамов.

— На следующей неделе, — пойдём в море, где будем учиться управлять шлюпкой под парусами. — Вы заглянете в бездну моря! — закончил командир свою речь.

Валентин не спал ночами, постоянно размышляя: как же он сможет заглянуть в бездну моря, если совсем не умеет плавать? Море — это как бесконечное воздушное пространство, которое оно отражает в своих водах.

Наступила ночь, хотя ночь на Соловках больше похожа на сумерки. Проворочавшись и обдумывая свой план действий, юнга, пока все спали, вышел на воздух. Дорога его пролегла к озеру. Выбрав укромное местечко, он присел на камень, размышляя о том, что если с ним что-то случится — помощи ждать неоткуда. Он даже Джеку Баранову не сказал о своих планах: было стыдно перед другом, что он, выросший в Ленинграде, не умеет плавать.

Набрав полные лёгкие воздуха, он, не раздумывая, с разбега нырнул. Вода была чистая, прозрачная, но чем глубже он погружался, тем больше наступали сумерки. В висках стучало: пора возвращаться. И только он подумал об этом, как какая-то неведомая сила подтолкнула его и вынесла на поверхность. Валя стал усиленно работать руками и ногами. И свершилось чудо: берег приближался. Страх и неуверенность в себе

— тоже отошли на второй план. Выбравшись на берег, Валя приник к земле, раскинул руки. И небо высоко сияло над ним... Юнга был счастлив.

23 июня состоялся дальний поход в море под парусами. С утра погода стояла жаркая, безветренная, но откуда ни возьмись, к полудню налетели буйные порывы ветра, за ним — тучи, и море сильно заштормило. С каждой секундой усиливающийся ветер, казалось, порвёт паруса.

Волна за волной бросала шлюпку в бездну моря, а старый моряк только командовал юнгам, что нужно делать — и море подчинялось ему. Полсуток сражались они со стихией моря. И победили. Измученные, но довольные возвращались из похода.

В Школе юнг учили в первую очередь профессии, но не только. Воспитание характера и порядка шло ненавязчиво и постоянно, на примерах. В выходные и редкие праздничные дни устраивались соревнования, концерты, выступления собственных поэтов.

А ещё в Школе юнг учили быстро есть. Дежурный по камбузу часто предупреждал, о том, что идёт жестокая война, чтобы выжить и победить врага, нужна сноровка, быстрота соображений и действий. «Флотский камбуз — это не харчевня для извозчиков, где любят поговорить, надо научиться есть быстро — это на кораблях пригодится, в противном случае можете остаться без еды».

Валентин со времен юности и до последних дней своих пил только несладкий чай. Привычка давняя...

А испытания для юнг продолжались. С наступлением лета участились пожары — работали диверсанты. Порой прямо во время лекции раздавалась команда — тушить пожар, и все мигом мчались к назначенному месту. 2 июля за тушение пожара Пикуль получил благодарность. Более страшную диверсию совершили враги, отравив воду в озере, которое

служило питьевым источником. Но диверсанты просчитались: озёра, вырытые монахами, сообщались между собой, и это спасло юнг от отравления.

Стремительно приближалась осень. Начались зачёты и экзамены.

Валентин получил специальность рулевого сигнальщика по первому классу и окончил Школу юнг с отличием.

13 сентября прибыли юнги 2-го набора. Юнгаши первого набора смотрели на них и удивлялись: неужели и они были когда-то такими. Все юнги первого набора в этот период жили одной мечтой — быстрее встретиться с родными: у каждого из них впереди был отпуск. Но наступило 22 сентября — этот день принёс невеселую весть и перечеркнул все мечты. Юнгам зачитали приказ наркома ВМФ о том, что первому набору юнг отпуск отменен ввиду недостатка специалистов на флоте.

Первый выпуск Школы юнг состоялся в срок. За год ребята возмужали, овладели флотскими специальностями. Наступило долгожданное время распределения по флотам. Большинство юнг стремились попасть на Черноморский и Балтийский флоты, мало было желающих идти на Тихоокеанский и Северный.

Валентину, как отличнику, было предоставлено право выбора флота.

Стоя перед комиссией по распределению, он произнес:

— Прошу записать меня на Северный флот и направить на эсминец.

Приёмная комиссия удовлетворила его просьбу.

Начальник школы зачитал приказ народного комиссара Военно-морского флота о распределении юнг на флоты и флотилии. Каждому юнге было вручено свидетельство об окончании школы и характеристика.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

«*Пикуль Валентин Савович* (так написано в свидетельстве. — *А. П.*) окончил полный теоретический курс школы по специальности рулевого и выпущен по первому разряду, выполнил все требования, предъявленные программами по нижеследующим предметам:

Служба погоды, мореходные инструменты, кораблевождение, сигнальное дело, военно-морское дело, строевая и тактическая подготовка — все специальные предметы — ОТЛИЧНО.

Вышеизложенное подписью с приложением печати удостоверяется.

ОСНОВАНИЕ:

Акт комиссии № 1 от 6 октября 1943 года, утверждённый Военным Советом Северного Флота.

Начальник Школы Юнгов ВМФ капитан 1 ранга Авраамов (Подпись)

6 октября 1943 года № 27»

14 октября к пирсу в Савватьево причалил транспорт «Карелия». Услышав звук горна, приглашающего юнг на сбор, у Валентина заколотилось сердце. Сейчас всё свершится... Наступала горестная минута расставания. По этому поводу не было прощальных салютов, зато юные защитники выслушали тёплые пожелания и добрые напутствия своих учителей и наставников.

В последний раз всех выпускников построили на плацу. На торжество прибыл начальник политотдела учебного отряда полковник В. М. Гришанов. Из его уст юнги слышали добрые, душевные слова:

— Больше жизни любите Отчизну, любите море. Будьте решительны и беспощадны к врагу. Мужественно защищайте Родину. Высоко несите матросскую честь, честь флотской формы.

В ответ юнги дали клятву на верность своему воинскому долгу:

«Родина! Великая Советская держава! В день отправки на корабли приносим тебе свою клятву. Мы клянёмся с достоинством и честью оправдать оказанное нам доверие, умножать боевые традиции советских моряков, хранить и оберегать честь школы юнг ВМФ. Мы клянёмся отдать все силы, отдать жизнь, если потребуется, за свободу и независимость нашей Родины. Если ослабнет воля, если подведу товарищей, если трусость постигнет в бою, то пусть презирают меня в веках, пусть покарает меня суровый закон Родины».

Проникновенно и взволнованно говорил о славных традициях русского флота, о верности долгу и Родине комиссар школы С. С. Шахов. Закончил своё выступление гордыми словами: «Высоко несите по морям гордое звание юнги!»

С напутствием к отъезжающим в последний раз обратился начальник школы юнг Н. Ю. Авраамов. Сдерживая волнение, он произнёс:

— Вы первый выпуск нашей родной школы. За вами пойдут другие. Но вы — первые! Так будьте же первыми и на флоте, мои родные североморцы. Перед вами большая жизнь. Большая и чистая, как море...»

Авраамов земно поклонился и приказал двигаться. Юнги пошли, но ещё долго оглядывались, а он стоял, не шелохнувшись, словно на карауле. Провожая взглядом своих сынков.

Громадный труд командиров-наставников Школы юнг не пропал даром.

В суровые 1942–1944 годы войны флота и флотилии получили более четырёх тысяч отличных специалистов, пришедших из Школы юнг на боевые корабли, чтобы заменить выбывших из строя отцов и братьев. Более тысячи мальчишек погибло в боях за родину. Вечная им память!

Многие имена бывших юнг стали известны в мирное время не только в нашей стране, но и за рубежом. Среди них адмиралы, учёные, рабочие, артисты, писатели: Коля Махотин — доктор технических наук, лауреат Государственной премии; Вадим Коробов — вице-адмирал, Герой Советского Союза; Виктор Бабасов — Герой Социалистического Труда; Виталий Гузанов — писатель-маринист; Борис Штоколов — знаменитый певец, Ким Кузнецов — заслуженный строитель России; Геральд Матюшин — действительный член Академии естественных наук; Виталий Леонов — поэт, бард, киноактёр; Валентин Пикуль — исторический романист.

Годы пребывания в школе юнг представлялись Валентину впоследствии светлой полосой жизни под заботливой опекой старших, где все — и преподаватели, и юн-гаши жили одной семьёй — как дети одной Соловецкой земли.

Эта «подростковая» или «ребячья» морская академия, как образно называли свою школу сами юнги, определила их дальнейший путь и дала путёвку в жизнь.

У каждого из них впереди был свой флот, свой корабль и своя судьба...

Иногда в мирной тишине кабинета Валентин спрашивал себя: «Была ли юность? Или она приснилась?» И отвечал сам себе: «Была, конечно, была. И, по-моему, такая, как надо!..

Сейчас мне много лет, и мне уже давно не снятся гулкие корабельные сны. Но до сих пор я думаю о себе, как о юнге. Это высокое и почётное звание даёт мне право быть вечно молодым...»

Огненные мили «Грозного»

17 октября Валентин с Николаем Ложкиным прибыли в столицу Заполярья — город Мурманск. Окраины города лежали в руинах. Сохранилась центральная часть города в районе Пяти углов, но и тут многие дома стояли обугленными.

В полуэкипаже Северного флота, где происходило распределение по кораблям, учли желание Валентина и направили на эсминец, ибо на эсминце «Фридрих Энгельс» начинал свою флотскую службу его отец. Валентин заступил на мостик эскадренного миноносца, который носил торжественное и громкое имя — «Грозный».

«С трепетом я вступил на палубу “Грозного”. Первое ощущение — все заняты и никому нет до тебя дела. Второе впечатление — здесь всё не так, как в книжках пишут. Не так думалось. Не так и мечталось. Отполированная сталь палубы, кое-где прохваченная ржавчиной, залита мазутом. Холодно, но редко встретишь матроса в бушлате. Команда в робах, и подолы голландок почти до колен. У многих в зубах или в карманах — отвёртки. По трапам скачут обезьянами, почти не касаясь руками поручней. А трапы — как стена, чуть ли не вертикальны.

Это и есть эсминцы — корабли моей любви!»

Красив эскадренный миноносец. Самый универсальный корабль в море. Не такой он громоздкий, как крейсер, но ему по плечу выполнить любую задачу.

Эскадренный миноносец «Грозный», на котором пришлось воевать Вале Пикулю, был заложен в декабре 1935 года и спущен на воду в июле 1936 года.

«Первым командиром корабля был капитан-лейтенант Бутаков — из прославленной известной морской династии. Во время войны с Финляндией в 1939-1940 годах “Грозный” блокировал финскую базу Петсамо».

В трудные годы Великой Отечественной войны основная тяжесть конвоирования судов с поставками по ленд-лизу легла на надводные корабли, в том числе и на эскадренный миноносец «Грозный». Борьба с подводными лодками, отражение воздушных атак, дуэли с фашистскими надводными кораблями — всё это пришлось испытать личному составу эскадренного миноносца.

Конвои с поставками по ленд-лизу шли от Исландии к Медвежьему острову, а оттуда направлялись к Новой Земле, конечной целью был город Мурманск.

«Невиданной была жизнестойкость города-воина и города-труженика в годы Великой Отечественной войны... Весь мир, друзья и враги России узнали, что такое воюющий Мурманск.

Какое место отводил Гитлер в своих планах в Арктике — об этом говорят многие документы: «По плану “Барбаросса” фашисты предусматривали захват западного Заполярья, оккупацию Мурманска и Архангельска, лишение советского военного, торгового и ледокольного флотов главнейших северных баз, полное господство немецко-фашистских морских и воздушных сил в Баренцевом и Белом морях и на западном участке северного морского пути.

Эта задача возлагалась на группу “Норд”, базирующуюся в Норвегии и в Финляндии.

По другому плану, известному под кодовым названием “Голубой песец”, вражеские войска должны были перерезать Кировскую железную дорогу и захватить Кольский полуостров, районы Онежской и Двинской губы и выйти к Архангельску...»

Но фашисты просчитались. Весь советский народ встал на защиту Родины, а на место погибших отцов пришли их сыновья.

Первые дни пребывания на эсминце радовали юнгу. Он служит на эсминце, как и его отец. События

спешили, набегали одно на другое, огорчали и радовали, оставляя след в душе юноши. Особенно Вале (недавно прибывшему на корабль) запомнился случай, который перевернул не только его сознание, но заставил задуматься над последствиями каждого своего поступка в будущем.

«Грозный» готовился к походу. Пикуль вместе с матросами, свободными от вахты, разгружал транспорт с американской тушёнкой. Дежурный старшина приказал Пикую отнести ящик тушёнки в нижний кубрик. Не подозревая плохого, Пикуль выполнил приказание старшего. Пропажа ящика была обнаружена. Началась разборка. Валентин встал и честно признался: по приказу старшины отнёс ящик в кубрик. Старшину отправили на гауптвахту, а с Пикую замполит провёл строгую политбеседу: хотя «приказ старшего начальника не обсуждается, но, выполняя его, надо подумать».

Суровые и трудные военные будни осени 1943 года продолжались.

Успех всегда окрыляет, но первый успех особенно. В памяти юнги Пикую первый поход, первый шаг морской службы особенно запомнился на всю жизнь.

4 ноября эсминец «Грозный» вышел в очередной боевой поход на поиски кораблей союзного каравана, которые разбрелись по северным широтам и не выходили в эфир. В бухте Новой земли обнаружили сухогруз под флагом Панамы, который отбился от каравана. Задача экипажа эсминца — доставить груз по назначению в целости и сохранности. Погода была штормовая. Валентин стоял на руле. Миноносец набирал скорость, приподнимаясь на набегавшей волне и зарываясь в неё, а по бортам росли пенные сугробы. И всё шло без осложнений. Непривычная нервная дрожь пробегала по телу, исчезала, через какое-то мгновение появлялась вновь. Оказалось, что эсминец атаковала

немецкая подводная лодка. Акустики не обнаружили противника под водой: очевидно, подводная лодка притаилась у самого берега, выжидая удобной цели, поэтому её не смогли засечь акустические приборы. Торпеда, выпущенная в корабль, прошла под днищем.

Я даже не понял в чём дело, когда раздалась команда:

— Лево на борт! Клади до предела...

Передо мной, сияя голубым фосфором, резко качнулись стрелки тахометров — мы прибавили оборотов, — а потом нервно застучали мои рулевые датчики. Отработав крутой поворот, я видел, как далеко в море от нас убегает сизо-пегая дорожка керосиновых газов, вспененных торпедным мотором. Смерть прошла мимо в самой прозаической обстановке. Молодости вообще не свойственно испытывать страх, жить она собирается вечно».

В многочисленных интервью Валентин рассказывал о подвиге команды эсминца «Достойный», который вместе с другими эсминцами шёл на выполнение боевого задания: «На моей памяти были примеры высокой доблести, причём люди совершали подвиги не ради орденов и нашивок, нет, они совершали свой подвиг в полном безмолвии, так, что их имена остались неизвестными. Радист с “Достойного”, когда эсминец торпедировали, с удивительным мужеством извещал нас, что происходило на тонущем корабле, и даже не назвал своего имени...»

В любом деле нужна сноровка и, если хотите, — талант. Это почувствовал Валентин сразу, как встал за штурвал боевого корабля. Он был отличником, но корабль повиновался ему плохо, когда он стоял у руля. А у юнги Николая Ложкина, с которым они вместе прибыли на эсминец и который был далеко не пятёрочник, — «всё шло как по маслу, корабль с

первого раза повиновался ему, как будто он был прирождённым рулевым», — вспоминал Валентин.

Тайны гироскопа привели Валентина в гиropост эсминца, расположенный на самом днище корабля, в котором трудились старшина-аншютист Лебедев и краснофлотец Васильев. «Гиropост был настолько насыщен техникой, что не было свободного местечка, где бы ни располагался датчик». Эту технику и решил освоить Пикуль. Слухи о том, что каждую свободную минуту Пикуль находится в гиropосту, дошли до штурмана. Он вызвал в каюту юнгу и спросил, что он потерял в гиropосту, если по штату числится рулевым. Ответ Валентина был убедительным:

— Я ничего не потерял, товарищ старший лейтенант, я нашёл там то, что мне интересно. Хотите — верьте, хотите — нет, — выпалил я с жаром, но без гиpокомпасов мне нет больше жизни!

Старшина Лебедев, относившийся к юнге по-отечески, обязался подготовить юнгу для самостоятельной вахты в гиropосту. Вскоре Васильев был отправлен в Англию, а на его место заступил Валентин.

В Центральном Военно-морском архиве в Гатчине хранится документ от 1943 года, касающийся Валентина Пикуля. В нём командир «Грозного» капитан 3 ранга Никифоров Павел Васильевич, обращаясь в штаб, пишет о «недокомплекте личного состава и просит поставить на штатную должность штурманского электрика рулевого юнгу В. С. Пикуля, проявившего желание и настойчивость и овладевшего необходимыми знаниями быть специалистом».

Командир эсминца характеризует Валентина Пикуля с хорошей стороны, указывая, что в «трудное военное время он в короткий срок смог изучить сложные приборы — гиpокомпасы военных лет».

Школа юнг штурманских электриков не готовила, и, наверное, Валентин Пикуль был и остался единственным юнгой-аншютистом, который освоил сложную технику в годы войны и стал командиром боевого поста...

«Когда в отсеки врывались зовущие по местам колокола громкого боя, я захлопывал над собой люк, докладывая в телефон:

— Гиропост — мостику: БП-Н, БЧ-І к бою готов.

По 12 часов в сутки несли вахту в гиропосту — старшина Лебедев и юнга Пикуль. К несению вахты добавлялось протирание линз на репитерах, устранение обледенения приборов на мостике, засоления инструментов во время шторма...

На всю жизнь осталась в памяти новогодняя ночь 1945 года, когда «Грозному» необходимо было прорваться сквозь сплошную завесу подводных лодок противника. В гиропост спустился штурман, поздравил с наступающим новым годом, угостил Валентина шоколадкой, объяснил ситуацию и, уходя, заdraил люк.

«Это был удивительный бой. Я сидел на днище эсминца, никогда не видя противника, только слушал, как с рёвом обтекает эсминец яростная забортная вода. Я был молод, но понимал: случись хотя бы одно попадание торпеды — я буду похоронен здесь же, на своем посту: отправлюсь на грунт вместе с любимым гирокомпасом, который, пока мы живы, старается дать людям для победы всё, что только способна дать человеку техника. Я делал во время войны своё маленькое дело: следил, чтобы мой любимый гирокомпас давал кораблю истинный курс...»

И совсем не случайно одной из первых проб пера молодого автора после войны была «Сага о гирокомпасах», в которой Пикуль пропел хвалу своему любимцу — гирокомпасу «Аншютц».

Вспоминая свою боевую молодость, Пикуль каждый раз подчёркивал, что на эсминце «Грозный» воевали замечательные люди.

Командир корабля — Никифоров Павел Васильевич — внимательный, мужественный и удивительно душевный человек проявил отеческую заботу о Пикуле. Своим примером воспитал в нём и настоящего человека, и защитника Родины.

С любовью вспоминал Пикуль старшину Лебедева, отличного специалиста и прирожденного педагога, который развил и углубил знания Валентина по электротехнике и подготовил для несения самостоятельной вахты у гироскопа.

Юнга на корабле — это подросток, исполняющий обязанности матроса, но Пикулю выпала более ответственная обязанность: он выполнял не только роль матроса, но и старшины, в 16 лет став командиром боевого поста.

На всю жизнь «остались в памяти и другие члены экипажа, например, мичман Холин, старый заслуженный моряк. В Баренцевом море во время атак подводных лодок, он, случалось иногда, в одних носках выскакивал самым первым на обледеневший ют и сбрасывал голыми руками глубинные бомбы, оставаясь у бомбосбрасывателя до конца боя».

А его непосредственный начальник, умный воспитатель, штурман эсминца, по окончании войны написал в боевой характеристике Пикуля, что его мореходные и боевые качества отличные. Пикуль, удивлённый таким отзывом, ответил штурману:

— Какие же отличные, если я сильно укачивался и по углам травил, как кошка...

— Это ничего не значит, — парировал штурман. — Отказов от тебя не было, вахту нёс исправно, техника в гиро-посту работала хорошо.

Между прочим, в этой же характеристике были и такие озадачившие слова штурмана: «Юнга В. Пикуль способен на совершение необдуманных поступков».

Каким прозорливым оказался штурман...

В архиве писателя сохранилась комсомольская характеристика Валентина Пикуля. На пожелтевшем листе бумаги читаем: «За время работы в комсомольской организации показал себя верным сыном Ленинско-Сталинского комсомола. Участвовал в боевых походах, его материальная часть всё время работала безукоризненно. Материальную часть знает хорошо, пользуется ей уверенно...

За время службы на корабле пользуется авторитетом среди комсомольцев, читает много художественной литературы, это говорит о его высокой культуре.

В боевых походах и при встрече с противником ведёт себя спокойно, работает на боевом посту смело и чётко.

Политически грамотный, политику партии и правительства понимает правильно.

Награждён медалью “За оборону Советского Заполярья”.

Комсорг Краснознамённого эсминца “Грозный” ст. краснофлотец — А. Егоров».

Хоть и написал в характеристике комсорг «читает много художественной литературы», сам Пикуль признавался, что за время военных испытаний прочитал только две книги: «Дорога на океан» Леонова и «Севастопольская страда» Сергеева-Ценского. Времени для чтения не было. Из-за сильных переживаний в 16 лет у Валентина стала пробиваться первая седина.

Прощаясь с кораблём, Пикуль обошёл все отсеки, оттягивая прощание со своим любимцем.

«Под конец спустился в свой гиропост, где провёл самые лучшие, самые яркие и неповторимые дни своей

юности... Тут я не выдержал. Я не сентиментальный человек, но со мною случилось что-то такое, что бывает единожды в жизни. Колени у меня вдруг сами собой подломились — я опустился перед гирокомпасом, который ещё тихонько гудел, подвывая мотором, словно от усталости бессонных ночей войны. Я обнял гирокомпас с нежностью, как обнимают любимую девушку, и — рыдал, рыдал, рыдал...»

Пикуль благодарил судьбу, которая связала его с флотом. Флот воспитал в нём гражданина и человека: «Я был нужен, от меня многое зависело: я давал истинный курс кораблю, определял глубину, скорость хода, в общем строю экипажа делал своё скромное дело...

Когда меня лично спрашивают, не жалею ли я о том, что вместо школьного учебника в 15 лет держал штурвал боевого корабля, я совершенно искренне отвечаю — нет, не жалею. И сегодня, с высоты прожитых лет, я ещё яснее, чем раньше, вижу, что ни один учебник никогда не дал бы мне столько знания жизни, людей, как тот суровый опыт, что получил в годы войны...

Я был демобилизован с флота, так и не дослужившись до матроса. В документах у меня указано первое и последнее звание — *юнга!*»

Служба на флоте испытала Валентина на прочность, закалила и дала ту «закваску, которая пригодилась в мирной жизни».

6 марта 1945 года указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение заданий командования по борьбе с немецко-фашистскими захватчиками эсминец «Грозный» был награждён орденом Красного Знамени.

В трудное для Родины время личный состав эсминца «Грозный», проявляя мужество и героизм, с честью

выполнял задачи, поставленные перед ним командованием Северного флота.

Из официальной сводки известно:

«Эскадренный миноносец «Грозный» отконвоировал без потерь около 800 отечественных транспортных судов, сбил 6 самолётов противника, атаковал 3 немецких подводных лодки, прошёл более 50 тысяч миль».

Глава третья. ПОИСК МЕСТА ПОД СОЛНЦЕМ

Трудные испытания

Вот и дом бабушки. Валентин остановился, чтобы перевести дух и успокоиться. Дверь открыла мама. Но как она изменилась: худое лицо обрамляли седые волосы. На крик матери сбежалась вся коммунальная квартира.

Дядя Яша оглядел племянника, потрепал по плечу и сказал:

— Молодец, воевал хорошо, уходил мальчишкой, вернулся мужчиной.

Все обитатели квартиры расспрашивали о военной службе, интересовались планами на будущее.

Прошло несколько дней в бабушкином доме. Бездеятельное состояние никак не вязалось с деятельным характером Валентина. Чувство тоски по флотскому экипажу преследовало его повсеместно. Когда-то он мечтал о свободе и независимости, а сейчас эта свобода мало его интересовала. И каждый раз, когда заходил разговор об эсминце, у него щемило сердце.

Многие ему давали больше лет, чем было на самом деле, да и рано тронувшая виски седина свидетельствовала о том, что на долю этого юноши выпало много горя и страданий, многое пришлось пережить.

У Пикуля была мечта — он станет флотским офицером, как и отец: в кармане лежало направление в Ленинградское военно-морское подготовительное училище: сюда получил назначение капитан 1 ранга Николай Юрьевич Авраамов. Бывший начальник Школы

юнг не забывал своих питомцев и был рад каждому юнге, кто хотел стать офицером.

В праздничный волнующий день зачисления в училище Валентин пришёл в морской форме с тремя медалями на груди: «За оборону Заполярья», «За оборону Ленинграда», «За Победу в Великой Отечественной войне».

Ему нравилось — на него обращают внимание, переговариваются, увидев медали. А на обратном пути домой с Валентином произошёл неприятный случай: в трамвае к нему подошёл пожилой мужчина и сказал:

— Юноша, снимите чужие медали, за них люди кровь проливали и жизнь отдавали...

Проглотив горькую пилюлю, не ответив ветерану, что он по праву носит эти награды, Валентин снял медали и больше их никогда не надевал.

Занятия в училище начались с летнего лагеря: в конце августа всех первокурсников отправили на месяц под Ленинград в лагерь. Много часов отводилось физической подготовке. Привыкший к коллективу на эсминце, сначала Валя скучал без друзей. Но недолго. В училище Валя приобрёл на долгие годы новых друзей — Диму Ремезова, Вадима Щербицкого.

Занятия шли своим чередом, но этот год Пикуль называл годом трудного унизительного учения. Контингент курсантов училища был с 6–8 классами образования, угнаться пятикласснику Пикулю за ними было нелегко. Это вскоре понял и сам претендент на офицерский кортик. Если уроки по литературе, истории, астрономии доставляли радость, то точные науки — никак не давались.

Началось время душевной сумятицы и мучительных поисков. Он и сам ещё не представлял, чем будет заниматься, как вдруг какая-то неведомая сила потянула его к поэзии.

Со времен войны у Валентина сохранился небольшой блокнотик с первыми опытами стихов, как он, пропитанных солёной морской водой. Но это была ещё не поэзия, а лишь подход к ней. Первая проба пера состоялась в училище.

Валя берётся за стихи, но, как известно, в поэзии нужен не только талант, но и знания, которых не было.

Самый близкий друг по училищу Дима Ремезов, с которым Валя сидел за одним столом, усомнился в поэтическом успехе Валентина.

— Стоит ли заниматься писательским ремеслом, ведь всё равно ни Пушкиным, ни Толстым ты не станешь...

— А я буду писать, как Пикуль!

Дмитрий Ремезов в юности тоже «грешил» стихами и, может быть, под влиянием Валентина «заразился» писательской бациллой. Выбрав себе другой путь, Дмитрий нашёл своё призвание в кибернетике, хотя вопрос — «перо или шпага» — долго терзал его.

Повод перехода Валентина к прозе нашёлся нечаянно. Друг по училищу читал книгу А. Зонина «Морское братство» — о событиях Великой Отечественной войны на Севере и иногда спрашивал Валентина разъяснить непонятную ситуацию.

Пикуля самого заинтересовала книга, на обложке которой был изображён силуэт знакомого эсминца. Пикуль её прочитал.

Книга ему не то что не понравилась, она его «разозлила» не на шутку. Морская жизнь — такая тревожная, полная опасности и риска, требующая от людей «полной отдачи и безмерной любви к своему делу и почти романтической страсти к тяготам походных будней, эта потрясающая по своей трудности и опасности жизнь выглядела на страницах книги нудной, сухой и неинтересной».

«Если бы мы воевали так, как написано в этой книге, то никогда не победили бы. Не было такого, как написано здесь, а было — боязно, страшно и трудно, но в то же время и романтично и интересно. А если вспомнить своих товарищей, с которыми вместе жил в одном кубрике, ел из одного бачка, качался рядом в уютных подвесных койках, — все они были отчаянными и хорошими парнями. Умели не только воевать, но и обязательно праздновать победы, дружить по-мужски и презирать трусов. А в короткие минуты отдыха “травили” так, что, казалось, от хохота треснут переборки. Были, конечно, и ошибки, и нарушения дисциплины, но всегда и везде мы помнили слова присяги, заветы устава и не переступали их.

Я напишу книгу о войне и своих боевых друзьях, она будет правдивей и честнее многих...»

Окончательно забросив занятия, Валентин принялся за сочинительство. Сомнения в успехе, конечно, были, но выбор сделан...

С учёбой Пикулю не повезло, и весной 1946 года его не допустили до экзаменов и исключили из списков училища. Ему ещё не исполнилось восемнадцати.

Это был большой удар, но ещё бблыпий удар Валентин получил, прощаясь с училищем: интендант попросил сдать вещи, в том числе и ботинки. Валентин повиновался и босиком побрёл по улицам Ленинграда. Стоял жаркий день. Асфальт обжигал подошвы, а он шёл куда глаза глядят, и слёзы застилали ему глаза. Потом, как будто опомнившись, Валя быстро побежал обратно в вещевую часть училища. Обида переросла в ярость:

— Так за что же я воевал, кого защищал? Разве так поступают с фронтовиками?

Интендант не выдержал напора, сжалился над юношей и выдал ему порванные ботинки 45-го размера,

вместо 39-го, в которых Валентин еле-еле доковылял до дома, ибо денег на билет не было...

Рассказывая о своей юности, Пикуль часто вспоминал этот эпизод, всегда переживая и волнуясь, и неизменно добавлял: «В войну было легче... Там знал, где друг, а где враг».

Учёба закончилась...

Перед ним снова встала проблема: куда пойти и где приложить свои руки и полученные на Соловках знания. А море вновь звало в путь.

Капитан 3 ранга Певзнер, подписывая документы об отчислении из училища, вдруг на мгновение остановился, взглянул на Валентина и спросил:

— Я учился в институте вместе с Саввой Пикулем, это ваш отец? Где он сейчас?

Валентин рассказал кадровику, что последний раз виделся с отцом в июле 1942 года, а позднее пришло извещение, что он «пропал без вести», в боях за Сталинград.

— Гордись, Валентин, своим отцом, это был отчаянный парень... А ты не унывай, с такими характеристиками, как у тебя, надо идти в торговый флот, я напишу тебе справку-рекомендацию.

Но и эта рекомендация не приблизила желанный миг — прочно встать на палубу корабля торгового флота.

Чиновник отдела кадров БГМП потребовал свидетельство об окончании неполной средней школы.

Много порогов обил Пикуль в поисках нужной работы, но нигде его не принимали: везде требовали справку о семилетнем образовании. Мечта — водить паровозы, быть капитаном дальнего плавания, парашютистом, так и осталась мечтой, разрушая все планы на будущее. Кое-кто из «добрых людей» хотел помочь участнику войны, предлагая купить справку, но

честный и принципиальный Валентин никогда не шёл на сделки со своей совестью...

Провидцем оказался штурман эсминца «Грозный», заканчивая характеристику Валентина такими словами: «Юнга В. Пикуль способен на свершение необдуманных поступков».

Необдуманный поступок Валентина состоял в том, что, имея за плечами пять классов образования, он решил стать профессиональным литератором. Вывод был прост: в Союзе писателей бумажка об окончании неполной средней школы не нужна: основным критерием причастности к литературе является рукопись.

По-разному входят писатели в литературу, одни — врываются неожиданно и сразу ослепляют своим талантом, другие же к успеху и признанию идут медленно, постоянно напрягая свои творческие силы. Валентин Пикуль шёл в литературу длинным путём, с большими препятствиями, но ворвался как метеор, начиная с больших форм литературных произведений.

Трудно было понять и родным, чем же он занимался в это время, к чему стремился. Непреодолимая страсть к писательству приводила близких людей в отчаяние.

Мать мечтала, что сын будет чиновником, и не одобряла его выбор, но воспротивиться этому решению не могла. Дядя Яша, брат матери, тоже сетовал на безрассудство Валентина, считая его бездельником. Видя, как мучается племянник, не раз говорил ему:

— Что ты тут сидишь, как дурак? Пойдем, я тебя на Лиговке в пивную буфетчиком устрою. Парнишка ты с башкой, воевал чин-чином, три медали имеешь — и года не пройдёт, как в директоры пивной выберешься... Чего ты тут мучаешься?

Если не хочешь в пивную, — продолжал дядя, — есть работа на складе весовщиком, при разумном

отношении к обязанностям можно и в товароведа выйти.

Но и это предложение было отвергнуто.

— Пропадёшь ты, — сказал дядя Яша, доставая из сумки бутылку.

— Не пропаду, я буду писателем, каких бы трудов мне это ни стоило, — с твёрдостью в голосе произнес Валентин.

Жить в доме бабушки после исключения из училища, в многонаселённой коммунальной квартире, где родные и соседи будут попрекать и называть «неучем», совсем не хотелось — страдало самолюбие. Валентин решил уйти из дома.

И пристанище нашёл: он неожиданно женился... на женщине с ребёнком.

Сейчас этот деликатный вопрос трактуют в разных вариациях.

«Мы не были созданы друг для друга. Когда люди рано сходятся, они увлечение принимают за любовь. Так получилось и у нас. Жениться не трудно, трудно быть женатым. Одно дело встречаться, другое дело жить рядом бок о бок, не зная привычек, вкусов и интересов другого человека. Ни я, ни она не были готовы к такому испытанию. Мы были очень молоды и многого не понимали, первая совместная жизнь, я даже не называю это браком, оказалась скоротечной...

Более того, тёща заявила, что дочку прокормит, а безработного зятя-тунеядца кормить не намерена... Эта злая фраза больно ударила по моему самолюбию.

Я встал и ушёл. Ушёл навсегда, хотя фактически развод был оформлен намного позже, когда потребовались документы для оформления нового брака».

Брак, заключённый без долгих размышлений, лёг тёмным пятном на душу писателя. Он нигде не упоминал о первой женитьбе, считая это ошибочным

поступком. Да и кем тогда был Валентин? Ни студент, ни рабочий, а молодой человек, ищущий себя в жизни: человек без профессии, перебивающийся случайными заработками. По ночам разгружал вагоны на товарной станции, а утром спешил в библиотеку и постигал науки.

Большую часть времени в этот период Пикуль проводит в публичной библиотеке, занимаясь самообразованием со всей страстью, на какую способен только самоучка. Мечтая о куске хлеба насущного, он изучал поэзию Древней Греции и Рима, пудовые фолианты монографий, старательно вглядываясь в старинные гравюры. Уже тогда ему хотелось постичь силу творческого воображения, но понимание творчества как процесса к нему придёт гораздо позднее. Не имея средств на покупку книг, Пикуль от руки переписывал солидные тома по истории живописи, к примеру, — трёхтомник Гнедича, тот самый, который теперь стоит на полке в его кабинете.

Океан по крупице вбирает капли влаги в себя, так и Валентин ежедневно учился — впитывал в себя зёрна знаний.

Желания человека в юности являются как бы предчувствием тех способностей, которые в нём заложены, предвещая заранее то, что предстоит свершить человеку в зрелые годы.

Внимательным и добрым наставником в этот труднейший для Валентина период стал мастер Кировского завода Леонид Иванович Родионов. В лице Леонида Ивановича Пикуль увидел не только опытного и вдумчивого руководителя, но и искреннего благожелателя, по-отцовски опекавшего юношу.

Именно Родионов передал ему навыки к добросовестному и честному труду. На заводе Родионов вёл кружок любителей книги и прекрасно разбирался в литературе. Леонид Иванович дал совет Валентину

обратиться к истории, оставив на время изучение поэтов и философов Древней Греции и Рима.

Для Пикуля этот совет стал своего рода спасательным кругом.

После долгих странствий в поисках работы Валентину наконец повезло. Его приняли, как он выражался, на «блатную» работу в Гидротехнический отряд начальником секретной части. Работу в секретной части Пикуль считал хорошей школой трудовой жизни. Девятнадцатилетний моряк по духу был очень близок водолазам и находил с ними общий язык. Разногласия иногда возникали из-за денег, которые водолазы выпрашивали у Пикуля в виде аванса на выпивку. Отказать им было трудно, а когда подходило время выдачи зарплаты — получать практически было нечего. На Пикуля ополчились жёны водолазов.

Как любопытный и любознательный человек, Валентин сам захотел посмотреть, чем занимаются водолазы. Опустившись на дно Невы, где водолазы тянули газопровод, Пикуль увяз глубоко в тине, хотел подняться в полный рост, но сильное течение сбilo с ног. Постояв на четвереньках, так ничего и не увидев, он был поднят наверх.

Проработал он в секретной части только полгода, секретную часть закрыли, а Пикуля уволили по сокращению штатов.

Пикуль снова безработный, вновь возникла забота о куске хлеба насущного, да и не только о хлебе. От неустроенности в жизни, неудачи в литературном плане Пикуль начал курить и выпивать. Но слово, данное отцу, он сдержал: до двадцати лет сигарету в рот не взял. Денег на покупку сигарет не было. Когда наступала полночь, Пикуль выходил «на охоту» за чинариками. Собрав их несколько, вытряхивал на бумагу

содержимое, брал газету и крутил «козью ножку», как настоящий заправский курильщик, и наслаждался.

В это время страна жила трудовыми подвигами. В Ленинграде, как и по всей стране, всюду бурлила послевоенная жизнь. Город хорошел на глазах, особенно преображался Международный проспект и прилегающие районы, сильно пострадавшие в годы войны. В каждой вновь выходящей газете были объявления: стране срочно нужны строители, чтобы восстановить разрушенное войной народное хозяйство и построить новые предприятия.

Первая послевоенная пятилетка (1946–1950) была ударной по темпам и размаху строительства. Только в 1947 году в стране было построено около миллиона квартир. В полную силу шло расселение коммунальных квартир.

Пикули тоже получили квартиру, правда, не новую. Им выделили отдельную двухкомнатную квартиру по улице 4-й Красноармейской. И ничего, что дом был старинный с обветшалыми осыпающимися потолками и разбитыми ступенями, а в свой «скворечник» (как образно называл квартиру Валентин) на седьмом этаже попасть было трудно. На уровне шестого этажа нужно было пролезть в окно и перейти по узкому переходу, соединяющему парадный и чёрный ход, и подняться на чердак. Но это Марию Константиновну и Валентина не смущало. У них теперь отдельная квартира, состоящая из двух комнат, с выходом окон на крышу, где кошки часто устраивали «концерты». Радовало и то обстоятельство, что в квартире была большая кухня с газовой плитой.

Стены квартиры (сейчас в ней расположена художественная мастерская) и по сей день хранят память о том, как рождались первые произведения Валентина Пикуля.

Покинув Ленинград, Валентин ни разу сюда не вернулся, чтобы потрогать руками холодные кирпичи дома, с которыми было связано столько горьких и сладких минут.

Продолжение вахты

Мучительные поиски самого себя продолжались...

В 1946–1948 годах при ленинградском отделении Союза писателей работал литературный кружок, которым руководил талантливый писатель-фронтовик с философским складом ума Глеб Викторович Алёхин. «Пёстрая толпа молодёжи заполняла Белую гостиную Союза писателей. С каждым занятием круг литературного кружка разрастался: заметно прибавилось поэтов, драматургов, критиков. Алёхин обучал начинающих литераторов кропотливой работе со словом, добиваться точности рифмы и ритмики стихосложения. Это был своего рода ликбез для начинающих литераторов».

Пикуль, подметая клёшами брюк тротуары, в своей неизменной, уже давно полинявшей форменке стал частым посетителем Белой гостиной, где «кипели» по-настоящему литературные страсти. Притулившись в уголке, молча, слушал он, как ломают копья, размахивая руками, настоящие и будущие поэты, собраты по перу, но в споры не вступал. Время от времени обитатели гостиной выступали перед широкой аудиторией, читали свои стихи и рассказы. Более того, какое-то время в печати появлялись их стихи на злобу дня, а потом внезапно исчезали с горизонта жизни, растворяясь, как туман.

Именно в этот период Валентин, как и многие кружковцы, пробовал себя во многих жанрах: писал рассказы, сценарии, но предпочтение отдавал стихам.

Рифмы строк давались легко, но у него стали закрадываться сомнения: он — не поэт. Хотя представить жизнь Пикуля без поэзии трудно. Он то и дело что-нибудь цитировал или напевал.

Согласно утверждениям Цицерона, из поэтов, которых он знал, «каждый себя считал лучше других». Валентин не считал себя таковым, но иногда поэтическое облачко наплывало на него, и тогда он брался за перо.

В архиве писателя сохранилось такое множество стихов, что впору выпускать сборник.

Некоторые из них помечены, что были отправлены в редакции, но опубликованы не были.

Заметим, что герои его произведений часто цитируют стихи, объясняются в любви поэтическими строчками. Их сочинил Пикуль-прозаик. Особенно это заметно в сентиментальном романе «Три возраста Окини-сан». Труднее всего дались ему поэтические строки, которые он написал за Потёмкина. Как известно, Потёмкин тоже писал вирши, к сожалению, обнаружить их не удалось — пришлось самому заполнять эту нишу.

На одном из заседаний литературного кружка Валентину предоставили слово. Он подошёл к столу руководителя и замер. Замерла и аудитория. Баллада «Восьмая галета» бродила в душе юноши со времен окончания войны. Пикуль начал читать балладу. Слушали внимательно — никто не шелохнулся. У девчонок выступили слезы на глазах. Последнюю строку Пикуль закончил под бурные аплодисменты. Успех был ошеломляющим. Пикулю пророчили хорошее будущее поэта-мариниста.

Но судьба как будто испытывала начинающего литератора. Многие стихи, предлагаемые в периодические издания, света не увидели. Только одно из них, посвящённое Дню Победы, было опубликовано

на страницах «Смены». Радостный автор поделился своим успехом с дядей Яшей, который, прочтя стихотворение, произнёс:

«Написать стихотворение каждый может, а ты, попробуй, напиши роман!»

Пикуль ставит крест на поэзии и переходит к прозе.

Судьба вхождения Пикуля в большую литературу поучительна для молодых.

Курсы ликбеза Глеба Алёхина на глазах таяли, а причина одна — кружковцы, увидев, что в литературу трудно пробиться, быстро отсеивались.

После ликвидации кабинета начинающего автора при Союзе писателей Пикуля принял в своё литобъединение Всеволод Александрович Рождественский, который вёл занятия при Ленинградском отделении издательства «Молодая гвардия». У опытного профессионального поэта, человека высокой культуры и старой закалки было чему поучиться.

Здесь оттачивали перо уже известные писатели — Сергей Воронин, Сергей Антонов, Юрий Помозов, Николай Кондратьев, Вадим Инфантьев, Виктор Курочкин.

Всеволод Александрович, заметивший трудолюбие и стремление новичка в литературу, подбодрил начинающего автора:

«У вас несомненный талант, учитесь у жизни и истории. Если чем могу помочь — я к Вашим услугам».

Добрые пожелания учителя, указывающего путь вхождения в литературу, окрылили Валентина. Он попросил Всеволода Рождественского ввести его в богатейшую библиотеку Дома писателей. Взяв рекомендацию у поэта, Пикуль направился в храм науки и поинтересовался произведениями Колбасьева, Абрамовича-Блэка и Тарпана, о творчестве которых тайком говорили товарищи. На следующем заседании

Всеволод Александрович отвёл Пикуля в бильярдную и строго предупредил, чтобы тот был очень осторожным в выборе авторов.

Пикуль не знал, что все перечисленные писатели, признаны врагами народа. Впрочем, Пикуль тогда многого не знал...

Вскоре два рассказа Пикуля — «Жень-шень» и «На берегу» были опубликованы в альманахе «Молодой Ленинград» и приветливо встречены критикой.

Газета «Смена», рецензируя только что вышедший альманах, отмечала:

«Привлекут внимание читателей рассказы Валентина Пикуля, который впервые начал печататься в этом году. Он ещё очень молод, хотя за плечами его несколько лет службы в Военно-морском флоте. В рассказе “На берегу” хорошо, с сознанием дела, изображён отважный поступок матроса, взорвавшего обнаруженную в море мину.

Очень современно звучит рассказ “Жень-шень” о старом корейском писателе, который своими произведениями вдохновлял народ на борьбу с чужеземными захватчиками».

Окрылённый успехом, Пикуль пишет рассказы: «Чеки-та» «Порожняк», «Побег в юность», «Сага о гирокомпасах», «Чужое-человеческое», «Дядюшка Август», «Канареечный мастер». Все из них, кроме двух последних, света не увидели.

В литературном объединении, как в хорошей школе, велись разборы и обсуждения новых произведений, давалась их оценка, указывалось на положительные и отрицательные стороны, что оказывало плодотворное влияние на совершенствование мастерства каждого из будущих литераторов.

На одном из занятий разбирали рассказ Пикуля «Чекита». Вела занятие вместо заболевшего Всеволода Рождественского Маргарита Суреновна Довлатова,

которую Пикуль называл «литературной мамой» — талантливый, умный и вдумчивый старший редактор издательства «Молодая гвардия», взрастивший многие таланты. После выхода «Океанского патруля» Пикуль подарил роман Маргарите Суреновне с надписью: «Акушерке наших душ...».

Но я забежала немного вперед, вернёмся к обсуждению рассказа «Чекита». Пикуль был поражён, как досконально и подробно разбирали рассказ, указывая на неточности и не щадя самолюбия автора. Выступали: Глеб Горышин, Александр Володин, Ричи Достян, Вадим Инфантаев, Надежда Верховская, Виктор Голявкин, Виктор Конецкий. На отдельные замечания, казавшиеся ему несправедливыми, автор отвечал репликами. В конце обсуждения Пикуль предоставили слово. Он встал, поблагодарил всех выступающих и сказал, что писать рассказы больше не будет, а перейдёт к произведениям большой формы — романам.

Свой первый роман «На краю земли» Пикуль написал в течение десяти месяцев и предложил редакции журнала «Звезда».

После выхода постановления ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград» в 1946 году цензоры и редакция журнала более тщательно оценивали рукописи авторов.

23 июля 1948 года редакция журнала «Звезда» в лице Юрия Германа заключила договор с молодым автором, выплатив ему аванс. Это было настоящее везение.

Не зная литературных законов, Пикуль думал, что такое везение будет продолжаться вечно, ведь он ступил на литературные подмости. Однако дело приняло совершенно другой оборот.

В интервью корреспонденту В. Засееву Пикуль вспоминал об этом эпизоде:

«Через несколько дней я снова заглянул в “Звезду” и не нашёл там приветливого Юрия Германа. Вместо него меня встретил мрачный и нелюдимый Всеволод Кочетов. Взглянув на меня поверх головы и на мгновение задержав свой взгляд на одной из страниц рукописи, он изрёк, как отрезал:

— Шнур крался к потолку, говорите? Так писать нельзя.

И, захлопнув папку, сунул её мне в руки».

А произошло следующее. Первое детище Пикуля отдали на редактирование редактору Александре Иосифовне Любарской.

И в дождь, и в слякоть, и в жару, и в холод можно было увидеть молодого автора, шагавшего пешком на свидание с редактором: денег на трамвайный билет не было.

В первую очередь редактору не понравилось название романа. Пикуль согласился с замечанием и дал новое название — «За морем солнце». Но этим дело не ограничилось. Редактор требовала убрать многие «морские» выражения, которыми так богата морская жизнь, а вместе с ними улетела образность и яркость языка.

Пикуль боролся изо всех сил, чтобы спасти книгу и увидеть рукопись напечатанной, но первая проба пера так и не состоялась: редактор испортила книгу. До редактирования «Звезда» принимала роман к публикации, после редактирования — отказалась печатать.

Впрочем, предоставим слово газете «Ленинградская правда»:

«Всё ещё имеет место недостаточно внимательное отношение к редактированию книг молодых авторов. Очень показательна, например, “история” романа молодого ленинградского писателя Валентина Пикуля. Этот роман, предназначенный к печатанию в “Звезде”,

редколлегия журнала ещё в 1948 году передала на редактирование А. Любарской, которая, сорвав все договорные сроки, продержав у себя роман около года (!), так и не справилась с полученной работой».

Большим событием для начинающих авторов стало совещание молодых писателей. Людмила Попова писала: «23 октября в Доме писателей им. Маяковского открывается совещание молодых писателей — их 150. Среди них и В. Пикуль, ушедший в 1942 году 14-летним юнгой на флот...»

Работа Валентина Пикуля в литературе получила положительную оценку. В докладе отмечалось, что в настоящее время молодой автор заканчивает работу над большим романом о морях.

В печати появлялись не только положительные отзывы о начинающем писателе, но и разгромная рецензия Елены Катерли, которая сурово осудила рукопись романа «Курс на солнце». Вывод Катерли таков: «Валентин Пикуль не напечатал ещё ни одной строчки, а его уже заранее расхвалили; на самом же деле писать он совсем не умеет».

Валентин сунул рукопись очередного романа в печку и принялся за новый.

Дома, грея руки над газовой горелкой на своём промёрзлом и продуваемом всеми ветрами чердаке, Пикуль и не думал сдаваться: он писал. Начинающий литератор не строил иллюзий на счёт будущего, — будет трудно, но он добьётся своего.

Наиболее близкие отношения установились у Пикуля с Леонидом Сёминым, Николаем Кондратьевым, Вадимом Инфантьевым и Сергеем Ворониным, которые поддерживали его на пути вхождения в литературу.

В то время милиция — стража порядков — строго преследовала тунеядцев. Получив очередную повестку — явиться в ближайшее отделение милиции по

указанному адресу, Пикуль шёл и раздумывал, что ему предъявят на этот раз.

Дежурный старший лейтенант милиции внимательно оглядел Пикуля, порылся в бумагах и начал допрос:

— На какие средства живёте, молодой человек?

— Пишу.

— Все мы пишем, но мы работаем.

— Я пишу роман.

— А кто вам поручил писать роман?

— Никто. Я сам захотел.

— А какое образование?

— Пять классов.

— Какие там романы с пятью классами образования?

Что ты мне заливаешь? Каким-то романом прикрываешь своё тунеядство?

Пикуль вытаскивал из-за пазухи заранее приготовленный издательский договор, в котором было указано, что автор — В. С. Пикуль обязуется сдать к определенному сроку роман «Океанский патруль». Просмотрев его, старший лейтенант сумрачно произнёс:

— С пятью классами образования, а ещё задумал романы писать? Чтобы это было в последний раз!

Пикуль покидал кабинет дежурного, оставляя в очередной раз в недоумении работника милиции.

Напомним, служба на флоте дала Пикулью прочную закваску, которая пригодилась ему в мирной жизни. Не будь этой суровой морской школы, которую он прошёл в годы войны, Пикуль не смог бы перебороть все трудности на своём литературном пути.

Спустя много лет, вспоминая встречи с Рождественским, Пикуль написал прекрасную миниатюру «Король русской рифмы» о поэте Дмитрие Дмитриевиче Минаеве, со страниц которой встаёт живой образ не только Дмитрия Минаева, но и Всеволода Рождественского.

Окидывая мысленным взором свой творческий путь, Пикуль всегда с благодарностью вспоминал Всеволода Александровича, — самого строгого судью его творений и поступков.

Прочитав рассказ «Чекита», о котором мы говорили выше, Всеволод Александрович сказал:

— Эта тема сейчас злободневна, но она подражательна, вы же должны выдать нечто своё, в вас заложен талант, а его надо развивать. Вы должны быть самим собой, только на этом пути к вам придёт успех...

Проживая в Риге, Пикуль не забывал своего учителя: посылал вышедшие в свет книги. В ответ приходили доброжелательные оптимистические письма.

Часть вторая. СТАНОВЛЕНИЕ

Глава первая. Начало восхождения

«Океанский патруль»

«Как и большинство писателей, пришедших в литературу из сырых фронтовых траншей и со скользких корабельных палуб, я знал, что надо писать, но не всегда понимал, как надо писать...

Всегда считал себя в литературе человеком случайным, ибо ни учёбой, ни воспитанием не был подготовлен к общению с деликатным пером», — писал Валентин Пикуль в своей биографии.

Первый роман Пикуля «За морем — солнце» — «сбил с курса», он садится за второй — «Океанский патруль», надолго уйдя в «подполье».

Война всё ещё жила в нём и кровоточила как незаживающая рана. Пикуль всегда считал себя литератором, которого родила война, а флот сформировал его характер.

Медики говорят, что в организме и в характере человека есть железо, Пикулю в этот период было необходимо не только железо, но и сталь.

С чего начать роман и чему его посвятить? — раздумывал автор.

Конечно же, в первую очередь нужно изучить историю и описать события тех мест, где воевал в годы юности.

Пикуль сел за изучение истории Севера...

«Много веков назад на безлюдных берега Студёного моря пришли из Господина Великого Новгорода смелые и храбрые воины — русичи. Застучали топоры, запели свои песни пилы и — вырастали на берегу моря дома. Земля, освоенная русичами в те далёкие времена, эта

земля стала в годы Великой Отечественной войны местом страшных сражений».

Сам автор об этом трудном времени вспоминал: «Я даже растерялся немного: так богата, красочна и увлекательна была история Русского Севера. Да и царедворцев влекла эта загадочная северная земля: Пётр Великий трижды побывал на Севере».

На пути изучения истории Севера Пикуль столкнулся с жизнью удивительного человека: учёного, географа, мецената — Михаила Константиновича Сидорова. Идея написать об этом целеустремлённом человеке, желавшем освоить весь Русский Север, захватывает его. На какой-то срок времени он оставляет работу над «Патрулём» и занимается изучением трудов учёного. Много конспектирует.

Великий путешественник П. П. Семёнов-Тян-Шанский заслуги Михаила Константиновича Сидорова оценил таким образом: «Членами Русского географического общества являются и султан турецкий, и герцог Эдинбургский, и великие князья с их княгинями. Но один господин Сидоров стоит всех коронованных особ. Он осыпал русскую географию своим червонным золотом, его жизнь, его романтика зовут русскую жизнь на Север...»

Пикуля звала на Север не романтика, а его история и его настоящее. Однако начатый роман о М. К. Сидорове не состоялся: архивы учёного ещё не были разобраны. Роман, к сожалению, был отложен в сторону. Но личность Сидорова, его деяния преследуют писателя долгие годы! И в дальнейшем мы ещё встретимся с М. К. Сидоровым — Валентин Пикуль напишет о нём миниатюру.

Работая над романом «Океанский патруль», Пикуль одновременно изучал финский язык, чтобы более основательно понять события на финском театре военных действий. Позднее знание финского языка

поможет ему при переводе стихов знаменитого финско-шведского поэта Йохана Людвига Рунеберга.

«Роман шёл трудно, с надрывами, в муках и противоречиях, постоянных сомнениях — уж слишком он многопланов. В нём переплетаются сразу пять ведущих сюжетных линий: советская, финская, немецкая, норвежская и союзная».

Работа над романом шла к завершению, когда одно из занятий литературного объединения посетил Андрей Александрович Хршановский — главный редактор Ленинградского отделения издательства «Молодая гвардия». Перелистал одну, вторую, третью рукопись, неожиданно для всех, он остановил своё внимание на одной из них. Бегло прочитав несколько страниц, он произнёс: «Вот этот человек будет писать!» Это была рукопись Валентина Пикуля.

Наверное, это самая большая похвала, какую слышал Валентин за всю свою литературную жизнь. В следующую пятницу Андрей Александрович пригласил автора на собеседование. Молодой прозаик принёс разбухшую черновую рукопись романа. Ознакомившись с ней, Хршановский, сам фронтовик, дал рукописи зелёную улицу. Валентину Пикулю шёл 23-й год, когда Андрей Александрович заключил с ним договор на издание романа «Океанский патруль».

Андрей Александрович был не только умным руководителем, открывшим многим начинающим литераторам путь в литературный мир, но и человеком «смелых, рискованных решений. Добровольцем ушёл в лыжный батальон в Финскую кампанию. Был армейским спортсменом. С Финской кампании органически вошёл в войну Отечественную, прошёл всю, вырос из рядового в молодого подполковника».

Именно от Хршановского Пикуль перенял «честное отношение к работе, любовь к самостоятельному мышлению, умение оставаться самим собой», не

обращая внимания на критику, пробивать дорогу и идти своим путём.

Когда Валентин познакомился с ним, Андрей Александрович был женат вторично и с гордостью носил значок мастера спорта по альпинизму. Сердечный приступ свёл его в могилу. Он умер от инфаркта на носилках в приёмном отделении больницы, пока на него заполняли карточку болезни.

Узнав о преждевременном уходе из жизни своего учителя, Валентин посвятил Андрею Александровичу одну из самых удачных, как считал писатель, книг — роман-хронику «Из тупика»: «Я писал эту книгу, часто и подолгу думая о моём друге — Андрее Александровиче Хршановском. Он был редактором моей первой книги и стал моим другом. Его памяти светлой для меня и для многих, я и посвящаю этот роман, который он уже никогда не прочтёт».

Вернёмся к роману «Океанский патруль». Одного одобрения рукописи главным редактором недостаточно, необходимо ещё было получить разрешение цензуры. Она в советские времена работала чётко. Горлит, Главлит рукопись не пропустили. Осталась последняя надежда на военного цензора, — капитана 1 ранга Николая Петровича Шерстнё-ва, сумевшего в молодом человеке увидеть и распознать талант. Этот смелый человек дал роману путёвку в жизнь, посоветовав убрать со страниц рукописи часть материала об Урхо Кекконене. Но это, как говорится, было уже делом техники.

Сергей Воронин впоследствии так опишет свою первую встречу с Валентином Пикулем: «Помню, собрались мы, молодые писатели, на очередное занятие нашего литературного объединения при Ленинградском отделении издательства “Молодая гвардия” и только начали обсуждать чью-то рукопись, как открылась дверь и вошёл главный редактор издательства Андрей

Александрович Хршановский со светловолосым пареньком и попросил разрешения дать этому пареньку прочитывать отрывок из своей рукописи...

Паренёк сел за стол, положил на него довольно объёмистую рукопись. Мы тяжело вздохнули — не верили тем, кто начинал свой путь в литературу вот с таких “кирпичей”. На рассказе, на малой форме надо учиться мастерству, — так думали мы... И уже с первых прочтённых страниц стало ясно: зря мы опасались. Перед нами зримо встали картины сурового Баренцева моря, с его седыми взлохмаченными волновскидами, и боевые корабли на нём, и ожесточённые бои наших советских матросов с немецкими захватчиками...

До сих пор в памяти сцена захоронения на эсминце. Сброшенный в воду в парусиновом мешке, погружается погибший матрос, идя ко дну, вначале быстро, затем всё медленнее, и вот уже на какой-то глубине погружение замедляется, останавливается. И так он будет стоять, не дойдя до дна, до земли....

Сколько времени продолжалось чтение? Час? Два? Мы были потрясены!

Паренька звали Валентин Пикуль. Читал он отрывок из романа “Океанский патруль”».

«Океанский патруль», объёмом 50 авторских листов, увидел свет только весной 1954 года. Молодому автору шёл тогда 26-й год. Это было его первое покушение на роль профессионального литератора. Он отлично помнил запах типографской краски книги и эту непередаваемую, радостную и волнующую тайну печатных листов.

«Я шёл по Невскому, прижимая к груди “Океанский патруль”, и думал: почему люди на меня не смотрят и не улыбаются мне? Неужели они не знают, что эту книгу написал я. Я — самый счастливый человек на свете!»

Своего первенца Пикуль посвятил «Памяти друзей-юнг, павших в боях с врагами, и светлой памяти

воспитавшего их капитана первого ранга Николая Юрьевича Аврамова».

Критика в основном положительно оценила пробу пера, а читатели встретили роман восторженно. По читательской почте видно, что многих мальчишек увлекли в морские дали — романтика и героические будни «Океанского патруля». Роман искренен, он учит мужеству, стойкости и преданности родине.

С большой надеждой на успех писателя в будущем отметили появление нового молодого автора и старшие коллеги по литературному цеху.

Знаменитый писатель-маринист Георгий Скульский на страницах центральной военной газеты «Красная звезда» писал: «Роман Валентина Пикуля “Океанский патруль” увлекает читателя с первых страниц и до последних держит его внимание в неослабевающем напряжении. Автор любит море любовью мужественной и высокой. Чем трудней и опасней морские пути, тем желанней они для героев его книги. Сами герои — люди цельные, волевые, суровые... Характеры их раскрываются в обстоятельствах, типичных для военного времени, в ситуациях опасных, напряжённых...

Автор написал первую большую книгу. Он искренен, несомненно, талантлив, но мастерство его ещё требует совершенствования...»

Спустя месяц после выхода «Океанского патруля» из секретариата Ленинградского отделения Союза писателей Валентин Пикуль получил письмо:

«Уважаемый Валентин Саввович! (Так в тексте письма. — А. П.)

Объявлен очередной набор слушателей на Высшие литературные курсы при литературном институте им. А. М. Горького.

Ленинградское отделение Союза писателей СССР предлагает Вам поступить на эти курсы.

Просим 18 апреля в 3 часа зайти к референту Ленинградского отделения Союза писателей СССР Г. С. Семёнову по вопросу поступления на Высшие литературные курсы. Зав. секретариатом Лен. отд. Союза писателей СССР — М. Под-рядчикова».

Было ещё одно предложение — поступить в Литературный институт им. А. М. Горького. Ответственный секретарь приемной комиссии Бондарёва в письме от 2 июня 1954 года писала Пикулю: «Было бы хорошо, если бы Вы прислали нам свой “Океанский патруль” и другие произведения, если они есть в рукописи (на машинке), а также заявление о приёме в институт, автобиографию, 4 фотокарточки, любой возможный документ об образовании и справки о здоровье, местожительстве и отношении к воинской повинности».

Теперь некоторые авторы мемуаров пишут, что Пикуль сам просил принять его в Литературный институт и на Высшие литературные курсы. Так почему же он не пошёл? Ведь его приглашали и не предъявляли никаких особых требований, ни сдачи экзаменов (экзамен сдан — вышел роман), а просили прислать только документы и «Океанский патруль».

Пикуль не пошёл на встречу к референту Г. Семёнову, не ответил на письмо ответственного секретаря приемной комиссии Литинститута. В этих обращениях он увидел, что его хотят «приручить», «подстричь под одну гребёнку» и «заставить ходить по струнке».

— Я хочу изучать то, что мне интересно, а не то, чему учат в институте. Этого не будет. Я не хочу писать под диктовку... В прежние времена не учили писать, а какие мастера выходили... Вспомните врача Чехова, инженера Достоевского, офицера-артиллера Л. Толстого... Самому надо иметь голову на плечах и учиться, тогда, может быть, и какой-то толк будет.

А сам автор впоследствии сурово оценил свой первый опыт: «Это не было моей удачей, много длиннот, рыхлость, избыток сюжетных линий, — всё это усложняет чтение. Это — пример того, как не надо писать».

Со временем Пикуль хотел переработать роман, но, прочитав его, отложил в сторону. «Мне легче написать ещё роман, чем ворошить старое, — резюмировал он».

Волна славы впервые коснулась Валентина. Из Ленинграда слава о рождении нового таланта пошла «по всей Руси великой...»

На какое-то время закружилась голова от похвал, а потом охватил ужас: о чём писать дальше?

Имя Валентина Пикуля стало знаменитым в литературных кругах и среди читателей. Его стали приглашать на литературные встречи и читательские конференции.

Во время одной из таких конференций в городской библиотеке Пикуль встретил свою очередную любовь. Он заметил её сразу, как только вошёл в зал. Не совсем удобно останавливать взгляд на человеке, но в одно мгновение заметил, — одета по моде, облегающее платье обтягивало её грудь, оттеняло белизну лица. Лёгкая шапочка-беретка едва надвинута на лоб. Она перелистывала его книгу, на столе лежала маленькая сумочка. После доклада о романе шло обсуждение. Пикуль записывал пожелания и замечания читателей. Неожиданно его симпатия попросила слово и стала подробно и образно характеризовать персонажей романа. Её речь была насыщена эпитетами, метафорами, прерывалась стихотворными строчками. Выступление девушки заставило Пикуля взглянуть на неё внимательнее. После конференции она подошла к Пикулью за автографом. Тогда-то он узнал, что зовут её Аней. Разговорились. Он проводил её до дома. Пикуль был застенчив с девушками, смущался, не любил и не

умел рассказывать анекдоты. Он стеснялся своей наружности, а более всего — бедноты. Встречи продолжались, и была, по крайней мере так ему казалось, общая влюблённость. В Анне для Пикуля открылся новый мир красоты и совершенства. Видеть её, быть рядом, — стало для него сущей необходимостью. В один из дней Анна пригласила к себе домой. Пикуль вошёл в квартиру и сразу почувствовал, что здесь живут зажиточные хозяева. В прихожей, на подставках, стояло около двадцати пар туфель. «Разве я могу содержать в таком благополучии свою жену, если сам хожу в баретках, замазанных гуталином?» — мелькнула мысль в голове. Впрочем, войдя в комнату, Пикуль уже не думал об этом. Какое великолепие! На стенах квартиры висели подлинники картин К. Кустодиева, В. Серова, Л. Семирадского, В. Замирайло и графические портреты её родителей. Да и вся обстановка квартиры говорила о семейном благополучии.

Пикуль смотрел, нет, любовался, произведениями искусства, на какое-то мгновение забыв, что он находится не в музее.

Жизнь и материальное состояние Пикуля и после выхода своего первого романа всё ещё целиком зависело от случайных заработков и переизданий «Океанского патруля». В этот период Пикуль не мог предвидеть всех перемен и сложностей, что принесут ему последующие годы, но тем не менее спустя три месяца после их знакомства сделал Ане предложение.

Все переговоры с родителями Анна взяла на себя. Пикуль ждал. Прошло всего десять минут, ему они показались часом. В этот миг он услышал стук каблучков, напрягся, предугадывая результат приговора. Анна шла с поникшей головой.

«Всё кончено», — пронеслось в голове. Так оно и произошло. Ещё не увидев её лица и выражения глаз,

он понял, что оборвалась тонкая ниточка и его последняя надежда на счастье. Родители оказались против брака с начинающим литератором. «Я тебе обо всём напишу», — сказала Анюта. И наступило молчание. Оставаться дальше вместе, выпрашивать любовь было не в характере Валентина...

Это событие в жизни писателя было отмечено вполне оригинально: он втиснул опыт своей личной жизни в рамки будущего романа, вставив письмо-объяснение Ани к нему в «Баязет»:

«Я не умею писать и говорить о том, что люблю тебя, и очень рада, что это так прекрасно... Ложусь спать, и ты рядом со мной, ты — это я, а я — это ты, и оба вместе мы могли бы быть счастливы... Как писать дальше — не знаю...

Прости меня, но мои родители против нашей свадьбы... Видимо, не судьба».

Пикуль завоевал сердце девушки, но не её родителей, а она не смела ослушаться.

Аня вскоре вышла замуж за инженера.

В любви он потерпел поражение. Осталось только одно — полностью посвятить себя литературе.

А между тем читатели всё чаще напоминали о себе. Газета «За металл» в сентябре 1956 года поместила большую статью З. Френкеля «Читательская конференция в цехе»: «“Океанский патруль” прочитали десятки связистов. Книга родила много споров, пробудила воспоминания, заставила задуматься о тяжёлом пройденном пути. По прочтении книги возникает чувство гордости за отважных и смелых людей разных национальностей, сумевших победить чёрные силы фашизма...»

О своих впечатлениях от прочтенного романа участники поделились с автором, написав ему письмо.

Валентин Пикуль ответил:

«...Мне, как автору, было весьма приятно и лестно получить от Вас письмо, в котором Вы хвалите мой первый роман “Океанский патруль”, не свободный от серьёзных недостатков. Чтобы сохранить последовательность, аналогичную последовательности поставленных Вами вопросов, позвольте мне раздробить своё письмо на ряд пунктов.

1. Да, мне, как и Вам выпало великое счастье воевать за нашу Родину, в 1942 году, имея от роду 14 лет, я убежал из дому и плавал на эсминце в заполярных водах Баренцева моря.

2. Искать в каком-то из героев самого автора — труд бесполезный, хотя некоторые детали моих переживаний достались (вернее механически перешли) на долю С. Ряби-нина.

3. Гибель Никонова и Рябинина, показанная мною “под занавес”, не раскрыта умышленно, и, несмотря на многие нарекания по этому поводу, моменты эти пусть остаются на совести автора.

Чрезвычайно рад, что моя книга удостоилась чести быть обсуждаемой на читательской конференции Вашего коллектива...

Сейчас я работаю над историческим романом “Аракчеевщина”. Материал чрезвычайно интересен, но работа предстоит упрямая и длительная...» — заканчивает своё письмо Валентин Пикуль.

Подступы к «Аракчеевщине»

Состоять членом Союза писателей в советское время было почётно. К тому же были и привилегии: издание книг, поездки по Союзу, Дома творчества. Квартиры, дачи... — это для литературной элиты.

К чести Пикуля, никакими привилегиями он никогда не пользовался, кроме займов денег из Литературного

фонда под очередной гонорар от издания книг.

После смерти И. В. Сталина в 1953 году в члены Союза писателей долго не принимали, и только в 1956-м «погнали табором всех, кто этого ждал».

На заседании секретариата, которое состоялось 11 октября 1956 года, Пикуль был принят в члены Союза писателей СССР. Писательский билет за № 1684 вручил ему секретарь Союза писателей Алексей Сурков.

С тех пор литература стала его профессиональным делом.

Приёмная комиссия спросила Пикуля: «Над чем вы работаете в настоящий период?»

И он со всей откровенностью ответил: «Над “Аракчеевщиной”».

Ответ насторожил литераторов, члены комиссии что-то переговорили между собой, но решение было единогласным: «Принять Валентина Пикуля в члены Союза советских писателей».

Поводом для работы над «Аракчеевщиной» послужил неординарный случай.

Друг по литературному объединению, Леонид Павлович Сёмин, рассказал ему о профессоре Ленинградского государственного университета Семёне Бенциановиче Окуне, который прекрасно читает лекции по истории России, словно декламирует стихи. Они отправились в университет. Прослушав лекцию профессора, «убивавшего» Павла, Пикуль загорелся желанием освоить время короткого царствования императора Павла, а затем пришедшего ему на смену сына Александра.

В какой-то мере с этим периодом истории он уже был знаком. Ещё в 1952 году Пикуль приобрёл увлекательную и интересную книгу историка Е. С. Шумигорского «Екатерина Ивановна Нелидова», в которой вскрыты тайные пружины событий русской истории конца XVIII — начала XIX века.

И Пикуль с головой погрузился в эпоху. Титульный лист сообщает нам, что роман начат в 1955 году, когда автор проживал по улице 4-я Красноармейская.

Рукопись насчитывает около сотни страниц.

Почему же столь давно начатый роман не состоялся?

Можно предположить, что в тот период молодому начинающему автору не хватило знаний и опыта для создания такого масштабного произведения, охватывающего длительный период русской истории.

Главный герой романа граф Алексей Андреевич Аракчеев, всевластный временщик при дворе Александра I, военный министр и организатор военных поселений в России. В своих руках во время царствования Александра он сосредоточил огромную власть. Докладывал обо всех происходящих событиях лично царю.

Брак с Натальей Фёдоровной Хомутовой был бездетным. От любовницы Н. Ф. Минкиной Аракчеев имел сына Михаила Андреевича Шумского, о жизни и деятельности которого Пикуль позднее написал миниатюру «Сын Аракчеева — враг Аракчеева».

Век XVIII и начало XIX столетия богаты событиями мирового масштаба.

Поэтому Пикуль был так равнодушен к этой эпохе: впоследствии он напишет объёмный роман в двух книгах «Слово и дело», «Пером и шпагой», двухтомный «Фаворит». И когда в очередной раз Пикуль сел за неподдающийся ему роман «Аракчеевщина», неожиданно ушёл из жизни профессор С. Б. Окунь, большой знаток истории, предметом исследования и любовью которого была сложная, таинственная и притягательная личность императора Павла.

Читатель В. Мицуров из Ленинграда писал Пикулью: «...очень ценил Вас покойный С. Б. Окунь, у которого я учился. Он был историком с большой буквы. Видели ли

Вы недавно вышедшую его книгу — “История России. Конец XVIII — Начало XIX века», если Вы не имеете этого источника, я пришлю его Вам».

Ктшга профессора С. Б. Окуня стоит на полке библиотеки Пикуля с автографом автора.

Пикуль, знавший и общавшийся со многими историками современности, не единожды подчёркивал: «Историки по-разному относятся к моим романам, одни — принимают, другие — нет. Замечу только, что и я, как исторический романист, во многом с ними тоже не согласен. Столько вранья нагрождено иногда в трудах учёных мужей, что эти мужи потеряли моё уважение.

Когда я только входил в литературу, моим рецензентом и консультантом являлся профессор С. Б. Окунь. Он в чём-то был не согласен со мной, но издателям всегда говорил: “Исторический романист имеет право видеть событие не так, как видим мы, историки”. От себя добавлю, что историки, художники, да и геологи, наверное, имеют своё мнение об извержении Везувия, но всё-таки для нас это событие остается памятным по картине Карла Брюллова “Последний день Помпеи”».

Прошло пять лет после выхода его первенца — «Океанского патруля», а ничего нового не появилось. Нельзя сказать, что Пикуль не работал. Он пробовал себя в разных жанрах — писал стихи, пьесы, сценарии, но писал в стол. Ничего нового не появилось на страницах печати.

Все эти годы Пикуль жил на гонорары от «Океанского патруля».

В прежние времена члены союза писателей шефствовали над вооружёнными силами. Кто брал пехоту, кто шефствовал над лётчиками, кто захотел чаще общаться с моряками и узнать их жизнь, кто решил ближе познакомиться с милицией.

Пикулю достался пожарный округ. Пожарный — это специалист по тушению пожаров. Пикуль дежурил при штабе Ленинградского пожарного округа через двое суток на третьи. Вместе с пожарными выезжал на тушение самых серьёзных пожаров, чаще всего связанных с преступлениями. Перед ним открылась новая область жизнедеятельности, о которой он совершенно ничего не знал. Его интерес к пожарам, как писателя, можно объяснить, как и то уважение, которое он испытывал к пожарным — людям героической профессии. С тех пор пожарное дело стало его увлечением — он начал собирать литературу, чтобы написать миниатюру об этих смелых и бесстрашных людях. Так была написана миниатюра «Куда делась наша тарелка?».

Пикулю материально жилось скромно, поэтому молодой автор подрабатывал в Союзе писателей выступлениями — в школах, пионерских лагерях, библиотеках, заводах, сельских клубах. Особенно любил встречаться с читателями в отдалённых районах страны: попутно он узнавал достопримечательности местности, посещал развалины старинных усадеб, кладбища. Почти из каждой такой поездки Пикуль привозил необходимые ему книги, которые иногда залёживались в сельских магазинах.

В декабре 1956 года проводился Всероссийский месячник по распространению книг советских писателей. В течение этого месяца в городах и сёлах устраивались книжные базары, оформлялись книжные выставки, устраивались встречи с читателями. Поэт П. Кустов и прозаик В. Пикуль были направлены в самый отдалённый, граничащий с Финляндией, Лесогорский район.

«Вечером фойе и просторный зал Дома культуры были переполнены. Книжная торговля с первых минут пошла бойко... Потом перешли в зрительный зал. Кустов

читал стихи, Пикуль — отрывки из романа “Океанский патруль”. Контакт со зрительным залом установился быстро...»

На следующий день выступали перед старшеклассниками Лесогорской средней школы, а вечером — в Светогорске — городе бумажников и энергетиков...»

Путешествия по городам и весям и встречи с читателями продолжались на протяжении нескольких лет. А в это время его первенец «Океанский патруль» быстро и успешно завоёвывал сердца читателей.

В новогодние дни 1961 года газета «Рыбный Мурман» рассказывала о писателях, — авторах книг о рыбаках: М. Зла-тогорове «Море слабых не любит», И. Портнягине «Опасное плавание» и В. Пикуле и его «Океанском патруле» и просила их поделиться своими планами.

Ответ Валентина Пикуля, в частности, гласил:

«...Я благодарен редакции газеты “Рыбный Мурман” — газеты людей рискованного труда — благодарен за то, что она предложила мне накануне нового года сказать вам несколько слов. В письме ко мне редакция отметила, что мурманчане и промысловики знакомы с моим романом “Океанский патруль”. Это меня порадовало, хотя я знаю — читатель, живущий в Заполярье, отнёсся к моему роману гораздо строже, нежели столичная критика...

Так уж принято, вступая в Новый год, оглянуться на прошедший и наметить планы на будущее. Конечно, у каждого из Вас большие планы, связанные с планом корабля... или того предприятия, на котором Вы трудитесь. Мои же планы несравненно меньше. Они ограничиваются лишь тем производством, которое вмещается во мне самом. Сейчас я готовлю к выходу в свет издание нового романа “Баязет” (исторического романа о Востоке). Но не теряю надежды в скором

времени вернуться к теме Заполярья, только уже мирного Заполярья. Что это будет — роман, повесть, киносценарий? — я пока не знаю. Но твёрдо знаю одно — в этой вещи будет говориться о рыбаках Мурмана...»

Обещание, данное читателям, Валентин выполнил: он написал два романа о событиях на Севере — «Из тупика» и «Реквием каравану PQ-17», об исторических событиях двух мировых войн и киносценарий «Солёная дорога» — о рыбаках.

Полоса метаний и поисков смысла жизни продолжалась у Пикуля долго: целых семь лет. Ничто не удовлетворяло молодого ищущего человека. Он старался написать что-то неординарное, захватывающее душу и сердце, но у него ничего не получалось, пока не окунулся в историю. Сам писатель признавался: «В молодости я жил без цели и плана, вёл легкую, даже легкомысленную жизнь — дружба, любовь, увлечение, — всё было, друзья и приятели, стремились ко мне с распростёртыми объятиями до тех пор, пока я не сел серьёзно за работу. Как только я углубился в историю, занялся самообразованием, — многие приятели стали врагами, называя графоманом и бездарностью».

Да и у критиков и литературных чиновников по ранжиру Пикуль не принадлежал к писателям первого ряда. Ведь «классиков» делают критики и литературоведы, а к нему они всегда находились в оппозиции. Зато у читателей Пикуль был и остаётся до сих пор — всегда на передовой.

Выход «Океанского патруля» стал для писателя сигналом боевой тревоги, которую он слышал всю жизнь...

Друзья-приятели юности

«В пору вхождения в литературу знакомых по литературному цеху было много.

В литературном объединении особенно близко сошлись с Виктором Конецким, Виктором Курочкиным, бывшим фронтовиком-танкистом. Мы любили поговорить о славе, о литературе, но не о женщинах, всё у нас было начистоту».

Как видим из признания самого писателя — не так уж много было настоящих друзей у Пикуля, если не считать друзей детства и школьных. Студентом он не был, литературных институтов не кончал, а самые надёжные друзья были среди юнгашей. Эти друзья оставили глубокий след в его душе: с ними в годы войны он прошёл и огонь, и воду, наматывая «горбатые» мили, где их постоянно поджидали подводные лодки противника, вражеские самолёты, — с ними делил кусок хлеба, от них видел помощь и взаимопонимание.

Время доказало, что юнги выдержали проверку дружбы на прочность.

Но жизнь не стояла на месте. Годы летели, и появились новые друзья по литературному цеху.

В Ленинградском отделении Союза писателей, располагавшемся в особняке, на улице Воинова, 18, в 1956 году состоялось совещание молодых писателей. Пикуль принимал участие в его работе.

Творческая дружба связала Пикуля с поэтом и морским офицером Михаилом Дмитриевичем Волковым и прозаиком Севером Феликсовичем Гонсовским. Знакомство переросло в дружбу и имело благожелательные последствия. Именно Север Гонсовский, в ту пору уже знаменитый писатель, познакомил Валентина со своей сестрой — Вероникой Феликсовной Чугуновой (Гонсовской), которая в марте 1958 году станет его женой.

Но самыми близкими в этот период друзьями и на долгие годы станут два Виктора — Конецкий и Курочкин.

Знавший Виктора Конецкого по училищу, автор «Океанского патруля» привёл в 1955 году демобилизованного с флота бывшего однокурсника, носившего тогда ещё отцовскую фамилию — Штемберг, в литературное объединение при издательстве «Молодая гвардия». Успехи молодого начинающего литератора быстро пошли в гору. В первое время Виктор специализировался не только на рассказах, но больше всего в написании сценариев и в этом деле достиг совершенства.

Занимаясь у Всеволода Рождественского, они представляли собой «тройственное согласие», для того чтобы в трудную минуту жизни поддержать друг друга.

Трудно сейчас сказать, кто дал им прозвище «Три мушкетёра», но это меткое выражение «приклеилось» к ним и определяло их поведение: «Но кто из нас кто, мы так и не знали». Эту знаменитую тройку «Мушкетёров» часто видели в ресторане Союза писателей, в кафе и в закусочных. Нередко они собирались у Валентина, в его «скворечнике» на 4-й Красноармейской, обсуждали планы, шутили, острили, разыгрывали друг друга. Выпивали, порой крепко. Поведение трёх молодых людей, сжигающих молодые талантливые силы, было вынесено на обсуждение секретариата Союза писателей. Руководивший в тот период организацией Александр Прокофьев поставил вопрос об отчислении «Мушкетёров» из Союза. Но многие члены писателей, сами грешившие пристрастием к спиртному, проголосовали против исключения. «Мушкетёров» пожурили, сделали предупреждение и оставили членами писательской организации.

После разборки в Союзе писателей Витя Курочкин сказал: «Это мероприятие надо отметить». Ни у кого в

кармане не было и «колотого гроша». Витя Конецкий снял с руки часы и сказал: «Подождите, ребята, я сейчас вернусь». И помчался на Лиговку. Минут через 15 он вернулся повеселевший:

— Пошли, ребята, обмоем тёплые речи наших наставников.

Время «мушкетёрства» описано Виктором Курочкиным в рассказе «Кефирные сны».

Однажды Всеволод Александрович посоветовал Пикулю: «Вы и Ваши легковёрные друзья губите в себе таланты. Я бы, как Ваш наставник и старший товарищ, посоветовал Вам отойти от них и идти своей дорогой».

В одном из многочисленных интервью Валентин скажет: «Я, по крайней мере, никогда не ощущал такого полного доверия и понимания ни у кого, кроме Конецкого и Курочкина». Но это было в часы их творческого становления.

Нелёгкая доля выпала на всех троих.

Все трое пережили страшную зиму ленинградской блокады. А Витя Курочкин вместе с отцом трудился на заводе.

После смерти отца в 1942 году и прорыва блокады он был эвакуирован в Ульяновск, где окончил танковое училище. Воевал лейтенант Курочкин на Курской дуге, форсировал Днепр и Вислу...

Вышедшая из-под его пера повесть о танкистах «На войне как на войне» ошеломила читателей талантливо выписанной правдой. Повесть удачно экранизирована и имеет большой успех у зрителей.

Виктор Конецкий поддерживал более тесные связи с Пикулем не только в Ленинграде, но и в Риге, забегаая перед очередным рейсом на огонёк.

Продолжим разговор о друзьях-приятелях. Общую симпатию питали друг к другу Валентин и Леонид Павлович Сёмин. В прошлом Леонид испил горькую

чашу узника Освенцима, Маутхаузена и Майданека. Совершил три побега из немецких лагерей.

Леонид Сёмин прошел не только немецкие, но и сталинские лагеря. Об этом он написал в книге воспоминаний.

Дороги друзей расходились всё дальше и дальше... В 1962 году в связи с переездом Пикуля в Ригу Леонид Сёмин, Виктор Курочкин и Валентин расстались, как показало время — навсегда. Редкие предновогодние поздравления направляли друг другу, но Пикуль предчувствовал, что с Леонидом что-то происходит. И это оказалось правдой.

Листая страницы журнала «Аврора», Валентин наткнулся на повесть «Горбатый стакан». Прочитал. Тогда-то Пикуль и понял, что Леонид попал в беду, имя которой пьянство. Как оказалось, вино и талант — несовместимы. Он верил в Леонида, но в данном случае «горбатый стакан» оказался сильнее. И в 1982 году ушёл из жизни, сгинул этот незаурядный талант.

Валентин вспоминал: «Если была бы нормальная семейная обстановка, Лёнька выкарабкался бы из этой ямы — он сильный, но к этому зелью пристрастилась и жена... И погиб талантливый писатель — смелый, принципиальный и добрый человек»...

Целых семь лет потребовалось Пикулью, чтобы преодолеть расстояние, отделяющее первый роман от второго. Для писателя — это большой срок. Сколько бы он мог создать произведений за этот период! А как много разочарований было в жизни, вплоть до вывода: взялся не за своё дело, только начав писать, — исписался.

На многих совещаниях говорилось о нём как о подающем большие надежды молодом писателе.

Анализируя эту ситуацию, писатель Владимир Дягилев пишет: «Почему же у нас всё ещё мало молодых писателей? Почему юный Шолохов был уже

писателем? Почему “Брага” и “Орда” двадцатипятилетнего Тихонова волновали сердца читателей? Почему молодой Фадеев написал свой замечательный “Разгром”, сразу же был признан и зачислен в семью советских литераторов? И почему теперь писателями становятся те, кому за тридцать?..

Неужто оскудела талантами земля русская? И это не так...

Конечно, хорошо, когда первая книга становится заметным произведением. Бывает, что первая книга — лучшая книга автора. Но чаще всего автор растёт от книги к книге. Или вдруг совершает неожиданный творческий взлёт. Вот и надо подбодрить его вовремя, не дать разувериться в своих силах, не дать молодому автору постареть...

Ленинградец Валентин Пикуль много лет работал и ждал опубликования своего романа “Океанский патруль”. И лишь через два с половиной года после появления этой хорошей книги был принят в союз...»

Ни одна книга не проходит бесследно для писателя — каждая из них оставляет зарубку на сердце, каждая составляет свою веху в жизни.

Тему для нового романа Пикуль нашел совсем неожиданно: ему подсказала её недавняя история.

Глава вторая. Следопыт истории

Роман «Баязет»

«Роман “Баязет” я считаю первым историческим романом, именно с него начался отсчёт моей исторической романистики. После написания “Баязета” я опубликовал много разных книг, но “Баязет” на всю жизнь остался мне близким и дорогим, как первенец матери...» — вспоминал В. Пикуль.

В жизни каждого из нас бывают такие непредвиденные случаи, которые благотворно влияют на судьбу человека и его работу. Так случилось и с Пикулем. В пору его «метаний» и «качки», в пору горестных раздумий, писатель Сергей Сергеевич Смирнов вёл поиски и открывал неизвестных миру героев Брестской крепости. По радио об этом говорили день и ночь. Пикуль прислушался и вспомнил: подобный подвиг героев он уже встречал в русской истории — это подвиг защитников крепости Баязет.

По сути дела, герои Бреста 1941 года повторили подвиг дедов и прадедов, оборонявших Баязет во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

Открытие Смирнова совпало с внутренним настроением Пикуля: «Вот это и есть то самое, о чём я должен писать». Валентин «заболел “Баязетом”».

Титульный лист рукописи сообщает нам, что роман был начат 27 декабря 1957 года с подзаголовком — восточный роман.

Как известно русско-турецкая война шла по двум направлениям: Балканском и Кавказском. О событиях войны на Балканах написано немало, а тема Кавказского фронта отражена в нашей исторической литературе и науке явно недостаточно. К этой теме

прикоснулся Валентин Пикуль и выступил здесь практически *первопроходцем*. Если на Балканы были брошены огромные силы России, то войну в Закавказье русское командование решило вести силами Кавказского военного округа. Из семи дивизий округа против турок было выставлено только четыре, остальные оставались в тылу для поддержания порядка и устрашения горцев.

«С большой робостью я садился за свой первый исторический роман “Баязет”. Тут я понял заманчивую сложность этого дела. Пишущий о современности не задумывается сажать своих героев за стол, поить их чаем и кормить бисквитами; он живёт среди героев, и потому их привычки — его привычки. Совсем иное в историческом романе. Сказать, что герои сели пить чай, — это значит, ничего не сказать о чаепитии. Ведь сразу возникает масса вопросов: был ли у них чайник? как заваривали чай? из чего пили? с сахаром или без сахара?.. Вот на таких исторических мелочах романист чаще всего и попадает».

Баязет — лежащий у границ России и Персии, недалеко от большой дороги из Эрзерума в Тавриз, — многоплемённый, многоязычный восточный город...

Местность, на которой расположился город, прорезана горами, отвесные скалы окружают его с двух сторон. На одном из уступов города расположена крепость. Жители — турки, курды, армяне, персы, эмигранты из Чечни и Дагестана, русские сектанты — молокане, — чья только речь не слышится на его кривых и узких улочках Баязета.

Вследствие своего выгодного географического положения турецкое командование считало Баязетскую цитадель важным стратегическим пунктом, взяв который, туркам открывался путь в православную Армению. Поэтому «русский солдат вместе с армянами

должен выстоять, чтобы спасти немусульманское население Кавказа.

Когда турки овладели городом, русский гарнизон был заперт в цитадели, совсем не приспособленной для длительной обороны».

Захваченный врасплох гарнизон Баязета, насчитывавший 34 офицера и 1587 нижних чинов, мужественно оборонялся и храбро отстаивал крепость, бесстрашно отбивая все атаки противника, яростно бросавшихся приступами на взятие цитадели.

За время осады врагом было сделано восемь предложений о сдаче. В первых трёх предложениях сообщалось, что в случае отказа — гарнизон будет уничтожен, во всех последующих противник смягчал свои требования, но выставлял обязательным условием — сложить оружие.

«Командующему в Баязетской крепости: “вчера я Вам забыл известить о положении Закавказского войска Ге: Ло-рис-Меликов, имея желание свои войска соединить с Генералом Тергукасовым в Ерзеруме будучи побиты в сражении Сованлы даг вернулся назад и отступил от Карса — как Г. Тергукасов в будучи в несколько сражений побежден с потерей около семи тысяч и в среду перешел границу — остались только вы в этой крепости, по тому я обращаюсь к вам из чувством чисто человеческим, чтобы вас избавить от очевидной потери и потому это известие вам посылаю как с тем и моего родственника ротмистра Даудова словесаго переговорара и вашего забеспечения — еще раз советую вам напрасно не продолжайте времени и присылайте свои условия или каво нибудь для переговорара.

Генерал Лейтенант Его Величества Султана Свиты.

25 июня 1877 года. Шамиль”»^[1].

Все требования о капитуляции защитниками крепости были отвергнуты.

Комендант Баязета отвечал Кази-Магоме Шамилю Дагестанскому:

«Если вы так сильно желаете взять крепость, берите нас силою. Русские живыми не сдаются. По первому же высланному переговорщику прикажу стрелять».

28 июня Эриванский отряд генерала Тер-Гукасова освободил гарнизон Баязета.

За участие в войне на Кавказе генерал Тер-Гукасов был награждён орденом Святого Георгия 3-й степени, генерал-адъютант Лорис-Меликов получил орден Святого Георгия 2-й степени.

Баязет выдержал, выжил и стал символом русской славы...

Роман состоялся. О Валентине Пикуле заговорили как об историческом романисте.

Рецензенты романа по достоинству оценили книгу: «“Баязет” — весьма интересная и полезная книга. Это книга острого сюжета, динамичного повествования, но главное — она делает читателя причастным к действительным историческим событиям, к судьбам разных людей, живших столетие назад и выполнявших свой нелёгкий долг сообразно тому, как они могли представить его в то время и в той реальной обстановке. Короче — роман “Баязет” правдив» (А. Д. Желтяков, доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего Востока ЛГУ).

Доктор исторических наук, профессор А. Ф. Смирнов, по прочтении рукописи писал: «Нет необходимости пересказывать содержание романа, в основе своей исторически правдивого. Автору удалось воссоздать правдивые образы героев “Баязетского сидения”... Опираясь на данные, собранные в ходе своих разысканий и бесед с потомками своих героев, автор прослеживает дальнейшую судьбу их. Пережитое ими во время войны только закалило их, укрепило в

мысли о первейшей необходимости освобождения родины от прогнившего режима...

Таков путь офицера Ю. Некрасова. Его образ отчётливо вырисовывается на фоне бесшабашной удали и глупой смерти — героя “сидения” Карабанова, создание которого несомненная удача романиста. По своему интересен жизненный путь и других героев Баязета, прослеженных автором. Все они остались честными, скромными служителями истины и добра, патриотами России».

Договор на первое издание «Баязета» был подписан автором 29 января 1959 года с директором Ленинградского отделения издательства «Советский писатель» Л. Л. До-сковским. Роман увидел свет в 1961 году.

Чтобы не прерывать повествование о «Баязете», заглянем в 1982 год. Через 20 лет роман, ставший к тому времени библиографической редкостью, вышел вторым изданием. Лениздат, где выходила книга, поставил перед автором условие: убрать или сократить курдскую проблему, которая в «Баязете» была представлена довольно объёмно. В это трудное для писателя время Пикуль пошёл на сокращение. Однако жизнь подсказывает, что автор был прав, ещё полвека назад поднимая курдскую проблему, — нельзя перечеркнуть историю целого народа...

В настоящее время курдская проблема переросла в злободневный национальный вопрос, который никак не решить приказами, ибо нельзя подогнать историю народа под политические проблемы.

В этом издании впервые помещено обращение автора к армянскому читателю.

Писатель получил много благодарственных писем из Армении, которые особенно радовали автора. Высокую оценку историческому роману дал историк Саркисян из

Еревана: «Книга написана честно, правдиво, без прикрас».

Отрадно отметить, что с каждым годом возрастает интерес режиссёров к творчеству Пикуля. Так было и с романом «Баязет».

В октябре 2003 года на канале «Россия» стартовал 12-серийный фильм.

Прежде чем фильм вышел на экран, пришлось много поработать: я передала создателям фильма карты боевых действий, схемы, гравюры крепости, портреты исторических персонажей, иллюстративные материалы, имеющиеся в архиве писателя.

Отзывы зрителей о сериале самые доброжелательные. Правдиво и убедительно исполнили роли главные персонажи романа: Алексей Серебряков (Андрей Карабанов) и Ольга Будина (Аглая Хвощинская).

Журналист К. Маркарян в газете «Комсомольская правда» писал: «Пикуль мерил жизнь томами книг, а теперь к ним прибавились сериалы...»

Семейный корабль

После посещения Ленфильма, когда ему вернули сценарий, в душе Валентина что-то словно надорвалось, — садиться за следующую главу «Аракчеевщины» или какой-то рассказ не хотелось: всё равно не напечатают.

Об этом размышлял автор «Океанского патруля», выходя с Ленфильма в мрачном настроении, и совсем неожиданно столкнулся с Вероникой Гонсовской.

— Какими судьбами здесь, Валентин? — улыбаясь, спросила Вероника.

Пикуль поведал о своих «приключениях».

Чтобы успокоить его, Вероника предложила:

— У нас сейчас просмотр фильма. Пойдём?

Пикуль плохо запомнил фильм, его смущало присутствие Вероники. Она и раньше ему нравилась...

Поблагодарив за приглашение и просмотр фильма, Пикуль неуверенно пошутил:

— Мне садиться за новый сценарий, чтобы снова встретиться?

Вероника оставила свой номер телефона. И встречи их стали постоянными. Жизнь для Пикуля обрела смысл...

До этой встречи Пикуль решил ни в коем случае не жениться, а полностью посвятить себя творчеству. Завести подругу и жить спокойно, ведь подруге надо меньше уделять внимания, чем жене.

Но случилось непредвиденное. Встреча с Вероникой, с которой познакомил брат, оказалась роковой: какая-то магическая сила влекла его к ней. Хоть и приходили в голову мысли Шопенгауэра: «Жениться — это, значит, уменьшить свои права и вдвое увеличить свои обязанности», — он отбрасывал их и сознательно шёл навстречу судьбе. Часто разговор заходил о брате Севере — успешном талантливом писателе, который только что закончил книгу с красивым названием «Надежда».

Вероника размышляла: всё в жизни происходит неожиданно, даже тогда, когда уже от неё ничего не ждёшь, — но этот молодой человек приятной наружности, подающий большие надежды в литературе, заинтересовал её. Сердечная глубина переживаний сочеталась с мучительными сомнениями. Она дала ему повод надеяться на взаимность.

«Когда я сделал предложение Веронике, она так пристально посмотрела на меня своими выразительными глазами, что я немного оробел: вдруг высмеет. Она отнеслась к предложению серьёзно и предъявила одно условие: она оставит свою фамилию —

Чугунова, поскольку её сын служил тогда в армии. По отношению ко мне эта властная женщина проявляла материнскую нежность...»

И в это же самое время Валентин вёл ожесточенную борьбу с матерью, которая никак не хотела видеть своей невесткой женщину бальзаковского возраста. Она уже и невесту *для* сына подыскала, и вдруг такой неожиданный поворот.

Сын сказал как отрезал:

— Вероника меня любит, и я её люблю, а это главное.

А соседи по коммуналке, где жила Вероника, тоже судачили:

— Подумать только, Феликсовна-то себе нового «хахалю» завела. Да ненадолго. Моряк. А его жизнь в море.

Однако ни прогнозы матери, ни прогнозы соседей не оправдались.

23 марта 1958 года Валентин и Вероника поженились...

В «Ночном полете» Валентин пишет: «Накануне свадьбы Вера Панова, зная мою невесту как партнёршу по преферансу, позвонила ей по телефону.

— Вероника, — встревоженно спросила она, — неужели это правда, что вы решили стать женой Валентина Пикуля?

Вероника созналась, что решилась на этот непростой шаг.

— Ну, тогда вы смелая женщина! — поздравила её Панова.

Союз двоих любящих сердец оказался тесен и долговечен. В эти первые дни становления исторического романиста, да и в последующие годы, Вероника оказалась тем человеком, с которым хотелось делиться своими планами, успехами и выводами. Без её самоотверженной постоянной и любовной поддержки,

возможно, многого бы он не добился. Теперь её интересы зависели от успехов мужа, которого она боготворила. Пикуль был на редкость заботливым и любящим мужем.

У Вероники был сильный и строгий характер в сочетании с приятной внешностью, у Валентина — сильный и упрямый. Двум таким любящим — ужиться было нелегко, но из всякого семейного кризиса они достойно выходили, делая уступки друг другу. А размолвки в первые годы совместной жизни чаще всего были из-за встреч Пикюля с друзьями, которые заканчивались пьянками. Но как ни странно, каждая размолвка не ослабляла, а, наоборот, укрепляла семейные узы.

О себе Вероника рассказывала неохотно. Зато Пикуль каждый раз, когда разговор заходил о родословной жены, подчёркивал: «Она у меня аристократка».

Работа над «Баязетом» подходила к концу, когда Вероника, работавшая в тот период в администрации Лен-фильма, вместе с труппой была отправлена на Кавказ на съёмки фильма «Коста Хетагуров». Пикуль примкнул к труппе. Ему, как писателю, было интересно познакомиться с бытом, обычаями многочисленных народов, населяющих Кавказ, о которых он писал, почувствовать обстановку и атмосферу горцев — хоть раз взглянуть на них своими глазами. И с первого взгляда он влюбился в Кавказ, восхищаясь его величием и красотой.

На Кавказе Пикуль впервые пытался сниматься. Для массовок всегда не хватало людей, и он стал постоянным участником съёмок. В архиве писателя сохранилось много фотографий, которые запечатлели разные моменты того давнего времени.

Рукопись «Баязета» сдана в издательство — пора браться за новую страницу истории.

Но так уж устроен человек, что до сих пор он завидует свободному полёту птиц, пытаясь выявить его секреты. Так и Пикуль, с каждым днём пытался расширить круг своих интересов, отыскивая в истории тему для очередного романа.

Писательское чутьё — замечательное качество, оно напоминает скорее интуицию. И на этот раз чутьё не подвело, да и во многом помогла современность.

Приближался 150-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. В газетах и по радио часто говорили о войне с Наполеоном, читали отрывки из романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Изучая Отечественную войну 1812 года, Пикуль обнаружил интересный момент: когда Наполеон находился в Москве, генерал-республиканец Клод Франсуа Мале, двоюродный брат Руже де Лилля, автора «Марсельезы», захватил в Париже власть у узурпатора и продержал её в течение трёх часов. Пикуль проникся симпатией к главному герою и за короткий срок написал небольшой по объёму роман «Париж на три часа», который был опубликован в девятом номере журнала «Звезда» за 1962 год.

Действие романа развивается динамично, с большой любовью к главному герою.

Пикуль считал начало романа — его первую фразу — удачным. Именно первые фразы, как он говорил, ему редко удавались. Она несёт много информации: «Один император, два короля и три маршала с трудом отыскивали себе для ночлега избу потеплее».

Заговор окончился крахом, но образ мужественного генерала Франсуа Мале, ярко и с любовью выведенный автором, надолго останется в памяти читателя.

Эпитафия Мале де Лавиня гласит: «Судьба была против него, и он погиб жертвой тирана. Но великими были дерзания его».

В романе «Париж на три часа» Пикуль впервые обратился к истории русско-французских отношений,

которые найдут своё продолжение в более поздних его произведениях.

Когда появился в печати «Париж на три часа» семья Пикулей готовилась к переезду на новое место жительства.

Вероника, как опытная женщина, на карту своей жизни поставила создать условия, которые способствовали бы работе мужа. В Ленинграде тихую семейную идиллию часто нарушали друзья, которые отвлекали Валентина от работы.

Тогда Веронике пришла смелая мысль — переехать в Ригу, где она жила до войны и работала в пищевой промышленности.

Получен гонорар за «Баязет» и короткий роман «Париж на три часа». Вероника всё чаще напоминает Пикулю о Риге.

Первое время он и слышать не хотел. «Как я могу оставить родной Ленинград», — возмущался Валентин на очередное предложение Вероники, но поехать на время, *лет на пять*, чтобы встать на ноги, согласился. А к этому времени, может быть, сменится руководство ленинградской писательской организации, с которым у него были сложные, натянутые отношения.

Вероника заранее списалась с подругами, чтобы они подыскивали подходящий обмен. Полгода спустя — счастье улыбнулось. Был найден прекрасный обмен, который устраивал обе стороны.

Прощание Валентина с Ленинградом было долгим и трудным. Здесь он вылетел из гнезда, здесь началась его литературная деятельность, здесь получил признание. Атам, в неизведанном мире, — новые рубежи, новые люди. Блеснёт ли там луч надежды и счастья? Пикуль с душевной болью рвал тонкую нить, которая соединяла с родиной...

Глава третья. Здравствуй, Рига!

Своё первое изучение Латвии Пикуль начал с газет: покупал много периодики, чтобы быть в курсе событий.

Когда впервые встречаешься с новым городом, хочется знать не только его настоящее, но и прошлое. Рига — город особенный. Его значение выходит далеко за пределы Латвии. Почти восьмисотлетняя жизнь города и его развитие занимает почётное место в мировой истории.

«Сколько ни говори о Риге, всё равно будет мало. Сколько о ней спето песен, написано стихов, создано картин, снято фильмов». Трудно найти такой портовый город со столь своеобразной историей и климатом: важнейший порт Балтики, влияние и значение которого во все времена оценивалось высоко. Находясь на перепутье между Европой и Азией, город играл и играет исключительную роль в торговле.

Название «Рига» родилось в самом начале XIII века. От этого названия веет былинной стариной. Основанная немецким епископом Альбертом в 1201 году, Рига быстро строилась и в 1225 году получила статус города, а в 1282 году вступила в Ганзейский союз.

К этому времени Рига уже «обладала многочисленным торговым флотом, войском и военными кораблями», вела оживлённую торговлю с немецкими городами, а также с Новгородским, Витебским, Смоленским княжествами.

Поэтому первым делом Валентин решил заглянуть в сохранившуюся старину Латвии: совершил поездки в усадьбы Яунпилс и Яунмоку, возведённые ещё во времена Ливонского ордена. Посетил города Цесис (Венден), Бауск, Кулдигу, Лиепая (Либаву), Елгаву (Митаву), объехал многие погосты.

Рига мало соответствовала городу его воображения, но здесь ему предстояло жить и работать, значит, в первую очередь, он должен знать историю Латвии, её искусство, литературу, географию, архитектуру...

Пёстрый ковёр черепичных крыш... Старина. А за ней — корпуса новых заводов. Вековые липы развесили тяжелые ветви над брусчаткой тротуаров. На каждом шагу приходилось останавливаться, вглядываться в контрасты старины, в которой застыло время и совсем рядом соседствовала современность, о которой напоминали шаги современников, возвращая к действительности.

Пикуль любил прогулки по улице Кирова, ныне Элизабет, Стрелниеку, Алберта, где многие строения выполнены в югендстиле. Каждый дом неповторим. У Пикуля закралась даже такая мысль: ему захотелось написать историю красивого дома и судьбу его обитателей.

— Интересно, были ли счастливы люди, живущие в таких красивых домах? — нередко задавал он вопрос сам себе.

Названия многих улиц незнакомы. Но улица, где предстояло жить, была названа в честь одного из организаторов Коммунистической партии Латвии в 1918-1920 годах, бывшего председателем советского правительства Латвии, — Петра Ивановича Стучки.

Многовековую историю Риги Пикуль решил изучать, посещая музеи. Свой первый поход он совершил в Художественный музей, распахнувший двери ещё в 1869 году. В нём сосредоточены основные сокровища латышского изобразительного и прикладного национального искусства. Произведения Я. Розенталя, В. Пурвита, Ю. Феддер-са, К. Гуна, Л. Свемпа поразили воображение писателя.

К своему великому удивлению, Валентин обнаружил огромное количество картин старых русских мастеров:

Роко-това, Антропова, Репина, Кустодиева, Брюллова, Левитана и огромную коллекцию картин Н. К. Рериха, предки которого жили в Латвии. Да и сам Николай Константинович неоднократно посещал Латвию. Им написаны виды старой Риги, церковь Святого Петра. Разглядывая картины Н. К. Рериха, восхищаясь экзотикой его полотен, необыкновенной игрой красок, Пикуль увидел что-то знакомое: Да — это Коровин. Настоящий Коровин — его творчество Валентин хорошо знал. Очарованный и восхищённый, он замер перед картиной. В Художественный музей Риги Пикуль обязательно приводил своих гостей, выступая в данном случае в качестве гида. С годами Валентин стал своим человеком в музее. Ему позволили посмотреть даже запасники музея.

Поразил писателя своим богатством и разнообразием экспонатов Музей истории Риги и мореходства, созданный в далёком 1773 году. Его коллекция насчитывает более полумиллиона предметов старины. Но Валентин, как моряк, подолгу останавливался у каждого морского экспоната, рассматривая утлые судёнышки прошлого, на которых бесстрашные люди в далёкие времена выходили в мировой океан, боролись со стихией и побеждали! Он восхищался мужеством и подвигами предков.

Самая старинная церковь в Риге — храм Святого Петра, который упоминается в летописи в 1209 году. На протяжении веков он несколько раз горел, разрушался. Пострадал и в первые дни войны: была разрушена башня и несущие конструкции. В огне погибли украшения интерьера, средневековые гербовые щиты и витражи.

Валентин долго всматривался в высотного золотого петушка, который возвышался над землей на высоте 123 метров. «Что символизирует петушок? — спрашивал

он сам себя. Конечно же, — это страж города, страж порядка».

Музей истории медицины Пикуль открыл случайно, прогуливаясь по улице Паэглес (ныне Антонияс), и стал его постоянным посетителем. Это один из самых молодых музеев Риги, открывший свои двери для посетителей в 1961 году. В основу музея положена богатая коллекция врача и учёного Павла Ивановича Страдыня, которую он собирал на протяжении нескольких десятилетий, а затем подарил городу. Экспозиции музея отражают развитие медицины от момента зарождения (разных времён и народов) и до наших дней. Валентина особенно поражал раздел музея средневекового периода, где почти в реалистической обстановке отражены нашествие чумы и холеры, которые уносили миллионы человеческих жизней.

Именно посещение Музея истории медицины натолкнуло Пикуля на написание миниатюры «Письмо студента Мамонтова».

В 1910 году Илья Мамонтов учился на 5-м курсе Военно-медицинской академии, когда в Харбине была обнаружена самая заразная лёгочная чума.

«Если чуму не задержать в Харбине, она как сумасшедшая, со скоростью курьерских поездов проскочит Сибирь и явится здесь, в Европе!»

Сделав себе противочумные прививки, он добровольно отправляется для борьбы с чумой.

Всемирно известный эпидемиолог-чумогон Д. К. Заболотный сказал Илье:

— Кончай, Илья, академию, и я беру тебя в ассистенты. Будем вместе гонять чуму по белу свету, пока не загоним её в тесный угол, где она и сдохнет под бурные овации всего мира!

И еще одна причина заставляла писателя чаще посещать Музей истории медицины. Дело в том, что в музее Пикуль постоянно покупал новые выпуски —

сборники статей «Из истории медицины», которые начали издаваться с 1957 года и представляли огромный интерес для писателя. В них публиковались очень редкие ценные материалы, найти которые в обычной библиотеке практически невозможно. В библиотеке Пикуля представлено с десятков таких сборников.

Писатель собрал довольно обширный материал о П. Страдыне, мечтая с течением времени написать миниатюру об этом подвижнике. «А если говорить серьёзно, то этот человек достоин не миниатюры, а большого произведения маститого писателя, ибо и дела его велики, и сам он был велик!»

Благодарные предки не забыли дела и творения великого медика-учёного. Его имя носит одна из центральных клиник города Риги.

Неподалёку от дома Пикуля расположен интересный по своему содержанию, наверное единственный в бывшем Союзе, Пожарно-технический музей, в фондах которого около 20 тысяч экспонатов. Интерес представляет коллекция автомобилей, насосов, огнетушителей, других технических сооружений. Наглядная агитация (афиши, плакаты), награды, нумизматика, произведения искусства.

Посещая музей, Пикуль надолго задерживался у стендов, вспоминая свою молодость, когда он вместе с пожарными выезжал на вызовы.

«И с тех пор, вдохнув трагического дыма случайных пожаров или преступных поджогов, я остался навеки... влюблен в тех мужественных людей, что гасят адское пламя и которые ради людей жертвуют своей жизнью».

Эта страница жизни натолкнула Пикуля написать миниатюру «Куда делась наша тарелка?», повествующая о пожаре в Зимнем дворце в декабре 1837 года.

С переездом в Ригу наступила новая веха в творчестве писателя. С первых дней пребывания в Риге он убедился, что жить на новом месте трудней, чем на родине. Здесь никто не поможет, он полностью должен отвечать сам за себя. Одновременно с этим выводом он вырабатывал и новые качества характера, чтобы лучше знать и уважать обычаи, привычки, культуру коренного народа. Это для него была своего рода школа жизни.

«Нарисованный Вероникой образ Риги в розовых тонах скоро приобрёл серый оттенок, но не оттого, что я изменил свое отношение к Риге, наоборот, я полюбил её». Мрачность настроения Пикуля объяснялась материальными трудностями.

Заработка не было, а надо было кормить себя и жену. В те времена устроиться на работу было легко, но Вероника ни дня в Риге не работала, понимая, что она нужна дома. И она была рядом с Валентином в самые трудные годы его становления.

Ради справедливости стоит сказать — Вероника доставляла ему и много огорчений своим пристрастием — игрой в карты.

Жилищные условия были хорошие. Сразу после войны этот дом был построен для офицеров штаба и политуправления командующим Прибалтийского военного округа Иваном Христофоровичем Баграмяном.

— Странный был дом, — скажет Пикуль в одном интервью. — Если кто-то из генералов покупал чешскую мебель — она была модной в то время! — её жильцы пытались тоже обзавестись такой же. Когда появилась мебель с полками для книг — соседи стали «библиофилами».

«Дом — это где твоё сердце», — говорили древние философы, утверждая тем самым, что жилище человека — неотъемлемая и важнейшая часть его жизни.

На одной лестничной площадке жила семья подполковника Владимира Павловича Шадрина, с

которым Валентин подружился. Начитанный и отзывчивый Владимир всячески хотел помочь писателю в нелёгкой жизненной обстановке.

Иногда Пикуля приглашали «на чай», где собирались сослуживцы Владимира Павловича. Пикуль оказывался в обществе трёх Володей: Шадрина, Мотрия и Краснящих. В обществе этого трио было всегда интересно: рассказывали о службе, новостях, концертах, которые они устраивали в Доме офицеров.

В этом же доме поселился и генерал-майор Геннадий Михайлович Громов, который покорила Пикуля тем, что пришёл знакомиться с ним не в генеральской форме, а в спортивном костюме. А потом изредка заходил к писателю на огонёк.

Что касается Вероники, то она быстро вошла в рижскую обстановку, не падала духом, не поддавалась усталости, вела себя так, как будто всё это ей привычно и не доставляет никаких неудобств. Здесь уклад жизни был более размеренный и мелодичный. В своей матушке-России, оставленной ими на время, этого не было.

Чтобы заполнить свободное время с пользой для семьи, она пошла на курсы кройки и шитья. Ни для кого не секрет, что купить что-то модное и интересное в советское время можно было по блату (как не люблю это слово!) или отстояв огромную очередь. Кое-что из вещей ей присылали подруги из Израиля. Но чтобы ни от кого не зависеть, отныне все необходимые для себя и Валентина вещи шила сама. Даже полушубок сшила Пикулю из своей старой шубы. Вкус у неё был отменный. А предпочтение в своём наряде ещё в те давние времена она отдавала брючным костюмам.

Вероника была коммуникабельной личностью. При общении с ней создавалось такое впечатление, что она всё умеет. Когда она болела или Пикуль был занят, она

часто звонила и просила принести необходимые книги на дом.

Вероника была редчайшей хозяйкой. Она в полной мере обладала русским гостеприимством, была внимательной и заботливой до мелочей. Пикуль забавлял гостей, рассказывая разные истории, а она создавала уют за столом.

Некоторые современники называют её не в меру гордой. По моему убеждению, это определение к ней мало подходит: многим она отказывала от встреч с Пикулем, чтобы сберечь драгоценное рабочее время писателя, а в таких случаях нужно быть исключительно тактичной, чтобы не обидеть ни читателей, ни корреспондентов, ни критиков.

Вероника делала всё для того, чтобы её любимый муж мог спокойно и плодотворно работать в новой обстановке.

Весной 1963 года Пикули сняли дачу на острове Булли — в 15 километрах от города, где проживали по 7-8 месяцев в году. Этот двухэтажный дом на улице Дзинтару, в котором Пикули арендовали второй этаж, знали в первое время только приезжавшие редакторы и родственники. Потом круг расширился — появлялись прежние друзья из Ленинграда по литературному цеху, читатели, киношники...

Хозяева дачи Хильда и Роберт Мелнгайлисы сначала дивились новым поселенцам: живут не как все люди. Обычно на дачах отдыхают, загорают, купаются в море. А эти сидят дома: особенно Пикуль — ночами работает, днём спит или едет в город, возвращаясь с пачками книг, но впоследствии привыкли к дачникам.

Многие из писателей, посещавших его на острове, задавали вопрос: «Почему живой, любивший компании писатель стал на острове своего рода “затворником”?» Он обычно отшучивался, а если говорить серьёзно,

отвечал: «Это внутренняя эмиграция, чтобы найти самого себя в жизни и своё место в литературе».

Красив остров. Это Пикуль оценил сразу. Как будто здесь потрудились талантливый ландшафтный архитектор.

Величественные сосны красиво и ненавязчиво окружали двухэтажный дом. Мало машин, мало людей — только местные жители, — здесь всё отдано природе.

Непривычная тишина успокаивала нервы, но когда бушевало море, солёные морские ветры стучались в окна дачи. Здесь он вёл размеренную аскетическую жизнь, так не похожую на жизнь в Ленинграде: практически работа для него стала по-настоящему смыслом жизни. Весь багаж накопленных знаний, огонь нерастраченной души, мысли, постепенно созревающие в его голове, он вкладывал в свои книги. Писал быстро, боясь потерять главную мысль, ведь однажды пришедшая, она ускользает золотой рыбкой и уже не вернется. Если один роман не получался — он брался за другой.

Из города путь лежал через историческое место — Усть-Двинск, где в основном живут моряки, а далее Булли. В прежние времена Усть-Двинск назывался Динамюндом. Крепость в Динамюнде основал Пётр Великий. До сих пор хорошо сохранились стены крепости, которые хранят свою боевую историю на протяжении более трёх веков.

Наступила зима, первая зима пребывания в Латвии. На даче был создан и обустроен свой мир. На большой веранде для птичек была устроена кормушка: сюда слетались снегири, воробьи и даже дятлы. Особое восхищение вызывал дятел с красным хохолком на голове, который, ничуть не боясь человека, брал корм с протянутой руки.

И когда он появлялся, Вероника кричала:

— Валечка! Он прилетел!

Вместе с хозяевами на даче жили кошки и собаки. Рано утром, после ночной смены, Пикуль прогуливался с Канарисом до моря. До него совсем недалеко: 10 минут медленным ходом. Поражает красотой Рижское взморье. А как приятен песок — мелкий, чистый, белый. Но больше всего Валентин любил осматривать горизонт, любоваться верхушками сосен, которые раскачиваются под напором ветра. С силой и грохотом обрушиваются на пляж вспененные волны, разбегаясь по песку, и растворяясь в нём, обессиленные и потерявшие мощь, они откатываются назад. Если море бушует, шум его доносится до дачи.

На взморье всё располагало к творчеству. К тому же были надёжные тылы — морской госпиталь в Усть-Двинске и База отдыха для моряков, возвратившихся после длительного автономного плавания.

Писатель часто встречался с моряками, пришедшими из автономного плавания. Такие встречи приносили обоюдную заинтересованность. Моряки больше узнавали о творчестве писателя, а Пикуля поражали их рассказы о своей службе. При каждой встрече писатель дарил свои книги.

В добрых дружеских отношениях находился Валентин Пикуль со старшим морским начальником Риги — контр-адмиралом Евгением Георгиевичем Мальковым. Чтобы помочь Пикулям в любую трудную минуту, по распоряжению Малькова на дачу провели телефон. Хотя и трудно иногда было с выходом в город (через дежурного), но с морским начальством можно связаться в любое время суток. А это очень важно.

Пикуля морально поддерживало и высшее командование морской бригады: капитан 1 ранга Аркадий Саввич Веселков и капитан 1 ранга Вячеслав Юрьевич Камышан. Каждый год в День Военно-морского флота Валентин был гостем моряков, выкраивая время для встреч.

Моряки и в мирное время вели Пикуля по жизни. Позднее — и квартиру в новом доме на улице Весетас помогли получить моряки, обращаясь в разные инстанции. Новая трёхкомнатная квартира с холлом, площадью более 90 квадратных метров оказалась удобной для расстановки книг. Но когда книги были расставлены — не нашлось места для кровати. Так Пикулю снова пришлось спать на кушетке.

На острове Булли работалось хорошо и удобно. Хотя на даче Валентин не написал полностью ни одного произведения, но вся подготовительная и черновая работа проходила именно здесь. Неудобства состояли только в том, что не всегда можно было получить ответ на любой возникший вопрос, поскольку на дачу отвозилось самое необходимое количество книг, только нужное для работы. А картотеки и другие справочные материалы оставались в городской квартире. На квартиру, впрочем как и на почту, Пикуль наведывался раз в неделю. Вызывал такси, ехал в город, расправлялся с делами и на этом же такси возвращался обратно.

В творческом плане этот период жизни Пикуля не богат на урожай. Автор тщательно изучает замечания рецензентов и снимает вопросы по первому тому «На задворках великой империи», знакомясь с замечаниями историков-специалистов. Впереди — работа над вторым томом.

Первые литературные опыты в Риге

В Риге жизнь текла размеренно, по строго установленному порядку, который изредка нарушали какие-то внезапные вторжения. Он был ограждён от посторонних посетителей, мешавших работе и сбивавших настроение. Всё время принадлежало ему

одному и его работе (он всё ещё сидел на чемоданах и расставлял книги).

Валентин почувствовал гнёт одиночества. Нельзя сказать, что русская диаспора не заинтересовалась приездом нового литератора.

Он скучал по родине, по друзьям и никогда их не забывал. Особенно часто вспоминал об удивительных сёстрах Бурцевых — Нине и Елене Владимировне из потомственных дворян, которые в пору вхождения в литературу поддерживали и опекали его. Дружба с ними завязалась во время работы над романом «Океанский патруль». Сёстры бесплатно перепечатывали начинающему писателю его рукописи. Денег заплатить не было. Да они не скоро и появятся.

После переезда в Ригу, когда Пикуль окреп материально, он всегда оказывал сёстрам Бурцевым материальную помощь. А если от них долгое время не поступало никакой весточки, Валентин просил набрать номер телефона и часами разговаривал с ними — впечатление от разговора было такое, как будто он побывал на родине.

Образовавшуюся на время пустоту в Риге Пикуль заполнял работой. На столе лежала вычитанная рукопись первого тома и начатая рукопись второго тома романа «На задворках великой империи». Писалось легко. Вместе с Мышецким, губернатором Уренска, Пикуль попадает в самое пекло революционных событий 1905 года.

Материальное положение трудное, наступило время, преисполненное заботой о куске хлеба насущного. За 1963–1965 годы Пикуль трижды брал ссуды в Литфонде, которые давали с большой задержкой, по 500 рублей в год, — под гонорар будущего романа. Дни проходили за днями, истощались и без того скудные запасы. Если в Ленинграде кроме выхода книг он подрабатывал выступлениями в Домах

культуры, на предприятиях, в библиотеках Ленинградской области, то в Риге этого приработка не было. Вероника снесла все ценные вещи в комиссионку, пытаясь хоть как-то дотянуть до выхода книги.

Остался только костюм Валентина.

— Продай и его, — был ответ Пикуля.

А в это же самое время, — пишет в письме другу Николай Кондратьев, — состоялось заседание правления Ленинградской писательской организации с повесткой дня: «Исключение из состава писательской организации Валентина Пикуля».

«Я встал и спросил: а где его заявление о выходе из организации? Без его просьбы исключить Пикуля мы не можем, тем более, что на учёт в Риге он вставать не собирается. — Вопрос пока отложили. Решили спросить у тебя».

С Николаем Пикуль постоянно обменивался информацией о своих планах. «Он был необыкновенно проницательный человек, понимая, над какой темой я работаю и к чему стремлюсь».

Видя трудное материальное положение друга, Николай Дмитриевич просит Валентина:

— Напиши роман о Ленине. Я прозондировал почву в Лениздате, там напечатают. Поверь, тебе будет открыта зелёная улица. Ободришься. Встанешь на ноги.

И, несмотря на то что семья сильно нуждалась, писать о Ленине Пикуль отказался. Он считал Бухарина и Троцкого куда талантливей и выше Ленина.

В этот трудный период Пикуль впервые обратился в рижское издательство «Лиесма», предложив свой короткий роман «Париж на три часа». Предложение Пикуля было с ходу отвергнуто. «Мы печатаем только своих авторов. Если вы осветите какую-нибудь страницу истории Латвии, — тогда посмотрим».

Пикуль засел за сценарий «Дипкурьерская» — о дипломате Теодоре Нетте. Сюжет был острый: вместе с

Иоганном Махмасталем везли дипломатическую почту по маршруту Москва — Рига — Копенгаген. На перегоне Икшкиле (Иксюоль) — Саласпилс на них напали бандиты — с целью завладения почтой. Теодор Нетте ценой своей жизни спас дипломатическую почту, а Махмасталь был тяжело ранен.

При работе над сценарием Пикуль много и подолгу общался с Николаем Кондратьевым, который написал повесть «Сквозь револьверный лай» — тоже о Теодоре Нетте.

Написанный Пикулем сценарий «Дипкурьерская» не был опубликован и не был поставлен на сцене театра. Он до сих пор пылится в архиве писателя.

Первая рижская публикация миниатюры «Калиостро — друг бедных» появилась в журнале «Даугава» только в 1977 году, а в 1978-м на латышский язык переведена и опубликована в газете «Циня» миниатюра «Ничего, синьор, ничего, синьорита!»; газета «Советская Латвия» напечатала отрывок из романа «Нечистая сила». Его сокращённая публикация появится только в 1979 году в журнале «Наш современник» под названием «У последней черты».

Несмотря на недружелюбие латышской прессы к русскому писателю, многие произведения его появились впервые на страницах газет и журналов именно в Риге.

Узкая тропинка к латышскому читателю протоптана. Позднее она расширится до столбовой дороги...

Друзья по литературному цеху

Жизнь писателя в новом мире текла без особых тайн, да никто и не интересовался этими тайнами. Он практически не бывал в «литературном свете», а встречи с писателями происходили на каких-то редких

юбилеях или в матросском клубе Усть-Двинска, куда его приглашают моряки.

«Я снова очутился, как “на Соловках”, в изоляции», — шутил он, посмеиваясь, над своим положением в Риге.

Друзей и приятелей Пикуль пока не завёл, а общение с литературным миром было необходимо. Пикуль был извещён, что в Риге большая секция русских литераторов: Н. Задорнов, М. Зорин, В. Михайлов, Б. Куняев, Л. Черевичник, Е. Баренбойм, Л. Прозоровский, В. Золотов, Б. Попов.

Как-то Пикуль заглянул в Союз писателей Латвии, что находился ранее на улице Кришьяна Барона, 12. Здесь он встретился с историческим романистом, чьё имя было хорошо известно читателю и гремело на всю страну, — *Николаем Павловичем Задорновым*, в то время руководителем русской секцией Союза писателей Латвии.

Книги его «Амур-батюшка», «Далёкий край», «Золотая лихорадка» пользовались огромным успехом и переходили из рук в руки. Н. П. Задорнова можно с полной уверенностью назвать автором фирменной, одной темы. За свой более чем полувековой творческий путь он сохранил верность истории и написал несколько романов, посвящённых истории Сибири, Дальнего Востока, Японии.

Пикуль высоко ценил трилогию («Первое открытие», «Капитан Невельской» и «Война за океан») — о моряке-землепроходце Геннадии Ивановиче Невельском — исследователе Дальнего Востока, который, командуя военным кораблём «Байкал», в 1848–1849 годах совершил переход из Кронштадта в Петропавловск. Исследуя побережье, Невельской сделал открытие, что Сахалин — это остров, отделённый от материка проливом. Благодаря открытиям Невельского — передового человека своего времени и великого

патриота, в 1858 году был заключен Айгунский трактат, устанавливающий границу с Китаем по Амуру.

Трилогия Н. П. Задорнова покорила Пикуля знанием писателем исторической темы материала и событий истории; смелостью и правдивостью изображаемого; размашистостью и подходом к подаче автором материала. Через всё повествование автор проводит мысль, что русские люди, придя сюда, основывали свои отношения с местным народом на взаимном уважении и дружбе.

«Успехи экспедиций Невельского ещё не полностью оценены, — считал Пикуль, — и спасибо Николаю Павловичу, что он поднимает на высоту это великое имя. Как много Невельской успел сделать: проложить путь России к Тихому океану, установить флаг в устье Амура и на Сахалине».

В Задорнове Пикуль почувствовал родственную душу, и между ними сразу установились искренние, дружеские отношения, хотя встречи проходили не так часто, но постоянная связь поддерживалась по телефону.

При каждом удобном случае Валентин просил рассказать Николая Павловича о его «богатых приключениях» во время путешествий по Сибири и Дальнему Востоку, поскольку до работы за писательским столом Задорнов в качестве журналиста намотал тысячи миль по этой огромной территории. Особенно интересными были его рассказы о поездках на Чукотку.

Незабываемо интересное было время. Держу в руках пригласительный билет Пикулью на празднование 75-летнего юбилея Н. Задорнова, который состоялся 5 декабря 1984 года в помещении Союза писателей.

Юбилей Николая Задорнова объединил всех. За столом собрались творческие личности разных

национальностей и культур, провозглашая тосты и вспоминая интересные случаи из жизни писателя.

Читатели, наверное, заметили, что Пикуль с Николаем Павловичем работали в одном ключе, обращая взгляды на Дальний Восток, Японию, где Николай Павлович бывал неоднократно, но никакой конкуренции в работе не было, наоборот, они помогали друг другу советами, первоисточниками. Радовались появлению каждой новой книги друга и дарили авторские экземпляры.

В любой кампании был её душой общительный и компанейский поэт — Борис Ильич Куняев. Он расположил к себе Пикуля широтой своих взглядов и интересов. Он писал хорошие философские, лирические стихи и на военную тематику. А ещё Валентина в стихах поэта восхищало описание красок и стихии моря.

Куняев видел море и в шторм, и в штиль. Каждое лето он уезжал на отдых и работу в прекрасный уголок Волошина — Коктебель.

Увлечение экслибрисами — тоже хобби Бориса Ильича. Пикуль подарил ему свой экслибрис, присланный художником из города Сумы.

С Евсеем Львовичем Баренбоймом Валентин Саввич Пикуль — два моряка и два писателя — всегда находили темы для разговора: конечно же, о море, о войне, общих друзьях, о писательстве.

Известность и удачу принёс Евсею роман «Доктора флота», который Евсей подарил Валентину. Прочитав роман, Пикуль поинтересовался, насколько он автобиографичен.

— Большинство событий и случаев, описываемых в романе, приключились со мной или с моими друзьями, — ответил Евсей. — А если говорить об автобиографичности, то многими своими чертами я наделил моего героя Мишу Петрова.

Евсей признался, что прочитал все книги Валентина, но самой удачной считает документальную трагедию «Реквием каравану PQ-17», которую перечитывал несколько раз.

«Одно время я снова хотел вернуться к событиям на северном театре военных действий, — сказал Валентин, — и написать о борьбе советских моряков с немецким крейсером “Адмирал Шеер”, но почувствовал, что лучше “Реквиема...” не напишу, а повторяться не хочу, поэтому дарю тебе собранный материал, может быть, ты напишешь».

Он достал папки с подборкой материалов, выписками, «почасовиком» по операции «Вундерланд» и передал Евсею.

Биограф Е. Баренбойма Борис Попов писал: «Кстати, идею и сюжет повести подсказал Евсею Львовичу широко известный писатель В. С. Пикуль. В их разговоре всплыла страничка славной истории Северного флота — борьба с тяжёлым немецким крейсером “Адмирал Шеер”, вторгшимся в советские полярные воды. Валентин Саввич и сам с удовольствием взялся бы за повесть, материал был очень заманчив, но уже шла полным ходом работа над большим романом, в перспективе виделся ещё один. Так почему не поделиться с коллегой интересным замыслом?»

Приятельские взаимоотношения с Евсеем Баренбоймом продолжались до выхода романа «Нечистая сила».

Баренбойм поддержал оценку идеологов того времени — Суслова и Зимянина — об ошибочности публикации романа, который Пикуль считал своей главной удачей.

В последний раз они встретились летом 1980 года, после длинного разговора о романе-хронике «У последней черты» их пути разошлись.

Повесть Е. Баренбойма «Операция “Вундерланд”» появилась на свет в 1982 году в рижском издательстве «Лиес-ма». Пикуль просмотрел её, кое-что прочитал и сказал:

— Я рад, что появилась новая книга о грозных событиях войны, а ещё более рад, что собранные мною материалы не пропали, агодились Евсею.

Наш дом по улице Весетас в советское время был построен на средства Литературного фонда, поэтому в нём жили в основном творческие работники.

Владимир Карлович Кайяк, почти каждодневно встречавшийся на одной лестничной площадке с Пикулем, — талантливый писатель разностороннего дарования, но деревенская тема превалирует в его творчестве. Подаренные Владимиром книги Валентин обязательно читал, не всегда сразу, сгоряча, а если работал — оставлял на потом. Помню, после прочтения одного из деревенских детективов он сказал: «И как у него всё так ловко получается? Я бы так не смог написать».

Они постоянно обменивались своими только что изданными книгами и были в курсе работы каждого.

Хочется обратить внимание читателя и на главную сторону характера Владимира Кайяка и его внимательной и заботливой супруги, тоже литератора, Мары Свиры — отзывчивость. Не было им покоя, когда у Пикуля выходили книги. Приезжавшие со всего Союза читатели, не добившись свидания с Пикулем, обращались к соседям. И те выполняли свою миссию передаточного звена. Позднее, в письмах, читатели благодарили соседей за отзывчивость и теплоту.

На первом этаже жил главный редактор газеты «Советская Латвия» Николай Петрович Салеев с супругой Людмилой Алексеевной. Оба они были интересными творческими личностями и много знающими собеседниками. Николай Павлович

симпатизировал Пикулю, читал в рукописях все его произведения и часто печатал отрывки из них на страницах «Советской Латвии».

Лев Владимирович Прозоровский жил не в нашем доме, но Пикуль часто встречался с ним. Талантливый прозаик писал не только интересные книги, но и оказывал большую помощь молодым, начинающим свой литературный путь писателям. Он руководил литературной секцией «Буревестник», где основной костяк входящих в литературу авторов занимали рыбаки.

С уходом Льва Владимировича в мир иной секцию «Буревестник» под своё покровительство взял талантливый поэт Юрий Рузанов.

Василий Антонович Золотов, с которым недавно познакомился Валентин, многие годы проработал на Камчатке.

Новый знакомый Пикулю понравился: он образно и интересно рассказывал о своих дальневосточных приключениях и в море, и на берегу. Они стали приятелями, а потом сошлись и более близко, ибо морякам всегда было о чём поговорить. Может быть, рассказы Василия Антоновича навеяли Пикулю мысль написать роман «Богатство». Может быть...

Золотовы долго мыкались по Риге по чужим квартирам, — своей не было, и в ближайшем будущем не предвиделось. Пришлось уехать в Рязань — к родным пенатам.

Переписка с Пикулем продолжалась до последних дней жизни. В одном из писем Валентин рекомендует другу окунуться в историю. Сначала появляются исторические очерки, а спустя несколько лет Золотов пишет повесть о Степане Петровиче Крашенинникове — исследователе Камчатки, который провёл на полуострове четыре года. Степан Петрович описал грозное извержение Ключевской сопки, когда вся гора

казалась «раскалённым камнем». Так родилась знаменитая книга Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Камчатский труд обессмертил имя автора.

Василий Золотов прислал рукопись о С. П. Крашенинникове Пикулю на рецензию. Ознакомившись с ней, тот написал положительное заключение.

Многие годы Василий Антонович возглавлял Рязанскую писательскую организацию, воспитывая молодые кадры.

Не только по долгу работы приходилось встречаться Пикулю с ответственным секретарём журнала «Даугава» Борисом Поповым, но и на разного рода мероприятиях, которых в советское время проводилось множество. Именно он во многом помог Валентину опубликовать в журнале русско-французский роман «Каждому своё».

Поскольку зашёл разговор о журнале «Даугава», уделю несколько слов понимающему душу и мысли писателя талантливому редактору романа «Каждому своё» Раисе Васильевне Золотовой — дочери друга Пикуля по литературному цеху Василия Антоновича Золотова, о котором говорилось выше.

Роман сложный во всех отношениях, с множеством героев, борющихся за власть и отстаивающих свои идеологические концепции, и редактировать его было нелегко. О Раисе Васильевне Валентин сказал: «Толковый редактор, её мне сам бог послал».

Рига богата интересными людьми, с которыми Валентину приходилось встречаться. Добрым помощником и консультантом писателя был Вадим Николаевич Некрасов — человек большого ума и разносторонней эрудиции. Отец Вадима Николаевича — Некрасов Николай Виссарионович являлся одним из лидеров левых кадетов и депутатом 3-й и 4-й Государственной думы, а в 1917 году — министром Временного правительства. При изучении источников

писатель часто сталкивался с разным толкованием одних и тех же событий. В таких случаях Пикуль просил прояснить трудную ситуацию. Особенно много консультировался с ним Валентин при написании романа «Нечистая сила». Вадим Николаевич первым прочитал рукопись романа и одобрил её.

В семье Некрасовых было интересно общаться не только с Вадимом Николаевичем, но и с его сыном, который изучал историю России по энциклопедии Брокгауза и Эфрона.

Их было много, друзей и приятелей и просто знакомых, и каждый оставил добрый след в биографии писателя...

Глава четвёртая. Замыслы и свершения

«На задворках великой империи»

Сейчас трудно сказать какими путями приходит писатель к созданию того или иного романа, но замысел появления романа «На задворках великой империи», — доподлинно известен.

Непосредственным толчком к работе писателя над романом послужили документы — анкеты членов Государственной думы, заполненные ими собственноручно.

Изучая остроумные ответы на вопросы анкеты, Валентин получил как бы «срез живой ткани истории» общества. Перед его глазами проходили люди разных сословий: дворяне, духовенство, купечество, крестьяне, чиновный люд. Среди них он встречал прославленные в истории русские фамилии и совсем неизвестные, в то время только вышедшие на арену общественной жизни. Вдумываясь в ответы депутатов, подробно изложенные, остроумные и своеобразные, с юмором, Пикуль почувствовал характеры этих людей, направление их мыслей и действий. Даже почерки анкетирруемых авторов, отменно каллиграфические, имели выразительные особенности. В воображении писателя вставляли живые лица, он наделил их вымышленными именами и биографиями, сохранив историческую канву, и заставил жить и действовать среди подлинных исторических лиц — Плеве, Сипягина, Мещерского, Столыпина, Трубецкого, Гапона, Николая II.

В 1950–1960 годы прошлого века в СССР в полную мощь шло освоение целинных и залежных земель.

Пикуль решил откликнуться на эти события примерами из истории, обращаясь к началу XX века.

Оценивая своё детище, Пикуль говорил: «“На задворках великой империи” мой второй исторический роман... я ощутил какую-то лёгкость в изложении материала, который был мною хорошо изучен, и провёл параллель с современностью.

Из всех жанров художественной литературы исторический роман самый сложный и трудоёмкий. Если беллетрист, пишущий на современную тему, может черпать сведения из личного опыта и действительности, привлекая богатство своего воображения и создавая художественную картину действительности, то историческому романисту ко всему этому нужно прибавить прекрасное знание не только истории, но и других связанных с ней наук: политики, дипломатии, искусства, литературы, географии, генеалогии».

Имеющаяся в архиве переписка с редактором Лидией Андреевной Плотниковой свидетельствует о том, какие огромные препятствия и трудности встретила рукопись на своём пути, «путешествуя» по кабинетам, и, может быть, она там и затерялась бы совсем, но две положительные рецензии историков открыли роману зелёный свет.

Первая — профессора Семёна Бенциановича Окуня возглавлявшего в ту пору кафедру истории в Ленинградском государственном университете, который в молодом авторе заметил проблески таланта и благожелательно относился к нему и поддерживал его, особенно в первый период творческой деятельности.

Уже находясь в Риге, Валентин вёл переписку с профессором, советовался по многим сложным историческим вопросам и всегда находил поддержку.

«Мы с ним много спорили, во многом наши взгляды расходились, но С. Б. Окунь всегда защищал меня».

Вторая рецензия на двухтомник — доброжелательная — подтвердила выводы С. Б. Окуня и проложила путь рукописи в издательство.

Первый том увидел свет в 1964 году, второй том вышел в 1966 году. Публикация второго тома была задержана, возможно, из-за недоброжелателя Валентина Пикуля — Белянчикова Н. Н., направившего письма в ЦК КПСС и в Лениздат. Он писал:

«XX съезд КПСС обязал советские издательства выпускать только доброкачественную литературу. Прочитав недавно выпущенную Лениздатом книгу В. Пикуля “На задворках великой империи”, я пришёл к выводу, что издательство нарушило это постановление. Пикуль показывает *Столыпина как прогрессивную личность*, а на самом деле Столыпинская аграрная политика привела к дальнейшему разорению крестьян и обострению классовых противоречий в деревне». Заметим, к слову, как далеко смотрел молодой писатель ещё в те — шестидесятые годы, *положительно оценивая роль П. А. Столыпина*.

Главный герой романа князь Сергей Яковлевич Мышецкий — молодой, блестящий кандидат правоведения, прослуживший несколько лет на гражданской службе, учёный-статистик, сторонник парламентского правления, лицо тоже вымышленное, но вполне узнаваемое. Прототипом его явился князь Урусов, позже член Государственной думы первого созыва, остальные личности в романе имеют прототипы живших в то время людей.

Мышецкий отказывается от придворной карьеры и едет губернатором в Уренскую губернию. Он полон добрых намерений изменить жизнь в провинции к лучшему. Но даже то, что он успел осуществить для народа — устройство переселенцев, терпит крах. Все его действия и поступки оборачиваются против него самого, поскольку в обществе действуют крупные силы,

направленные на сохранение старых порядков. В результате его отстраняют от должности...

В уста Мышецкого автор вкладывает свои мысли и убеждения:

«— Не сдавайте Руси врагу лютому! Плюнем на все посулы царства свободы и равенства... долой красные знамена! Да здравствует на Руси царь-Батюшка, наш царь христианский, самодержавный... Такому строю, где ничего нельзя сделать в кольце бюрократии, но зато всё можно сделать за деньги, — такому строю только и держаться на штыках. Но сколько можно ещё держаться? Мы ведь разлагаемся, это явно...»

В первом томе («Плевелы») средствами сатирической характеристики показаны портреты героев Уренской губернской верхушки, а во втором («Белая ворона»), более богатом историческими событиями и именами, даётся яркая картина разложения правящих классов России.

Сюжет в романе в основном развивается вокруг событий, происходящих на окраине царской России. С одной стороны — это Уренская губерния, где действовали главные действующие герои романа, с другой — это сама Российская империя и события, происходящие в Центре и других районах страны.

Уренская губерния, расположенная на задворках империи, на границе между Европой и Азией (между Семипалатинском и Оренбургом), — вымысел автора, но вымысел узнаваемый. Так, внук писателя Ф. М. Достоевского, прочитав роман, написал автору: «Вы правильно обрисовали те места в мнимом Уренске, где мой дед когда-то отбывал окаянную ссылку... Но ответьте честно, почему Вы для написания романа избрали забытый жанр сатиры?»

«Просто я люблю Салтыкова-Щедрина. Не знаю, почувствовал ли читатель в романе “запах” сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина, под влиянием которого я

находился в те годы, а для меня это произведение явилось новым и по типу, и по форме, и по содержанию», — писал Пикуль.

Хотя роман даёт яркую картину кануна революции 1905–1907 годов, «в центре его не революция, не главные движущие силы революции. Это повествование о судьбах и крахе русского буржуазного империализма, той его части, которая наивно верила, что положение народных масс можно улучшить, не уничтожая царизма, а лишь уничтожив его крайности, ограничив его конституцией», — пишет в рецензии В. И. Погудин.

Как и во всех романах, на все события, изложенные в двухтомнике, Пикуль имел свою точку зрения и свой взгляд, не повторяя никого из авторов, писавших об этом времени. Но у Пикуля взгляд особенный: точка обзора им выбрана изнутри правящих классов Российской империи. А это было далеко не всем по душе. Нестандартное мышление и умение приблизить, сделать почти осязаемым далёкое прошлое — вот что вызывало раздражение и нападки.

В этот период у автора сложились добрые взаимоотношения с Лениздатом.

Редактор книги Лидия Андреевна в письме от 3 марта 1965 года призналась: «Знали бы Вы, как мы рады, что *Вы* — *наш*, а не издательства “Советский писатель”. Пусть уж “Советский писатель” переиздаёт то, что выйдет у нас, правда? У нас теперь новый главный — Хренков Дмитрий Терентьевич. Как будто бы человек хороший».

Роман был доброжелательно встречен читателями, которые поверили молодому автору и поддержали его. Писем было много и в момент выхода романа, и позднее.

«14 лет я искал эту книгу («На задворках великой империи». — А. П.), — пишет читатель из города Жданова Тихонов Дмитрий Лаврентьевич, — да так и не

сумел приобрести, — друзья дали почитать. И вот обе книги прочитаны. Роман меня потряс! Какой же Вы умный и талантливый человек. Я много книг читал о предреволюционном и революционном периоде России, годах 1904–1917, но только после Вашей книги я почувствовал и понял дух того времени. Чтобы написать такую книгу, нужно иметь громадный талант!

На одном из литературных вечеров в клубе книголюбов города Жданова выступал писатель Анатолий Иванов. Я обратился к нему с просьбой рассказать о Вас и дать оценку Вашему творчеству. Анатолий Иванов “искренне” (он подчеркнул это слово) рассказал о Вас, что Вы — большой самообытный талант, ни на кого из современных писателей не похожий. И ещё он сказал, что с большим интересом следит за Вашим творчеством, читает все Ваши произведения и ждёт от Вас новых книг...»

«Многоуважаемый Валентин Саввич!

Пишет Вам Афанасьева Екатерина Владимировна. Летом у нас в семье был большой праздник: удалось прочитать 6 Ваших романов. Один из них — “На задворках великой империи” — муж принёс из библиотеки электротехнического института. В жизни я таких книг не видывала! Листочки тонкие-тонкие. Светятся. И почти каждый из них (а их больше шестисот) подклеен прозрачной пленкой, так, чтобы можно было всё прочитать. Будто эта книга только что выписалась из реанимации. Вот как Вас читают!

Вы вспомнили об Андрее Александровиче Хршановском. Он многим начинающим писателям помог, а вспоминают о нём редко. Я не знаю советского писателя, книгами которого бы интересовались так, как Вашими. Люди самого разного уровня — от академика до рабочего — читают и перечитывают Ваши романы с одинаковым неослабевающим интересом. И что ещё характерно, что с каждым годом интерес к ним всё

более увеличивается...» (Письмо датировано 1986 годом. — А. П.)

В одном интервью писатель признался:

«Мне хотелось бы, чтобы читатель полюбил этот роман. Возможно, при изменении ситуации я напишу третью книгу...»

Неосуществлённая мечта

Действительно, у Валентина была не только задумка и мечта, но и большая работа по сбору материала и его изучению для третьего тома «На задворках великой империи». Третью книгу автор хотел назвать «Выстрел справа», о чём свидетельствуют документы архива. Почему писатель не осуществил давнюю мечту? На это была своя причина, и она довольно веская: наряду с князем Мышецким, главной исторической личностью, автор хотел показать Петра Аркадьевича Столыпина, премьер-министра Российской империи, умнейшего и образованнейшего человека своего времени. Валентин Пикуль был влюблён в этого человека и его деяния. Но в годы, когда создавался роман, писать о Столыпине можно было только как о реакционере. Да и в последующие годы, когда П. А. Столыпин оказался в числе литературных героев Пикуля, заслуги его приходилось «урезать».

В беседе с журналистом Пикуль объяснил причину отказа от работы над третьим томом:

«Я внимательно просмотрел учебники, монографии об этом времени. В “Истории партии” есть подраздел “Столыпинская реакция”. И кто же пропустит мою книгу, где одним из главных героев будет П. А. Столыпин — положительный. Именно положительный. Я изучил много первоисточников и понимаю, что сделал и что хотел сделать Столыпин для России. Столыпин

ставил вопрос о создании крепких фермерских хозяйств ещё в начале XX века, но этот вопрос не решён и по сей день...

Крепкое фермерское хозяйство и только! Здоровый богатый мужик, окружённый семьёй и забором, — вот мой идеал...

Как современно звучат слова Столыпина в наши дни!»

Думающие о судьбе России писатели, учёные, политические деятели во все времена высоко ценили деятельность и заслуги Столыпина, положившего «национальную идею в зерно политики».

В своих записках В. В. Розанов, в частности, писал:

«На Руси русскому теснее, чем инородцу или иностранцу... Робкая история Руси приучила “своего человека” сторониться, уступать; свободная история, исполненная борьбы, чужих стран, других народностей, приучила тоже “своих людей” не только к крепкому отстаиванию каждой буквы своего “законного права”, но и к переступанию и к захвату чужого права...И это из обычая перешло в кровь. Везде в России производитель — русский, но скупщик не русский, и скупщик оставляет русскому производителю 20 % стоимости сработанной им работы... Судятся русские, но в 80 % его судят и особенно защищают перед судом лица не с русскими именами... В России все места заняты, все работы исполняются людьми, которые умеют хорошо толкаться...

...Значение Столыпина как образца и примера, сохранятся на многие десятилетия: именно как образца этой простоты; вот этой прямоты. Это можно считать завещанием Столыпина... Если парламент у нас будет выражением народного духа и народного образа, то против него не найдётся сильного протеста и даже он станет многим дорог. *Это первое условие — народность его. Второе — парламентаризм должен вести постоянно*

вперёд, он должен быть постоянным улучшением страны и всех дел в ней... (выделено мной. — А. П.). Вот если он полетит на этих двух крыльях, он может лететь долго и далеко, но если изменить хотя бы одно крыло, он упадет...»

Столыпин был убеждённым националистом и сторонником сильной государственной власти, горячий приверженец порядка и законности, просвещённый политик, экономист и юрист, крупный администратор. Он стал негоден врагам России, вот его и убрали...

Несмотря на безразличие официальной прессы к двухтомнику «На задворках великой империи», можно подвести итог и сделать вывод: роман несёт отпечаток творческой зрелости автора, а это свидетельствует, что писатель нашёл свой своеобразный художественный почерк и сделал новый шаг вперёд по пути совершенствования мастерства.

Вернёмся к нашему главному герою романа и зададим вопрос: какова же дальнейшая судьба князя Мышецкого, так полюбившегося читателям?

В архиве писателя сохранились некоторые отрывки и черновые наброски о деятельности Мышецкого после революции, которые я собрала воедино и подготовила к печати, представив на суд читателей как дополнение ко второму тому романа.

Сколько кровавых тропинок и дорог пришлось истоптать ему после революции!

Два трудных года прослужил Мышецкий на задворках империи, по зёрнышку собирая продовольствие для Красной армии, отбивавшейся на четыре фронта. «Много не нравилось Мышецкому в новой системе, но он остался верен себе, самой России и народу, который он сильно любил и в величии которого никогда не сомневался». Работал бухгалтером, сидел в тюрьмах, пилил дрова, поэтому, наверное, и не

коснулся Мышецкого 37-й год — кому нужен был работага с пилой?

Не по душе Мышецкому были рвущиеся к власти большевики, обещавшие будущий светлый рай социализма, не убедили его эсеры и анархисты. Он остался до конца патриотом России, честным русским человеком, размышляя:

— Не дай Бог, господа, вам власть. Вы же спать не дадите несчастной России, обещая свободу, равенство и благоденствие... Я не возражаю против власти, если её поддерживает народ. Но я не могу лишь согласиться с вашим лозунгом классовой борьбы. К чему вам это? Неужели вам нужны лишние враги внутри России? Нельзя вырезать сословие людей, давшее России великие таланты... Надо Россию строить. Строить надо, а не болтать...

...Какие справедливые слова!.. Как созвучны его слова и нашему времени!

Но давайте, уважаемый читатель, обратим внимание на то, как далеко *смотрел Валентин Пикуль* в конце 50-х — начале 60-х годов прошлого века!..

Все выдюжил главный герой романа — и революцию, и Гражданскую войну, и продразвёрстку с продналогом, индустриализацию и коллективизацию, увидел жертвы лагерей, испытал на себе доносительство и издевательство...

Конец жизни Мышецкого из ненаписанного романа потрясает.

В блокадном Ленинграде, голодный, обессиленный и замерзающий, он пришёл в дом своей юности, где прошли его лучшие годы.

Вот заключительные (черновые) наброски рукописи:

«Средь снежных сугробов стояло Училище Правоведения, отсюда он вышел в мир, сюда и пришел нечаянно...

— Боже, какой длинный путь! — И круг жизни замкнулся.

Хлопая большими валенками, с автоматом под мышкой, шагал вдоль стен солдат в полушубке — совсем молоденький.

— Сынок, — сказал ему Мышецкий, —пусти старика...

— Посторонним нельзя, дедушка.

— Согреться бы мне... Я скоро уйду совсем...

Они стояли возле самых дверей, а из трубы шёл дым: там тепло, там люди, там и умереть бы... Просился он: "Пусти!"

— Что с тобой делать? — пожалел его солдат.

— Ну, так и быть, зайди. Только мне лейтенант шею "намылит".

И помог открыть тяжёлую, промёрзлую дверь...

Жизнь его закончилась хорошо. Даже очень хорошо...

Сейчас он лежал на дворе, посреди сугробов, и руки его были вскинуты от локтей, а пальцы растопырены.

Ему никто не закрывал глаз, и он продолжал смотреть ими.

Высоко и далеко — в последний раз.

Вот так он будет смотреть ещё до утра, встретит рассвет над городом, а потом приедут и его заберут. И куда-нибудь отвезут...

Но это уже неважно — это не главное в жизни человека.

Важно то, что он остался здесь. И никуда не ушёл...

Зачем уходить? Совсем не надо... Лучше раствориться, быть маленьким и незаметным, но быть... среди своих!

Летели над впадиной дворца снаряды. Он уже не слышал их завываний. Они ему не грозят... Мимо! Как всегда — мимо.

Мороз ударил к ночи. Иней запал в зрачки, пусто глядящие.

И отсветы далёких пожаров плясали в них.

А над ним стоял неумирающий город.

Город его юности и старости, вечный, как сама Россия...»

Когда читатель переворачивает последнюю страницу, у него невольно возникает вопрос: «Как же так случилось, что человек, прошедший такой трудный и полный лишений путь, не огрубел в тяжестях и жестокостях испытаний, а остался Человеком с большой буквы?»

Ответ можно найти в словах самого героя:

«Я не потерял веры в народ русский, и люблю его по-прежнему — всей любовью, на какую способен человек».

Эти мысли были созвучны и самому автору.

«Из тупика»

«Роман-хронику “Из тупика” я писал горячо и страстно: ибо писал о любимом Севере. Именно при работе над этим романом я побил рекорд своей выносливости: просидел за машинкой кряду 32 часа без еды и сна, держась на крепком чае. Я так слился с ним, что долгое время, когда я его закончил, мне как будто бы чего-то не хватало. Этот роман мне и до сих пор дорог...»

Роман написан на каком-то необыкновенном накале и в то же время убедительно и литературно добротнo. Автор посвятил его главному редактору «Океанского патруля» Андрею Александровичу Хршановскому.

Практически каждая книга Валентина Пикуля вынашивалась долго, рождалась быстро и всегда с тяжёлыми осложнениями. Так было и с романом «Из

тупика». Замечу, что Пикуль никогда не писал по заказу — тему и героев всегда выбирал сам. По заказу Пикуль хотел написать только один раз, и мы сейчас проследим, что из этого получилось.

К 50-летию Октябрьской революции Лениздат предложил написать ему роман о революции, и Пикуль согласился. В задумке писателя был роман «Юнкера» — он хотел осветить события Октябрьского вооруженного восстания и штурм Зимнего не стандартно: показать революционный переворот не столько со стороны парадного фасада, сколько с противоположной стороны, где находились защитники Зимнего — юнкера, так и не понявшие (как поётся в популярной песне), в чём же их вина.

Автор со всей серьёзностью отнёсся к сложному замыслу. Он досконально изучил все доступные материалы.

Валентин Саввич кривить душой не мог. Исторические документы, которые он изучил, не вписывались в официально принятую схему.

Как же поступить? И что делать? Расторгнуть договор? Но аванс уже получен и израсходован. *Тупик!* Надо искать *выход из тупика...*

Тема революции и Гражданской войны уже захватила его целиком, и писатель решил рассказать правду о революционной ситуации, как он её понимал, только не в Петрограде, а на Севере...

Замысел романа «Юнкера» был отложен, и написана заявка на новый роман «Последние» — таково было первоначальное название романа «Из тупика».

Договор на издание книги подписан в январе 1965 года с директором Лениздата Л. В. Поповым, а первое издание романа вышло в 1968 году объёмом в 55 авторских листов. Первоначально издательство планировало выпустить роман в двух томах, но по

каким-то техническим причинам он вышел в одном томе, толстый и тяжёлый, как кирпич.

Давая оценку роману, во внутренней рецензии, капитан 1 ранга, доктор исторических наук профессор В. В. Тарасов, в частности, писал: «Автор правдиво описывает события, стремится их осмыслить и хорошо владеет материалом. Рукопись заслуживает положительную оценку и может быть рекомендована к изданию».

Заключительные слова рецензии доктора исторических наук, профессора С. Б. Окуня констатировали: «В. Пикуль создал очень яркое и сочное произведение, которое будет прочитано с большой пользой и интересом».

Оглядываясь на творческий путь писателя, можно дивиться тому, в каких разнообразных жанрах работал писатель: начинал со стихов, рассказов, сценариев, а позднее пришёл к историческому роману, роману-хронике и историческим миниатюрам.

В новом произведении писатель впервые обратился к жанру романа-хроники, который требует «строго следовать жёсткой логике исторического материала и описываемых событий». Пикуль любил роман-хронику, в котором сюжетная линия целиком укладывается в хронологию событий. Вымысел в романе-хронике тоже возможен, но он должен реализоваться на основе исторических фактов. Поэтому автор использует и широко цитирует документы, но они не мешают восприятию текста, поскольку драматически выразительны и художественно оправданы.

Возвращаясь к роману-хронике «Из тупика», следует подчеркнуть: именно Север с его богатой историей вновь стал испытательным полигоном писателя. Многие страницы романа отражают борьбу с интервентами на Мурмане, в Архангельске, в Карелии, а также рассказывают о создании Мурманской (ныне

Кировской) железной дороги и формировании флотилии Северного Ледовитого океана, из которой позже родился героический Северный флот.

Многие страницы романа посвящены крейсеру «Аскольд» — прекрасному боевому кораблю, который начал боевую службу в Дарданелльской операции, избороздил три океана и 14 морей, не имея вестей с родины два года. Наконец, прославленному крейсеру было приказано следовать в Тулон — встать на ремонт. Провокационный взрыв на крейсере приводит к смене командира: Иванова-6 заменяют адмиралом Ветлинским, с ведома которого расстреливают четырёх матросов «Аскольда», а 113 членов команды отправляют в арестантские роты.

«Так встретил “Аскольд” весть о Февральской революции. Гонимый Тулоном и английскими портами, оставшись с половиной офицерского состава (другая скрылась на берегу, испугавшись революции), крейсер идёт в долгий рейс на родину, в Мурманск... Здесь, на отшибе, Россия обрывалась в океан. Здесь тогда был тупик. И вот о том, кто и как завоёвывал выход из тупика — не только по карте, но и из тупика жизни, — и написан роман Пикуля», — рецензируя роман, пишет Раиса Давыдовна Мессер.

Автору удалось многие образы романа: симпатичен образ инженера-путейца Аркадия Небольсина, начальника дистанции на железной дороге, честного и порядочного человека, сражающегося против разного рода мерзавцев и негодяев. Его убеждение: «Надо оставаться честным патриотом России даже в самом поганом месте». Жизнь неминуемо втягивает его в политическую борьбу.

Запоминаются читателям и несгибаемые большевики Самокин и Павлухин с крейсера «Аскольд». Среди вымышленных лиц с наибольшей детализацией очерчена линия жизни самого молодого героя романа —

аскольдовского мичмана Женьки Вальронда, которому автор явно симпатизирует. Этот герой как бы вбирает в себя мысли автора, его наблюдения, переживания, вместе с которым писатель проживает жизнь.

Пикуль считал роман «Из тупика» одной из своих писательских удач. Но официальная оценка романа не была столь однозначной и благожелательной. После выхода книги имя автора на продолжительное время исчезло со страниц печати.

По имеющимся в архивах документам, приходим к выводу, что дело по роману «Из тупика» приняло большую масштабность, имя писателя перекочевало в кулуары писательских организаций, на трибуны писательских конференций, в кабинеты обкомов и даже значительно выше — в ЦК КПСС, к секретарю по идеологии Демичеву П. Н. и в Институт марксизма-ленинизма.

А эпицентром «словесного фехтования» стал герой романа адмирал Кетлинский.

Против Пикуля выступала дочь адмирала — Вера Казимировна Кетлинская, стоявшая в то время у «руля» правления в Ленинградской писательской организации. Она опубликовала в журнале «Новый мир» свои воспоминания «Вечер. Окна. Люди», в которых «подкрасила» портрет отца в революционный — красный цвет. Кетлинская защищала родовую честь, а все шишки злой критики сыпались на голову писателя и справа, и слева.

В своих доброжелательных консультационных замечаниях профессор В. В. Тарасов, к тому времени около тридцати лет занимавшийся исследованием интервенции и Гражданской войны на Севере России, писал Пикуль:

«Вы, Валентин Саввич, допускаете в книге ряд противоречий в оценке Кетлинского: правильно показываете его в период службы царю и Временному

правительству как сатрапа, а при советской власти он у Вас выглядит как лояльный новой власти человек. Но этот человек был душой заговора против советской власти, он создал контрреволюционный штаб Главнамура, в котором все — от писаря до генерала — были белогвардейцами. А он у вас или в тени, или даже лояльный человек».

Так кто же такой К. Ф. Кетлинский? Сатрап с «Аскольда» или дисциплинированный офицер, прогрессивная личность? Удивительно, но факт: роман Валентина Пикуля стал поводом к тому, чтобы по этому вопросу спустя полвека в схватку вступили потомки враждующих сторон.

Свою точку зрения отстаивали участники революционных событий на Севере, доказывая, что Кетлинский участвовал в заговоре против советской власти.

Эту точку зрения поддерживали и академик Кедров, автор книги «От Тулона до Мурмана», и ряд историков и литераторов. Но главное — те, кто знал Кетлинского по Мурману.

К. Козловский — участник тех событий — писал автору «Из тупика»:

«...в деятельности Кетлинского есть много скрытых, закулисных и тёмных сторон, о которых Вера Казимировна предпочитает умалчивать, а говорить о том, что ей выгодно».

Матрос-аскольдовец Седнёв спустя 40 лет после смерти Кетлинского скажет о нём: «Он был душой заговора против советской власти».

В другом письме участника Гражданской войны читаем: «Ещё живы те, которые знают, кто фактически виновен в расстреле четырёх матросов в Тулоне — фигура командира крейсера Кетлинского, сменившего Иванова 6-го, была достаточно известна как махрового монархиста».

Точка в этом затянувшемся споре была поставлена документальными источниками.

Архивные документы подтверждают, что новый командир корабля (К. Кетлинский), прибывший на корабль с целью разгрома революционного движения на крейсере, активно участвовал в подборе состава суда и, не раздумывая, утвердил приговор на расстрел четырёх матросов: «Представленный мне на конинформацию приговор суда особой комиссии по делу о взрыве на крейсере “Аскольд”...я в силу предоставленного мне права... утверждаю.

Приговор предлагаю привести в исполнение в законный срок — немедленно». (ЦГА ВМФ. Ф. 565. Оп. 1. Д. 27. Л. 156-161)

Роман «Из тупика» вызвал такую богатую читательскую почту, что автору впору писать новое исследование.

Среди множества просьб читателей — одна особенно запала в душу Пикуля: «Помогите отыскать следы моего брата». А брат корреспондентки являлся одним из главных героев романа «Из тупика». И Пикуль занялся генеалогией рода фон Дрейер.

Брата Валентин нашёл, вернее, следы брата Елены Александровны Чижовой, урождённой фон Дрейер.

Короткая информация была послана:

«Николай Александрович фон Дрейер, 1889 года рождения, окончил Военно-морское инженерное училище в Петрограде. В июне 1917 года на “Святогоре”, который он принимал после окончания строительства в Англии, прибыл в Архангельск, находясь в должности штурмана корабля. По прибытии был избран командиром корабля. После взятия Архангельска интервентами и белогвардейцами был арестован как активный участник революционных событий и расстрелян в мае 1919 года в Архангельске...

В тюрьме Дрейера навещали жена Анна, дочь Вера и мать — Екатерина Николаевна Гамалей».

Впоследствии «Святогору» было присвоено название «Лейтенант Дрейер», в июне 1921 года он был вновь переименован и погиб в 1922 году в Чешской губе.

Елена Александровна поблагодарила Пикуля, что он почтил добрым словом Николая Александровича фон Дрейера, штурмана с ледокола «Святогор».

Завязалась переписка, в которой основное место отведено генеалогии рода Дрейер и первому портрету А. С. Пушкина, который Елена Александровна подарила актёру В. С. Якуту, вдохновенно сыгравшему роль поэта.

Сведения, полученные от Елены Александровны, Пикуль решил поместить в персональную историческую картотеку, или «покойницкую», как он чаще всего её называл. Открыл картотеку и обомлел... Елена Александровна была уже им давно учтена в картотеке как выпускница Смольного института 1916 года и числилась в картотеке как историческое лицо, хотя и являлась нашей современницей!

Вот так смыкаются прошлое и современность!

Результатом изучения генеалогии рода Дрейер и переписки позднее явилась миниатюра: «Не говори с тоской: их нет» — другое название миниатюры «Легенда об одном портрете».

В итоге бурных слов о романе Казимир Кетлинский рукой Александра Васильевича Грина вlepил пощёчину Илье Авраменко, который критиковал именитого писателя за явно пролитую слезу по адмиралу-палачу — при разборе конфликта Кетлинской и пяти правдоборцев.

«Всё это очень скверно, и я принял меры, чтобы примирить двух моих друзей...

Александр Решетов, бичуя Кетлинского, сказал о тебе, как о выдающемся русском писателе... Так что

столби! Столби литературный путь свой...»

Но не будем больше смаковать «негатив». Негативное надо уметь дозировать.

Сплошное охаивание убивает веру в жизнь, без которой она не имеет смысла.

Это твёрдо усвоил Валентин Саввич.

И жизнь расставила всё на свои места. В 1987 году Валентин Пикуль был удостоен литературной премии Министерства обороны за роман «Из тупика».

Глава пятая. По городам и весям Латвии

В глубь веков и десятилетий

С переездом в Ригу наступает новый этап в творчестве писателя, который связан с историей Латвии. В эти годы Пикуль ищет свою тему, своих героев и события, которые проходили на территории Латвии. С этой целью он совершает постоянные поездки по городам и весям Латвии, взглядом историка осматривает, изучает, описывает сохранившиеся храмы, усадьбы, погосты близкого и далёкого прошлого.

В первую очередь Пикуля заинтересовала бывшая столица герцогства Курляндского — Митава (ныне Елгава). На это были свои причины. Ещё в 1963 году Пикуль задумал написать роман о царствовании на русском престоле Анны Иоанновны. Для этого было необходимо ознакомиться с местами, где проходили многие события, предшествовавшие вступлению герцогини на престол. Итак коротко:

Основана Митава в 1266 году гроссмейстером Ливонского ордена Конрадом Мондерном. Спустя почти три столетия (в 1561 году) Митава стала резиденцией курляндских герцогов. В начале Северной войны Митаву заняли войска Карла XII, а в 1705 году она была взята князем Репниным.

По третьему разделу Польши (1795), Митава была присоединена к России и в дальнейшем служила столицей Курляндской губернии.

В планах Пикуля уже вырисовывалось обширное полотно, о царствовании Анны Иоанновны (вторая дочь царя Иоанна Алексеевича и царицы Прасковьи Фёдоровны), которая находилась на престоле

Российской империи всего 10 лет (1730–1740), а сколько недобрых дел было совершено в её правление!

Скоропостижная смерть Петра II в марте 1730 года молниеносно изменила судьбу курляндской герцогини.

На российский престол при активном содействии князей В. Л. Долгорукова и М. М. Голицына она была избрана в обход внука Петра Великого и его дочери — Анна Иоанновна.

Пикуль планировал рассмотреть и рассказать читателям, откуда вышла эта «благорассудная государыня», в результате деятельности которой на престоле на Россию обрушилось так много бед и несчастий.

В Елгаве Пикуль познакомился с двумя военными — страстными книголюбями и поклонниками его книг: Куда-шевым Викентием Фёдоровичем и Салнисом Александром Николаевичем, которые выступали в качестве экскурсоводов и доставали Пикулю нужные для работы книги.

Далее путь лежал в Рундальский замок, или дворец, как называют его посетители, возведённый великим Растрелли.

Пикуль как замороженный смотрел на сохранившийся в исторических залах мир далёкого прошлого. Ему многое казалось знакомо и дорого здесь — по первоисточникам, которые он изучал, а теперь всё это видел своими глазами. Особенно порадовал Пикуля попавший в его руки комплект открыток и альбом о Рундальском замке и его обитателях.

Развалины старого замка вдохновили Пикуля на создание миниатюры об Остгофе — так был прозван Иоганн фон Менгден, основатель Бауска и строитель замка. Валентин Саввич долго собирал источники о нём, но для широкого полёта мысли, как это всегда наблюдается в произведениях Пикуля, материала оказалось недостаточно.

В одну из поездок в город Бауска Пикуль познакомился с бароном Эгбером Леоновичем Бухгольцем, сыном предводителя дворянства Баусского уезда, предок которого был сослан ещё Петром на Алтай — искать золото. Тётка Эгбера Леоновича была женой известного полярного исследователя барона Эдуарда Толя. Сам же Эгбер Леонович работал врачом-рентгенологом в городе Бауска, и когда он привёл Пикуля в местную лютеранскую церковь, то почти каждый шаг Пикуль делал по надгробным плитам его предков...

От него Пикуль впервые услышал такие имена, как Д'Арси, Детеринг, Гульбекян, Реза Пехлеви и, наконец, немецкий химик Бош...

— О Боше я вам расскажу как-нибудь при случае... Знаете ли вы, что нефть принесёт ещё немало страданий, а ездить можно и на простой воде. Это Бош доказал.

— Куда же делся этот гений?

— Убили, — отвечал Бухголец. — Кому из миллионеров-нефтедобытчиков выгодно, чтобы люди заводили моторы на воде?..

Стены Баусского замка, куда любил наезжать Валентин Пикуль, показаны в фильме «Служу Советскому Союзу!», созданном Сергеем Ивановичем Журавлёвым и Юрием Ивановичем Стаднюком.

По крупицам собирал и изучал Валентин Пикуль историю Латвии не только в библиотеках.

Как исторический романист, Валентин Пикуль считал кладбища основным и самым верным первоисточником:

«Любое кладбище помимо моральной имеет ещё и колоссальную историческую ценность, ибо могила и надпись на ней — это главный источник жизни человека.

К нашему великому сожалению, цивилизация делает своё неблагодарное дело: многие памятники старины — кладбища безжалостно уничтожаются. А разрушить памятник и надпись на нём — это всё равно что «вырвать из книги титульный лист, лишив книгу автора и названия», — говорил Пикуль.

В центре Риги, недалеко от дома Валентина, располагалось Покровское кладбище. Сюда как на работу отправлялся писатель в поисках мест захоронений своих героев. Он успел описать захоронения и сделал это вовремя: по территории кладбища была проложена дорога. Сейчас о прошлом этого кладбища напоминают лишь малочисленные ограды и обелиски.

Долгое время Валентин искал могилу любимого им писателя и библиографа Сергея Рудольфовича Минцлова, упокоившегося в 1933 году в Риге. И нашел её на Покровском кладбище. Изучая творчество Сергея Рудольфовича, Пикуль знал, что им была собрана богатейшая библиотека. И библиотека эта находилась в Риге! Восемь книг этого писателя Валентин приобрёл у букинистов.

Судьбой библиотеки Сергея Рудольфовича интересовались многие историки и книголюбы Риги. На книжном «чёрном» рынке Валентин познакомился со Станиславом Рубинчиком, известным в Риге библиофилом и знатоком книжных редкостей. Знакомство было полезным и приятным: оба увлекались творчеством Минцлова, рассуждали и предполагали, где могла затеряться библиотека Сергея Рудольфовича. Судьба библиотеки исследователя так захватила Рубинчика, что он написал об этом хорошую книгу «Рукопись, найденная в саквояже» и подарил Пикулью. Эта книга, ныне ставшая библиографической редкостью, рассказывает о многих приключениях, которые встретил автор на пути поиска.

Но продолжим разговор о Покровском кладбище. Время сохранило могилы создателя первой русской газеты в Риге Е. В. Чешихина, историка О. Н. Милевского, описавшего забытые события на Луцавсале, где «героически сражались и погибали солдаты Петра Великого, отправленные им в помощь Саксонскому королю Августу, осаждавшему Ригу». На Луцавсале установлен памятник храбрецам, куда рижане 10 июля возлагают венки и цветы.

Пикуля интересовала и судьба бесстрашного генерала, писателя и журналиста Георгия Ивановича Гончаренко (более известного под именем Юрия Галича), прожившего в Риге около двадцати лет, проявившего чудеса храбрости и героизма во время Брусиловского прорыва и защищавшего родину от нашествия большевиков. Его судьба была трагичной. Покидая Владивосток, чтобы избежать встречи с большевиками, он столкнулся с ними в Риге. После того как ему предложили сотрудничество с НКВД, он покончил с собой.

Пикуль высоко ценил Георгия Ивановича как личность, а его рассказ «Авангардный генерал» он использовал при работе над миниатюрой «Жизнь генерала рыцаря» (о любимом им герое — Якове Петровиче Кульневе).

На столе писателя в этот период лежали многочисленные материалы к роману «Слово и дело» и «почасовик», который Пикуль начал составлять в 1963 году.

Курляндский роман «Слово и дело»

«Так уж получилось, что десять лет царствования Анны Кровавой взяли у меня десять лет жизни для её написания... А зародилась книга как исторический

отклик на культ личности Сталина, а я же в этом недалёком времени “разглядел” век 18-й, вторую четверть; время дворцовых переворотов, время “бироновщины”. Время засилья иноземцев в России и управления ими страной. Анна Иоанновна и временщики-иноземцы проводили антинациональную политику, интересы которых были бесконечно далеки от интересов России...

Тема романа — как всегда свойственная всем моим книгам: патриотизм русского человека и энергия русской нации, рост России как ведущей европейско-азиатской державы...»

Роман-хроника «Слово и дело» — это начало «главной книги» творческой биографии писателя, которая должна была отразить столетие Российской империи начиная с 1725 года — со смерти Петра Великого — по 1825 год, до восстания декабристов. В серию книг столетия должны были войти «Слово и дело», «Пером и шпагой», «Фаворит» и «Аракчеевщина». Писатель хотел донести до читателя дух и букву того времени.

Долго шёл Валентин Пикуль к этому роману, который состоит из двух книг: «Царица пристрашного зраку» и «Мои любезные конфиденты».

Договор с Лениздатом на выпуск книги датирован июлем 1964 года, затем пролонгирован 1965 годом. После долгих злоключений роман увидел свет. Первый том вышел в 1974 году, а второй — в 1975-м. В перерыве между работой над первым и вторым томом автор напишет морской роман «Моонзунд» и «Пером и шпагой». Отступление от работы над вторым томом было вызвано тем, что писатель уставал жить подолгу в одной эпохе, а время царствования Анны Иоанновны было тяжёлым и жестоким.

По словам историка: «Черно было на Руси при бионовщине».

Пикуль исколесил вдоль и поперёк всю Курляндию в поисках сохранившихся родовых имений и останков своих героев.

«Совсем мало следов былой истории мне пришлось увидеть: слава Богу, сохранились оба замка Растрелли», о нём писалось в предыдущей главе.

Долгое время Рундальский замок находился на реставрации. Валентин любил посещать Рундальский дворец и обязательно привозил сюда гостей. В Рундале, Бауске и на кораблях Балтийского флота московский режиссёр Александр Сергеевич Вожжов снял документальный фильм о Валентине Пикуле.

Экскурсоводы в Рундале знали писателя в лицо и, завидев его, просили продолжить экскурсию, но он всегда отказывался, объясняя это тем, что «каждый человек делает своё дело», и, чтобы не смущать экскурсоводов, уходил с места проведения экскурсии. Увидев живого Пикуля, многие читатели его книг устремлялись за ним с вопросами — он охотно отвечал на них, другие же — были удивлены и растеряны: они считали, что Пикуль жил в XVIII веке. Романы «Пером и шпагой» и «Слово и дело» посвящены этому времени.

В русской истории есть множество имён и событий, не освещённых писателями. Именно середина XVIII века, как считал автор, была обделена вниманием наших писателей-романистов. В какой-то мере до Пикуля эта эпоха была раскрыта Лажечниковым в его романе «Ледяной дом», Масальским «Регентство Бирона», в драме «Поручик Гладков» Писемского. Среди советских писателей разработкой этой темы занимались: *Л. Раковский* (роман «Изумлённый капитан»), *В. Костылёв* («Жрецы»). Каждый из названных авторов раскрыл лишь один из эпизодов той эпохи, а Пикуль взялся за художественное осмысление целого столетия, «создавая идейно-художественную концепцию эпохи, которая в таком объёме не попадала в поле зрения

литературы, поэтому Пикуль в какой-то мере является здесь *первооткрывателем*».

«Слово и дело» коротко можно охарактеризовать как роман-эпоху или обширную панораму русской жизни середины XVIII века. По временным рамкам он близок к роману А. Толстого «Пётр I». И если Толстой в лице Петра I видит царя-преобразователя, то в образе Анны Иоанновны Пикуль показывает время разрушения многого из того, что было создано и воздвигнуто Петром.

В романе много места отведено образу «императрицы престошашного зраку», Анне Иоанновне, и её сподвижникам — иноземцам, которые правили Россией: Бирону, Остерману, Левенвольде, Лейбману...

Воспитанная в Курляндии Анна Иоанновна принесла с собой к русскому двору немецкий дух, немецкие обычаи, её интересы и окружение были бесконечно далеки от интересов России и русского народа.

«Факты, факты, факты. Изумляющие, подавляющие, устрашающие. Из них складывается картина постепенного угасания злобной, трусливой и тёмной коронованной особы, повелевавшей великой страной, о которой она не имела ни малейшего представления», — пишет о ней Пикуль.

А в это время при дворе царицы всеобщая вражда, злоба, интриги партий.

Один из самых зловещих персонажей — фигура ненавистника России, вице-канцлера Остермана, для характеристики которого автор не жалеет сатирических сравнений и метафор: «...затаившись, как паук, плетёт Остерман тонкую паутину, незаметно высасывает он живые соки страны».

Болен Пётр II, около его постели появляется Остерман. Он «как часовой, занял свой пост: немец охранял русское самодержавие. Неприкосновенность трона. Чистоту монархической власти Романовых! В

свою руку, не боясь заразы, он взял ладонь императора и не выпускал её все долгих два дня».

Автор считал, что время «бироновщины» можно в полной мере назвать временем «остермановщины».

А вот другая колоритная фигура того времени — начальник Тайной канцелярии Ушаков, у которого за доброй внешней улыбкой скрываются жестокость и садизм.

«И взметнулся над головами топор палача. Загуляли по спинам кнуты и плети, закрипели дыбы в застенках Тайной канцелярии. И над великой Россией, страной храбрецов и сказочных витязей, какой уже год царствовал многобедственный страх».

Но в самые трудные времена русской истории вдруг распрямлялись гигантские силы русской нации: талантливые самородки решали научные проблемы, открывали новые земли, одерживали трудные победы в боях. Пикуль поведал читателю не только «жесточайшую быль земли русской», но и рассказал о её безграничных силах и потенциальных возможностях.

Один за другим встают перед читателем в полный рост герои того времени.

Центральная фигура романа-хроники — «пленец гнезда Петрова» Артемий Волынский. Противник «бироновщины» — личность многогранная, сильная и одновременно противоречивая. Разными штрихами характеризует его автор, но главная черта его характера — патриотизм.

Писатель оценивал исторические личности по их действиям и поступкам: что доброго оставили они после себя потомкам. А что касается характера человека, то людей без недостатков нет, все страдают этим в большей или меньшей степени, ведь «люди — не ангелы».

Артемий Волынский — великий патриот России — собирает вокруг себя талантливых и преданных

соратников, готовых выступить против деспотизма за национальную честь и достоинство России. Это Еропкин — архитектор, создатель плана Санкт-Петербурга, Соймонов — флотоводец и картограф, Хрущов — горный офицер и администратор, Тредиаковский — поэт, лейтенант Овцын — полярный исследователь...

Конфиденты видят в Волынском авторитетного вождя и следуют за ним, чтобы дать «смертельный бой имперской надстройке», начав тем самым новую эру в истории великой России...

Заговор конфидентов закончился трагически.

Немецкая партия при дворе выиграла битву, «не оставив на месте преступления отпечатков своих пальцев». Приказ в исполнение привели действительно русские.

В день 30-летия Полтавской битвы, 27 июня, на Сытном рынке возвели эшафот. Стараниями Ушакова дело было вскоре закончено. Голова Волынского, у которого накануне был вырван язык, покатилась с эшафота. Вслед за ним были обезглавлены Хрущов и Еропкин...

В этот страшный день на эшафоте Российской империи побывали: «...министр, адмирал, архитектор, горный инженер, чиновник и переводчик. Пять маленьких капель из моря людского — моря житейского — пятеро честных людей, которые не желали мириться с ужасами застенков».

Двухтомный роман «Слово и дело» прошёл тернистый путь всякого рода согласований, рецензирования и консультаций.

Особенно постарались в выверке «идейного» курса и «исторической правдивости» романа критик В. Оскоцкий (филолог!) и историк Ю. Афанасьев.

«Литературная Россия», делая экскурс в прошлое, в публикации «Год за годом», и вспоминая год 1975-й, писала:

«Удивительный всё же человек, критик Оскоцкий. Огромная статья “Уроки ленинской партийности”. Вот тут есть всё — и Маркс, и Ленин, и Брежнев. А повод для написания — семидесятилетие статьи Ленина “Партийная организация и партийная литература”. Там ещё писатель уподобляется колесуку партийной машины...» Да, не вписывался В. Пикуль в оскоцковский образ писателя. Не крутился он, беспартийный, ни колёсиком, ни винтиком в этой машинке. Значит, не писатель... И на «Слово и дело», как и на любой роман Пикуля, Оскоцкий (повторяю, филолог!), став в позу Станиславского, изрекал: «Не верю!» И вся аксиома.

Трепал «Слово и дело» и историк Афанасьев, проповедовавший «принцип партийности, предполагающий чёткость социально-классовых критериев в отношении к прошлому...». Не предвидя будущего, мысля только в рамках сиюминутных событий, они, нечаянно, сами того не подозревая, закрепили за Пикулем писательский приоритет в понимании реалий истории и действительности.

Редко раздавались одинокие голоса критиков-литера-туроведов в защиту автора или положительной оценки его творчества. Их просто не печатали.

В капитальном труде «Русский советский исторический роман» критик С. Петров посвятил В. Пикулю несколько предложений: «В романе “Слово и дело” читатели обнаружили великолепное знание документов истории, её героев, фактов, осмысление событий прошлого в связи с другими явлениями. Этому способствует и язык романа, который автор старался приблизить к языковому употреблению давнего столетия...»

«“Слово и дело” — роман жестокий, какой жестокой и была та эпоха. И тем мощнее звучит в нём основной мотив — борьба русского народа с иноземными поработителями. Писателю удалось показать: как ни

велики были тяготы террора, как ни ужасающе жестоки притеснения, они не смогли сломить непоборимого стремления народа к свободе и национальной независимости» — такую оценку роману даёт кандидат филологических наук С. И. Журавлёв.

В заметке «Боль Тредиаковского — это моя боль» доктор филологических наук Ю. Андреев говорит о Пикуле как о «страстном публицисте», писателе «с горячей кровью, который не укрывается в историю от забот сегодняшних. Напротив, именно ради них и идёт с высоко поднятым факелом гражданственности в глубь десятилетий и веков, чтобы острым современным взглядом разглядеть былое и извлечь из него живые уроки для настоящего. Все исторические повествования, о чём бы он ни писал этот автор — воспринимаются как страстные публицистически направленные репортажи, из дальних времён, написанные нашим современником, и в этой резко выраженной манере — творческая индивидуальность романиста...».

«Жене Веронике — за всё, за всё...» — такое посвящение своей верной спутнице написал автор на рукописи романа.

Заканчивая разговор о романе «Слово и дело» — посмотрим ещё более внимательно к времени царствования императрицы Анны Иоанновны, проникнемся драматизмом борьбы русских людей против могущественного фаворита Бирона и засилья иноземцев и сквозь слёзы унижения почувствуем гордость за наших предков...

«Нет! Не только плетью и розгами писалась история России. Великая держава продолжала мыслить и копить силы. Именно в эти тяжкие годы была осуществлена Великая Северная экспедиция, творил писатель Тредиаковский, раздувались горны первых предприятий на Урале, гравёры создавали карты молодой России...»

Роман-хроника заканчивается главой чистой и светлой: за морями, за долами, за дремучими лесами, на окраине России — без палача и помещика появился мужик с рваными ноздрями, построил избушку и пошёл пахать... Проходят мимо странники и видят, где вековой лес шумел — уже деревенька стоит.

Вот так и начиналась она, наша родная Русь...

Вот так она и крепла, многострадальная...

Русского человека не сломить...

Об этом весь роман Пикуля.

Глава шестая. Либавский роман «Моонзунд»

Разговор о творчестве и жизни писателя будет неполным, если не остановим своё внимание на морских романах Валентина Пикуля. В самом начале книги мы говорили, что Валентин Пикуль — потомственный моряк. Откровенно, ничуть не рисуясь, Пикуль признавался: «Если бы я не прошёл в юности флотскую закалку, едва ли смог нести с таким напряжением вахту за письменным столом».

Всю жизнь Валентин шёл курсом моря. И неудивительно, что морская тематика занимает не только почётное, но заметное место в творчестве писателя. Любовь к истории у Пикуля слилась воедино с любовью к морю — теперь уже Балтийскому.

В голове писателя вызревал новый морской роман «Мо-онзунд». На берегу залива можно было часто видеть прогуливающегося мужчину с красивым чёрным псом — Канарисом, которого Пикуль любил и лелеял. Он пристально вглядывался в горизонт, раскрывающий места, где разворачивались кровавые жестокие бои с немцами в годы Первой мировой войны.

В конце шестидесятых годов побережье в Булли ещё не было освоено городскими отдыхающими, поэтому немногочисленные прохожие не отвлекали задумчивого писателя. Но менялись времена, Булли разрастались, привлекая отдыхающих своей красотой и близостью к морю. У Пикулей появились новые знакомые и друзья. Не забывали и старые друзья. Однажды совсем неожиданно напомнил о себе поэт Михаил Дмитриевич Волков, с которым они познакомились и подружились в Ленинграде в 1956 году. Капитан 2 ранга Волков служил замполитом на

подводной лодке, базировавшейся в Лиепае. При каждом удобном случае Михаил Дмитриевич навещал Пикуля. В 1969-1970 годах эти встречи стали постоянными.

В этот период писателя вновь потянуло в Курляндию, на этот раз в портовый город Лиепаю (в прошлом Либаву) — город древний, расположенный в удобной бухте Балтийского моря. Именно в насыщенных историей местах находил Пикуль вдохновение.

Как портовый город он упоминается в источниках с 1263 года. Занимая выгодное географическое положение, Либава была постоянным «яблоком раздора» между немцами, литовцами, поляками, русскими.

Город интересен ещё и тем, что в нём несколько раз побывал Пётр I. Сохранился домик Петра, где он останавливался во время первого посещения Либавы в 1697 году по улице Кунгу, 24.

Перед работой над «Моонзундом» Пикуль несколько раз побывал в Лиепае.

Михаил Дмитриевич уговорил Пикуля встретиться с моряками-подводниками. У Пикуля редко выпадал свободный денёк, но весной, перед отъездом на дачу, писатель нашёл время для встречи. В ту пору имя Пикуля, автора пяти исторических романов, уже было широко известно.

В сопровождении командира и замполита Пикуль обошёл все отсеки и даже заглянул в перископ. После выступления посыпались вопросы. Спрашивали о том, над чем работает писатель в ближайшее время. Пикуль обычно держал в секрете свои планы, но тут подробно рассказал о начале работы над «Моонзундом». В заключение Пикуль добавил: «Эта сцена — встреча с вами — тоже войдет в роман». Что и было сделано.

В театре Балтийского флота писателя ждала неожиданная встреча. Когда открылся занавес, перед

началом действия, ведущий объявил: «Сегодня у нас в гостях присутствует замечательный писатель-маринист Валентин Саввич Пикуль. Поприветствуем его!» Пикуль вспоминал впоследствии, что так сильно разволновался, что долго не мог начать говорить слова приветствия.

В 1976 году в Булли переехал и демобилизовавшийся с флота Михаил Дмитриевич Волков. Он и поселился через дорогу, напротив дачи Пикулей. Теперь прогулки часто совершались вместе с Волковым. Два моряка находили общие темы для разговора. Их сближала любовь к морю и к литературе. Пикуль — горячий, взрывной, рассудительный. Михаил Волков — тихий, спокойный, уравновешенный, с открытой для дружбы душой. Вероника привчала Михаила Дмитриевича, а когда находилась в отъезде или в больнице, оставляла его присматривать за Валентином и помогать ему.

Появление нового романа «Моонзунд» случилось неожиданно. Автор так пояснил корреспонденту газеты:

«При работе над романом “Слово и дело” я очень устал — материал тяжёлый, вот и решил, чтобы меня продуло на сквознячке, — удалился в Ирбены. На протяжении многих лет я живу в Прибалтике, объездив всю её и заглянув даже в самые укромные уголки, а вот на море давно не был, — вот оно меня и потянуло. Так я пришёл к “Моон-зунду”».

Если заглянуть в историю, то Моонзундское сражение в художественной литературе практически не отражено. Кроме романа Валентина Пикуля и фильма «Балтийская слава», вышедшего на экран в 1955 году, похвастаться нечем. В фильме в главной роли командира эсминца снялся Павел Кадочников, а в роли комендора Фёдора Лютова Иван Кутянский из театра Балтфлота.

Действие романа-хроники охватывает исторические события Первой мировой войны на Балтийском театре

военных действий 1915-1917 годов и оборону Моонзунд-ских островов. Союзники России в войне против Германии — Англия и Франция к этому времени прекратили свои военные действия, давая полную свободу флоту Германии.

Расчёт германского командования был дерзок: захватить Петроград с суши, со стороны Риги и с моря. Но для этого необходимо было преодолеть оборону Моонзундских островов, прикрывающих входы в Рижский и Финский заливы.

Для решения этой задачи немецкое командование сосредоточило в этом районе свыше трёхсот кораблей и вспомогательных судов, около ста самолётов и десантный корпус из 25 тысяч человек. Русские силы, обороняющие этот район, состояли из 118 кораблей разного типа и малочисленного гарнизона моряков и пограничников.

Имея значительный перевес в живой силе и технике, германское командование приступило к осуществлению своего замысла.

Несмотря на большие потери, моряки Балтийского флота стояли насмерть, выполняли задачи обороны подступов к Финскому и Рижскому заливам.

В этой сложной исторической обстановке действуют главные персонажи книги: старший лейтенант Сергей Николаевич Артеньев (Бартенев), председатель Центробалта матрос Павел Ефимович Дыбенко, герой с эскадренного миноносца «Гром» минный машинист Трофим Семенчук (Ф. Е. Самончук), артиллерист лейтенант Григорий Карпенко и множество других литературных героев.

Прототипом главного героя романа, старшего лейтенанта Сергея Николаевича Артеньева явился Николай Сергеевич Бартенев, внук известного русского историка, пушкиниста, издателя журнала «Русский

архив», который служил на Балтийском флоте. Он прожил долгую жизнь и умер в Москве в 1963 году.

Трое сыновей Николая Сергеевича — Пётр, Владимир и Сергей — героически погибли в боях за Родину в годы Великой Отечественной войны.

Отправляясь на службу, младший, семнадцатилетний Сергей, сказал пытавшейся удержать его матери: «Что ты, мама, мы же Бартеновы, мы рождены, чтобы защищать Россию».

Читатель, наверное, заметил, с какой любовью автор говорит о главном герое — лейтенанте Артеньеве. По взглядам и убеждениям он был близок самому автору. Это принципиальный, честный и строгий офицер, требующий от своих подчинённых соблюдения дисциплины и порядка. Он умён и смел не только в бою, но и в любых жизненных ситуациях.

Но даже умным, смелым и бескомпромиссным людям трудно было разобраться в сложившейся обстановке. Видя бездарность, инертность и бездеятельность морского штаба, как честный офицер, Артеньев не хочет и не может более служить на «Новике». Но он офицер — и просит послать его на самый опасный участок. Его назначают командиром батареи на мысе Церель. Эта батарея должна закрыть вход врагу в Ирбенский пролив. От судьбы Цереля зависела судьба Петрограда.

«Сцена сражения батареи — сцена трагическая... А далее следует трагическая сцена плена. Именно эта сцена становится кульминацией романа».

«Трость в руке майора взлетела над шеренгой:

— Всем большевикам — налево! Победоносная Германская армия всегда уважает своих врагов, но она сурова к бандитам...

Матросы Цереля дружно шагнули налево. Сергей Николаевич шагнул вслед за матросами.

Выбор сделан. Настоящий русский офицер никогда не бросит своих подчинённых.

Не только моряки, но и корабли покрыли себя неувядаемой славой в Моонзундской операции 1917 года».

«Корабли — как и люди. Рождением своим приносят радость и поселяют в сердце печаль своей гибелью. Редко доживают они свой век на почётном приколе гаваней, словно на заслуженной пенсии, — чаще их поглощает огонь или пучина.

Рождение кораблей всегда торжественно. Подобно плоду, созревающему в потёмках материнского лона, зреют корабли в жестких конструкциях заводских эллингов... От киля (от спинного хребта) начинается их тревожная жизнь...»

Получив серьёзные повреждения, линкор продолжал до последнего сражаться и был затоплен у входа в Моонзунд-ский пролив, преградив проход германскому флоту.

«“Слава” тоже ещё младенцем долго кормилась на груди России, лёжа на железных пелёнках стапелей. Потом линкор столкнули с берега — и Нева, как ласковая повитуха, обмыла её в своих прохладных водах. Сколько было высказано надежд и тостов, сколько разбито бутылок с шампанским!..

Рожденная в 1903 году, “Слава” умирала в 1917 году.

Краток век корабельный, а сколько прожито...»

Сильное впечатление оставляет описание сцены, когда часть личного состава эсминца «Охотник», подорвавшегося на mine, отказывается покинуть корабль. Командир эсминца старший лейтенант Фоков приказал с мостика:

«— Внимание! Осталось минут десять, не больше... Раненых — в шлюпки. Команду я благодарю за службу, и сейчас, прощаясь с нею, я скажу, что всегда гордился

такой командой... Повторять не стану: все по шлюпкам, а я остаюсь на корабле... с кораблём!

Фоков отбросил мегафон и, пожимая наспех руки встречных, сбежал с мостика в кают-компанию. Он слышал, как шлюпки отошли, гремя уключинами и вёслами. С палубы спустились в кают-компанию старший артиллерист и минёр «Охотника», оба молодые.

— Господа, почему вы не покинули корабля?

— Мы с вами. Сейчас придут и другие. Переодеваются...

Дверь в кают-компанию распахнулась — матросы...

Офицеры встали. Они заплакали. Командир сказал:

— Ну что же вы там? Идите сюда, товарищи...

Теперь их было 52 человека. Все молчали, прощаясь друг с другом взглядами. Вода, глухо ворча, вышибала под ними крышки горловин. Вода выпучивала своим напором стальные переборки... Вода приближалась к ним, и кренометр показывал уже близкий предел.

Командир встал:

— Ну... готовьтесь. Так умирали и наши деды!...»

В материалах о «Моонзунде» есть записка:

«Завет русского флота был всегда один: “Погибаю, но не сдаюсь!” И последний сигнал гибнущего в бою корабля поднимается на мачте тот же: “Погибаю, но не сдаюсь!”

И эта передающаяся из века в век традиция, так же как и глубочайший патриотизм, беззаветная любовь к родине, стойкость, мужество, высокий профессионализм — всё то лучшее, что было в русском флоте, восприняты и флотом советским...»

Не надо быть моряком, чтобы, читая роман «Моонзунд», проникнуться захватывающей романтикой флотской службы: он заставляет по-новому взглянуть на многие лица и события. Пикуль не побоялся дать описание некоторых мрачных сторон событий на флоте

в 1917 году — убийство адмиралов Вирена, Непенина и ряда офицеров — и высоко оценить деятельность адмиралов Николая Оттовича Эссена и Александра Васильевича Колчака.

Автор намного опередил публикации отечественных историков и писателей, показав А. В. Колчака как незаурядную личность и как видного деятеля русского флота, военно-морского теоретика, боевого русского офицера, минного специалиста высокого класса, покрытого ореолом славы полярного исследователя и путешественника.

Напомню, что роман вышел в 1973 году. В те времена о Колчаке говорилось только негативно, как о бездарной личности. Пикулю же приходилось пробиваться к трактовке образа Колчака через невероятные наносы лжи и необъективности.

Судьба романа «Моонзунд» была счастливой.

Продвижение рукописи шло успешно благодаря специальной положительной рецензии начальника научно-исследовательской исторической группы ВМФ доктора исторических наук, капитана 1 ранга Аммона Георгия Алексеевича.

Рецензент особо подчеркнул: «...Книга читается с большим интересом, содержит целый ряд интересных деталей, которые мало известны читателям. Автору удалось не только вполне достоверно описать сложные и противоречивые события революционного периода, но и осветить их трагические последствия для героев книги подлинной романтикой флота и революции.

Издание книги В. С. Пикуля “Моонзунд” явится хорошим подарком читателям, особенно молодёжи».

Во время одного из посещений кораблей Балтийского флота Алексей Николаевич Косыгин, в то время председатель Совета министров СССР, выступая перед личным составом, высоко оценил роман «Моонзунд» и рекомендовал его офицерам: «Книга

Валентина Пикуля “Моонзунд” должна быть настольной книгой каждого офицера».

Доктор исторических наук, профессор Николай Николаевич Молчанов, сражавшийся в годы Великой Отечественной войны на морских рубежах, так писал о романах В. Пикуля:

«Романы, связанные с историей русского военно-морского флота, — это наиболее успешно разрабатываемая им тематика. Книги Пикуля-мариниста отличаются знанием моря, людей, психологии, истории флота, боевой техники. Он рисует правдивые картины флотских будней и своеобразие морского боя с реальными ощущениями его участников. Книги на морскую тематику лишены псевдоромантики и показывают жизнь в реалистическом восприятии мира...»

Писем — откликов на «Моонзунд» огромное количество. Среди них — в основном положительные. В некоторых есть доброжелательные замечания, к которым автор прислушался.

Особенно много писем от читателей, живших или побывавших когда-то в Либаве. Они спрашивали: действительно ли был такой случай в жизни или это вымысел автора?

«Либава удивительно хорошеет. Буйно начинают свой рост альпийские буки и каштаны, которые к осени устилают все парки хрусткими орехами. И всюду — липы, липы, липы... Даже на гербе Либавы — тоже липа, цветущая, полнокровная, брызжущая зелёной, прохладной тенью.

А на коре из таких лип была когда-то памятка:

КЛАРА И. + СЕРГЕЙ А.

Весна — 1915 — Либава

Сколько я бродил здесь, отыскивая эту надпись, и размышлял: “Неужели не было этой безысходной любви?..”

Но я знаю и верю — она была, неожиданно вспыхнувшая на этом берегу...»

Клара Герштейн, уехавшая с родителями после революции из Либавы, писала Пикулю из Израиля: «Ваш “Моон-зунд” я залила слезами, вспомнив свою молодость в Либаве... Может быть, это обо мне написано на липе, только я встречалась с Алексеем, а не с Сергеем...»

Впервые в «Моонзунде» было помещено фото автора.

Читательница Е. С. Реховская из города Омска, увидев фотографию в книге, пишет: «Худое лицо, в расстёгнутом вороте — тельняшка, финская шапочка, взгляд как финка, сжатые губы. Бандит? Такой при удобном случае полезет в драку, не спустит обиды... Позже попалась Ваша автобиография. Боже мой! И голод, и холод, и непризнание. *И без имени, без связей иметь такой успех!.. Вы — герой!* (выделено автором письма. — В. П.)».

«Без лести, прямо скажем, что только за один “Моон-зунд” Вам следует *поставить памятник*. В нашем списке 15 названий Ваших романов. Этот список мы разослали нашим друзьям, родным, фронтовым товарищам в Мурманск, Ленинград, Таллинн, Ташкент, Наманган, Москву, Хабаровск, Калининград. Но пока имеем только один роман “Моонзунд” (Калининград, 1978) сообщают читатели и почитатели творчества из Казани в мае 1979 года — Ша-фика Нугманова, доцент Казанского авиа института, Рашид Суркин, участник боев 1939-1940 годов, бывший командир батареи 12 Гвардейской Кёнигсбергской орд. Красного Знамени, ордена Кутузова тяжело-пушечной артбригады, и Наиль Суркин, студент 5 курса самолётостроительного факультета».

Ленинградская газета «Смена» в интервью Ю. Ковеш-никова с Героем Советского Союза командиром

Ленинградской краснознамённой военно-морской базы доктором военно-морских наук вице-адмиралом Аркадием Петровичем Михайловским спрашивала:

— А выкраиваете ли время для чтения? Какая из последних книг наших современников больше всего пришлась по душе?

— «Моонзунд» Валентина Пикуля. Прочитал запоем, поражаюсь его точности описаний баталий, жизни и быта русского флота.

Вдвойне радостно и приятно, когда высокую оценку морскому роману дают моряки, и писатель отвечает им любовью.

Ветеран Великой Отечественной войны и ветеран труда из Ленинграда Зоя Иосифовна Левит пишет в редакцию передачи «Встреча с песней» и просит «исполнить песню для писателя Валентина Пикуля, юнгой вступившего в войну.

С огромной силой пишет он о русских и советских моряках. Когда читаешь “Моонзунд” и “Реквием каравану PQ-17”, испытываешь гордость за наш родной флот...».

Вокруг генеалогии героев «Моонзунда»

Может быть, и не стоит столь подробно останавливаться на письмах-откликах читателей о героях книг Пикуля. А если это твой отец, брат, дед — разве можно оставаться равнодушным! Ни в коем случае!

Да и для писателя письма — это настоящий кладёзь: узнать о своём герое что-то новое, неизвестное, скрытое от глаз писателя — большая находка для автора, более того, в письмах читатели сообщали не только какие-то сведения о персонажах его

произведений, но и дополняли материалами о жизни родственников, упомянутых писателем в своих книгах.

Как возвращение в далёкое прошлое — в дни Моонзунда началась переписка писателя с внуками, правнуками, сыновьями и дочерьми его героев: А. А. Дзюбинской (А. Н. Сполатбог), Б. Г. Старка (Г. Б. Старком), Б. М. Черкасского (Орловского-Танаевского), Ф. Семенчука (Са-мончука Ф. Е.).

Наиболее тесные и длительные отношения установились у Пикуля с сыном командира минной дивизии Балтийского флота (1917) контр-адмирала Георгия Карловича Старка (1878-1950) — Борисом Георгиевичем, протоиереем православной церкви из города Ярославля. Борис Георгиевич поблагодарил Пикуля за добрые слова об отце в «Мо-онзунде». В ответ писатель поинтересовался, как много тот узнал о судьбе офицеров, которые эмигрировали за границу. Борис Георгиевич подробно рассказал о своей семье, жизни в Петрограде, во Франции, в Ярославле.

Пикуля интересовало всё: особенно служба отца и командование им в 1921-1922 годах Сибирской флотилией, общение с А. В. Колчаком. Борис Георгиевич сообщил, что отец оставил записки об этом периоде. Познавательное, радостное и приятно было Валентину читать подробности о жизни своего героя и его сына — одновременно своего корреспондента. Письма Бориса Георгиевича помещены в картотеку исторических лиц.

«Этим летом, — пишет Борис Георгиевич в 1978 году, — приезжал ко мне из Парижа двоюродный брат — сын адмирала А. В. Развозова, и мы так много говорили о старом, о Вас, о “Моонзунде” (добавлю, что Пикуль писал обо всех командующих Балтийского флота: Н. О. Эссене, В. А. Канине, А. И. Непенине, А. С. Максимове, но события Мо-онзунда выпали как раз на долю А. В. Развозова. — А. П.).

Хотя я и не юнга, но... начинал свою трудовую жизнь в 1920 году, десяти лет от роду балтфлотцем... Служил рассыльным в бывшей Николаевской Морской академии на 11 линии Васильевского острова, носил морскую форму, получал морское довольствие, включая “махру”, что для двадцатых годов было особенно важно, и кормил свою семью — мать и сестрёнку на свои заработанные “Балтфлот-ские” заработки. По утрам носил на подпись книги приказов начальнику академии Б. Б. Жерве, А. Н. Крылову, Ю. М. Шокальскому, знал, как моих старших сослуживцев, многих моряков, чьи имена записаны в анналы флота. Сейчас на старости вспоминаю эти годы с благодарностью и любовью...»

После выхода каждой книги Пикуль дарил ему авторские экземпляры. В ответ Борис Георгиевич прислал макет эскадренного миноносца «Страшный», которым командовал его отец в годы Первой мировой войны (1914–1916).

С Аллой Александровной Дзюбинской из Одессы Пикуль вёл длительную переписку. «Отец мой блестяще закончил морской кадетский корпус, участвовал в Японской войне... затем все годы до 1920-го провёл на Балтике.

У меня сохранились его портреты, а также ряд других ценных снимков: Адмирала Н. О. Эссена, И. К. Григоровича, моряков с “Баяна”.

Мне бы хотелось всё это показать Вам! Как мало я знаю! Дело в том, что в 1937 году моего отца уничтожили враги народа, а мне тогда было всего 10 лет. И из его рассказов, естественно, очень мало, что сохранилось в памяти.

Но пишу я Вам, чтобы узнать, неужели нигде и никогда Вы не встречали его фамилию — Сполатбог Александр Николаевич (“Адмирал Макаров”, “Баян”, “Цесаревич”).

Перед революцией он был капитаном первого ранга. В 1918 году — участником “Ледового похода” (Гельсингфорс — Кронштадт). Затем Севастополь и Одесса — начальник управления безопасности кораблевождения Чёрного и Азовского морей, начальник бюро регистра в Совторгфлоте в Одессе, ну а потом 1937 год — как гром с небес...»

Позволю себе сделать акцент только на одном словосочетании: «...в 1937 году моего отца уничтожили враги народа». Какая точность в выражении сути. Хотя в большинстве писем всё еще чаще фигурирует более привычное для слуха «осудили... расстреляли как врага народа».

Немало писем приходило и таких, когда люди в романах или миниатюрах Пикуля неожиданно и с удивлением сталкивались с именами и деяниями своих предков, о чем обязательно информировали писателя.

«Валентин Саввич! В романе “Моонзунд” Вы описываете один из эпизодов боя, в котором участвует мичман Лесгафт.

Речь идет о внуке П. Ф. Лесгафта — Вадиме Борисовиче. Его дочь, Татьяна Вадимовна, с восторгом говорит, что Вам удалось удивительно точно передать характер отца и даже его любимые выражения. Она просит передать Вам большую благодарность за то, что Вы упомянули её отца, и спрашивает, где Вам удалось найти материалы о нём. Сама она не решается обратиться к Вам и просила это сделать меня. С уважением Андрей Викторович Шабунин. Ленинград».

Как видим, для некоторых читателей книги Пикуля оживляли «дремавшие» страницы их личных биографий.

«Пишет Вам — ныне работающий пенсионер, Борис Михайлович Черкасский.

Я бы не посмел беспокоить Вас... если бы не счастливая возможность с жадным интересом

“проглотить” Ваш “Моонзунд”. Там я встретился со своим отцом, по временам книги, флаг-капитаном оперативной части Штаба Балтийского флота — князем Михаилом Борисовичем Черкасским, о котором, на мой взгляд, у Вас упомянуто зело уважительно.

Не к чести моей будет сказано, в тридцатые — сороковые, да и в начале пятидесятих годов я как-то побаивался уточнять биографию моего батюшки, хотя ничего порочащего уже мою советскую родину — он не совершил...

(На картине Сурикова “Утро стрелецкой казни” невдалеке от Петра стоит обожаемый им, мой прямой пра-пра-пра... — дедушка боярин Михайло Черкасский.)

Меня особенно интересует участие отца в Ледовом походе. Но пока мне не удалось напасть на такие материалы... Московская область».

Капитан-лейтенант В. И. Бабичев из Севастополя пишет: «Я заболел Вами, как прочитал Вашу книгу роман “Моонзунд”. Эта книга — учебник для офицеров флота. Прочитал её после того, как начальник штаба соединения подводных лодок, капитан 1 ранга Сиваш Л. И. сказал, обращаясь к нам, молодым офицерам: “Балбесы! Ваша настольная книга — это “Моонзунд”, а вторая — “Корабельный устав ВМФ СССР”. После “Моонзунда” я прочитал “Окини-сан...”, “Реквием...”

Трудно найти Ваши книги, даже среди военных моряков почти невозможно. Они есть, эти книги, но обладатели их, эти счастливые и добрые люди, не дают перечитать их даже друзьям, говоря при этом, что отдадут всё, кроме кортика, “Моонзунда” и жены...»

И пусть не покажется странным читателю, но «Моонзунд» беспартийного Пикуля обсуждался на партийном собрании.

Читатель А. В. Куликов из Горького в 1977 году писал: «Ваш “Моонзунд” служит доброму делу и поныне, и не только морякам. Сейчас на повестке дня

стоит вопрос борьбы с браком, повышение качества на каждом рабочем месте. На расширенном партийном собрании завода “Красное Сормово”, обсуждая вопросы качества работы, был приведён пример из Вашего романа, когда во время боя из-за бракованной шестерёнки, выточенной халтурщиком на заводе, замолчала носовая башня линкора “Слава”. Заклинило... Эта бракованная шестерёнка теперь перетирала на своих изломанных зубцах судьбу линкора “Слава” и трепетные жизни 1500 человек...» — так книги В. Пикуля боролись за качество производства.

В начале 1980-х годов во время «перестройки», когда унижали военные традиции, достоинство и честь офицера, в том числе и морского, приходили письма с просьбой:

«Помогите флоту, гибнут традиции, командуют флотом, по-видимому, полковники... Кому надобно было менять военный билет с якорем на какой-то невзрачный военный билет общего формата... Ругают Сталина, но при нём наши корабли сами не тонули, он по копейке собирал, но флот строил, при нём наши морские офицеры ходили при золотых погонах, при нём нашим матросам платили деньги. Флот имеет свою историю, свои традиции, свою форму одежды — зачем опошлять или унифицировать до уровня пехоты. Ведь в боевых условиях наш матрос равен пехотинцу, а пехотинец в боевых условиях на корабле — ноль. Нужна взаимозаменяемость на боевых постах, но дальше разговоров дело не идёт...»

С болью в сердце вчитывался писатель в справедливые слова офицеров, спрашивая у самых высоких чиновников флота, почему так происходит. Просил оглянуться на историю и вернуть исконно русские обычаи и такие «архаичные» понятия, как совесть, честь и милосердие. Обещали дело поправить, но ничего не менялось. И совсем не случайно из-под

пера Пикуля в этот период выйдет его роман «Честь имею»...

Морской роман «Моонзунд» привлёк внимание кинематографистов. Это первая книга писателя, которая была экранизирована. Кинодраматург Э. Володарский совместно с Г. Муратовой написали сценарий по мотивам романа Пикуля.

Нарушая хронологию повествования, отметим мимоходом радостное событие: 20 ноября 1987 года в Рижском окружном доме офицеров состоялась премьера двухсерийного кинофильма, снятого на Ленфильме режиссёром Александром Муратовым. В роли Сергея Артеньева снимался Олег Меньшиков. В других ролях В. Артмане, Л. Нильская, В. Гостюхин, Ю. Беляев, Н. Караченцов...

Просмотр кинофильма для Пикуля был чем-то неожиданным, необычным, тронувшим его до глубины души, об этом говорил писатель, встречая гостей в своём рабочем кабинете.

Глава седьмая. Любимая тема — дипломатия

«Пером и шпагой»

«Дипломатия — старинное средство общения между народами, а дипломат — мастер политического диалога с противником. Его оружием является слово, а иногда даже... молчание, порою обретают такую силу, что способны остановить поступь армий. История человечества зачастую зависит от слов — ими начинаются войны, словами их и завершают».

«“Пером и шпагой” — роман-хроника из истории дипломатии в период той войны, которая получила название Семилетней; о подвигах и славе российских войск, дошедших в битвах до Берлина, столицы курфюршества Бранденбургского, а также достоверная повесть о днях и делах знатного шевалье де Бона, который 48 лет прожил мужчиной, а 34 года считался женщиной, и в мундире, и в кружевах сумел прославить себя, одинаково доблестно владея пером и шпагой».

Любимое время Валентина Пикуля в творчестве — век восемнадцатый. Этому периоду посвящено несколько его произведений. А любимым делом, как известно, всегда занимаются серьёзно, изучают его глубоко, и в нём, как правило, достигают наибольших успехов.

Приступая к работе над романом, Пикуль писал: «После нервной горячей качки “Моонзунда”, когда облитые мазутом и кровью палубы эсминца выskalзывали из-под ног матросов, сражавшихся за революцию, — я окунулся в тишину дипломатических кабинетов, где в вежливых словах и выверенных жестах

свершалась тоже великая битва: битва за честь Отечества!»

Характеризуя события, происходящие в романе, автор подчёркивает: «Германии тогда ещё не было как единого государства, но Пруссия существовала, тревожа мир замыслами своих агрессий».

На огромном фактическом материале автор проводит читателя через этапы развития Пруссии, сумевшей за небольшой по временам истории срок создать сильное государство и боеспособную армию, перед которой трепетали все армии Европы. Разгромить этого сильного врага смогла только русская армия.

Фридрих II, получивший титул Великого, этот жестокий диктатор смотрел далеко вперёд: собрал из «беглых атеистов, изгоев веры, ошмётков Европы, бродяг и ремесленников то, что стало впоследствии объединённой Германией, на совести которой лежат две мировые бойни».

Как и в других романах, Пикуль создает яркие портреты героев, они многочисленны, но «все они лаконичны и выразительны», ни с кем не спутаешь.

Особенно удачны образы Фридриха и Елизаветы, которым Пикуль уделяет в романе много места.

Образ Фридриха в романе контрастирует с образом Елизаветы. Автор показывает их жизнь в сходных ситуациях. Даже названия подзаголовков служат этому подтверждением: «Фридрих не спит», «Елизавета просыпается».

Уделяя много внимания Семилетней войне и походам русской армии, Пикуль подробно излагает ход решающих битв, чётко характеризует воюющие армии, мужественных воинов и их руководителей. «Батальные сцены написаны в лучших традициях русской исторической романистики, где решительные битвы часто бывали объектом художественного

воплощения», — писал рецензент, представляя книгу в издательство.

Совсем нелегко пришлось командующему русской армией Петру Семёновичу Салтыкову: враг был силен. И хотя при дворе считали Салтыкова недалёким и робким человеком, но назначили командующим — другого не нашли...

Образ Салтыкова большая удача автора — за невзрачной внешностью «тихого старика» скрывается любовь полководца к России, храброму русскому солдату.

«Салтыков в нашей стране не знаменит, но он был признан нашей страной. Правда, от широкой славы в потомстве он затаился в военных архивах, в солидных монографиях, в толстенных сводах рескриптов и документов. Он живёт среди бумаг так же тихо и незаметно, как и жил когда-то, пока не грянул Кунерсдорф.

В годы суровых испытаний Великой Отечественной войны мы о Салтыкове помнили. Ибо за этим старичком вырастал призрак Берлина» — такую характеристику командующему русскими войсками даёт автор.

Описание взятия Берлина — яркая страница в истории всей Семилетней войны, ибо взятие его вывело Россию в число ведущих держав мира.

А ключи от Берлина были торжественно переданы на вечное хранение в Казанский собор Петербурга.

Сам Фридрих восхищался мужеством русских: «...Я вижу только мёртвых русских, но я не вижу побеждённых русских! Русского мало убить — русского надо ещё и повалить!» Эту глубокую мысль противника подтверждает вся история русского государства.

Роман многопланов, мозаичен, густо населён персонажами: императрица Елизавета Петровна, Людовик XV, стремящийся любой ценой сохранить равновесие сил в Европе, Фридрих II, Мария-Терезия,

будущая императрица великая княгиня Екатерина Алексеевна, дипломаты и шпионы, знатные вельможи и генералы.

«Война и дипломатия — дипломатия и война».

Не так-то много писателей того времени уделяли в своём творчестве теме дипломатических отношений России с Европой.

Профессор С. Б. Окунь, давая оценку роману, писал: «Дипломатические принципы России, Англии, Франции, Пруссии и Австрии выписаны в романе с таким знанием материала, а личности дипломатов с таким психологическим мастерством, которым может позавидовать самый опытный историк международных отношений... Многое из жизни де Еона и по сей день остаётся невыясненным и служит объектом бесконечных газетных сенсаций. И нельзя не воздать должное автору “Пера и шпаги” за ту огромную *исследовательскую работу*, которая была им проделана для установления научной биографии дипло-мата-авантюриста... Домысел В. Пикуля всегда базируется на огромном фактическом материале, подвергшемся тщательному анализу. Это тот домysel, который помогает раскрыть истину!»

Мне думается, что даже в наше время, в начале XXI века, царствование Елизаветы Петровны до сих пор по достоинству не оценено историками.

Помимо военных побед во время её пребывания на престоле был основан первый университет в Москве, открыта Академия художеств и Казанская гимназия. При ней в полную силу творили писатели и поэты: Ломоносов, Сумароков, Херасков, Княжнин.

И, наконец, при Елизавете казни перестали быть обыкновенным делом, как прежде, — остались ссылки, плети... И первыми ссыльными стали Остерман, Головкин, Левен-вольде, которые были прямыми врагами Елизаветы.

В основу событий романа, помимо боевых эпизодов, положена «подоплёка так называемой “секретной” дипломатии, особого явления в международных отношениях середины восемнадцатого века». Шпионаж и придворные интриги, где любовь тесно переплеталась с подкупом и даже с прямым предательством, привели к сколачиванию антирусского блока.

О своей работе над романом «Пером и шпагой» Валентин Саввич говорил:

«Я писал эту книгу, меньше всего заботясь о чистоте жанра. Отсюда, видимо, возникнут некоторые неудобства при чтении... Во всяком случае, это была трудная книга для меня. И хотелось бы пожелать — пусть она будет лёгкая для читателя... Но судить об этом мне права не дано... И на этом я замолкаю...»

Роман «Пером и шпагой» стал той книгой, после которой о Валентине Пикуле историки, критики, и литературоведы заговорили о том, что жанр хроники автор обогатил, соединив в нём воедино публицистичность и приключенческое направление (линия де Бона). В этом заключается *новаторство* романа о дипломатии.

Критик Людмила Герасимова писала: «В. Пикуль умело “работает” с фактом, часто выдвигая его в центр драматического события либо опираясь на него по формированию художественного образа...»

Первое издание романа-хроники увидело свет в 1972 году в Лениздате в сборнике под названием «Пером и шпагой», куда вошли ещё два коротких романа — «Звёзды над болотом» и «Париж на три часа» — и шесть исторических миниатюр.

Роман «Пером и шпагой» долго ждал своей встречи с читателями.

Вынужденный в первое время творчества обращаться за помощью к литературным чиновникам, Пикуль сталкивался с их желанием полностью взять под

контроль его творчество. Валентин Саввич так и остался независим ни от чиновников, ни от рецензентов, ни от редакторов до конца дней своих. А сколько здоровья ему это стоило? Почитаешь его переписку с редактором, и становится понятно: если автор был в чём-то до конца уверен — он не шёл ни на какие уступки.

Роман появился на прилавках Ленинграда в июне 1972 года. Ещё с ночи у дверей магазина выстроилась огромная очередь... «500 экземпляров книг разлетелись мгновенно, остальные ушли из-под прилавка», — писал об этом факте ленинградский писатель Николай Кондратьев.

В дальнейшем, а именно в 1982 году, большой друг нашей страны — Макс Эйльбронн перевёл роман «Пером и шпагой» на французский язык, и в следующем году книга вышла во Франции под названием «Кавалер де Бон» с портретами де Бона и в мундире офицера, и в платье кокетливой красивой женщины.

Переводчик и издатель любезно переслали Валентину Саввичу из Парижа солидную пачку положительных рецензий и откликов на публикацию.

В одной из статей говорилось: «Валентин Пикуль — лучший рассказчик современности». Именно после романа «Пером и шпагой» некоторые критики и читатели стали называть Пикюля «русским Дюма», чему он был немало удивлён.

Минский читатель Куксик К. А., лётчик истребительной авиации, в частности, писал: «Самое главное, из-за чего пишу, — не могу не восторгаться языком романа “Пером и шпагой”. Без преувеличения можно сказать: язык сочный, насыщенный, живой. И если бы не было Ваших комментариев о днях нынешних, то можно было бы принять Вас за *современника той исторической эпохи*, о которой идёт речь. Язык, выражения, слова — словно остриё шпаги де Бона или,

пожалуй, де Бомон, ибо она более яркий фехтовальщик... Выражения настолько точны и уместны, что изыми и вставь другие — не подойдут, как не подходит сердце с другого вида организма — будет отторгнуто, это словно современный кирпич в кладке исторической стены или деталь с другой машины, разной по мощности...»

Кирпичик за кирпичиком клал Валентин Пикуль в фундамент своей будущей славы. Огромное стремление связать судьбу отдельных персонажей с глубинным ходом исторического процесса отмечается во всех романах Валентина Пикуля. Везде и всюду, даже в небольших по объёму миниатюрах чувствуется связь времён и преемственность поколений. И особенно остро показана эта связь времён в романе «Пером и шпагой», о котором идёт речь:

«Воин русский на поле Куликовом — это воин при Ку-нерсдорфе.

Воин при Кунерсдорфе — это воин на поле Бородинском.

Воин на поле Бородинском — это воин на Шипке.

Воин на Шипке — это защитник Брестской крепости.

Изменились идеи, другими стали люди. Но родина у них по-прежнему одна — это-мать Россия; и во все времена кровь проливалась во имя одного — во имя русского Отечества...» — писал профессор В. В. Тарасов, прочитав книгу В. С. Пикуля «Пером и шпагой».

Среди героев Эстонии и Литвы

Эстонская земля богата выдающимися личностями. Выходцы из этих земель и имений оставили значительный след в истории России. Во-первых, это объясняется тем, что там находились имения их предков, во-вторых — Эстония расположена на самом

ближайшем расстоянии от Петербурга. Валентина интересовал прежде всего вопрос: что же сохранил Таллинн и его окрестности из прошлых веков до наших дней?

В русских летописях Таллинн упоминается со своими старинными названиями: Колывань, Ревель. В 1710 году он перешёл к России и стал губернским городом. Путешествуя по старинному городу, Валентин был приятно удивлён тем, что в нём уцелели многие здания времен Ганзейского союза. Город сохранил вид и дух старинного немецкого города.

Одной из главных причин поездки в Эстонию явилось желание поклониться праху прославленного полководца, генерал-фельдмаршала Михаила Богдановича Барклая де Толли, действия и поступки которого на посту главнокомандующего в борьбе с врагами России Пиккуль высоко ценил. Еще во времена Потёмкина-Таврического Барклай проявил мужество и героизм при штурме Очакова.

Фельдмаршал князь Н. В. Репнин сказал о Барклае: «Меня уже не будет на свете, но пусть вспомнят мои слова: “Этот генерал много обещает и далеко пойдёт”». Став в 1810 году военным министром, Барклай приступил к реорганизации русской армии. Он предвидел, что рано или поздно России придётся воевать с Наполеоном. При нём был принят новый пехотный устав, начато строительство Динабургской и Бобруйской крепостей, разработан план на случай военных действий и была создана войсковая разведка.

Современники писали о Михаиле Богдановиче: «Спокойствие духа никогда ему не изменяло, и в пылу битвы он распоряжался точно так, как бы это было в мирное время, в безопасном месте, не обращая никакого внимания на неприятельские выстрелы. Бесстрашие его не знало пределов. В обращении с равными он был всегда вежлив и обходителен, но ни с

кем близко не дружился; с подчинёнными, от высших до низших чинов, был кроток и ласков; никогда, ни в каком случае, не употреблял оскорбительных и бранных выражений и всегда настоятельно требовал, чтобы до солдата доходило всё ему следуемое...»

Не только в Эстонии была увековечена память бесстрашного полководца.

В Риге, в год празднования столетия со дня победы над Наполеоном, был установлен памятник работы В. Ванд-шнайдера, но при загадочных обстоятельствах он исчез в годы Первой мировой войны, остался только постамент. В наши дни справедливость восторжествовала: на сохранившийся и долго пустовавший постамент вновь установлен прекрасный памятник Барклаю де Толли — талантливому и бесстрашному полководцу.

Многие точки на карте Литвы тоже привлекали внимание Валентина.

Прежде всего его интересовало имение последнего фаворита Екатерины — Платона Зубова, Ионишки, и при каждом посещении Литвы он обязательно заезжал туда.

Многие вопросы писатель хотел уточнить и выяснить в Вильнюсе. Известно, что генерал-губернатором Литвы с 1800 года с некоторыми перерывами, а затем и в 1809-1811 годах был М. И. Кутузов. Пикуля интересовало: какие документы того времени представлены в музеях Литвы? При внимательном изучении он выяснил, что большинство представленных документов он знал: они были опубликованы в периодике тех лет.

Особенно Пикулю запомнился указ М. И. Кутузова, который он издал на второй день после ухода Наполеона из Вильно: генерал-губернатор приказал графу Платову: «употребить все должные меры, дабы

сей город при приходе наших войск не был подвержен ни малейшей обиде».

Во время путешествия по Латвии, Литве и Эстонии в сознании Пикуля вызревал новый роман о взаимоотношениях между европейскими государствами и Россией.

«Битва железных канцлеров»

Пикуль считал «Битву железных канцлеров» политическим и одним из самых сложных написанных им романов. В новом произведении автор выступает как *писатель-исследователь*.

В предисловии, обращаясь к читателю, автор говорит:

«Я предлагаю читателю сугубо политический роман. Без прикрас. Без вымысла. Без лирики. Роман из истории Отечественной дипломатии».

Однако, как заметит читатель, в романе освещается не только история русской дипломатии XIX века, но и политика и дипломатия Пруссии, Германии, Австрии и Франции.

В центре романа «Битва железных канцлеров» показана дипломатическая дуэль между министром иностранных дел Александром Михайловичем Горчаковым (1798–1883) и канцлером Германской империи Отто Эдуардом Леопольдом Бисмарком фон Шёнхаузен (1815–1898) в пору тяжелейших европейских исторических кризисов 50—70-х годов XIX века.

Сам прошедший суровую школу войны, Пикуль во все времена боролся за сохранение мира, выступая против бряцания оружием.

Зло и беспощадно писатель обличает политиканов, прошлых и нынешних, мечтающих поставить Россию на колени.

Таков Бисмарк — министр иностранных дел Пруссии с 1862 года и рейхсканцлер Германской империи в 1870–1890 годы, родоначальник германского милитаризма.

Обратим на эту историческую фигуру более пристальное внимание, поскольку без освещения деятельности Бисмарка нельзя уяснить ход и движущие силы исторического развития Германии и Европы во второй половине XIX века.

Личность Бисмарка, этого неординарного человека, привлекала внимание историков многих стран, литература о нём огромна. Крупнейший политический и государственный деятель XIX столетия, вершитель судьбы Европы и всего мира, он осуществил объединение Германии. Всё, что сделано Бисмарком, не может не вызывать восхищения. Он подобно Петру, Наполеону, Черчиллю стал легендой ещё при жизни.

Зная об общепризнанном таланте Бисмарка — дипломата, Пикуль не рискнул подвергнуть его критике в данном качестве — это противоречило бы исторической истине.

Уже находясь в отставке, обозревая свой прошедший путь, Бисмарк пришёл к выводу, что главная *опасность для Германии — война с Россией*, с её сильным и непобедимым русским народом: «Германия непобедима до той поры, пока не столкнулась с Россией, в груди которой бьётся два сердца — Москва и Петербург».

Попытки покорить Россию Карлом XII и Наполеоном, такими сильными противниками, окончились крахом.

«Даже при благоприятном исходе войны против России никто не может уничтожить необъятных возможностей огромной страны».

Министром иностранных дел в России длительный период (1856–1882 годы) был Александр Михайлович Горчаков.

Светлейший князь Горчаков, друг А. С. Пушкина по Лицею, «вниманием потомков не обижен». «Историки дипломатии до сих пор вникают в его дальновидные замыслы». Это был крупный политик своего времени, обладавший способностью быстро ориентироваться в сложной международной обстановке, определять задачи и добиваться своей цели.

К образу А. М. Горчакова писатель подходил долго, собирая, изучая и обрабатывая материал. Он лёг не только в основу романа, но и миниатюры с аналогичным названием. Его образ дан в постоянном развитии. Первое значительное выступление Горчакова произошло на Венской конференции в 1855 году, дипломат был тогда послом в Вене.

Как дипломат и патриот России Горчаков переживал поражение России в Крымской войне и унижительные условия Парижского мира, по которому Россия теряла часть территорий и не могла держать флот в Чёрном море. Эти и ряд других потерь делали условия мира для России тяжёлыми.

Неподкупность и неуступчивость Горчакова в дипломатическом разговоре явились условием назначения его руководителем внешней политики.

Приход Горчакова в Министерство иностранных дел вызвал острую борьбу в правящих кругах России. Ближайшее окружение Нессельроде никак не хотело мириться с его отставкой. «Немецкая страница дипломатии была перевёрнута. Открылась чистая — русская, патриотическая».

Первым делом Александр Михайлович основательно обновил дипломатический состав, «введя в него русских людей». Он заменил случайных для русской дипломатии личностей, проникших на высокие посты в Министерство иностранных дел: в Вену был назначен посол Балабин, в Лондон — граф Хрептович, в Париж — граф Киселёв, в Константинополь — Бутенев.

Александр Михайлович считал себя преемником традиций русской дипломатии.

«Страстный патриот России, великолепный стилист и оратор, утончённый вельможа-аристократ, умнейший человек своего века, Горчаков носил славу “бархатного” канцлера. Однако это не совсем так: он умел быть и “железным” властелином политики, если дело касалось чести русского народа».

Свою деятельность на новом посту министра иностранных дел Горчаков начал с ноты от 21 августа 1856 года, разосланной русским дипломатам: «Говорят, Россия сердится. Нет, Россия не сердится. Она собирается с силами... *Россия сосредоточивается.* Последнюю фразу можно было прочесть иначе; именно так её и прочли в кабинетах Европы: *Россия усиливается!*»

Эта фраза облетела всю Европу и вызвала бурные споры.

«Сейчас, когда я пишу этот роман (1975 год), — говорил автор, исполняется столетний юбилей со дня “битвы железных канцлеров”. Политические кризисы не редкость в нашем мире. Но кризис 1875 года вошёл в историю человечества, как кризис небывалый. О нём написаны целые библиотеки. К изучению его обстоятельств историки обращались множество раз, ибо в финале кризиса просматривалось будущее Европы».

В современном мире, когда остро встаёт вопрос о всеобщем разоружении, уместно напомнить, что именно России принадлежит пальма первенства в инициативе такого разоружения. Еще в 1874 году «канцлер Горчаков предложил европейским державам мирный проект, разработанный им лично. Это был знаменитый циркуляр о разоружении, призывавший созвать мирную конференцию государств, обладающих армиями и флотами».

Первая Гаагская конференция состоялась по инициативе России только в 1899 году, когда Горчакова уже не было в живых. В «Лесном домике под Гаагой» состоялась мирная конференция 26 государств, которая приняла 3 конвенции: «о законах и обычаях войны, о правах и обязанностях нейтральных стран и порядке мирного разрешения международных споров»».

Оглядываясь на те далёкие события, читатель видит, сколько ума, такта, негибимой воли и твёрдости характера проявил Горчаков, чтобы избавить Европу от страшной бойни. В этом заслуга канцлера не только перед русским народом, но и всем человечеством.

Дипломатическая карьера А. М. Горчакова практически завершилась Берлинским конгрессом. С тех пор он сохранял почётный титул канцлера, но практических дел осуществлял мало. Номинально он перестал быть министром с марта 1882 года, когда на его место был назначен Николай Карлович Гире. Но это уже другая эпоха и другие герои...

Покоряет читателя в романе образ талантливого поэта Фёдора Ивановича Тютчева, стихи которого Пикуль обильно цитирует. В романе мы видим его в новом качестве — посланником и председателем цензурного комитета, который требует отменить цензуру...

По условиям договора с издательством автору пришлось сократить «Битву железных канцлеров» на пять авторских листов: «выпустить из неё кровь», чтобы она похудела до нужных размеров.

При сокращении целые сюжетные линии выпали из романа частично или полностью.

Впоследствии некоторые неопубликованные материалы Пикуль использовал при написании миниатюр.

Отражая взгляд героев на события в романе, автор в полной мере использует элементы публицистики: авторские отступления, разъяснения, обращение к читателю, — в которых высказывает свою точку зрения. Такие авторские приемы усиливают эмоциональное воздействие на читателя.

«С концепцией Пикуля можно соглашаться или не соглашаться, можно спорить, пытаться опровергнуть, можно вообще не признавать, но бесспорно одно: все свои выводы автор делает на основании глубокого изучения и знания исторических материалов. Его романы зиждутся на мощном документальном фундаменте, научно-исторических изысканиях учёных прошлых веков, переписке современников и документах эпохи».

Справедливости ради, хочу ещё раз подчеркнуть характерную черту Пикуля как исторического романиста. При изучении документов, в поисках исторической истины он пытался *заново, по-своему, осмыслить русскую историю*, не оглядываясь ни на какие авторитеты. У него не роман использует историю, а сама история становится романом. Во всех произведениях писателя, в том числе и в «Битве железных канцлеров», великое множество фактов встает перед читателем, ошеломляя и изумляя его.

Сильная сторона творчества Валентина Пикуля заключается и в том, что он умел сделать *историческое повествование захватывающе интересным*. Это касается и главных героев романа — Бисмарка и Горчакова.

Из мрака темноты выявляются и новые имена подвижников и героев истории:

Пикуль любит своих героев, ярких, незаурядных личностей, готовых пожертвовать своей жизнью ради интересов Родины. И через судьбы героев автор

доносит до читателя вечные человеческие ценности — их идеи, любовь к родине, верность своему долгу.

Читатель с огромным интересом принял роман.

С. Б. Окунь, прочитав роман, высоко оценил новое детище Пикуля. «Мне импонирует то, что самые сложные вопросы взаимоотношений внешней политики государств Вы преподносит легко и доступно... Был в Военно-Морской академии, там зашёл разговор о Вас, преподаватели говорят: “Много слышали о романе, но не читали, нет возможности его приобрести”...»

Ещё не успели критики расклевать «Пером и шпагой», как совсем неожиданно для них и для читателей увидел свет новый роман из истории русской дипломатии «Битва железных канцлеров». И снова о романе говорил не только Ленинград, но и весь Союз. Официальная пресса и критики молчали. Газеты писали об ажиотаже вокруг романа о Горчакове.

В этом издании автор поместил небольшую — всего шесть страниц, но очень давно ожидаемую любознательными читателями автобиографическую заметку о себе — «Ночной полёт». Это была первая и последняя попытка Валентина Саввича письменно рассказать о себе. Но сколько добрых отзывов вызвала эта публикация!

Следует отметить, что книги Пикуля наряду с добрым эффектом дали толчок и развитию негативных явлений. На них росли культура и патриотизм, на них же набирал силу криминал: снимались, уличённые в нарушении правил торговли директора книжных магазинов, потирали руки спекулянты и книгомафиози, часто маскирующиеся под благородной вывеской книголюбов.

Ведь первые так называемые договорные цены устанавливались именно на книги.

Ученый-литературовед Мирсайд Сапаров писал Пикулю из Ленинграда: «“Битва железных канцлеров”

пользуется бешеным спросом. По поступлении книги на базу у книжных магазинов образовались пикеты из спекулянтов, так называемых “холодников”, которые дежурили 2–3 дня, пока не дождались поступления книги. Перекупочная цена 20 руб. Вряд ли какая другая продукция Лениздата пользовалась таким спросом. Слышал, что на продаже романа “сгорели” два директора книжных магазинов, так как были уличены в нарушении торговли».

В газете «Советская Латвия» появилась статья «“Битву железных канцлеров” никто не бросил». А произошло следующее: «...когда в очередной раз на “чёрный книжный рынок” нагрянула милиция, что было большой неожиданностью для книголюбов, многие из них побросали свои книги и пустились наутёк. Но “Битву железных канцлеров” никто не бросил»...

Издавать книги Пикуля периферийным издательствам чаще всего запрещалось. Как вспоминал директор Центрального чернозёмного книжного издательства, что находится в Воронеже, А. Свиридов, «в годы застоя Пикуля печатали редко даже центральные издательства. А уж о периферийных и говорить не приходится. Нашему издательству, например, Госкомиздат РСФСР много лет запрещал издавать его произведения. Были исключены из тематических планов романы “Баязет” и “Битва железных канцлеров”».

В дальнейшем роман перешагнул и границы нашей страны — в чехословацком городе Братислава в 1981 году вышел в издательстве «Правда».

А когда красиво оформленный (по рассказам моряков-загранщиков) том романа появился на прилавках Великобритании, Валентин Саввич был сильно удивлён. И понятно, ведь это было первое знакомство с зарубежными пиратами.

Это сообщение вызвало у Пикуля протест и вдохновило на новые схватки с пороками и нечистыми силами общества...

Разговор о романе «Битва железных канцлеров» подходит к концу.

Находясь в преклонном возрасте, Горчаков говорил: «Историкам будущего предстоит кропотливая работа, дабы разобраться в сложности мотивов моей политики. Но я верю, что в потомстве установится на меня взгляд уважительный. Я ведь всё делал исключительно во благо России и своего народа...»

«Мы, читатель, прощаемся с Горчаковым! Из прошлого столетия (теперь уже из позапрошлого. — А. П.) доносится до нас его усталый голос — голос русского любомудра и патриота отчизны:

— Европой я могу только любоваться, будучи её нечаянным гостем. Но жить и работать по-настоящему я способен только в России... Мне не уйти от этой земли! И пусть хоть кто-нибудь и когда-нибудь постоит над моей могилой, попирая прах мой и суету жизни моей, пусть он подумает: вот здесь лежит человек, послуживший Отечеству до последнего вздоха души своей...»

Глава восьмая. Друзья юности — верные друзья

Мальчики с бантиками

Всё дальше от нас отдаляются грозные годы военного лихолетья. Но в памяти писателя эти годы запечатлелись с подробностями на всю жизнь. Юношеская память цепкая, чистая: «Юность... она была тревожной, как порыв ветра, ударивший в открытое крыло паруса...»

На одном дыхании была написана повесть «Мальчики с бантиками» (1974), события которой воскрешают годы боевой флотской юности 1942–1945 годов, когда Валентин обучался в Школе юнг на Соловках и воевал на эсминце «Грозный», сначала рулевым, а потом штурманским электриком.

«Тогда было суровое время жертв, и мы были готовы жертвовать, многие из нас тогда же ступили на палубы боевых кораблей».

Автор выступает в повести в роли главного героя под именем Савки Огурцова.

«Юнга Северного флота...» Пикуль гордился этим званием и тем, что в самые трудные для нашей Родины дни он внёс свой маленький вклад в нашу общую победу.

Народный комиссар Военно-морского флота периода Великой Отечественной войны Николай Герасимович Кузнецов писал: «Школа юнг в своё время воспитала самую активную молодёжь, из которой потом вышло много отличных командиров, она принесла большую пользу для нашего Военно-Морского флота».

Из рулевых Валентин был переведён в аншютисты, и по 12 часов в сутки, наравне с взрослыми, он нёс службу

в гиropoстy, выдавая истинный курс кораблю.

В 16 лет своей жизни Валентин стал командиром боевого поста, докладывая мостику:

— БП II БЧ I к бою готов!

В повести с большой откровенностью Валентин поведал о многих событиях, которые произошли с ним.

Осенью 1944 года штурман «Грозного» направляет Пикуля на сторожевик, чтобы там он запустил гироскоп. Сторожевик готовился к выходу в море. Когда Валентин вошёл в гиropoст — ахнул! Перед ним стоял не «Аншютц», а гиpокомпас системы «Сперри», который он видел впервые. Пикуля объял страх. Но он взял себя в руки.

«Обошёл я вокруг гироскопа, словно кот учёный вокруг легендарного дуба. Волнуюсь. А время идёт. Если я не справлюсь с этим пауком, из-за меня (только из-за меня) может сорваться вся операция. Я сорву выход корабля в море. А мой предшественник, что уплыл в Исландию, мужик, видать, был хозяйственный. Вижу — целая полка литературы. Нашёл я нужный номер по “Сперри”. Каждую страницу я словно снимал в своём мозгу на фотоплёнку. Голова работала идеально...

Звонок:

— Мостик — гиropoстy: когда запуск?

— Запускаю, — ответил я штурману.

Порядок! Можно запускать. Рубильник пошёл вперед, бросая на генератор мощный бортовой ток. Завыли моторы. Ротор гироскопа из сплава стали с никелем взял разбег. Получив питание, он почувствовал то, чего не ощущает человек, — силу земного притяжения. Ртуть, переливалась в сосудах, воздействовала на него. Передо мной скакали и прыгали стрелки приборов, отмечая начало той жизни, которую я дал умной машине...

Выдернул из боевого зажима трубку телефона и говорю:

— Гиропост — мостику: исправно вошёл в затухающие колебания. Времени у нас в обрез, так я разогнал “шарик” как можно ближе к меридиану — вдоль Кольского залива...»

Пикуль был счастлив и доволен собой, что в такую трудную минуту жизни он помог сторожевику выйти в море на ответственное задание.

Флотская дружба! Сколько о ней написано стихов, спето песен! Она помогает в жизни и в тяжёлое суровое время — во времена горячих схваток с врагом, и в мирные, далеко не простые времена.

Юнги — надёжные друзья

Никогда Валентин не забывал своих друзей юности, переписывался с ними, встречался, дарил книги. Как много он получил добрых слов и советов от бывших «однофлот-чан» по прочтении книг...

Работая над повестью «Мальчики с бантиками», Валентин изменил инициалы своих друзей, но события оставил в той последовательности, как они происходили.

Только одного героя Пикуль не скрыл под вымышленным именем — Джека (Евгения) Баранова — однокашника по классу рулевых. Кто-то из юнгашей написал Валентину, что Женя погиб при тралении мин на Волге, под Сталинградом.

К счастью, это оказалось неправдой. Женя воевал на Волжской флотилии, очищая Волжский фарватер от мин, его РТЩ-135 подорвал семь самых современных для того времени магнитно-акустических мин. Затем бронекатер Жени форсировал Днепр, прошёл вверх по Дунаю, брал Измаил, штурмовал Будапешт и Вену.

Когда я впервые услышала о Джеке Баранове — спросила:

— А кто он такой?

Ответ Пикуля был коротким и исчерпывающим:

— Просто красивый человек.

Я-то знала, какой высокий смысл вкладывал он в подобные короткие оценки...

Свою жизнь он закончил в Москве, работая машинистом на метрополитене.

Вспоминаю первую встречу с Джеком Барановым. С первой минуты шла оживлённая беседа, состоявшая сплошь из вопросов: «А ты помнишь? А ты знаешь?»

И, наверное, в эти минуты перед их глазами вставал остров, пропитанный историей, такой героической и такой трагической.

С художником Дмитрием Арсениным, как мне казалось, Пикуль был знаком всю жизнь. Особенно тесными его контакты стали после совместных съёмок в фильме о юнгах «За морем — солнце». Когда-то о юнгах Дмитрию Арсенине из Горького, Валентине Пикуле из Риги и Иване Зорине из Мурманска был снят документальный фильм. Руководил съёмками Виталий Гузанов — писатель, тоже юнга. Съёмки проходили в Риге, на берегу Рижского залива, на Даугаве.

В письмах и телефонных разговорах с Дмитрием они обменивались своими радостями и успехами, делились творческими планами.

Дмитрий приглашал Пикуля на свою персональную выставку в Горький, обещая, как он писал в письме, «по договорённости с капитаном теплохода» незабываемое путешествие по Волге.

Но эти планы и намерения Пикуля постепенно тонули в планах и намерениях, иногда более значительных, а чаще — многочисленных будничных... рабочих.

О подвиге Ивана Зорина писала газета «Краснофлотец: «Три торпедных катера вышли в море “на охоту”. На одном из них боцман Иван Зорин. У Варде-фиорда встретили небольшое вражеское судно. Приказ по радио из штаба флота: взять “морского языка”. Шквальным огнём из пулемётов и пушек смели находившихся на палубе фашистов. Катер подошел к судну впритирку... Первым вскочил на вражеское судно Иван Зорин, за ним — остальные... Захватив пленных, торпедный катер лёг на обратный курс».

— Я хочу встретиться с Валентином, я его не видел со школы юнг — с такими словами обратился ко мне на работе мужчина средних лет и представился:

— Алексей Штефан, бывший юнга, живу в Николаеве.

Я попросила прийти его вечером домой. В назначенное время бывший юнга стоял на пороге квартиры. Тёплые рукопожатия, объятия сменились долгими воспоминаниями и рассказами о дальнейших судьбах юнг в мирное время...

Встреча с А. Штефаном глубоко отложилась в памяти писателя. И после его ухода Пикуль говорил и говорил, вспоминая и рассуждая:

— Ведь что характерно, — говорил Пикуль, — не могу вспомнить ни одного эпизода из боевой юности, за который пришлось бы краснеть, кроме как пребывания на гауптвахте. И это относится почти ко всем юнкам, хотя были среди нас и разгильдяи, и шалопаи, и мечтатели, были шалости, которые заканчивались больницей, но все стали людьми, понимающими большую значимость того, какая огромная ответственность лежит на всех нас...

Подаренную Алексеем Штефаном медную статуэтку рулевого Валентин поставил на стол, где она находится и по сей день...

С интересом читал письма в первую очередь от юнг, он уже знал их по почерку. Среди огромного количества писем часто мелькали послания Михаила Хорошева, приезжавшего в 1975 году навестить Пикуля в Риге.

Михаил, будучи главным редактором газеты «Приокская правда», почти каждый год ко дню рождения Валентина помещал заметки о своём знаменитом друге.

Присылал Михаил нужные материалы, документальные вырезки из газет, которые всегда интересовали писателя.

Совсем неожиданно для Валентина прислал из Москвы свою книгу «Три миллиона лет назад до нашей эры» — о происхождении человека, бывший юнга-рулевой, а нынче археолог и писатель Геральд Матюшин с дарственной надписью: «Валентину Пикулю — рулевому СФ от рулевого СФ Геральда Матюшина в качестве новогоднего подарка...»

Пикуль просмотрел добротню изданную книгу с приложением обнаруженных находок останков человека, фрагментарно прочитал и остался доволен. Сделал тёплую надпись на книге «Пером и шпагой» и отослал своему коллеге.

— Я рад, в нашем полку прибыло, — удовлетворённо заметил он...

Письма от Геральда Матюшина приходили и позже, в одном из них он пишет:

«Я теперь (с прошлого года), доктор исторических наук, если нужны какие-то консультации или отзывы по археологии и истории — всегда рад оказать тебе помощь». Но Пикуль не воспользовался добрым расположением друга: он рассчитывал всегда только на себя.

Сослуживец Пикуля по роте, бывший юнга Фёдор Хромов из Тольятти писал Валентину об их общем командире: «Если бы Кравченко знал или предполагал,

что командует будущими адмиралами или писателями, наверное, был бы снисходительней... Хотя вряд ли...»

Переписывался Валентин с Гавриловым Борисом Акимовичем (Ботя Волирваг) из Ульяновска, вместе с которым в школе учились читать слова наоборот. Пикуль наловчился читать справа налево и читал быстро, как и обычный текст.

— А смысл прочитанного понимаешь? — спросила его.

— Конечно, как при чтении слева направо.

Борис Гаврилов часто напоминал о себе стихами. Уже после смерти Валентина он прислал две книги со стихами, изготовленные собственноручно. Одна книга посвящена юнгам, вторая Валентину — для музея Пикуля.

Писали Пикулью многие бывшие юнги: Владимир Храпов из города Стаханова Ворошиловградской области; Валентин Никитин из Уфы; Миша Заболотный из Умани, Юра Жуков из Саратова, Игорь Лисин из Свердловска.

Совсем неожиданно напомнил о себе Анатолий Негара, приехав в юрмальский санаторий, но лечился мало — большинство времени проводил с Валентином.

Страшные события войны отразилось на жизни этого человека, на его здоровье. Анатолий ещё во время войны стал инвалидом.

«24 сентября 1944 года тральщик АМ-120 в числе других кораблей сопровождал караван судов к мысу Челюскин. На обратном пути в Архангельск их атаковала вражеская подводная лодка. Командовал тральщиком молодой капитан-лейтенант Дмитрий Алексеевич Лысов. Началась схватка с подводной лодкой противника U-739. На руле стоял старшина 1-й статьи Анатолий Негара. АМ-120 преследовал лодку. Но случилось непредвиденное. Вторая лодка противника, находящаяся под прикрытием первой, успела выпустить

по тральщику торпеду. Сильный взрыв торпеды оторвал вместе с винтами корму тральщика.

По команде командира на воду с тральщика спустили понтон: 20 моряков заняли места на понтоне. Командир остался с частью команды на тральщике и погиб смертью храбрых.

Девять дней и ночей понтон носило по морским волнам Карского моря. Анатолий Негара всё это время не выпускал из рук кормового весла. На десятые сутки, почерневшие от холода и голодные полутрупы, пристали к необитаемому заснеженному острову Скотт-Гансена.

Сшили из одеял парус и столкнули понтон снова туда, откуда лишь недавно вырвались живые. Одним из пятерых добровольцев был и Анатолий Негара. На пятые сутки их понтон выбросило на пологий берег полуострова Таймыр. Тут и встретили они своих...»

Долго беседовали Валентин с Анатолием о годах своей юности и никогда не сожалели о том, что по зову своего сердца находились на передовой, когда их сверстники сидели за школьной партой. Они с благодарностью вспоминали своих воспитателей, которые в те жестокие годы заменили родителей и дали путёвку в жизнь.

Отбросив свою работу, Пикуль вместе с гостем путешествовал по Риге. Заходили и в магазины. У Пикуля при первом появлении гостя созрела мысль купить ему всё необходимое: одеть с ног до головы. Гость сопротивлялся, но потом уступил настойчивости друга. Какой радостью светились глаза — нет, не у Негары — у Валентина: он любил делать людям добро!

Переписка их полна внимания и заботы друг о друге, которая, к великому сожалению, закончилась быстро. Вскоре Анатолия Негары не стало.

Чаще, чем от других юнг, приходили письма и книги с автографами от Виталия Григорьевича Гузанова.

Иногда Пикуль подсказывал ему темы для книг.

В 1974 году Виталий привёз Пикулью фильм «Юнга Северного флота», режиссёра-постановщика Владимира Рогового. Гузанов выступил в нём в роли консультанта. Добротный широкоформатный цветной фильм с исполнением роли юнгашей школьниками, впоследствии ставшими известными артистами. Пикуль смотрел фильм в базовом матросском клубе Усть-Двинска. Иногда просил остановить, чтобы повторить и снова прочувствовать всё увиденное. Ведь это был фильм о них. Это была встреча с боевой юностью. Да и места узнаваемые: фильм снимался на Соловках, на Белом море.

Много внимания уделено в фильме роли воспитателей. Особенно Пикулью понравился мичман Лукьянов: он чем-то напомнил ему мичмана Сайгина из Школы юнг. После просмотра Валентин высказал своё мнение:

— Этот фильм нужно адресовать юношеству, показывать подросткам — как в их возрасте юноши быстро выросли и находили своё место в ряду защитников Родины.

А что касается содержания — фильм, в общем, правдивый, правильный, много увлекательного, что действительно было в жизни, но много и надуманного. Мне, пережившему многие драматические события того времени, они казались гораздо страшнее, драматичнее и острее, чем показано в фильме.

Виталий Гузанов написал много книг о моряках, в том числе и книгу «Командир принимает решение». Автограф автора гласит: «Дорогому другу Вале Пикулью, вдохновившему меня написать эту повесть, с глубоким чувством уважения и признательности».

Поручив мне полностью заниматься корреспонденцией, Валентин однажды меня предупредил:

— Если придёт письмо от Коли Ложкина, обязательно покажи. Не знаю, где он сейчас, но, думаю, обязательно должен написать — мы с ним вместе служили на «Грозном».

Любопытно, что спустя короткое время прогноз Валентина сбылся.

— Отложи, дам ответ, — протянул мне Пикуль прочитанную им поздравительную открытку от Николая.

Многие люди занимаются благородным делом увековечивания заслуг юных мужественных защитников Родины. Они вели и ведут большую героико-патриотическую работу среди молодёжи, рассказывая о славных традициях юнг ВМФ.

Эта тема находила отклик в письмах Пикулью от Евгения Стругова, секретаря Совета юнг крейсера «Слава» Краснознамённого Черноморского флота, от председателя Пермской секции юнг-ветеранов А. П. Леонтьева и, конечно же, от председателя Совета ветеранов Соловецкой школы юнг ВМФ, бывшего комиссара школы, капитана 1 ранга Сергея Сергеевича Шахова, с которым писатель поддерживал самые тёплые доверительные отношения...

По инициативе Уфимской организации бывших юнг начались розыски бывших выпускников Соловецкой школы.

Состоявшаяся в 1972 году первая встреча бывших юнг на Соловках положила начало последующим встречам. Каждый раз Валентин получал приглашение на встречу, но на торжества не ездил. Его приветственные телеграммы участникам таких слётов обычно заканчивались словами: «Душой всегда с Вами».

Как всегда творческие планы или болезнь мешали участию в таких мероприятиях. Он стеснялся высказать мысли, которыми делился со мной:

— У моего сердца уже нет запаса прочности на такую встречу. Я могу не выдержать, не справиться с эмоциями... А наши ряды всё больше редуют. Да и подходит ли сюда слово «ряды»?

В год 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне состоялась новая встреча ветеранов Соловецкой школы юнг. Сергей Сергеевич Шахов писал о встрече:

«И снова седой Соловецкий кремль с его многочисленными башнями встретил своих старожилов, но уже не мальчишек, а ветеранов войны. Жители острова оказали радушный приём бывшим юнгам.

Волнующим было посещение острова, где размещался штаб и землянки, которые более тридцати лет тому назад юнги построили сами. Это были замечательные кубрики на 50 человек каждый. Землянок не оказалось — их разрушило время, остались котлованы, да и они чуть заметны. На месте землянок выросли сосны и берёзы. Время стирает следы прошлого, но в душе они — навсегда!»

Прочитав письмо С. С. Шахова, Пикуль задал мне неожиданный вопрос, как бы я отнеслась к его предложению поехать жить на Диксон, Землю Франца Иосифа или вообще — на Север. При этом в его словах не было ни капли лукавства.

— А почему тебе хочется жить на Севере? — поинтересовалась я.

— Люблю холод, простор и свободу. Там глубже дышится и легче думается. — Видимо, чтобы лучше представить себе им самим рисуемую картину, Пикуль закрыл глаза. — Хочу видеть настоящую природу: если зиму, так с настоящими морозами, а лето, пусть и короткое, но знойное. Кто в юности хлебнул прелестей Севера, того до старости будет тянуть туда...

— А как ты там будешь жить без книг? — допытывалась я.

— Нет, не смогу. Если поедем, то только вместе с библиотекой, — подвёл итог гипотетическому разговору Валентин...

Кстати, группа читателей-киевлян с завода «Арсенал» как-то обратилась к Пикулю с письмом. В своём послании они не только предлагали, а просили, убеждали и вдохновляли писателя взяться за книгу о Соловках.

Валентин Саввич ответил им: «Уважаемые товарищи!

Благодарю Вас за тёплое проникновенное письмо, за все добрые слова, обращённые ко мне.

К сожалению, я сейчас поглощён другими темами и вряд ли смогу вернуть себя в годы юности — на Соловки. Соловецкий архипелаг, а не только монастырь, достоин большего внимания в нашей истории, нежели ему ныне оказывают. Требуется внимание историков, климатологов, зоологов, ботаников, археологов и... живописцев.

Когда-нибудь, я верю, Соловки дождутся солидной обобщающей монографии...»

Корректируя черновик письма, он поставил здесь многоточие, вычеркнув последующие слова: «но меня в числе её авторов не будет...»

Бывшие юнги давно стали дедами и прадедами, а многие преждевременно ушли из этого мира, до конца выполнив свой долг и в годы войны, и в мирное время: Вадим Коробов дослужился до вице-адмирала, Василий Копытов имеет звание контр-адмирала, Коля Махотин — доктор технических наук, лауреат Государственной премии, Виктор Бабасов — Герой Социалистического Труда, Борис Штоколов — известный певец, Виталий Гузанов — писатель. Это перечисление можно было бы множить и множить...

С тех пор прошло много лет. Но и «поныне я живу курсом, что мне дал гирокомпас, указавший дорогу в

большую жизнь, в которой меня ожидали новые тревоги и новые напряжения души. Конечно, не я принес Родине победу. Не я приблизил её волшебный день. Но я сделал всё, что мог», — сказал Валентин в одном интервью.

Подвиг юнг воспет в стихах, увековечен в музейных экспозициях, отлит в бронзе.

В год 30-летия со дня основания школы на Соловках собравшиеся юнги решили соорудить памятник. Неподалеку от Сторожевой башни, рядом с кремлёвской стеной был установлен постамент, на котором прикреплена металлическая доска с надписью: «Воспитанникам Соловецкого учебного отряда и школы юнг ВМФ, погибшим в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов».

В 1993 году в центре Архангельска на набережной Двины, откуда начинали свой путь юные защитники, открыт памятник погибшим юнгам (скульптор Фрид Сагоян). У подножия скульптуры, изображающей готового идти в бой юноши в матросской форме, лежит бронзовая плита, на плите написано для потомков о выпускниках школы юнг. За три года существования «более четырёх тысяч квалифицированных специалистов Школа подготовила. Более тысячи мальчишек погибли в боях за Родину».

Путешествие по Камчатке

Валентин Пикуль писал о романе «Богатство»: «Я никогда не думал, что в своих научных и писательских интересах когда-нибудь “заберусь” на Дальний Восток. Но мне попались интересные материалы по обороне Камчатки во время Русско-японской войны, по созданию народного ополчения. Я увидел, как народ, отнюдь не “передовой”, а чувствующий патриотизм больше

шкурой, поднялся против оккупантов. Так родился мой роман “Богатство”».

Необъятной была наша страна при жизни Валентина Пикуля: от заполярных северных льдов — до субтропиков, от Балтики — до Камчатки. От людей, имевших счастье соприкоснуться с этим уголком державы, я слышала такие отзывы: «Первое впечатление от встречи с Камчаткой наиболее точно можно выразить одним словом — потрясение»...

Писателя давно интересовала история этого края. Во многих источниках сказано, что этот огромный полуостров, лежащий на крайнем северо-востоке азиатского материка, открыли простые русские люди.

В XVII веке посетили эти далёкие берега казаки-землепроходцы во главе с Атласовым и Морозко. В XVIII столетии на Камчатке успешно проводили освоение новых земель экспедиции под руководством В. Беринга и С. Крашенинникова. В XIX веке освоение Камчатки продолжалось: были проведены экспедиции О. Е. Коцебу, И. Ф. Крузенштерна, Ф. П. Литке, К. Дитмара...

Об этом удивительном крае по имени Камчатка, его людях, их судьбах, но уже в начале XX столетия и грозных событиях Русско-японской войны рассказывает Валентин Пикуль в первом романе, открывающем тетралогия, посвящённую Дальнему Востоку. Писатель назвал роман коротко и многозначительно — *«Богатство»*.

Русско-японская война 1904–1905 годов, её ход и последствия занимали важное место в творчестве писателя. Да это и понятно — это крупный рубеж в истории дореволюционной России. Малоизвестные страницы жизни Камчатки в период её обороны во время Русско-японской войны нашли своё отражение в романе. Дальнейшая разработка этой темы выльется в романах «Крейсера», «Три возраста Окини-сан» и «Каторга».

Круг источников, которые лежали на столе автора при написании романа, по сравнению с другими произведениями небольшой, всего 32. Литература довольно разнообразна. Труднее всего писателю показать быт и нравы коренных жителей Камчатки. Помимо исторических источников Пикуль широко использовал географические труды путешественников и книги о путешественниках — Атласове, Беринге, Крашенинникове, Лаперузе, Шелихове; а также — сказки и песни народов Севера: коряков, орочонов, тунгусов, чукчей, просматривал альбомы по искусству и выпуски книг «Живописная Россия».

В романе всегда важен герой, чьими глазами автор смотрит на мир.

Герои романа — простые русские люди, патриоты, сильные духом, защищавшие свою землю, свой край. В грозные дни войны они, охваченные могучим порывом, создавали народные ополчения и вставали на пути захватчиков.

Главный герой «Богатства» Андрей Петрович Соломин — начальник Камчатки, в прошлом журналист — редактор «Приамурских новостей», истинный русский патриот, пытавшийся поставить заслон на пути ограбления местного населения и расхищения богатств Камчатки, вследствие чего на него летят жалобы в Петербург, а местная медицинская комиссия признаёт его «невменяемым».

Удачный случай помогает Андрею Петровичу остаться губернатором Камчатки, и он, как истинный патриот, возглавляет её оборону от посягательств японских захватчиков к господству над русским полуостровом.

Трудно жить умному, честному интеллигентному человеку в царской России, либералу по своим взглядам, который в меру своего доброго характера в критические моменты жизни совершает ошибки. Это

видно на примере мытарств и скитаний Соломина, к которому автор испытывает свою писательскую симпатию.

Как живые, встают перед читателем образы патриотов Камчатки: георгиевского кавалера Егоршина, который ещё в 1854 году отражал нападение англо-французской эскадры, отставного прапорщика Жабина, отца Сергея Блинова, который просил Соломина включить сына в десант, Мишки Сотенного... Вместе с русскими на защиту родины встали тунгусы, камчадалы, коряки, ороконы: охотники, рыбаки, каюры, зверобои.

В памяти читателей надолго остается траппер Испола-тов-Ипостасьев, в прошлом офицер лейб-гвардии, во время событий романа — каторжник, организатор десанта против японских захватчиков, а в конце романа — первопроходец-изыскатель. Похоже, что Исполатов появился в романе под влиянием героев любимого писателем Джека Лондона. Образ гордого, смелого, сильного и честного человека, его трагическая судьба заставляют читателя надолго задуматься. Автор явно симпатизирует своему герою, не осуждает его поступков, предоставляя читателю самому разобраться в них и сделать свой вывод. Таких смелых и сильных героев Пикуль любил.

Колоритные, цельные, волевые герои, выведенные в романе «Богатство», описание уникальной природы Камчатки — все это представляет собой интересный «киношный» материал. Было несколько попыток ещё при жизни писателя экранизировать книгу, но все попытки кончались неудачей.

В настоящее время роман «Богатство» удачно снят киностудией «Дом-фильм».

Первый роман о Дальнем Востоке «Богатство» выдержал много изданий и до сих пор не залёживается на полках книжных магазинов.

«По моему убеждению, талант нужен во всём и, прежде всего, талант жизни. Можно сочинить бездарную книгу — это ещё простительно, прожить бездарную жизнь — это уже преступление...» — так считал Валентин Пикуль накануне приближающегося юбилея. Успехи в творчестве радовали. В «Советском писателе» вышел сборник «Богатство» («Реквием каравану PQ-17» вместе с новым романом «Богатство»), а в Лениздате скоро выйдет сборник «Битва железных канцлеров», представляющий собой стереотипное издание 1977 года, куда включён помимо названного романа — «Пером и шпагой».

День рождения стремительно приближался — *пятидесятилетний юбилей*.

На имя писателя поступило много поздравлений от организаций, творческих работников, моряков, добрых поздравлений и писем читателей. Пришла правительственная телеграмма от *Григория Васильевича Романова* — Первого секретаря Ленинградского обкома КПСС, от *Николая Семёновича Тихонова* — председателя Комитета защиты мира, Героя Социалистического Труда, секретаря Союза писателей СССР.

ПРИКАЗ командира войсковой части 39040 № 513

13 июля 1978 года. Город Севастополь.

«О зачислении в списки части *Почётным членом экипажа* юнги эсминца «Грозный» товарища *ПИКУЛЯ* Валентина Саввича...

Зачислить в списки части *ПОЧЁТНЫМ членом экипажа*...

Копию приказа выслать товарищу *ПИКУЛЮ* Валентину Саввичу.

Приказ объявить всему личному составу корабля.

Командир войсковой части 39040 — капитан 2 ранга *В. КИСЕЛЁВ*»

Поступила телеграмма из Москвы:

«Горячо и сердечно поздравляем Вас с пятидесятилетием со дня рождения!

Ваши произведения, пользующиеся у читателей огромной популярностью, неизменно отличаются патриотизм и достоверность, глубина проникновения в сущность отечественной истории.

Начиная с “Океанского патруля”, который дорог флоту, как роман о североморцах, о грозных схватках с врагом в Заполярье, Вы во многих своих произведениях говорите доброе и весомое слово о людях, одетых во флотскую форму...

Желаем Вам, Валентин Саввич, новых творческих удач. Советские военные моряки всегда рады Вашим успехам и ждут от Вас новых интересных книг.

Главнокомандующий Военно-Морским Флотом Адмирал Флота Советского Союза — С. Горшков Член Военного совета начальник Политического управления ВМФ — адмирал — В. Гришанов».

Московский совет бывших юнг ВМФ в поздравлении отметил:

«В тяжелые годы войны вместе со взрослыми на защиту Отчизны поднялись тысячи подростков. Одним из таких был ты.

Школа юнг на Соловецких островах, построенная твоими собственными руками, дала тебе путёвку в жизнь...

Сейчас, когда нам, бывшим юнгам — 50 лет, Совет ветеранов объединил наш боевой дух, вечный задор молодости, те добрые традиции, которые воспитали в нас на всю жизнь Н. Ю. Авраамов и С. С. Шахов, нашу любовь к Военно-Морскому Флоту, которому мы отдали свои юные годы.

Теперь мы должны помочь воспитать из нынешних мальчишек и девчонок пламенных патриотов Родины...»

Пришло красиво оформленное поздравление-адрес с военно-морским флагом и видом *подводной лодки*

«К-21», подписанное командиром лодки «К-21» после Н. А. Лунина — Арвановым Зармаиrom Мамиконовичем, членами команды Владимиром Леонардовичем Ужаровским, Сергеем Александровичем Лысовым, В. Тереховым, Владимиром Юльевичем Браманом, и ещё 37 подписей.

Коллектив ЛЕНИЗДАТА поздравил стихами.

Появился

Указ Президиума Верховного Совета СССР

«О награждении писателя Валентина Саввича Пикуля орденом Трудового Красного Знамени.

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с пятидесятилетием со дня рождения наградить Пикуля Валентина Саввича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Л. Брежнев

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

М. Георгадзе».

Москва. Кремль. 18 июля 1978 года.

Валентин Пикуль встречал свой юбилей в полном расцвете сил, ожидая публикации романа «Нечистая сила» в «Нашем современнике», которая по каким-то неизвестным ему причинам задерживалась и была осуществлена только в следующем, 1979 году.

Глава девятая. Скандальная слава

«Нечистая сила»

«Роман “Нечистая сила” я считаю главной удачей в своей литературной биографии, но у этого романа очень странная и чересчур сложная судьба...

Помню, я ещё не приступал к написанию этой книги, как уже тогда начал получать грязные анонимки, предупреждавшие меня, что за Распутина со мною расправятся. Угрожатели писали, что, ты, мол, пиши о чём угодно, но только не трогай Григория Распутина и его лучших друзей».

Работа над романом «Нечистая сила» стала важным этапом, принёсшим писателю глубокое удовлетворение. Но в личной жизни — это было катастрофически сложное время, оставившее глубокие в жизни следы.

Роман является многоплановой картиной русской жизни предреволюционной России. Он вынашивался несколько лет. В качестве проверки, пойдет ли Распутин для печати, Пикуль ввёл его в роман «Моонзунд». Никаких замечаний со стороны рецензентов не последовало.

Писать об одном Распутине, показывая патологию этого явления, — бессмысленно. Пикуль решил на фоне обширного материала предреволюционной России показать *«разложение самодержавия»*, рассказать о позорном политическом явлении, вошедшем в нашу историю под названием *«распутинщины»*. И, наконец, в романе присутствует ещё одна тема — *окружение Распутина»*.

Эту третьестепенную тему и «поставили в основу угла для обсуждения романа», напечатанного в отрывках. Возмущались этой третьей темой только

сионисты. Ибо только их не устраивает то обстоятельство, подтверждённое документами, что «главными советниками Распутина во всех грязных делах были сионисты, — именно их влиянием во многом и определяется всё то позорное, что пережила наша страна и наш великий русский народ в период, предшествующий революции».

Об этом и повествует роман-хроника Пикуля.

«Не секрет, что некоторые люди хотели видеть в Распутине нечто вроде *мессии*, который явился как главный и мощный ускоритель гибели самодержавия.

Придерживаясь такой точки зрения, знаменитый юрист Ю. Таганцев сказал:

— Если бы Распутина не было, его пришлось бы выдумать!

Проницательный юрист А. Ф. Кони тогда же отметил: «Не Распутин создал эпоху, а сама эпоха создала его...»

«Нечистая сила» отличается от других произведений писателя тем, что в ней *нет ни одного вымышленного героя*, как нет и изображения разных сцен, которые не подтверждены документально в нашей печати.

Помимо царской семьи в романе представлена целая галерея исторических личностей: министров, жандармов, придворных, банкиров, врачей, духовенства, газетчиков, шпионов, попрошаек, фабрикантов, жуликов и череды всяческих авантюристов — вроде Бадмаева, Мануса, Си-мановича, Манасевича-Мануйлова, Андроникова и прочих представителей русского общества.

В романе раскрыта и темная сторона *высшего духовенства* империи, которое поначалу ради собственных выгод выдвинуло Распутина, а когда он поднялся на высокую ступень, отцы церкви и владыки Синода стали затапывать его.

Для создания такой обширной панорамы предреволюционного времени потребовалось немало источников. Сколько было «перелопачено» материала!

В основном использовалась та литература, которая была опубликована в СССР, и некоторые белоэмигрантские издания. Не считая мелких журнальных заметок, которых он просмотрел многие сотни, «список литературы, лежавшей на столе автора», присовокупленный к рукописи, включал 128 наименований. Доставать многие источники приходилось с большим трудом. Не единожды Пикуль рассказывал корреспондентам, как он «раздобыл» дневник Симановича. Поначалу он обратился в публичную библиотеку им. В. Лациса, в Риге. Книгу ему выдали для чтения в кабинете директора, под присмотром, не разрешили сделать никаких выписок. Дали просто почитать! Обозлённый на весь мир, Пикуль сказал себе: «Я раздобуду эту книгу, и будет она стоять на полке моей библиотеки». Опросил всех знакомых книголюбов — хотел купить книгу за любые деньги. Никто из них с ней не сталкивался. «По всей вероятности, — думал Пикуль, — её на корню уничтожили». Но мир полнится слухами: и эти слухи дошли до поклонника творчества Пикюля. Через некоторое время мемуары Симановича лежали на столе писателя.

Но главным источником, как указывает автор, при написании книги послужили семь томов документов «Падения царского режима», изданные у нас в 1926–1927 годах.

Давайте заглянем, уважаемый читатель, в список источников, которыми пользовался писатель. Повторяю: их насчитывается 128! Прочитав выборочно некоторые из них, поскольку это не просто библиография — в них мнение автора о прочитанном, с его пометками и суждениями:

4. Алмазов Б. *Распутин и Россия*. Прага, Издательство «Грюнхут», 1922.

Книга перенасыщена ошибками, а посему почти не использовал её в работе.

20. Бьюкенен Д. *Моя миссия в России*. Пер. с англ. Д. Я. Блока. Берлин, «Обелиск», 1924. (Наконец, паршивейший советский перевод мемуаров с приложением статьи А. Керен-ского КОНЕЦ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ) М., ГИЗ.

25. Вырубова А. А. *Фрейлина ея величества. Интимный дневник и воспоминания*. 1923–1928. Рига, без года. *Это немыслимое враньё не использовал в работе.*

73. Обнинский В. П. *Последний самодержец*. Берлин, (около 1912 года). Как известно, тираж около 500 экз. был почти уничтожен царской охранкой. 1 экз. книги — в Москве, другой — у меня.

101. Симанович А. С. *Распутин и евреи. Записки личного секретаря Распутина*. Рига, без года.

На основании договора, подписанного в мае 1973 года с Лениздатом, Валентин отослал рукопись по привычному для него адресу. Так уж сложилось, что на протяжении многих лет книги Пикуля, который не был членом партии, выпускало партийное издательство, находящегося под эгидой Ленинградского обкома КПСС.

Итак, «Нечистая сила» попала в обкомовскую структуру, где первыми читателями рукописи были цензоры, редакторы и рецензенты, специализировавшиеся в основном на продукции партийного аппарата.

На «Нечистую силу» были даны две рецензии, разные по форме и по содержанию, но сходные своим категорическим неприятием книги.

Так, старший научный сотрудник АН СССР, кандидат исторических наук Пушкарёва И. М. писала по прочтении рукописи:

«Остается неясным, зачем понадобилось автору поднимать давно забытые и погребённые на свалке истории события и факты...»

«Плохое знание истории приводит автора в стан наших идейных противников за рубежом».

«В романе В. Пикуля в противоречии с устоявшимися взглядами в Советской исторической науке, революционная эпоха начала XX века, освещённая гением В. И. Ленина, названа ни много ни мало как “эпоха распутинщины”».

«Пренебрежительно относится автор к марксистско-ленинским взглядам на войну и революцию... даёт *своё понимание* заслуг исторических деятелей».

«Пренебрегает марксизмом-ленинизмом», «противоречит устоявшимся взглядам», «высказывает *своё понимание*» и т. д. — *в то время это было совсем не похвалой.* Это сейчас оценку поведения автора в те времена можно воспринимать как орден за личное мужество, за вклад в демократию и гласность.

И далее:

«*..литература, которая “лежала” на столе автора романа (судя по списку, который он приложил к рукописи), невелика...*»

«роман... не что иное, как простой пересказ... писания белоэмигрантов: антисоветчика Б. Алмазова, монархиста Пуришкевича, авантюриста А. Симановича и пр.».

Насчёт Алмазова мнение Пикуля, надеюсь, помните? А вот «авантюриста», по словам И. Пушкарёвой, Пикуль действительно использовал. Да и какой уважающий себя писатель проигнорирует почти совсем не известные широкому кругу читателей записки «советника и царём назначенного секретаря Распутина», лишь только потому, что он не «советских кровей». Тем более, что, по отзывам очевидцев, умный, с хорошей памятью, крепкий, доживший до ста лет

(умер в 1978 году), секретарь «ручался за полное соответствие действительности изложенных им фактов».

«Рукопись В. Пикуля не может быть издана. Она *не может считаться советским историческим романом*, истоки которого берут своё начало в творчестве А. М. Горького» (Пушкарёва).

Редакционное заключение, подписанное заведующим редакцией художественной литературы Лениздата Е. Н. Га-бисом и старшим редактором Л. А. Плотниковой, противоречило рецензии И. Пушкарёвой лишь в части утверждения, что «автор, безусловно, располагает *обширнейшим (! — А. П.) историческим материалом*», но было единодушно по существу окончательных выводов:

«Рукопись романа В. Пикуля “Нечистая сила” не может быть принята к изданию, поскольку... является развёрнутым аргументом к пресловутому тезису: *народ имеет таких правителей, каких заслуживает. А это оскорбительно для великого народа, для великой страны, что и показал с наглядностью Октябрь 1917 года*» — (из редакционного заключения).

В итоге Лениздат расторг договор. Но Валентин не отчаивался — он отдал рукопись в журнал «Наш современник».

Поскольку рукопись была объёмной, около 44 авторских листов, редакция предложила автору сократить роман. Валентин Саввич дал согласие на сокращение, но сам не принимал в этом деле участия, ибо в это время тяжело болела его супруга — Вероника Феликсовна.

Сокращённый вариант романа был опубликован с 4-го по 7-й номера 1979 года журнала «Наш современник» под названием «У последней черты».

Не успели читатели ознакомиться с концовкой романа, как в газете «Литературная Россия» от 27 июля

появилась статья известной уже *И. Пушкарёвой* «Когда утрачено чувство меры». Это были перепевы негативизмов рецензии, возведённые в квадрат осознанием тщетности первых попыток начисто закрыть нежелательную тему... «Внеклассовым подходом отличается и назойливое акцентирование автором национальной принадлежности того или иного персонажа, связанного с Распутиным и царской кликой...»

Но это была мелочь, так сказать — «цветочки». «Ягодки» последовали из самых высоких инстанций эшелонов власти.

Первым напомнил о себе М. Зимянин, требовавший *Пикуля на ковёр*. Пикуль ответил: «Я никогда не был членом партии, вышел давно и из комсомольского возраста, поэтому никуда не поеду. А что касается романа “У последней черты”, я изучил 128 исторических источников, на основании которых высказал свою точку зрения, вы можете высказать свою, а читатели разберутся, что им читать».

Разгром закончил бывший главный идеолог страны Михаил Андреевич Суслов на Всесоюзном совещании идеологических работников. Присутствовавшие на совещании делегаты говорили Пикулю, что его фамилия была произнесена, но в отчётном докладе было напечатано следующее:

«Встречаются в иных произведениях и внеисторические, искажённые представления о прошлом, странные пристрастия к фигурам исторических авантюристов, поверхностные суждения о современности. Эти явления не должны оставаться вне поля зрения творческих организаций и их печатных органов».

Всем было ясно, что было это сказано в адрес Пикуля.

«У последней черты» взорвала общество. Те, кто не знал писателя, — узнал и стал интересоваться его

книгами.

После публикации журнального варианта взволновалось окружение J1. И. Брежнева... В картинах расхищения и продажности при дворе государя оно увидело самих себя и все грехи своей камарильи. Недаром же в середине публикации «мой роман пожелали “редактировать” жёны — того же Брежнева и Суслова» — так писал Пикуль в предисловии к первому изданию книги, до которого ещё было очень, очень далеко.

Состоялось заседание секретариата правления Союза писателей РСФСР, где разбирался вопрос Пикуля. По существу, секретариат того времени осуществил акцию *дискредитации не только «Нечистой силы», но и всего творчества Пикуля*. Особенно возмущались С. Михалков, А. Чаковский, Г. Марков. Сергей Владимирович Михалков жестикулировал, топал ногами — об этом рассказывал главный редактор «Нашего современника» Сергей Васильевич Викулов, который был вызван в секретариат для отчёта и стоически перенёс наветы хулителей. *Публикация* журналом «Наш современник» романа «У последней черты» правлением секретариата была *«признана ошибочной»*, а главному редактору был объявлен выговор.

Всегда равнодушный к творчеству Валентина Пикуля, знамя похода против него подхватил критик *В. Оскоцкий*:

«В романе отчётливо сказалась *неисторичность* авторского взгляда, подменившего социально-классовый подход к событиям предреволюционной поры идеей разложения царизма».

На страницах газет и журналов и даже книг только в 1979 и 1980 годах появились его статьи: в «Правде», 1979, 8 октября; в «Вопросах литературы», 1980, № 6; в книге «Роман и история», 1980, стр. 296–302.

Часть этих нападок носила явно личный характер, не имевший ничего общего с критикой. Вместо того чтобы разбирать книгу по существу, главное своё внимание «критики» обратили внимание на самого писателя. Некоторые критики договорились до того, что Пикуль — никакой не писатель!

И, правда, он не кончал литературного института, но тем не менее у него вышли из печати и пользуются огромным успехом все 11 книг. Было бы хорошо, если б из 10 тысяч членов писателей, которые числятся в справочнике Союза писателей (в том числе и критики!), сделали хотя бы часть того, что сделал Валентин Пикуль!

Даже в самые тяжёлые времена Пикуль был независим от всякого рода властей. Никогда и ничего ни у кого не просил, не отвечал на критику, только в письмах друзьям проскальзывали нотки разочарования современным состоянием нашего руководства в стране да и в литературе.

А ведь если поразмышлять, то ни одному критику не по уму работа, какую проводит в литературном мире время. Сколько их пламенных речей было развеяно временем, не оставив от их статей и следа, да и от их самих — знаменитостях при жизни!

Понятно и другое, что ни один удар не проходит бесследно и для писателя. В тот период он жил словно «под стеклянным колпаком», трудности были — и немалые. Снимаешь трубку — щелчок! Хорошо, что рядом были моряки, они взяли писателя под свою защиту. Особист, капитан 1 ранга Рябинин был частым гостем писателя. Пикуль рассказывал ему о своих злоключениях, избиениях на улице, ругани по телефону, отдавал ругательские письма. В ответ — особист просил не выходить одному гулять с собакой, особенно рано по утрам и поздно вечером. Может быть, ошибаюсь, но Пикуль не боялся никаких физических расправ. Он был

фаталист по натуре. Единственное, чего он опасался, — что его не будут издавать...

«У последней черты» — что это — неудача? Думаю, что нет. С этим соглашались и читатели. А критика не разделила достоинств книги в угоду высшему эшелону власти, отвергнув её без доказательств.

О начале XX века написано много, но Пикуль сделал глубокий и смелый шаг в русскую историю, раскрывая тему и в глубину, и в ширину, которой редко кто из писателей-историков касался...

Возня вокруг критики не отнимала у него много времени, конечно, она действовала угнетающе, но он старался её не замечать.

Кто-то из великих сказал: «Ругать не только легче, чем хвалить, но и выгоднее».

Да и В. Г. Белинский в свое время говорил по поводу критики: «Что в том, что вы будете хвалить Шекспира? Его все хвалят. Но попробуйте ругать Шекспира, и вы сразу станете центром общего внимания: “Шекспира не признает... Должно быть, голова”...»

Что, собственно, не понравилось большей части критиков в романе? Суть не на поверхности. Она лежит глубоко. И самое главное — кто были *друзья Распутина* и чего хотели они добиться от царя через Распутина? И почему этот вопрос запретный, как считает Пушкарёва?

Роман «Нечистая сила» отражает и современную действительность. «По сути дела, здесь показана работа мафии, я считаю, — объяснял Пикуль, — мафия бывает партийная, административно-бюрократическая и просто уголовнокриминальная. На примере с Распутиным я хотел показать страшную опасность их сращения».

Роман-хроника «Нечистая сила», написанный на исторических фактах действительности, принёс огромный поток писем неравнодушных и думающих читателей — с благодарностью за поднятую тему.

Читательская поддержка

В этот трудный для писателя момент его поддержали читатели со всего Советского Союза. Давайте прислушаемся к голосу народа о романе, их мнение в письмах лишено всякой аранжировки.

Читатели заступались за писателя, отсылая возмущённые письма против критиков в газеты и журналы, наивно полагая, что их мнение услышат.

«К чтению “У последней черты” меня подтолкнула скандальная известность как личности Распутина, так и Вашей книги. Я живу в тех местах, где до сих пор в зарослях Александровского парка сохранилось место, на коем стояла часовня Вырубовой. До чтения книги прослушал массу пересказов скабрёзных эпизодов романа с перетряхиванием грязного белья какой-то аристократии. Всё это в тот период соответствовало моему представлению о Распутине. Осталось только убедиться в собственной “проницательности”. С большим трудом отыскал журналы и... ничего того, в чём Вас обвиняют, — не нашёл. Поразила динамика повествования, отточенная афористичность фраз, лёгкость и богатство языка, не подстроенную ни под “деревню”, ни под салонную великосветскую вязь, а нашего родного и понятного до каждого вздоха *русского языка* (выделено автором письма. — А. П.). Создаётся впечатление, что судят о Вашей книге не по её содержанию, а по каким-то выхваченным из текста недобросовестно подобранным выдержкам. И пусть одни находят в Вашей книге дворцовое “интриганство”, другие — “истекают истомою”, дополняя недостаток жизненных впечатлений. Пусть!

Вы *открыли* нам, читателям, в своём романе *окна и двери действительности*, и каждый стремится теперь

устроиться в нём “кому как удобнее”, соизмеряясь со своим вкусом и воспитанием.

Благодарный читатель *В. Ю. Филимонов*, Ленинград».

Журналист Виктор Алексеевич Дегтярёв из Севастополя направил статью «Справедлива ли справедливая критика?» в редакции газеты «Правда» и «Литературная Россия», где были ранее опубликованы негативные критические статьи на роман Валентина Пикуля, но ни одна из этих газет статью не напечатала.

Итак, *Виктор Алексеевич Дегтярёв* анализирует сложившуюся ситуацию вокруг писателя:

«Обратимся к роману В. Пикуля “У последней черты”, посмотрим, за что же его “справедливо критикуют”: первой появилась статья кандидата исторических наук Ирины Пушкарёвой (“Когда утрачено чувство меры”, “Лит. Россия”, 27.07.79). Эта же статья привлекла внимание и такого “авторитета” в области советской литературы, как лондонская “Файнэншл тайме” — орган финансовых кругов Англии.

“Автор явно отступил от единственного верного принципа — классового подхода к оценке прошлого”, — утверждает Пушкарёва, не затрудняя себя приведением примеров. “В романе... неверно характеризуется ряд исторических лиц”.

Пушкарёва упрекает Пикуля в том, что он “не отразил в романе революционное движение в России начала XX века”. Но как бы в предвидении подобных упреков, Пикуль ещё раньше написал и опубликовал на эту тему другой роман — “На задворках великой империи” и сделал на него ссылку в романе “У последней черты”. Однако Пушкарёва этой ссылки не приняла. Ей хотелось, чтобы Пикуль “розу белую с чёрною жабой” сумел “повенчать” в одном произведении. Хотя ей, как историку, должно быть

известно, что “распутинщина” как явление стояла в стороне от жизни и борьбы трудящихся масс...

Валентин Оскоцкий в литературном обозрении “Воспитание историей” (“Правда”, 8.10.79) за что же критикует Пикуля? “Нет, не за внеклассовость, не за внеисторичность осуждают роман критики... Дело, пожалуй, не в недостатках романа Пикуля (каковые, несомненно, есть), а в самой выбранной теме.

Вот В. Оскоцкий с явным неудовольствием цитирует слова Пикуля о том, что в основу романа “положены подлинные материалы... Все имена сохранены в исторической достоверности. Вымышленных героев и событий в романе нет”.

И резюмирует: “Лучше бы они были”. Почему же? Да потому, что, как пишет Пушкарёва, “внеклассовым подходом отличается... назойливое акцентирование автором национальной принадлежности, того или иного персонажа, связанного с Распутиным и царской кликой”. Остаётся напомнить (и это не открытие Пикуля!), что вокруг Распутина и царской клики вертелись и тесно с ними были связаны многие, очень многие российские и иностранные граждане *еврейской национальности* — банкиры, промышленники, адвокаты, журналисты, политические и просто авантюристы, политические и просто проходимцы...

Наша литература никогда не замалчивала такие позорные явления в истории России времён царского самодержавия, как антисемитские законы, “черта оседлости”, еврейские погромы... И это не считалось и не считается “назойливым акцентированием”. Это действительно классовый подход рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции, осуждавших и осуждающих антисемитизм. Но вот писатель назвал поимённо некоторых процветавших в то же царское время, паразитировавших на труде народном, шпионивших против России других евреев — не угнетённых, а

угнетателей и их приспешников. И уже готовы ярлыки “внеклассового подхода” и “назойливого акцентирования”. Так прямо и заявляют: *“Уж лучше бы он выдумал, чем писать правду!”*

В книге Цезаря Самойловича Солодаря “Тёмная завеса” (“Молодая гвардия”, 1979) прочёл такие слова: “В монархической России интересы евреев-рабочих никогда не могли совпасть с интересами защищаемых царизмом еврей-ев-капиталистов...” И возникает вопрос. А чьи интересы совпали с интересами тех, защищаемых царизмом евреев сегодня, через шестьдесят с лишним лет после победы Великого Октября? Кто и зачем пытается их, этих евреев, в дни революции как один оказавшихся по ту сторону баррикад, защитить, *убрать из числа отрицательных типов советской литературы?* Это тоже напоминает классовый подход — того класса, к которому принадлежали все эти Рубинштейны, Манусы, Манасевичи-Мануйловы, Сима-новичи и иже с ними...»

В. А. Дегтярёв удивлялся, почему же имя Пикуля, так много сделавшего в деле пропаганды истории, или замалчивается, или критикуется?..

«Нет в “Энциклопедическом словаре” имени В. Пикуля — автора 10 романов, а имя В. Амлинского, произведения которого вмещаются в два тома, присутствует?»

В ответе М. Кузнецова — заместителя председателя научно-редакционного совета издательства «Советская энциклопедия» В. А. Дегтярёву от 18 июня говорится: «В настоящее время готовится второе издание СЭС. Не сомневаюсь, что самым внимательным образом будет рассмотрено и Ваше предложение...»

Странно, но «советская власть в походе против Пикуля оказалась солидарной с Би-би-си», радиостанцией «Свобода» и лондонской «Файнэншл тайме» — органом финансовых кругов Англии. Их

реакция на роман Валентина Пикуля оказалась однозначной: негативной. Что может обозначать это ненормальное явление? Оно может обозначать лишь одно: если существуют две системы — капитализма и социализма, то выходит, что *Валентин Пикуль выступил от лица некоего третьего мира*, который не устраивает ни мир социализма, ни мир капитализма. Забавное положение... Об этом стоит задуматься», — писал из Ленинграда читатель *И. Коровин*.

Рижанин А. Померанцев в письме автору рассказывает, как в 1928 году он проходил студенческую практику летом в селе Покровском Тюменского уезда, на родине Распутина, на прорубке лесных просек. Бригадиром у него работал младший сын Г. Е. Распутина — *Иван Распутин*.

«В ходе полевых работ мы, проходя по Сибирскому тракту от Покровского до Тюмени, обратили внимание на необычную его ширину протяжённостью 86 вёрст. Старики рассказали — Распутин со своими “высокими” гостями вздумал ездить от Тюмени не на тройке лошадей, а на пятёрке, так, чтоб можно было разъехаться на дороге двум пятёркам....

Двухэтажный деревянный дом Распутина с зелёной (тогда) железной крышей резко отличался от других своим городским видом. Однажды в доме, где мы квартировали, собралось десятка полтора пожилых женщин (по просьбе нашего таксатора). Мы спросили женщин: кто такой был Григорий?

— Примерно половина женщин стали плевать — нехристь, антихрист — вытаращит свои глазища и смотрит не мигая. Страх берёт...

— Другая половина начала креститься, выговаривая: святой, святой старец, не покинь ты нас и там...

Три месяца мы трое уговаривали Ивана рассказать об отце. Ивану на вид было лет 30, невысокого роста, щупло-ватый, глаза голубые, круглые — совиные. У него

было несколько мельниц, его раскулачили, оставили одну мельницу... Иван у односельчан пользовался авторитетом...

Об отце рассказал мало: “Мы, братья, не одобряли походов отца. Просили его бросить барышничать, бегать на молитвы хлыстов, где отец был за старшего, мотаться по монастырям, церквям, а заниматься хозяйством. Но всё напрасно”».

«В последние месяцы два человека взбудоражили общественное мнение. Знаю, что тебе сейчас нелегко. Критика, причём заушательская обрушилась на тебя. Этим критикам надо бы повертеться в читательской среде. Послушать, что говорят читатели о писателе Валентине Пикуле. За журналами с “У последней черты” — такая очередь, что приходится стоять не один месяц... Все книги Пикуля сейчас встречаются с таким интересом, что их невозможно купить, если нет блата. Сам я нахожу роман талантливым — в нём дана уничтожающая критика царского самодержавия. Неужели критики этого не видят! Мне кажется, всеми критиками движет зависть к писателю, к той популярности, какую имеет Валентин Пикуль. В твоей творческой жизни были и раньше неприятности, и ты их мужественно перенёс. Переживёшь и это... Мужайся, друг! Сейчас в “Литературку” и в “Правду” идут письма читателей в защиту Валентина Пикуля. Послал письмо в “Правду” и я...

Хорошев Михаил, юнга. Павлово-на-Оке, 15.10.1979».

«Дорогой Валентин Саввич!

Кажется, наступило затишье. Чем кончилось обсуждение в Секретариате Союза писателей, Вы, наверное, знаете. Мне потрепали нервы, но с *должности не уволили*. Очень хотелось бы встретиться с Вами, познакомиться лично. Не теряю надежды, что, в конце концов, нам это удастся.

Не ругайте меня за то, что роман вышел с купюрами. Не всё зависело от меня...

Посылаю Вам одно из многих писем читателей (предлагает “Распутин и женщины” на польском языке). Автор его готова на время предоставить книгу в Ваше распоряжение.

С искренним уважением — Викулов Сергей Васильевич, главный редактор журнала “Наш современник”, 2.11.1979».

В это трудное для писателя время исключение из правил сделала единственная в Канаде газета русской общности «Вестник», выходящая один раз в неделю, опубликовавшая в конце года отрывок из романа «У последней черты», поддержав писателя и подсказав тем самым, что он находится на правильном пути.

Подводя итог всему сказанному, хочется ещё раз напомнить читателю, что роман-хроника «Нечистая сила» (вышедший в журнале в сокращённом виде под названием «У последней черты»), который считал Пикуль своей главной удачей в творчестве, открыл сложнейшую эпоху в жизни России начала XX века. Как будто яркий светильник осветил потёмки того времени и его героев.

«Прошло много лет, вокруг моего романа и моего имени сложился вакуум зловещей тишины — меня попросту замалчивали и не печатали. Между тем, историки говорили мне: “Не понимаем, за что тебя били?” Ведь ты не открыл ничего нового, всё, что описано тобою в романе, было опубликовано в советской печати ещё в двадцатые годы...

Но не будем забывать, что писано это в том бесплодном и поганом времени, которое ныне принято называть “эпохой застоя”, а потому нашим верховным заправилам совсем не хотелось, чтобы читатель отыскивал прискорбные аналогии — между событиями

моего романа и теми вопиющими безобразиями, которые творились в кругу брежневской элиты...»

Самой заветной мечтой автора было увидеть опубликованным полный текст романа, который является краеугольным камнем в понимании и в познании характера, творчества, да и всей недолгой жизни Валентина Пикуля.

Так считал он сам.

Лёд тронулся только в 1989 году.

Пикуль в беде

«Я, видевший столько смертей, понял, что есть только одна смерть — это смерть моей подруги...»

Зимой 1979 года Вероника заболела всерьёз и надолго. Беспокоило сердце. Иногда по 3–4 раза в сутки приходилось вызывать скорую помощь. После очередного серьезного приступа её положили в больницу, хотя она отчаянно сопротивлялась.

Проснувшись, Пикуль сначала шёл на Матвеевский базар, покупал продукты, затем готовил еду Веронике и шёл в больницу. Не работалось, да и жить в квартире практически было неуютно — из-за постоянных угроз по телефону, подмётных писем, звонков по селектору. Да и не только...

Никак не обойтись здесь без этого примитивного «однажды»: Пикуль пришёл ко мне на работу растерянный и расстроенный. В руке — авоська с продуктами.

— Вероника серьёзно болеет. Находится в больнице. Работу забросил. Сегодня она попросила докторской колбасы. Обошёл множество магазинов, базары — напрасно. Я сейчас за этот кусок колбасы готов заплатить золотом! — нервно с отчаянием говорил он.

Сразу после ухода Пикуля в библиотеку зашёл генерал, фамилию которого называть не буду, поскольку нет никаких обид на него и быть не может. Зная, что в его компетенции разрешить проблему Пикуля, я решила попросить каким-нибудь пайком помочь знаменитому писателю в эти трудные дни. Выслушав мои пояснения, генерал спросил:

— А что, разве в магазинах нет докторской колбасы?

Бытие определяет сознание... И мне до сих пор стыдно за эту тщетную попытку вымолить благотворительность за деньги. Невольно подумалось: вот наглядная связь экономики и литературы. Ведь сколько бы замечательных вещей написал Пикуль за то время, которое он потратил на хождения за лекарствами и колбасой.

А лекарства Веронике нужны были постоянно. Он обратился в аптеку Союза писателей Латвии. Там ему дали «от ворот — поворот»: «Вы не наш».

Валентин попросил Людмилу Алексеевну Салееву (супругу главного редактора газеты «Советская Латвия») помочь ему в это трудное время. Она познакомила его с заведующей спецаптекой, что находилась на углу Кирова и Стрелниеку, Полиной Карповной. Теперь часто можно было видеть Пикуля шагающим с букетом цветов на «свидание» с Полиной Карповной.

Видя такую безысходность в жизни писателя, старший морской начальник Риги контр-адмирал Мальков Евгений Георгиевич предложил Валентину Саввичу определить Веронику в военно-морской госпиталь, где военные врачи всегда придут на помощь.

Пикули зимой переехали жить в Булли, поскольку военно-морской госпиталь находился поблизости от дачи. Веронике в госпитале стало лучше, и начальник госпиталя, милейший человек, Геннадий Петрович Сухарев, разрешил ей на выходные отлучаться домой.

Пикуль был благодарен медикам и доволен, что Веронике выделили отдельную палату.

Хоть и привык Пикуль к чистоте и порядку ещё на флоте, но в пятницу, к приезду Вероники из госпиталя, готовил вкусный обед, брился, наводил глянец в комнатах.

Наступило 14 февраля — страшный, трагический день для Пикулей.

Судьба вступила в смертельную схватку за жизнь...

И в этот её приезд было всё как обычно: она обошла комнаты, покормила птиц на веранде (там была кормушка) и хотела подогреть обед Пикулю.

Впрочем, предоставим слово Пикулю:

«Я никогда не забуду этот день, сверкающий и солнечный.

Вероника находилась в соседней комнате... и вдруг я услышал ее странный позывной крик: Вале-е-е-е...

Я быстро влетел в комнату. Возле стола стояла Вероника...

Но она была уже мертва... Едва мои пальцы коснулись её халата, Вероника упала мне на руки, и я понял, что это конец... Дрожащей рукой набрал нужный номер госпиталя:

— Это я, Пикуль! Приезжайте, Вероника без сознания. — Я не хотел произносить слова смерть!»

Похоронили Веронику на Болдерайском кладбище, недалеко от дачи.

Слова прощания произнёс адмирал Е. Г. Мальков.

Гражданских на похоронах было мало — кладбище заповелевали офицеры флота и их жёны. А по периметру кладбище было оцеплено матросами — во избежание провокаций.

После похорон жены Пикуль впал в ступор. Наступила черед безрадостных дней, похожих один на другой — без неё. В доме тишина. Только пёс Гришка напоминал время от времени о себе. Он — настоящий

друг — как будто всё понимал: не скулил, ничего не просил, только ласкался, упираясь мордочкой в ноги.

Пикуль не работал. Иногда мы перезванивались. Из разговоров по телефону я понимала, что при нём постоянно находились флотские офицеры: капитан 1 ранга Камы-шан, капитан 2 ранга Самсонов, капитан 3 ранга Уланов. Я их всех знала раньше. Может быть, они сами приходили, чтобы поддержать Пикуля в этот трагический период жизни, а может, Валентин Саввич искал друзей, чтобы приглушить постигшее его горе.

Нередко мысли фокусировались на одном: «Как он там, чем могу помочь?» Услышанное по телефону не давало ясной картины. Чужое горе становится твоим, когда увидишь его воочию. И такой случай неожиданно представился...

Но сначала я вернусь назад и поведаю о себе и своём знакомстве с Пикулями...

Часть третья. СВЕРШЕНИЯ

Глава первая. Заочное знакомство

Книги, книги, книги... Они окружали меня всегда. Работа с книгами — это моя профессия...

После окончания Ленинградского библиотечного института я вышла замуж за офицера-подводника Яна Антоновича Онджана, с которым отбыла на место его службы на Север, а потом на Дальний Восток.

Ступеньки служебной лестницы офицера ведут не строго вверх, они, как правило, разбросаны по всем параллелям и меридианам. Очередная ступенька после Севера лежала на Дальнем Востоке, где я устроилась на работу в военно-морскую библиотеку в посёлке с красивым названием Ракушка.

В литературном объединении «Волна», которым я руководила, довольно часто устраивались обсуждения произведений, заслуживающих внимания и вызывающих интерес у читателей, так или иначе связанных с военно-морским флотом.

Наибольший интерес военные моряки проявляли к пи-кулевскому роману-первенцу «Океанский патруль». Эта книга и стала предметом обсуждения на очередном собрании литобъединения.

Готовясь к мероприятию, я «облазала» всё внутри Ракушки, но участникам обсуждения смогла сообщить только скупую биографическую справку, помещенную в конце книги:

«Валентин Саввич Пикуль родился в 1928 году в Ленинграде. Сын моряка, он в 14 лет “убежал” из дому и поступил в школу юнг, а потом служил на Северном флоте, на эскадренном миноносце. В шестнадцать лет был командиром боевого поста. Демобилизовался в 1946 году. Много писал стихов и прозы, но печататься стал значительно позже. Первый его рассказ

“Женьшень” был напечатан в 1950 году. Над своим романом Валентин Пикуль работал около трёх лет».

Что скажешь о Пикуле после такой справки: «Так вот он, оказывается, какой!» или «А кто же он всё-таки такой?»

После обсуждения «Океанского патруля» все выступающие расписались на моём экземпляре книги, которую я обещала сохранить на память. И эта память всегда со мной. Я помню вас всех: и коллег по работе — Надежду Гребень, Лиану Антоновскую, Нину Эрдман... И тех, кого называют среди настоящих людей, никогда не теряющих свою мудрую весомость, словом «однопольчане».

Где вы сейчас, супруги Шишлянниковы, Соловей, Ше-вырины, Белоконовы, Строковы, Левцовы?

Судьба разбросала всех вас по разным уголкам нашей огромной Родины, а потом разбросала и... Родину. Многие из вас уже живут, наверное, в других государствах.

Где бы вы ни были, мои дорогие, будьте счастливы!..

Дальневосточная шестилетка закончилась... Новое назначение мужа в Ригу, в его родную Латвию.

При переезде большинство книг я оставила в Ракушке, но «Океанский патруль» взяла с собой, не зная, не ведая и не предполагая, что непредсказуемые дороги судьбы сведут меня с автором. Не просто сведут, но и накрепко соединят.

Рига. Столичный город. Мой муж, латыш по национальности, давно мечтал о возвращении на Родину. Чтобы офицер по прибытии на новое место службы сразу получил жилье, это, понимаете, из области фантастики. Вначале я с детьми жила у мужа родителей в Резекне. Ян приезжал домой на выходные дни. Встречи с родителями, друзьями детства постоянно сопровождались щедрыми застольями, которые в дальнейшем дали рецидив. В результате

разрыв наших семейных отношений оказался неизбежным.

Однажды профессиональная ностальгия привела меня на «огонёк» в библиотеку окружного Дома офицеров Прибалтийского военного округа, где была в то время вакантной должность заведующей читальным залом, что мне и предложили.

В один из первых дней моей работы в библиотеку пришла за книгами Вероника Феликсовна — супруга Валентина Саввича. Тогда я и узнала, что Валентин Пикуль живёт в Риге.

Я с нетерпением ожидала того момента, когда представится возможность увидеть «живьем» писателя, чьи книги уже в тот период привлекали широкое внимание у читающих людей.

И вот такой момент настал. Я увидела невысокого, очень энергичного человека. Его приход в библиотеку создал атмосферу настоящего праздника. Он всех сотрудников знал, всем уделял внимание, находя для этого не банальные слова. С собой он принёс книги, конфеты, цветы. Навсегда запомнилось ощущение, которое остаётся от встречи с человеком, знакомым с традициями поведения рыцарства.

Говорили много и обо всём, что волнует общественность, но больше всего Пикуль рассказывал о том, над чем работает, просил заказать по междубиблиотечному абонементу необходимые ему книги, помочь отсканировать недостающие материалы, сделать фотокопии. Эта работа заставляла нас часто общаться.

Как-то пришла книга, которую Пикуль очень ждал. Я позвонила ему домой, и он попросил привезти ему домой, заказав для этого такси.

Так я стала бывать в доме Пикулей на улице Петра Стучки, которой в нынешние времена вернули её старое название — Тербатас.

К тому времени я стала уже заведующей библиотекой Дома офицеров. Постоянная забота по выполнению заказов Пикуля стала неотъемлемой частью моей работы. Я до сих пор помню номер И-4597 абонента библиотеки имени Ленина, куда чаще всего приходилось обращаться.

По заданию члена Военного совета Прибалтийского военного округа генерала Ивана Архиповича Губина я ездила по гарнизонным военным библиотекам Эстонии, Латвии и Литвы для подбора антикварной литературы для нашей главной — окружной библиотеки.

В частности, из города Клоога из Эстонии я привезла около трёхсот ценных книг, которые специалисты называют раритетами. Несколько дней я занималась оприходованием книг и размещением их в специальном закрытом хранилище, насчитывавшем около десяти тысяч книг.

Вскоре пришёл Валентин Саввич со своим неизменным вопросом: «Нет ли чего вкусненького?» Я провела его в спецфонд. И была сильно поражена, когда буквально через несколько минут Пикуль вернулся в мой кабинет, неся огромную стопку книг. Это были, как говорится, самые-са-мые из привезённых мною книг и расставленных в соответствии с их тематикой по различным отделам.

— Вот эти бы я хотел взять. — Неподдельным восторгом горели его глаза.

— Куда же сразу столько? — растерялась я.

— Да, может быть, действительно много, — подумав, сказал он и отложил книг пять. — Для первого раза хватит.

Какие же нужно иметь любовь, опыт, эрудицию и чутьё, чтобы в один момент «выловить» столько «изюминок» с многочисленных полок и стеллажей?

Тогда это было необъяснимо.

Не частые, но и не столь редкие беседы с четой Пикулей в библиотеке и у них на квартире за неизменной чашкой чая на протяжении многих лет постепенно расширяли темы наших разговоров. Валентин Саввич расспрашивал о детях, о жизни, был готов оказать посильную помощь.

С Вероникой Феликсовной мы, как женщины, говорили и более доверительно.

Однажды, провожая меня, она, как бы советуясь, пожаловалась после публикации «У последней черты» на пристрастие Валентина Саввича к спиртному. Разговор располагал к откровенности. Я тоже поделилась своим: на той же почве с мужем обозначился разрыв. Семья фактически распалась, хотя это ещё не было оформлено юридически, и территориально мы проживали вместе.

После выхода книги «У последней черты» Вероника как-то сразу сдала, хотя внешне присутствие духа никогда не покидало её. Пикулю постоянно нужны были книги, но из-за болезни жены да и его самого тоже нужные издания часто приходилось привозить мне.

Ещё год назад я заказала в библиотеке имени Ленина для Пикуля ксерокопию статьи из журнала «Киевская старина» (о пребывании Карла XII после Полтавы в Бендерах) и книгу шведского короля Оскара II «Карл XII».

Валентин Саввич давно задумал написать миниатюру под названием «“Железная башка” после Полтавы» — о Карле XII, но без этих основополагающих источников за работу не садился.

На посланный в библиотеку заказ пришел ответ: «книга занята», и заказ поставили на очередь. И когда книгу уже устали ждать (прошло более года!), на адрес нашей библиотеки пришла заказная бандероль с давно ожидаемой книгой.

Я набрала номер телефона. Валентин Саввич, к счастью, снял трубку, что делал очень редко. Я сообщила, что заказанные им материалы пришли в библиотеку, и поинтересовалась, когда он за ними подъедет.

— Я сегодня плохо себя чувствую, — ответил Пикуль. — Не могли бы вы подвезти мне книги? Такси я закажу.

Но, как у всякой «деловой женщины», у меня не было времени (я до сих пор удивляюсь, как могла совмещать работу, дом и ещё пять общественных нагрузок!). В 16 часов нужно было отчитаться о проделанной работе на заседании республиканского Общества книголюбов, а в 18 часов — вести заседание «Клуба друзей книги». Я сказала об этом Валентину Саввичу и предупредила его, что с материалами пришлю старшего библиографа Валентину Алексеевну Прянишникову.

— Нет, приезжайте, пожалуйста, *Вы*, — сказал он, в заключение нашего разговора, делая ударение на последнем слове.

Стояла удивительная для конца марта погода: шел пушистый, крупными хлопьями снег. Итак, 25 марта я несла нужную книгу любимому писателю, желая поддержать его в трудную минуту жизни. Я очень спешила — потому что уже опаздывала. В голове сверкнула мысль: что стало с Пикулем после ухода Вероники, не надломила ли этого сильного человека смерть его верной спутницы? Вот и этот дом. Я стою на пороге квартиры и жму кнопку звонка.

Ночное знакомство, или Хитросплетения судьбы

Трудно сейчас передать на бумаге, но я и теперь отчётливо помню исхудалое лицо писателя, его бегающие (чего раньше не было) глаза и полнейшую растерянность.

Войдя в квартиру, я поняла — Валентин Саввич меня ждал: в кабинете был сервирован стол. Справившись с волнением, Пикуль как-то мягко и любезно предложил составить ему компанию позавтракать.

Макароны по-флотски, сыр, бутерброды с икрой и коробка конфет украшали стол. Мы сели. Валентин Саввич — завтракать, я — обедать, хотя время двигалось уже к ужину. Я позвонила в республиканское общество, что «по техническим причинам» присутствовать не могу и о работе отчитаюсь в следующий раз.

Пикуль начал разговор:

— В магазины почти не хожу, только за хлебом. Были запасы макарон, а тушёнку привозит Уланов. Вот и питаюсь макаронами по-флотски, тем более что блюдо это я очень люблю. Спасибо адмиралу Малькову и его жене Татьяне, — продолжал Валентин Саввич, — часто навещают и привозят продукты. Я ведь сам как без рук, к хозяйским делам не приспособлен, хотя готовить умею и делаю это с удовольствием.

Через некоторое время снова вернулся к этой теме:

— Живу трудно, можно сказать, безысходно. Нигде не могу найти себе места, определиться, сесть за работу. Живу то на даче, то здесь два-три дня, потом снова мчусь туда... Так и проходят мои дни и ночи...

И вдруг случилось труднообъяснимое. Пёс Гришка (приобретённый во время работы над романом «Нечистая сила») прыгнул на мои колени, положил мне на плечи свои лапы и, пронзительно скуля, с каким-то исступлением стал лизать моё лицо, уши и волосы. Я и раньше бывала в доме Пикулей, пёс был со мной ласков, но никогда таким образом не выражал своих чувств. Что

же толкнуло его в тот момент ко мне на колени? О чём он думал? Что же хотел выразить?

У меня комок подступил к горлу. Я клятвенно пообещала взять шефство над этими осиротевшими «мужиками».

Время летело стремительно быстро, я всё время собиралась уходить, но Валентин Саввич каждый раз просил хоть немножко задержаться.

Я позвонила на работу коллегам, чтобы занятие «Клуба друзей книги» начинали без меня, пообещав, однако, скоро подъехать.

Так незаметно с Пикулем мы проговорили до десяти часов вечера, когда в очередной раз я стала собираться, теперь уже не на мероприятие, которое закончилось, а домой.

И тогда Валентин Саввич как-то неожиданно (ибо никаких разговоров о чувствах и любви прежде и теперь не было), совсем не романтично предложил мне не только помогать ему, но и стать его женой...

Сказать, что это было как гром среди ясного неба, — значит, не сказать ничего. В моём лексиконе не хватит слов, чтобы хоть приблизительно описать шок от испугавшей меня неожиданности. Разве могла я когда-нибудь о таком даже подумать?

Наступила минута решительного объяснения, которого я мучительно боялась. Но Валентин Саввич нашел самые обычные, самые простые слова, незаметно и не обидно, перейдя на «ты»:

— Я хочу, чтобы ты полюбила меня, пусть не сразу, но сейчас мне одиноко, тоскливо и тяжело. Верь мне, я никогда тебя не обману, — произнёс он. Валентин Саввич пытался убедить меня, что в нашем возрасте даже без любви два порядочных человека, соединив свои судьбы, могут быть счастливы. А при взаимном уважении любовь обязательно придёт.

Волнение и сомнения чувствовались в его голосе, одна сигарета сменялась другой. Пикуль ждал ответа. Подумав, я сказала:

— Одна я решить не могу, мне надо посоветоваться с детьми.

Он вышел на кухню и через минуту вернулся.

— Поедем сейчас и спросим, — не отступал он, — такси я заказал, а что касается детей, — я же не отнимаю тебя у них. Твои дети пусть будут и моими детьми, если они меня признают.

— А как же муж? — растерянно спросила я. В первый раз нас не развели — дали полгода на размышление.

— Разведёшься, — решительно заявил он. — А сейчас вместе едем к детям. Если они пожелают ехать сюда, заберём их и вернёмся обратно, но уже навсегда...

Валентин Саввич улыбнулся, и вмиг исчезла напряжённость...

И мы поехали. За 25 минут дороги до дома передо мной калейдоскопом прошла вся моя предшествующая жизнь. Вот и мой дом. Валентин Саввич остался в машине, а меня предупредил:

— Постарайся справиться побыстрее. Жду тебя полчаса. Через полчаса — уеду. Но я хочу, чтобы ты пришла — не хочу волноваться. Ничего с собой не бери, — мы начнём жизнь с чистого листа. Если дети согласны — бери их с собой, а утром отправишь в школу на такси.

Переговорила с детьми. Они, не колеблясь, дали добро, обещая приехать на выходные дни. Может быть, как и я, ещё ничего не понимая. Тем более что Марине было (всего или уже) 16 лет, а Вите — 14.

Я взяла с собой «самое необходимое» — шеститомник Александра Блока и трёхтомник Сергея Есенина и вернулась в машину. Всю обратную дорогу я

проплакала, что не на шутку встревожило Пикуля. Как умел, он утешал меня, находя добрые и мягкие слова, приводя примеры из своей жизни и опыта.

— Что ты так убиваешься, ведь дети уже взрослые. Раньше в 16 лет выходили замуж и рожали детей, — успокаивал он.

Но от его слов ручей слёз только увеличивался. Всю жизнь дети были всегда со мной, они выросли в библиотеках, где я работала, и оторваться от них было невообразимо.

Как всё теперь будет? Но выбор сделан, отступить поздно.

Я ехала навстречу новой жизни. Какая она будет? На все эти вопросы, рождающиеся в моей голове, я не могла дать вразумительного ответа.

Такси на огромной скорости несло нас по ночной Риге.

Вот и квартира, где предстояло быть не только гостьей, но и хозяйкой...

Об этом, сугубо личном, можно было бы и не писать...

Если бы не уникальность сюжета и, главное, не... мистификация содержания.

Согласитесь, не так часто бывает, чтобы люди, решившие соединить свои судьбы, садились, на ночь глядя, в кресла с настороженно-волнительным желанием... познакомиться.

— Давай, — начал Валентин Саввич, — расскажем друг другу о себе. А то я знаю тебя как заведующую библиотекой и как крестьянскую дочь, что меня, впрочем, весьма привлекает.

Я робко, сбивчиво рассказывала о своей предыдущей жизни.

— После окончания школы, — вспоминала я, — жила у брата в Северодвинске.

— На какой улице? — как бы между прочим спросил Валентин Саввич.

— На Республиканской.

— Как... на Республиканской? — воскликнул он. — Я до войны приехал в Молотовск (так раньше назывался Северодвинск) и хорошо помню первый свой адрес: Республиканская 36, а потом получили комнату на Индустриальной. Бывают же такие редкие совпадения. — И пошутил: — Видишь, ты приехала, а меня там уже нет.

— Потом училась в Библиотечном институте имени Крупской в Ленинграде. Жила в общежитии в «Доме Плеханова».

На последнем курсе института вышла замуж за офице-ра-подводника Яна Антоновича Онджана, вместе с которым мы и убыли на Север к месту его службы.

— Подожди, это общежитие находится на 4-й Красноармейской? — с интригующим интересом спросил Пикуль.

— Да, — подтвердила я и, видя изумление на его лице, ничего не понимала.

А изумиться было чему: оказывается, Валентин Саввич тоже жил на 4-й Красноармейской и, проходя по ней, нередко задерживался у пивного ларька, который находился на углу улицы, совсем рядом с нашим общежитием. Значит, мы в одно и то же время на протяжении нескольких лет ходили по одной и той же улице и скорее всего — не раз встречались. Вернее, проходили мимо друг друга.

Впоследствии, в минуты доброго настроения и откровенных воспоминаний о юности, Валентин Саввич с веселым сожалением шутил:

— Ну что же ты ни разу не подошла ко мне у ларька, я бы тебя пивком угостил...

Мой рассказ продолжался:

— В 1962 году с мужем отпраздновали свадьбу в Латвии. Потом уехали на Север.

— Я тоже в 1962 году приехал в Ригу, — и, узнав в каком месяце я прибыла, заключил с юмором: — Так ты всю жизнь шла по моим пятам...

Видимо, устав удивляться многочисленным совпадениям, как само собой разумеющееся воспринял Валентин Саввич названия тех мест, где я жила с мужем на Севере: Мурманск, Североморск, Полярный, губа Оленья, губа Ягельная.

После паузы заметил задумчиво:

— Я хорошо знаю эти места. Я там воевал, а ты опять приехала туда позже меня.

И совсем уже не удивляло то, что 23 марта 1958 года, когда я на той же 4-й Красноармейской отмечала свой очередной день рождения, в тот день у Пикуля была свадьба.

Жизнь сплела хитроумную косичку, распутать которую до конца не дано никому.

Завершая разговор, Валентин Саввич сказал:

— Судьба дала нам всё, чтобы быть счастливыми. И если неудачи будут преследовать нас, не надо отчаиваться, всегда нужно помнить, что на свете есть люди гораздо более несчастные, однако они гордо и с большим достоинством несут свой крест. Я верю, что мы будем счастливы, по крайней мере со своей стороны я попытаюсь сделать всё возможное и невозможное.

И хотя мы в тот вечер говорили о многом, я почти дословно запомнила именно эти его слова: «Судьба дала нам...» Так что же такое судьба?

Мир вдвоём

Труднее всего изучать наклонности, привычки, интересы человека, характерные для его

повседневности. Я вошла в жизнь и быт Валентина Саввича так же, как и он в мою, без всякого переходного периода, без всякого испытательного срока. Пришла и сразу окунулась в повседневные заботы. Он ввёл меня хозяйкой в дом, где я уже не раз была гостьей. Но я ещё долго прикасалась к окружающим меня предметам и книгам как гость, как посетитель музея. Никак нельзя было абстрагироваться от ощущения контакта с чем-то необычным, высоким, недостижимым.

Авторитет Пикуля, не только как писателя, но и человека витал надо мной неотступно. Думаю, что библиотекари лучше всего знают цену писателям. Почти каждый входящий в библиотеку читатель спрашивал «У последней черты» или что-нибудь, но только Пикуля. Приведу ещё один, на первый взгляд пустяковый, но очень характерный для понимания ситуации пример. Дворничиха нашего ЖЭРа, заботливая, отзывчивая на добро женщина Елена, которую Валентин Саввич никогда не обходил вниманием при встречах, передавая гостинцы её детям, с первых дней знакомства и по настоящее время называет меня не иначе как Савишна.

Коротко, просто и понятно — Савишна, значит жена Саввича...

Видимо, поэтому я никак не могла привыкнуть называть Валентина Саввича на *ты* и более полугода звала его по имени-отчеству. Он старался не акцентировать на этом внимание. Лишь изредка говорил:

— Знаешь, мне было бы приятней, если бы ты меня называла Вале́й или Вале́чкой.

Но я нашла своё — более нежное — и стала, сначала с робостью, которая, впрочем, быстро исчезла, называть его Валюшка.

Отдохнув в то время, когда я была на работе, он в эмоциональном порыве строил планы нашей будущей совместной жизни, забыв, что перед ним сидит «нормальный» человек. И хотя у меня от недосыпания и стрессовых перегрузок слипались глаза, я хорошо запомнила его предупреждение:

— Чтобы в дальнейшем не было обид и претензий, давай договоримся обо всём сразу. Жизнь будет совсем не легкая, ибо надо осуществить все задуманные планы, а они обширны. Предстоит большая и серьёзная работа. Мне нужна не просто жена, а если, можно так выразиться, литературная жена. Да, жена писателя, литератора — это профессия, и довольно сложная. Мне нужен секретарь, референт, помощник и друг, который бы меня понимал, разделял мои взгляды и был всегда рядом. Так что всякие разъезды по курортам и заграницам — исключены. Понимаю, что приятно посмотреть мир, но не расстраивайся — *я заменю тебе весь мир!*

Прозвучавшее в конце ассоциировалось с обещанием подарить Луну с неба. Но вся последующая жизнь подтвердила, что он выполнил это фантастическое обещание...

После работы за ужином в холле, где мы вместе читали, размышляли, мечтали и спорили о литературе, я рассказывала Валентину о событиях прошедшего дня, поступивших новинках, а он уводил меня в самые заветные кладовые своей неиссякаемой памяти. Доступно и ненавязчиво, на примерах человеческих судеб рисовал он мне наше прошлое, подкрепляя рассказанное воспоминаниями очевидцев и документальными произведениями писателей.

Рассказы Пикуля о революции, о штурме Зимнего, о Ленине, да и о современных политических вождях никак не укладывались в моё тогдашнее, как теперь понимаю, деформированное политзанятиями сознание.

Речи его казались криминальными. Но это были не просто речи: на любое моё недоумение Валентин Саввич реагировал моментально — тут же выхватывал с полки книгу и документами подтверждал высказанную им мысль.

Чтобы «исправить моё мировоззрение», он подсказывал, что необходимо почитать в первую очередь. Несмотря на обоюдные, по-моему, опасения, нам оказалось совсем не скучно вдвоём. Даже наоборот, что меня очень радовало, поскольку для Пикуля *дом с любимыми библиотекой и картотеками был его Вселенной, а домашний уют и очаг — Отечеством.*

Каким он будет в дальнейшем? Я понимала, что теперь это в значительной степени зависит от меня. Как понимала и то, что воплотить в реальность все свои благие намерения будет совсем нелегко.

Надо было быстрее узнать характер и привычки со всеми их плюсами и минусами и, отбросив попытки перекраивать «под себя», суметь наладить нарождающуюся семейную жизнь, проявив внимание и терпимость ко всем слабостям и «странностям». Ведь жена писателя должна постоянно помнить, что когда её муж вроде бы бесцельно смотрит в окно — *он работает.*

Бывают в жизни такие мгновения, которые врезаются в память на всю жизнь. Об одном из таких и хочу рассказать.

Откровенно признаюсь, что мне было трудно привыкать к новой и ещё совсем неопределенной жизни. На работе кроме ближайшего окружения никто не знал о сделанном мне Пикулем предложении. Муж дал согласие на развод, но юридически я была ещё замужем. С Валентином Саввичем оговорили, что официальное оформление нашего брака совершим после того, как исполнится год со смерти Вероники Феликсовны.

Но жизнь и работа продолжались...

В мои обязанности входила организация встреч с творческой интеллигенцией города: писателями, поэтами, художниками, композиторами, режиссёрами. Ничего не подозревая о наших взаимоотношениях с Пикулем, в апреле начальник Рижского окружного дома офицеров подполковник Александр Митрофанович Прядко попросил меня организовать творческую встречу Валентина Саввича с офицерами штаба и политуправления.

Желание встретиться с писателем было и раньше, но на каждое моё приглашение Пикуль отвечал отказом. И вот однажды я его всё-таки уговорила.

Встреча проходила в лекционном зале политуправления. К назначенному часу к дому подъехала машина, и мы, захватив с собой необходимые атрибуты, чтобы оформить книжную выставку, поехали.

Встреча длилась уже около трёх часов, но никто не собирался уходить. Записки и устные вопросы сыпались один за другим, а Валентин Саввич был, как говорится, в ударе. Именно здесь я впервые ощутила на себе могущественное воздействие его прекрасных ораторских данных. Он обладал удивительным даром магически влиять на людей, заставляя всех внимательно слушать себя, находить в каждом собеседнике обоюдоинтересные точки соприкосновения.

Полностью подчинив себе аудиторию, как артист, отвечал он на вопросы любого содержания, не сглаживая и не обходя острых углов, тонко чувствуя накал страстей и сохраняя уважение к оппонентам.

Когда встреча закончилась, заместитель начальника политуправления генерал-майор Николай Андреевич Моисеев попросил Валентина Саввича пройти на второй этаж в кабинет полковника Трушина. Поднявшись

вместе со всеми, Валентин Пикуль увидел накрытый праздничный стол.

Отвечая на приглашение, Валентин Саввич сказал:

— Я пришёл сюда не один и поэтому, извините, один за стол не сяду. Там, внизу, меня ожидает заведующая библиотекой — Антонина Ильинична, и я прошу пригласить её сюда.

Присутствующие, как потом рассказывал мне Пикуль, переглянулись, ибо я была для них «посторонним элементом», но, ничего не сказав, послали за мной.

А я в это время всеми правдами и неправдами «отбивалась» от забот офицера, которому было поручено сообщить мне, что я «свободна», и отправить на машине домой.

Домой... А как я скажу, где теперь мой дом? И я умышленно невероятно медленно укладывала книги, поджидая возвращения Валентина.

Неожиданно бегом по лестнице спустился полковник-инструктор политуправления и пригласил меня следовать за ним. Я поднялась в кабинет и увидела такую картину: за накрытым столом вместе с Пикулем сидели три генерала и два полковника. Мне не хотелось нарушать их мужскую компанию, но Валентин Саввич настоял, и я присела за стол.

Первый тост провозгласили офицеры. Как водится, за знакомство со знаменитым писателем и приятную встречу, которая, по их мнению, была очень содержательной и интересной.

Затем слово попросил Пикуль.

— Мы с Антониной Ильиничной решили пожениться. Об этом я говорю во всеуслышание и официально впервые. С этого момента считайте её моей женой и относитесь к ней так же, как ко мне. Предлагаю выпить за наше счастье. Со своей стороны сделаю всё, чтобы

она была счастлива. Заявляю об этом как писатель и как мужчина.

Наступила долгая пауза... Только тамада не растерялся — быстро вновь наполнил стопки и произнес тост. Суть его сводилась к тому, что я — самая умная, красивая, талантливая... в общем — самая-самая... Говорил эти слова человек, с которым мне многократно приходилось сталкиваться в библиотеке, но никогда я не слышала в свой адрес ничего подобного. И вот только тогда, когда меня рядом с собой посадил Пикуль, только тогда я впервые... обратила внимание на быструю реакцию политработников, на их умение перевоплощаться, как того требует ситуация, в долю секунды. Итак, я — жена Пикуля...

Подходил к концу первый месяц нашей совместной жизни.

Неожиданно нам пришлось расстаться, и надолго. На целых 12 дней.

Ещё до моего прихода в его дом Валентин обещал посетить Калининград, чтобы встретиться там с Авраамовыми. С теми самыми, которым на своём ещё только начатом сентиментальном романе «Три возраста Окини-сан» сделал им посвящение. Я чувствовала, в Калининграде он скучал. Скучал по дому, хотя программа пребывания его была весьма насыщена. Валентин Саввич отметил с друзьями Первомайские праздники, посетил Калининградское областное издательство, где встретился с директором — Сергеем Терентьевичем Кармановым и редактором своих книг Галиной Николаевной Пащинской.

Вместе с Авраамовыми он был принят командованием дважды Краснознаменного Балтийского флота. Его ознакомили с базой военных кораблей и во всей красе показали достопримечательности Балтийска — старинного города, известного в истории под названием Пиллау. Там Пикулю в музее на память

подарили немецкую каску, доставив тем немалую радость: ведь он очень уважительно относился к такого рода сувенирам — живым свидетелям истории.

Но самое главное, самое сильное впечатление у Валентина осталось от присутствия на морском параде в честь Дня Победы над фашистской Германией. 11 мая на самолёте Валентин вернулся в Ригу. Только переступив порог и успев закрыть дверь, прямо на полу Валентин начал распаковывать подарки. Для меня — красивые янтарные бусы.

— А эти подарки напомнят лишний раз о том, что я всё время пребывания думал о тебе и нашей совместной жизни, — сказал Валентин Саввич, протягивая мне изумительной росписи маленький чайник для заварки и прекрасные тарелки, искусно сработанные под старину нашими мастерами.

В один из весенних дней Пикуль познакомил меня с живущими в нашем подъезде Салеевыми — Николаем Петровичем, главным редактором газеты «Советская Латвия», и его душевной супругой Людмилой Алексеевной. Они пригласили нас в гости.

— Мне хочется, чтобы ты им понравилась, — волновался Пикуль. — Ведь ты теперь — моя визитная карточка. Поедем, купим красивое платье, у меня осталось несколько чеков.

В магазине он с особой тщательностью помогал выбирать платье, чего не было впоследствии. После долгих примерок выбрали бархатное цвета бордо с оригинальным орнаментом. О себе не говорю, скажу о Пикуле: он был доволен.

— Ты — как маркиза, — сказал он тогда и долго ещё называл меня этим красивым словом, пока не заменил его на более близкое и родное: дочка...

Собираемся в гости.

— Веди себя естественно, — инструктирует Пикуль, хотя по всему видно, что волнуется он никак не меньше

меня.

Спустились на второй этаж. Встретила нас Людмила Алексеевна радушно и приветливо.

И когда разговор зашел о нас и наших взаимоотношениях, Людмила Алексеевна убежденно произнесла:

— Валентин Саввич, мёртвым ничем не поможешь, а живым надо жить...

Пикуль давно и тесно общался с Николаем Петровичем и Людмилой Алексеевной. По их просьбе он давал для прочтения рукописи только что написанных произведений. По разрешению Пикуля с рукописями знакомились и бывшие руководители Латвии. Кое-что Салеев публиковал в своей газете, особенно ему нравились миниатюры — небольшие по объёму, но вполне законченные произведения.

Если дома разговоры больше вращались вокруг книг, то во время прогулок Пикуль часто заводил речь об архитектуре, жадными глазами выхватывая старинные здания.

Навсегда врезались в память его слова:

— История жизни домов не менее интересна, чем исторические судьбы людей. Мне очень хочется написать книгу, в которой бы прослеживалась от рождения и по настоящее время многообразная жизнь домов и их обитателей. Интересно, счастливы ли люди, живущие в красивых домах?

И как не раз бывало, Валентин задумывался на некоторое время. Я не задавала ему вопросов: почему? Потом неожиданно произносил какое-то, видимо, ключевое слово или короткую фразу и настоятельно просил:

— Запомни. Обязательно запомни, чтобы я не потерял. Повторишь мне дома...

Дисциплинированно твердила про себя иногда совершенно отвлеченную фразу, чтобы неискаженной

донести её до дома. Я уже знала, что по приходе домой, ещё не раздевшись, Пикуль бросится к столу, и мысль, зашифрованная в короткой фразе, за несколько минут превратится в рукописную страницу.

Но это были всего лишь эпизоды, хотя частые, но все же эпизоды.

По всему чувствовалось, что по-настоящему, по-пикулевски он не работает.

День за днём я подбирала и приносила ему поступающие в библиотеку новинки документальной литературы по разным отраслям знаний, пытаюсь выяснить, что его заинтересует, к чему тянется его душа. Но книги, приносимые мною, просматривались писателем, пролистывались и возвращались обратно...

Чувствовалось, что дневное время для Пикуля было нерабочим. Дома телефонные звонки, стуки в дверь, на которые он никогда не отвечал, так или иначе отвлекали: он не мог сосредоточиться. Он бесцельно слонялся по улицам, заходил к друзьям, ко мне на работу. Но... его писательская душа страдала. Необходимо было помочь Пикулью вернуться к привычному распорядку жизни.

Теперь я умышленно затягивала наши вечерние посиделки до глубокой ночи, а утром тихо уходила на работу, стараясь не потревожить его сон. На столе оставляла записку. Вскоре я тоже получила послание от засидевшегося над рукописью до раннего утра Валентина.

Так возникла домашняя или «ночная почта», на материалы которой я буду не раз ссылаться.

Сотни листков, собранных и сохранённых мною, это своеобразный дневник, написанный Пикулем, где я проставляла только даты. Они свидетели его успехов и побед, неудач и разочарований. В них — не воспоминания, а сиюминутные впечатления каждого дня, точнее, каждой ночи...

Глава вторая. Восток — дело тонкое

Два месяца с «Окини-сан»

Наступил май 1980-го. Это время, когда оживает природа, распускаются почки на кустах и деревьях, время, когда эпицентр жизни рижан начинает перемещаться на взморье.

Переезд на дачу небольшой семьи — дело не очень сложное. Переезд на дачу писателя — дело не совсем простое. Он обычно берет с собой, помимо вещей, необходимых для быта, часть библиотеки, которая должна быть под рукой при работе над данным конкретным произведением. И кошмарным становится переезд, если писатель, как было в этот год с Валентином Саввичем, не представляет: а что же взять ему с собой?

Вместе и по очереди мы чемоданами перевозили книги на дачу и... обратно. Трудлюбивое такси некоторые книги по несколько раз прокатило по знакомому маршруту — то книги были нужны, то отправлялись в город по прочтении. Дача постепенно превращалась в книгохранилище. Упоминание о такси освежило в памяти один забавный, если смотреть со стороны, случай.

Проезжая Усть-Двинск, возле морской базы «голосовали» два морских офицера. Пикуль попросил шофёра остановиться и любезно предложил молодым людям места в машине. Севшие на заднее сиденье офицеры о чём-то перешёптывались с водителем, но Пикуль не прислушивался, погруженный в свои мысли. Правда, он заметил какие-то непонятно подозрительные знаки в свою сторону, но не придал им

серьёзного значения... Пикулю, очень открытому и доверчивому человеку, подумалось: «Может, узнали?»

Неожиданно такси остановилось, но не там, где нужно было Валентину. Он решил, что сюда попросили подвезти их офицеры. Но ситуация оказалась сложнее.

Выскочившие из машины офицеры, открыв дверцу, приказали Валентину Саввичу пройти с ними.

— В чём дело? — спросил он. — Сначала объясните, а потом уж я решу, идти с вами или нет.

Ещё более бдительный водитель такси уже привел к такси двух милиционеров, приглашавших Пикуля проследовать в ближайшее отделение милиции...

Милиционер попросил предъявить документы. Страшно представить дальнейшее развитие недоразумения, если бы при Пикуле не оказалось паспорта...

А разгадка была проста: стриженный «под нулёвку» Пикуль высоко бдительными офицерами был идентифицирован как беглый, объявленный во всесоюзный розыск, преступник. Как видите, действительно «узнали».

Милиционеры извинились за оплошность, хотя их вины не было никакой. И на этом, как в таких случаях говорят, инцидент был исчерпан.

Но я заметила — Валентин как будто был чем-то озабочен и расстроен. Я попыталась успокоить его и выяснить, в чем дело. Оказалось, этот «пустячок» разбередил воспоминания много пережившего в жизни человека. Валентин разоткровенничался:

1950-е. Беспутная шальная молодость. Регулярные сборища молодых литераторов... Прогрессивные (по сегодняшним меркам) мысли и высказывания. Короче говоря, возвращающегося с одной вечеринки Пикуля «любезно подвезли» в следственный изолятор. Два следователя вели допрос:

— Как ты относишься к КНОРЕ?

— С большой симпатией, — отвечал Пикуль.

— Что можешь рассказать о КНОРЕ? — продолжались вопросы.

— Совсем немного. Кнорре — талантливый писатель, одну его книгу под названием «Родная кровь» я читал. Хорошая книга.

— Что ты здесь придуливаешься! — стервенели следователи. — Тебя спрашивают о Комитете национального освобождения России (КНОРЕ). Мы знаем, что ты в этом комитете комиссаром? От таких речей в 1952 году веяло смертельным холодом. Это была попытка пришить знаменитую 58-ю статью. Две недели Пикуль переносил оскорбления, унижения и недозволенные приёмы допросов...

Так «исчерпанный инцидент» обильно посыпал сталинскую соль на нанесённую Сусловым рану.

Пикуль не работал...

В конце мая зашла в букинистический магазин и, увидев две книги о Японии (*Толстопятое А. «В плену у японцев»*, 1908 и *Николаев А. «Очерки по истории японского народа»*, 1905), купила их. Поскольку несколько раз видела в руках у Пикуля книгу Цивинского «50 лет в императорском флоте», где много материалов, посвящённых Японии.

Валентин Саввич заинтересовался этими книгами, не только прочитал, но и сделал какие-то выписки и пометки. Я подобрала несколько книг по этой тематике из фонда библиотеки и принесла домой. Среди них были: *Горох А. «История японского народа»*; *Исии «Дипломатические комментарии»*; *Левицкий Н. «Русско-японская война»*; *Гауз-нер Г. «Невиданная Япония»*.

К моей радости, все книги были тщательно изучены и пошли в работу. Так началось новое прикосновение к Стране восходящего солнца, о которой Валентин Саввич много мечтал, но в которой никогда не бывал...

Через некоторое время он сказал: «Пожелай мне удачи, я сажусь за роман “Гейша”». (Таково было первоначальное название ныне широко известного произведения «Три возраста Окини-сан».)

Валентин Саввич большое значение придавал первой фразе любого своего произведения. Для него она была камертоном, настраивающим на работу. И поиски этой ключевой интонации часто оказывались мучительно долгими. Он садился, писал первое предложение, вставал, ходил, курил, мял и выбрасывал лист, и всё повторялось, иногда не один день, не одну ночь.

С романом «Три возраста Окини-сан» всё было иначе. На чистый лист без всякого напряжения легла фраза: «Это случилось недавно — всего лишь сто лет назад...»

Изголодавшийся по работе, Пикуль окунулся в повествование с головой. Насколько можно было, бережно и с нескрываемым интересом следила я за необычным изменением уклада его жизни. С интересом — потому что впервые видела настоящую работу писателя.

Над рабочим столом Валентина висел портрет (из коллекции доктора Сукарно) прекрасной японки в национальном костюме, на которую он изредка поглядывал, описывая аксессуары японских одеяний. Были здесь и две фотографии подлинной Окини-сан в фас и профиль. А вокруг: на столе, этажерке, на стульях и даже на раскладушке — стояли, лежали, шелестели раскрытыми страницами книги и журналы, газетные вырезки и фотографии, альбомы и словари, японские разговорники.

Именно разговорники дали удивительную возможность ощутить себя в кругу людей далекой загадочной страны.

— Гомэн кудасай, — извинялась я за своё неожиданное появление в его кабинете.

Уходя на работу, если Пикуль не спал, непременно прощалась: «Саёнаре».

А Валентин Саввич каждое утро, оставляя на столе записку, обращался ко мне: «Тануки...» Честно говоря, это имя принадлежало не мне. Оно как-то постепенно перешло ко мне от чудесного создания, почти ручной шустрой белочки, регулярно приходившей к нам на подоконник, чтобы разделить утреннюю трапезу.

На сердце — покой и внутреннее удовлетворение. Всё на своих местах. Пикуль вернулся на круги своя...

Волнения вызывали только мысли о моих детях. Марина всё лето работала в пионерском лагере пионервожатой, а Витя находился в спортивном лагере, и на дачу приезжали только на выходные. С каким нетерпением, считая дни, я ожидала этих коротких встреч с детьми. С раннего утра начинала колдовать у плиты, чтобы повкуснее накормить детей и идти с ними к морю.

Дети уезжали, и на неделю мы опять оставались вчетвером: Пикуль, я, пёс Гришка и... Окини-сан.

Как-то ночью я проснулась от непонятного шума. В комнате, где работал Пикуль, о чём-то спорили, что-то обсуждали. Я прислушалась. Несмотря на многообразие тембров и интонаций угадывался только голос Валентина. Облокотившись, я подвинулась к краю постели. Через открытую дверь в огромном зеркале над винтовой лестницей была хорошо видна освещённая комната. За столом сидел Пикуль. Жестикулируя и поворачивая голову в сторону воображаемого собеседника, Валентин обсуждал поход эскадры на Восток: в беседе (с присущими им голосами и соответствующими манерами) участвовали Небогатов, Коковцев и Рожественский. Пикуль возмущался, отчитывал кого-то, возражал, отдавал приказы,

вскакивал со стула, прикладывая руку к воображаемому головному убору.

Может, это юнга вскакивал при появлении адмирала? А может быть, сам адмирал отвечал на чьё-то приветствие?

Зачарованная, я тогда сразу не поняла, что смотрю инсценировку ещё не написанной главы романа...

Верю, что между близкими душами существует телепатическая связь. Об увиденном я не обмолвилась ни словом. И буквально через несколько дней Валентин сам завёл разговор.

— Тося, — обратился он. — Давай поговорим вот о чём. Когда я пишу, я могу увлечься, что в порядке вещей для «сумасшедшего», — и улыбнулся. — Всякие странности творчества не должны тебя ни пугать, ни смущать. В свою очередь, хочу спросить тебя: могу ли я тебя не стесняться?

— А я уже всё видела... И всё понимаю, и не буду обращать на это внимания. Я пришла тебе не мешать, а по возможности только помогать.

С тех пор он чувствовал себя при мне раскованным и ничего не стеснялся. И не было в том ничего шокирующего, если Валентин Саввич в четыре часа ночи будил меня и говорил:

— Послушай, какую я о нас с тобой частушку сочинил.

И начинал её исполнять хулигански-залихватски, по-матросски озорно, с юношеским задором, танцуя «Яблочко».

Что ты задаёшься, Тонька из Кронштадта?
Я тебя недаром же зову.
Я красивше стану в новеньком бушлате,
Мы в пивной назначим randevu.
Я такую кралю бусами украшу,
Станешь мармелад один жевать,

Обобьём батистом всю квартиру нашу,
Станем в коридоре танцевать...

Понимаю, что данное творение не войдет в сокровищницу нашей великой поэзии. Но я, ещё не проснувшаяся, полусонная, всегда с восторгом слушала и созерцала его выступления и концерты...

Это означало, что дела идут хорошо, что он чётко видит перспективу. И ради этого я была готова на все, была согласна на недосыпание, на любые трудности и неудобства.

День рождения

Стремительно приближалось 13 июля — день рождения Валентина. За неделю до праздника я спросила Валентина, кого необходимо пригласить.

— Ты всех их знаешь. За время нашей совместной жизни мы с ними уже не раз встречались, — сказал Пикуль и перечислил фамилии.

Я обзвонила всех и пригласила приехать в известный им день на дачу.

Не скрою, я знала, что придут друзья Валентина, и мне очень хотелось им понравиться.

Когда все гости уселись за столом, Валентин Саввич встал и обратился к присутствующим с небольшим вступительным словом:

— Не хочу, — сказал он, — чтобы за моей спиной ходили различные разговоры, сплетни и какие-то недоговорённости. Поэтому официально представляю вам мою жену и прошу в дальнейшем по всем нашим семейным вопросам обращаться к ней.

Праздничный вечер прошёл интересно, в остроумных поздравлениях, добрых пожеланиях и в разговорах о литературе. Светел и радостен был этот

праздник! Ласково и приветливо приняли меня в свою компанию друзья Валентина Саввича, с которыми на протяжении всех последующих лет мне приходилось встречаться и постоянно ощущать их моральную поддержку.

Тепло распрощавшись и проводив гостей, мы вернулись к столу, чтобы уже наедине отметить наш первый совместный большой праздник...

Пикуль отошёл от работы. Получился «затык», как говорил Валентин. Он не мог сдвинуться с места, отошёл от романа. Вопрос стоял серьёзно: быть ли новому роману или отправлять аккуратно сложенную папочку с «двумя возрастами Окини-сан» в архив, пополнив уже находящиеся там несбыточные мечты?

Вывел из «затыка» Пикуля приезд М. С. Мовсисяна — переводчика на армянский язык романа «Баязет». В длинном разговоре обменялись впечатлениями о жизни, работе, трудностях с переводом книги. Сое Михайлович попросил Пикуля написать предисловие или обращение к читателям для армянского издания книги, что Пикуль с удовольствием сделал.

Не успел покинуть дачу представитель солнечной Армении (мы шли его провожать), как появились друзья Валентина Саввича из ТАСС во главе с Юрием Владимировичем Сизовым.

Несмотря на разницу в возрасте, В. Пикуля с Ю. Сизовым связывали тёплые дружеские отношения. Ради таких встреч Валентин откладывал все свои дела. Правда, готовиться к ним было не нужно: Юрий Владимирович звонил, появлялся, на короткой ноге вёл переговоры и быстро уезжал.

Валентин вновь садился за рабочий стол, заступал на «ночную вахту». Из кабинета доносился его смех...

Утро приносило объяснение: всю ночь Валентин перечитывал уже который раз книгу Юрия Никулина «Почти серьёзно» с дарственной надписью — «от

клоуна-писате-ля». Эта книга пришлась ему по душе, более того, он был от неё в восхищении...

В субботу, как только проснулась, Пикуль неожиданно заявил:

— Я позвонил Владимиру — знакомому таксисту, на весь день поедem в Венден (так всегда он называл город, ныне именуемый Цесис).

Он любил этот небольшой старинный латышский город. И приезжая в него, обязательно посещал одну маленькую улочку, где старые деревянные дома окнами вросли в землю, вымощенную средневековыми булыжниками. Нищета и убожество пейзажа вызывали у меня какую-то жалость, а на одухотворённом лице Валентина, стоявшего посреди дороги, горели глаза.

— Ты пойми: каменные замки рассыпались, а эти, деревянные, стоят, — объяснял он мне феномен.

По приезде на дачу Пикуль поднялся к себе в кабинет, сел за стол, раскрыл рукопись и, как ни в чём не бывало, стал спокойно продолжать свой роман.

Что случилось? Как назвать этот процесс? Озарение или прозрение?

Одному Богу известно...

Пикуль работал неумоимо даже во сне. Часто вставая после отдыха, он рассказывал, что во сне увидел путь разрешения накануне возникшей проблемы.

Многие читатели, думаю, обращали внимание на тот факт, что Пикуль был большим мастером изображения батальных сцен. Так вот, подготовка к описанию Цусимского боя проходила таким образом: на столе и стульях были расположены многочисленные источники, касающиеся этого трагического события. На полу, на огромнейшем листе бумаги с нанесением береговой линии Валентин, ползая на коленях, передвигал сделанные им бумажные корабли в соответствии с их маневрами во время боя. Иногда возникали неясности,

противоречия. Пикуль вновь обращался к историческим свидетельствам, что-то обдумывал, уточнял, приходил к каким-то определённым выводам и... бой продолжался.

Много времени посвятил Пикуль изучению личности одного из главных персонажей романа — Зиновия Петровича Рожественского. Он не принимал официально принятую учёными мужами оценку русского вице-адмирала, а искал свою, основанную на исторических документах, мемуарах и воспоминаниях современников и очевидцев.

У Пикуля на почве правдоискательства почти всегда были конфликты с представителями научного и околонаучного мира.

В советских источниках о Рожественском можно было почерпнуть только то, что он — бездарный флотоводец, погубивший при Цусиме много жизней и русский флот. Валентин Пикуль, наверное, первый русский писатель, который, ознакомившись с дореволюционными материалами, отзывами современников и участников похода, таких как Семёнов, Добротворский (а кто может знать больше и лучше их?), сделал совершенно иные умозаключения.

Он не идеализировал Рожественского. Да, он проиграл сражение, но выбыл из него, будучи тяжело раненным, потому и не мог обеспечить руководство эскадрой в бою. Но как флотоводец вице-адмирал показал себя с самой лучшей стороны — сам факт совершения «разношёрстной» эскадрой (без вспомогательно-обеспечивающих баз) перехода из Балтийского моря на Дальний Восток, что и по сей день считается делом архисложным, говорит о многом.

Можно осуждать ошибки человека, но самого человека из-за них осуждать не следует!

Такую оценку личности Рожественского полностью разделял и Герой Советского Союза адмирал флота Георгий Михайлович Егоров, занимавший в тот период

пост начальника Главного штаба и первого заместителя главнокомандующего ВМФ, посетившего Пикуля летом 1980-го.

Валентин приступил к последней части романа — возраст третий. Давно всё было обдумано, проверено, проанализировано, не хватало самого малого — каких-то мельчайших подробностей жизни и быта начала века, на поиски которых ушло немало времени. В частности, это касалось Одессы, где Владимир Коковцев служил в «Русском обществе пароходства и торговли». Долго пришлось перелистывать и внимательно просматривать путеводители, заметки, периодику, мемуары того времени.

Набрав необходимый материал, Пикуль погрузился в работу, самую ответственную — завершающую, полностью отрешившись от внешнего мира. Чтобы не сбиться с ритма, не выйти из режима, Валентин отказался от любезного приглашения старшего морского начальника Риги контр-адмирала Малькова присутствовать на праздновании Дня ВМФ.

Шёл последний месяц лета. Это чувствовалось и в природе: утренний воздух наполнялся прохладной свежестью, передавая её все раньше и раньше наступающему вечеру.

27 августа, ближе к вечеру, на работу мне позвонил Валентин и сказал магическую, так давно ожидаемую мною фразу: «Поздравь меня. Роман вчерне закончен...»

— Ура! — закричала я, да так, что в кабинет сбежались все сотрудники, чтобы узнать, в чём дело. Не раздумывая, я поспешила домой, чтобы поздравить писателя, на моих глазах совершившего чудо. Чудо — не для него. Чудо — для меня. Потому что для меня это был первый роман Пикуля, а первый — он всегда самый дорогой, самый незабываемый.

Теперь Пикулю необходимо было отдохнуть, отвлечься от рукописи. «Стравить пар» — так

называлось это переключение с творчества на успокаивающее нервы занятие — дальнейшую систематизацию картотеки русского портрета.

Всё лето я жила в предчувствии какой-то неожиданности. И предчувствия не обманули. Однажды утром раздался звонок в дверь и на пороге вырос мой брат Николай.

У меня три брата, которые в Северодвинске строили новейшие корабли. В настоящее время остался один — Володя. А ко дню нашей регистрации в Ригу (мы уже к тому времени закрыли дачный сезон) приехала в сопровождении старшего брата Саши моя матушка. Валентин встречал моих братьев как самых дорогих гостей, всегда дарил им свои книги, но особого поклонения удостаивалась моя мать.

— Обязательно купи матери всё, что ей необходимо, что нравится.

Мне было очень приятно, что такой занятый и большой человек помнит и заботится о моей матери.

Даже в этом небольшом штрихе раскрывается широта и бескорыстная щедрость души Пикуля, забота о человеке, любовь к ближнему.

Как только мы решили пожениться, из Москвы прибыла двоюродная сестра по линии матери, Людмила Яковлевна Колоярцева (Каренина), с которой он постоянно поддерживал переписку.

Не единожды бывал в гостях и брат Люси — Борис Яковлевич Каренин, обосновавшийся в уральском городе Миассе. Сидя вдвоём, они вспоминали дорогие памяти картинки босоногого детства, проведённого в доме бабушки Василисы Минаевны Карениной.

19 ноября 1980 года во Дворце бракосочетаний нам, «молодожёнам», не говорили пышных речей, не спрашивали о наших чувствах, дали надеть друг другу кольца, расписаться в какой-то огромной книге, вручили свидетельство о браке, поздравили, и мы уже

по закону стали мужем и женой. Никто из друзей об этом событии не был извещен, и мы выходили из зала абсолютно не готовыми к ещё одному радостному сюрпризу: в раздевалке, с огромным букетом цветов нас ожидала супружеская чета Багириных — Валентина и Владимир — с тёплыми объятиями и сердечными пожеланиями.

Даже в и такой день Валентин Саввич не стал менять свой рабочий план. А план был один — дальнейшее редактирование и перепечатка «Окини-сан». Значит, банкета не будет — это мы решили заранее. Пикуль не хотел расслабляться, а это в его понятии не оставляло места даже бокалу шампанского.

Счастливые, пешком направляемся домой. Дом недалеко — в 500 метрах отсюда. Прохожих на улице мало: идет дождь.

— Дождь во время женитьбы — к счастью.

Как много добрых слов, пожеланий, планов, услышала я от Пикюля по дороге. По дороге от Дворца бракосочетаний до дома. По мокрой недлинной, но такой запомнившейся дороге...

Добрались домой. Валентин поставил бокалы, наполнил их пепси-колой.

— Может быть, и надо в такой день услышать в нашу честь выстрел шампанского, но, во-первых, мы с тобой женаты давно, а во-вторых, надо форсировать редактирование «Окини-сан», а для этого нужна свежая голова.

Наступил самый важный и ответственный момент рождения новой книги. Пикуль заканчивал перепечатку романа, попутно его редактируя. Это были дни напряженной физической и умственной работы до изнеможения, до тёмных кругов под утомлёнными глазами.

В общей сложности 35 дней ушло у Валентина на то, чтобы роман, отпечатанный в четырёх экземплярах,

аккуратно лёг на стол.

Дальше было то, что, как всё значительное и, главное, первое, запоминается на всю жизнь.

— Садись, — произнёс Валентин Саввич, — вычитывай внимательно, лови повторы, исправляй ошибки. Мне важно, что ты скажешь после прочтения. На время вычитки все домашние заботы беру на себя, телефон отключаю...

С огромным волнением села я за порученную, нет, ближе к истине — за доверенную мне работу. Разложив на столе первый экземпляр рукописи, я читала день и ночь с небольшими перерывами на еду. Ведь такая работа требует соединения противоречивых начал: быстроты и тщательности.

На полях рукописи мягким карандашом я ставила заметки-галочки, а на отдельном листе бумаги записывала, что именно вызвало моё сомнение или несогласие, как, на мой взгляд, должно выглядеть то или иное слово, предложение. По прочтении рукописи мы с Валентином обсуждали эти пометки. Если он соглашался с замечаниями — исправляли, в противном случае всё оставалось без изменений.

Роман прочитан. Концовка потрясла, хотя в общих чертах я уже раньше знала содержание. Но в тексте всё звучало гораздо ярче и убедительней.

Начиная с этой книги, я была первым читателем, редактором и критиком всех его последующих трудов.

Не каждую написанную книгу Пикуль считал удачей. Часто сомневался и волновался в ожидании конца вычитки. Затем спрашивал:

— Ну, как твоё мнение? Давай ругай! Тебе я верю, ибо ты знаешь все материалы, которыми я пользовался.

Да, я знала материалы, поскольку многие из них сама доставала и большинство из них прочитывала. А с рукописью романа я работала очень добросовестно, даже... чересчур. Если при чтении мне на глаза впервые

попадались фамилии, даты, названия кораблей и тому подобное, я, зная, где об этом можно почерпнуть сведения, брала нужные источники, чтобы сверить их и по другим источникам...

Наступило время сдачи рукописи. Казалось бы, автор должен был радоваться, а Пикуль чуть не плакал. Как матери было жаль расставаться со своим ребёнком, так и писателю не хотелось отдавать на растерзание рецензентам, критикам и редакторам своё детище. Отъезд в Ленинград всё откладывался. Наконец, просмотрев рукопись ещё раз, Валентин сказал:

— Всё. Поезжай в «Неву» и отдай Хренкову.

По возвращении домой я рассказала Валентину Саввичу о Ленинграде, о тёплом приёме в редакции журнала «Нева», что его интересовало особенно.

На столе я успела увидеть исписанные листы бумаги, раскрытые книги, новые материалы. Валентин работал. Его голову полностью «оккупировали» опричники и иезуиты. Он уже шагнул в новую книгу.

Как встретишь

Заканчивался самый тяжёлый год в жизни Валентина. Ни одной книги Валентина Пикуля не увидели читатели в этом году, если не считать второго выпуска альманаха «Подвиг», закончившего публикацию романа «Моонзунд».

Но необычайно щедрым был 1980-й на контакты с людьми, благотворно влиявшими на душевное состояние Пикуля. Это и Авраамов, и бывший первый заместитель начальника Главного штаба ВМФ адмирал флота, Герой Советского Союза В. Н. Алексеев, уважение к которому у Пикуля было настолько высоко, что он, приглашая Владимира Николаевича в гости, сам

ездил за ним на такси, отлично зная, что у того были, наверно, служебные машины.

Особенно много расспрашивал писатель Владимира Николаевича о войне на Севере, где он сражался и провёл ряд блестящих операций, будучи командиром дивизиона торпедных катеров, за что и был удостоен звания Героя Советского Союза. Владимир Николаевич давал советы Пикулю по сложным вопросам морской стратегии и тактики.

И никакими словами не передать вклад в, если хотите, спасение Пикуля уже упоминаемого Малькова. Евгений Георгиевич в трудное для Валентина Саввича время опекал его как родного. Не только доставал, но и доставлял домой продукты и обожаемый Пикулем чай. Каждую неделю звонил, заезжал, следил за тем, чтобы успеть в нужную минуту помочь.

Чуть не забыла сказать о главном редакторе журнала «Студенческий меридиан» Юрии Алексеевиче Ростовцеве. Энциклопедически образованный в области искусства, художественного портрета, что особенно сближало двух литераторов, Юрий Алексеевич обладал каким-то удивительным, внешне почти невидимым тактом. И что особенно важно, Юрий Алексеевич присылал и привозил интересующие Пикуля книги по искусству. Помню, с каким наслаждением рассматривал и изучал Пикуль двухтомник миниатюр, подаренных Ростовцевым.

Сколько людей, сколько встреч...

Были у Валентина друзья, как говорится, «мастера на все руки». Об одном из них он говорил:

— Есть у меня один добрый приятель — слесарь-водопроводчик из нашего ЖЭРа, Владимир Фёдорович Филиппов. Давно живёт в Риге. После войны приехал помогать латышам восстанавливать морской порт.

Увлёкся нумизматикой. Поговоришь с ним и видишь, что знающий и интеллигентный человек.

В один из дней начальник Дома офицеров, Прядко Александр Митрофанович, зашёл в кабинет с красивым полковником в лётной форме. Познакомились. Прядко сказал, что Юрий Данилович будет работать у нас — руководить кружком интарсии. А теперь — просит что-нибудь интересное почитать.

Я только что вернулась из городского библиотечного коллектора, где комплектовала фонд библиотеки и одновременно приобрела две книги В. Пикуля, изданные в Риге «Реквием каравану PQ-17» и «Богатство». Принесённые мною книги Пикуля лежали у меня на столе. Юрий Данилович взял «Реквием каравану PQ-17». Буквально на другой день пришёл в библиотеку и сказал:

— Книга меня потрясла. Читал я её всю ночь и приходил к мысли — или человек так ловко врёт, или очень много знает. Но подзаголовок «документальная трагедия» не даёт автору много разгуляться...

Большой жизненный путь прошёл Юрий Данилович. В годы войны был инструктором — подготовил 37 лётчиков истребительной авиации, сам воевал. После войны восемь лет служил в ГДР, а затем судьба забросила на Ближний Восток. Во время войны Сирии с Израилем Вовк был советником заместителя командующего военно-воздушных сил Сирии — Мамдуха Хамди Абаза. Предки Мамдуха в 1861 году покинули Абхазию и переехали в Сирию.

После возвращения в Союз Юрия Даниловича назначили командиром истребительного авиационного полка в Шяуляе, а под конец службы судьба забросила в Ригу.

В Риге он увлёкся интарсией, руководил и обучал этому прекрасному делу молодое поколение при Рижском окружном доме офицеров. Особенно хорошо удавались ему портретные работы. За них он был восемь раз удостоен медалей ВДНХ (Выставки

достижений народного хозяйства). Четырех — золотых, двух серебряных и двух бронзовых. Он делал портреты многих руководителей — Брежнева, Устинова, Фиделя Кастро, Хонекера и многих, многих... Когда у кого-то из высоких начальников Прибалтийского округа намечался юбилей — обращались обязательно к нему. Для создания портрета Юрию Даниловичу требовалась только фотография.

Юрий Данилович оказался тем незаменимым человеком, который всё умеет делать. А помощник Пикулю и интересный собеседник был нужен всегда. Так он стал самым частым гостем в доме Пикуля.

Волнение и радость охватили Пикуля, когда он посетил выставку работ интарсии Юрия Даниловича и его сыновей — Владимира и Олега.

Прекрасно исполненные портреты, букеты цветов, шкатулки, подносы, инкрустированные по сказочным мотивам столики... И всё это настолько привлекательно и воздушно, что хочется прикоснуться, погладить.

По отношению к Валентину Саввичу у Вовка была постоянная забота: чем помочь, как облегчить жизнь писателя.

21 мая Пикуль встречал Вовка дома. А запомнился этот день вот почему. Войдя в квартиру, Вовк с такой любовью обнял Валентина Саввича, что тот даже «крякнул». Боль в боку не проходила несколько дней, заставив даже обратиться к врачу. Рентгеновский снимок помог установить диагноз: «осложнение от любви» — трещина ребра.

«Талантливый человек — талантлив во всем», — говорят в народе. Таким человеком Юрий Данилович и был на самом деле. (Говорю — был, потому что в 2012 году его не стало.) Вовк раньше всех в Союзе освоил личное «производство» электрогитар. Со всей необъятной тогда страны к нему шли заказы на изготовление гитар.

Кроме выше перечисленного, Юрий Данилович увлекался фотографией. Большинство фотографий, представленных в книгах о Пикуле, — это его работа. Он пытался уловить момент, когда Пикуль работал.

На календаре оставался неоторванным только один листок.

Вечером мы смотрели популярный тогда телевизионный «Новогодний огонёк». Проводили старый год, и Валентин Саввич, отпив лимонаду, немного помолчал и, как бы размышляя о чём-то, вдруг произнёс:

— Какие были люди. Я готов всегда ими восхищаться. Разве можно сейчас найти таких адвокатов?

При чем здесь адвокаты? Какие люди?

— Извини, — продолжал он, обращаясь ко мне. — Пришла фраза. Надо обязательно записать. — И отправился в кабинет.

Стрелки часов двигались, чтобы слиться на отметке 12 в одну. Соревнуясь с ними в скорости, на чистый лист одна за другой ложились строки новой миниатюры об адвокате Плевако.

Как встретишь...

Куранты сообщили, что ночь перешагнула в следующий год. Приглушив телевизор, я подошла к двери кабинета и увидела склоненную над столом фигуру, одухотворённое лицо и быструю руку, периодически заставлявшую перо клевать чернильницу.

Пикуль встречал Новый год...

Глава третья. Творческие успехи, планы и реальность

«Три возраста Окини-сан»

Восьмидесятые годы прошлого столетия образуют рубеж, разделяющий творчество писателя. Хотя резких изменений не произошло в его характере, но на его творческие планы и настроение в ближайшее время оказала современность.

На повестку дня в этот период всплыли острова Курильской гряды, на которые стала претендовать Япония и претендует до настоящего времени. Пикуль решил после «Богатства» продолжить тему Русско-японской войны и показать, что происходило во Владивостоке, осветить события на море и, в частности, сражение при Цусиме.

Сентиментальный роман «Три возраста Окини-сан», о работе над которым мы говорили выше, воссоздает целую эпоху, с 1880-х годов по самый конец Гражданской войны. В нём повествуется о службе в отечественном военно-морском флоте трёх поколений моряков — семьи Коковцевых.

На глазах читателя автор прослеживает судьбу главного героя Владимира Васильевича Коковцева от юного мичмана и первого похода в Японию до конца его жизни на чужбине.

В сюжете романа можно выделить три основные линии — традиции морского корпуса России, сентиментально-любовная связь между главным героем и Окини-сан и поступательное движение самой истории, в том числе и две революции — 1905 и 1917 годов.

Вершиной повествования автора является переход русского флота из Балтики в Японское море и

Цусимский бой. Сам государь напутствовал эскадру вице-адмирала Зиновия Петровича Рожественского в поход на Дальний Восток. Без всякого энтузиазма принял Рожественский приказ монарха: поднялся на мостик и скомандовал второй эскадре готовиться к походу.

Преодолев огромное расстояние, разрозненные и разнокалиберные силы русской эскадры 27 мая 1905 года подошли к Цусиме, где их поджидал японский адмирал Хайхатиро Того, командовавший флотом Японии. Расположив свои корабли в удобных местах, Того в бою при Цусиме применил новую тактику — «умышленно выдерживал дальнюю дистанцию, потому что русские снаряды, потеряв в полёте изначальную силу, оказывались не способны раздробить даже слабую броню». Русские корабли выходили из строя один за другим. Но они не сдавались! Они сражались! До последнего!

Японский вице-адмирал Хиконодзе Камимура, командовавший при Цусиме крейсерами, оставил запись о подвиге броненосца «Суворов»: «Его мачты давно упали, трубы одна за другой рухнули, он потерял способность управляться, а пожар всё усиливался. Но он всё ещё продолжал сражаться, и сражался с нами так храбро, что я вынужден был указать своим воинам отдать должное его небывалому героическому сопротивлению».

В русской литературе подвиг боя с японцами описан в романе Новикова-Прибоя «Цусима», который огромными тиражами издавался не только в России, но и в Японии. Изучив целую библиотеку литературы о Цусимском сражении, в том числе и участников этого похода и боя, Пикуль предлагает своё прочтение истории сражения. В отличие от Новикова-Прибоя, который показал Цусиму в мрачных красках, Пикуль пытается донести до читателя сознательный героизм

русских моряков, показать, как вели себя матросы и офицеры русского флота во время длительного перехода и Цусимского боя, честно выполняя свой воинский долг перед Родиной.

Офицеры и матросы знали, что идут на верную гибель, но шли, ибо «дороже жизни для них была защита чести родины».

Как благословенное напутствие звучит письмо современника Цусимы лейтенанту флота с эскадры Небогатова:

«Позвольте выразить Вам чувства моего искреннего уважения и преклонения перед подвигом, на который Вы идете. С затаённым трепетом и надеждой будут следить все русские люди за Вами, вашей эскадрой, кажется, последней человеческой надеждой на успех. Дальше останутся надежды только на Бога, которыми, как бы ни вымучивали их, всегда спасался от отчаяния русский народ...

Верю, что Бог поможет Вам справиться с врагом...

Нет! Не погибла русская земля! На людей, которые решили взглянуть в глаза смерти, я не могу смотреть иначе, как на святых...»

И Пикуль показал этот героизм, стойкость, взаимовыручку и самоотверженность матроса, офицера, священника, врача.

Ознакомившись с рукописью, редакция журнала «Нева» в январе 1981 года заключила с автором договор на публикацию романа.

Идя навстречу редакции, Валентин Саввич сократил роман до журнального варианта, который и был опубликован журналом «Нева».

С большой неохотой производил он непривычную для него работу. Пикуль любил писать, созидать, а делать «пластические операции» своим творениям считал занятием непутёвым.

Но время для Пикуля было особенное. После публикации отрывков из «Нечистой силы» в журнале «Наш современник» в 1979 году и соответствующей реакции официальных политиков, обнародованной устами М. А. Суслова, Пикуля не просто не печатали — от него боязливо шарахались. А надо было как-то жить, на что-то существовать, надо было сохранить силы для воплощения в новые книги многого, уже обдуманного.

Но решения о публикации ещё не было, несмотря на то, что журнал имел две положительные рецензии: писателя С. Тхоржевского и доктора исторических наук капитана 1 ранга И. Козлова. Главные замечания, на которые указывали рецензенты и с которыми был согласен автор, Пикуль исправил. Специальная рецензия доктора исторических наук гласила: «Рецензируемая рукопись в целом удовлетворяет требованиям исторической достоверности. Более того, создаётся впечатление, что реально-историческая сторона романа сильнее отдельных художественных страниц, которым не хватает подчас глубины и тонкости психологической прорисовки образа. Автор уверенно ориентируется в эпохе, её предметы реконструируются в точных социальных и бытовых деталях. За рукописью, несомненно, стоит основательная проработка широкого круга источников разных типов: документов, прессы, мемуаров, а также знакомство со специальной научной литературой...»

Но на этом дело не кончилось, даже положительная рецензия не спасла от предложений по доработке. На заключительном этапе прохода рукописи Ленинградский обком партии попросил усилить роль и деятельность одного из героев книги — большевика Никиты. Пикуль был раздосадован:

— Как я могу усилить, если в моих планах этого не было? — возмущался он.

Его уже преследовала мысль: чтобы сохранить замысел своей книги, лучше не печатать её.

Но письмо главного редактора «Невы» Д. Т. Хренкова вновь вернуло его к действительности: «Вам следует не убояться прямой публицистики. Нужно показать, что революционная ситуация в стране не могла не коснуться и флота, как наиболее чуткого организма. В томах Ленина (8— 11, 22, 28) Вы найдёте не только оценку Русско-японской войны, но и то, что поможет Вам экспонировать тезис: разложение России начиналось через разложение семей... Вам нужно написать одну-две сцены столкновения Коковцевых — старшего и младшего...

Я понимаю, что Вам нелегко найти такую линию Никиты, которая придала бы роману политическую остроту, выдвинула Никиту в число главных героев. Но сделать это необходимо...»

Пикуль ответил: «Пусть роман не выйдет, но калечить его не стану».

Редактор К. И. Курбатов дописал за Пикуля сцену разрыва между отцом и сыном (о чём я узнала совсем недавно) и тем спас публикацию^[2].

В романе адмирал Коковцев окончательно порывает с сыном и выгоняет его из дома. На прощание Никита бросает отцу: «Мне жаль тебя в твоей слепоте, отец. Прощай!»

Забегая вперёд, скажу, что после выхода сентиментального романа отдельной книгой в 1984 году в издательстве «Современник» Пикуль послал редактору авторский экземпляр с надписью: «Константину Ивановичу Курбатову — моему коллеге».

Спустя четыре года Калининградское областное издательство попросило у Пикуля разрешения издать «Три возраста Окини-сан» в серии «Морской роман». Несмотря на то, что роман уже вышел в журнальном

варианте, директор издательства С. Т. Карманов заказал рецензии двум специалистам. Издательство попросило Пикуля внимательней отнестись к личностям и заслугам Александра Васильевича Колчака и Зиновия Петровича Рожественского.

В ответ Пикуль писал: «Позволю информировать Вашу редакцию, что роман вышел в Москве в издательстве “Современник” тремя тиражами и переведен за рубежом в Чехословакии. Таким образом, текст моего романа вольно или невольно приобрёл некоторую стабильность. Я согласен бы исправить некоторые огрехи и недочёты, на которые указывают мне рецензенты. К сожалению, их требования — как к монографии исторического порядка, а роман — это не учебник. Наконец, если я пойду на поводу указаний рецензентов, меняя судьбы героев и сюжетное построение, то у меня получится новый роман, совсем непохожий на тот, что я Вам представил.

Думаю, что нам лучше прервать наши отношения.

Честь имею! В. Пикуль. 7.09.85 года».

Принципиальность Пикуля и спрос на его книги победили. Роман «Три возраста Окини-сан» вышел в серии «Морской роман» в полном объёме. Заканчивая разговор о новом произведении Пикуля, следует подчеркнуть, что в нём сильна и авторская позиция, а весь роман пронизан героико-патриотическим настроением. Патриотизм Пикуля «открытый, искренний, действенный. Он страстно взывает к современному читателю: уважительная память о прошлом обязывает нас, ныне живущих, укреплять чувство Родины, генетическую преемственность поколений».

Об этом всегда помнил и об этом писал Валентин Пикуль.

И совсем не случайно на титульном листе романа появилось посвящение сыну участника Цусимского

сражения, вице-адмиралу Георгию Николаевичу Авраамову, другу Пикуля со Школы юнг и его супруге: «Супружеской чете Авраамовых — Эре Павловне и Георгию Николаевичу, в семье которых уже три поколения служат Отечеству на морях».

Представляя свой роман на суд читателей, автор не был уверен, как всегда, в его успехе. Но читатели полюбили героев прошлого, как любил их сам автор: их действия, образы, поступки.

«Я заранее предвижу упреки критиков, ведь не бедная же карамзинская Лиза утопилась с горя в лирическом пруду, с грохотом опрокинулась в бездну целая эскадра, опозоренная поражением... В траур по флоту вложено столько страстей и чувств, Россия пережила такую неслыханную боль, что я вынужден вновь оплакивать наших пропавших героев. Эту незабываемую боль, боль Цусимы, мы, читатель, свято донесли до осени 1945 года!»

Работа — прежде всего

От критиков в адрес Пикуля часто слышались упрёки в перегруженности его исторических романов действующими лицами. Для умного человека в этих упрёках — восхищение: как столько лиц может вмещаться в одной голове!

Ведь в исторических произведениях именно недостаток, а не избыток разысканных материалов требует фантазии и вымысла.

У Пикуля было наоборот.

Щадя читателя, умело дозируя информацию, автор исторических романов не останавливался подробно на некоторых личностях, причастных к описываемым событиям. Но собранный материал оказывался настолько богатым, что Валентин Саввич не мог лишиться

читателя удовольствия познакомиться с ним, тем более что каждый персонаж был весьма достоин пера историка.

Так возникла литературная портретная галерея, которую Валентин Пикуль назвал историческими миниатюрами.

В ней он открыл десятки имён, почти стертых из нашей истории и памяти, от которых незаслуженно, несправедливо, а может, нечаянно отвернулась Россия.

Впервые миниатюры вышли в Ленинграде в 1976 году в издательстве «Детская литература» отдельной книгой, которую Валентин Пикуль очень точно назвал — «Из старой шкатулки».

Валентин Саввич был очень рад, что миниатюрами заинтересовалась именно «Детская литература». Чем раньше в личности проснётся любовь к истории, тем больше уверенности в возрождении лучших российских традиций. А Пикуль писал свои миниатюры так, чтобы они были легко читаемы человеком любого возраста, любого образования. А это, поверьте, совсем непросто. Для него было важно одно: дать понять воспринимающим происходящее в одной плоскости, что мир многомерен, и помочь услышать стереофонию звуков истории.

У Пикуля обнаружилась творческая потребность снова обратиться к миниатюрам.

Авторская интуиция, счастливый случай или Божья милость — называйте, как хотите. Но именно в это время от директора ленинградского издательства «Детская литература» Евгения Васильевича Стукалина пришло предложение заключить с писателем договор на переиздание книги миниатюр «Из старой шкатулки», стотысячный тираж которой, со вкусом оформленный талантливым художником Рудольфом Яхниным, был давно и моментально раскуплен читающей братией.

Автору предлагалось дополнить книгу новыми миниатюрами.

А почему же нельзя? Конечно, можно! Очень кстати пришлось эти миниатюры. Приятно было смотреть на лицо Пикуля — улыбка украшает любого человека.

Работал Валентин Саввич напряжённо. За короткое время из-под его пера родилось 11 миниатюр. Но писал он, выбирая таких героев, в деяния которых мог вложить свои сегодняшние мысли и настроение.

В центре каждой миниатюры — личность, вершащая свою судьбу, а значит, и историю.

Помню, с каким настроением, легко и непринужденно писал Валентин Саввич о Павле Матвеевиче Обухове — отце стальной пушки в России. Писатель просматривал всё, что есть в библиотеке по истории стали, о пушечном деле, а также по истории сталепушечных заводов в Перми, Златоусте и Петербурге, вчитывался в страницы заинтересовавших его книг. Уже спустя три дня я читала новую миниатюру — «Секрет русской стали».

Не считаю необходимым останавливаться на всех миниатюрах, написанных в этот период, о них пойдет подробный разговор в дальнейшем, а сейчас перейдем ко второму тому «Фаворита», рукопись которого давным-давно автор должен был представить в Лениздат.

Целеустремлённый труд никогда не бывает напрасным.

Радость, как и горе, — особа компанейская и не гуляет в одиночку...

Пришла, датированная 25-м днем февраля, рецензия старшего научного сотрудника Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, доктора филологических наук Галины Николаевны Моисеевой на первый том «Фаворита».

С каким нетерпением ожидал Валентин поступления таких документов, дающих возможность хоть на немного приоткрыть завесу над тревожащими автора вопросами: допустят ли «Фаворита» до издания, рискнет ли кто дразнить Пикулем растревоженную и взволнованную официозную критику и русофобскую идеологию?

Далее подробнее остановимся на полученной рецензии. Приведём заключительные строки: «...роман Валентина Пикуля “Фаворит” после научного редактирования может быть рекомендован к печати».

Это резюме являлось ступенькой, на которую можно было делать следующий шаг. С хорошим настроением, с надеждой на лучшее Валентин Саввич начал «нацеливаться» на второй том «Фаворита» под названием «Его Таврида».

Глава четвёртая. Успехи, волнения, радости, встречи

Ночная почта о создании «Фаворита»

Все коллизии авторских переживаний, забот и успехов довольно чётко просматриваются, когда перебираешь подряд записки-письма Валентина Саввича ко мне, составлявшие отнюдь не маловажную грань нашего общения. Я их получала практически каждое утро и, честно говоря, очень горда тем, что с первых же дней совместной жизни собирала и бережно хранила, относясь к ним почти как... к «треугольничкам» с фронта.

Даже по первому слову обращения можно было определить его настроение: Дочка! Деточка! Тануки! Доченька! Маркиза! Тосенька! Родная! Тося!

Если «Тося!», то далее следовало какое-то деловое поручение: что-то купить, отвезти, привезти, кому-то позвонить или, как было на 23 февраля, не забыть прихватить на работу приготовленные им сувениры, бутылку коньяка и лимоны, чтобы поздравить с праздником ветеранов. Валентин Саввич ничего не забывал.

Но большинство записок, конечно, о работе. Я хочу привести некоторые из них без всяких комментариев, в надежде, что они помогут почувствовать настроение, ритм и напряжение периода создания писателем второго тома «Фаворита и работы над миниатюрами.

Валентин на записках не ставил числа, он не знал их, цифрами помечено время, в разные дни — читай: ночи. Многие обращения ко мне, кроме «доченька» — опускаю. На обороте записок я ставила даты и название

вещи, над которой Валентин работал. Записки даются в большом сокращении...

05.05. Доченька! Сидел, вкалывал и разом окосел — дух вон и лапки кверху. Лягу с “Индией”. Встану-позвоню. Надулся чаю, перекурился...(приписка карандашом. — А. П.) Уже шесть. Ещё не сплю...

Дочурка моя хорошая! 06.40. Ложусь. Устал страшно. Но было интересно. Отгрохал 32 стр. и остановил сам себя, дабы сберечь силы...

01.45. Закончил первый лист — две первые главы. Сижу, обдумываю третью — о Таракановой.

02.15. Окосел ужасно. Ложусь. Еще почитаю...С 2-х часов до пол шестого гонялся за мухой, очень нахальной. Наконец и ее победил...

Прочти о Таракановой и картине Флавицкого. Познавательное. Устал. Сижу и смотрю картинки (альбомы. — А. П.).

06.10. Если будет время — прочти о Чижове (родине Потёмкина. — А. П.) — как жили в старину...

07.05. Сегодня сделал 10 стр. Попью чайку и еще попробую дописать главу до конца...

05.20. Вылез на 104 стр. Окосел совсем, ажно заколдо-бился. Сейчас хлебану чайку и скovyрнусь... Уже 6 часов — ложусь.

Сейчас 3 часа. Закончил главу — вылез на 134 стр. Сделал отбой в шесть страниц. Доволен! Получилось ничего себе. Спать совсем не хочу, но и начинать новую главу *опасно*. Немного подумаю... Шесть — ложусь...

07.05. Купи ортофикса, да побольше. Только открой баночку и посмотри, чтобы он был белый по цвету и незасохший...

Покушал уху. Вкусная. Проветрю и спать...Всю ночь гонялся за Пугачёвым, но пока ещё не поймал. Оставляю главу на столе, прочти и скажи своё мнение.

07.30. Куда-то задевался Храповицкий, найди, ради Бога!

Решил, пока вы дрыхнете (я и дети. — А. /7.), устроить пир по случаю дня рождения. И устроил себе запой: сделал 22 страницы. Вылез на 418-ю! Сейчас ровно 7 часов. Оденусь и пойду с Гришенькой писать...»

03.40. Давно не было так хорошо, как сегодня. И работа спорится, и настроение хорошее. Может быть, болезнь всё-таки отступила?

06.10. Мне позарез нужны стихи Потёмкина... Просмотри Петрова, Рубана, может быть, там какое-то упоминание найдёшь. Просмотри стихи 18 века, и если что встретишь — выпиши... Он писал простые вирши и говорил простонародным языком.

Хоть тебе и тяжело, но закажи такси и встретить гостей. Это надо сделать. Помоги разместиться в гостинице, а потом назначь время встречи.

У меня сегодня болела голова. Напился цитрамону, но боль не прошла. Сделал мало — 6 стр...

07.10. Худо-бедно, кажется, закончил. Всех поубивал — хоть и жаль Курносова...

07.30. Остается одна глава «После Потёмкина», но это потом...

Читай главу о смерти Потёмкина... Ужасно уставший...

07.20. Я вот что подумал: давай в эти дни сядем за сокращение («Фаворита». — А. П.)...Убирать придётся много, м.б. и вторник захватим. Договорись на работе. Правку нужно делать сразу в 4-х экз., чтобы не путаться...

Готовься, доченька, поможешь... Ух! Устал, пока писал тебе. Всё. Иду спать!.. Твой навеки В.

Нередко ночные бдения приводили к полному истощению моральных и физических сил. И тогда он падал в свою кровать, оставив на столе короткую, но очень понятную мне записку:

«Дочка, я — пас!»

Очень запомнился мне один мимолетный разговор, состоявшийся как-то вечером.

— Сегодня я встал с мрачным настроением и головными болями, — пожаловался Валентин. — Всю ночь во сне что-то писал, но многое у меня не получалось. Вот и не отдохнул.

— А ты, как почувствуешь усталость, приляг и отдохни, — по простоте своей посоветовала я.

— Прилечь-то можно в любое время, но работы от этого не убавится, — очень серьёзно и даже назидательно промолвил Пикуль.

Я считаю необходимым поместить в свой рассказ о Валентине Пикуле эту небольшую зарисовку не только потому, что она необычна сама по себе. Но, главное, потому, что по этим запискам, так же, как по книгам писателя, можно представить, определить и почувствовать тайну творчества и образ авторской личности.

Пикуль и дети

Сейчас мне хотелось бы немного рассказать о людях, биография которых только начиналась, о моих детях. И не столько о детях, сколько об их взаимоотношениях с Валентином Саввичем.

Марина заканчивала десятилетку, а Витя — восьмой класс. Не хочу преуменьшать важности ответственного этапа: выбора — кем быть? От этого выбора часто зависит вся последующая жизнь.

Переживаний за предстоящую длительную экзаменационную нервотрёпку было много. С волнением следила я за Мариной. Мятущаяся юность ещё окончательно не определилась в выборе своего жизненного пути. А мы с Ва-дентином решили не вмешиваться. Тем более что однажды я уже пыталась

приобщить дочь к своей любви и мечте, но неудачно. После третьего класса по моей настоятельной рекомендации, несмотря на большой конкурс (20 человек на место), требовавший огромного морального и физического напряжения, она поступила в Рижское хореографическое училище. Прочувшись несколько лет, она ушла оттуда разочарованной.

И вот Марина объявляет, что решила идти по моим стопам — после школы поступать в Ленинградский институт культуры.

— Молодец, — одобрительно говорил Валентин, — поедешь в Ленинград. С жильём проблем не будет. Остановишься на время у Нины Владимировны Бурцевой, у нас с ней самые тёплые дружеские отношения ещё с юношеских лет.

Пикуль считал, что каждый молодой человек должен выбирать сам себе дело по душе. Это главное условие развития личности, а значит, и всего государства.

Пикуль старался всегда и во всём помогать детям, согреть их души, хотя часто и не знал, как это сделать, поскольку никогда ранее с детьми не общался. Материально особенно не баловал, обычно говорил:

— Купи, что им нужно или что они хотят.

Беседы с детьми Валентин Саввич проводил с точки зрения педагогики весьма профессионально. Казалось бы, что книги Пикуля и его взгляды на жизнь — удел взрослых и зрелых людей. Но в душе автор исторических и военно-морских романов и особенно миниатюр лелеял мечту донести прежде всего до молодёжи высокий смысл понятий: долг, честь, совесть, дружба. Именно для них он создавал первую ступень патриотизма — причастность к истории своего Отечества.

Учить других — дело благородное, учиться самому — дело благодарное.

И Валентин в своей жизни отдавал предпочтение второму. Отсюда и складывался круг его общений. Любил он умудрённых жизненным опытом, влюблённых в свою профессию интеллигентных людей.

Не скажу, что дети, в свою очередь, сразу и безоговорочно приняли Валентина Саввича как близкого им человека. И это понятно: психологии такого возраста свойствен максимализм в оценках ситуаций, не поддающийся даже приблизительному прогнозированию. Кроме того, высокий авторитет личности Пикуля подсознательно диктовал необходимость соблюдения какой-то дистанции, тактичное преодоление которой требовало времени.

Со своей стороны Валентин Саввич делал всё, чтобы сократить это время.

Самым серьёзным образом он взялся за духовное воспитание моего сына Виктора, увлечённого, видимо, передающейся по наследству романтикой военно-морской службы. Мальчик он был начитанный: своего любимого Джека Лондона он перечитал по 3–4 раза, хорошо знал произведения Гюго и Дюма. Учился в школе Витя прекрасно. Одновременно с этим посещал радиокружок, своими руками собрал радиопередатчик, начал участвовать в соревнованиях.

С симпатией относясь к Марине, Валентин тем не менее старался передать все свои мысли и чаяния Виктору, связывая с ним большие надежды на будущее. Здесь сказывалось его убеждение: при всём уважении и преклонении перед женщиной Пикуль не видел объективной возможности для женщины, матери, хранительницы домашнего очага, посвятить свою жизнь какому-либо серьёзному делу без ущерба её природному предназначению. Приносить в жертву во имя идеи свою жизнь до конца, без остатка — на это имеет право только мужчина.

И Пикуль с придирчивой тщательностью приобщал и приучал Виктора к документальной прозе и особенно к мемуарам историков и военных специалистов, надеясь в будущем обрести надежного преемника — продолжателя своих замыслов. По каждой рекомендованной писателем книге после её прочтения у них происходила пространная беседа. Пикуля радовали серьёзность отношения сына к изучаемым вопросам и зрелость высказываемых мыслей.

Детская (в том смысле, что разговор шёл о детях) тематика повествования и причастность к ней Пикуля навеяли желание поведать читателям о некоторых «детскостях» знаменитого писателя.

Валентин Саввич очень любил... игрушки. Проходя мимо витрин магазинов, где были выставлены детские игрушки, он непременно надолго останавливался, внимательно всё рассматривал, любясь и пытаясь понять: что дают они детям? Почему-то не любил машин, отдавая предпочтение куклам, собакам, кошкам и вообще «всякому зверью», среди которого особо выделял верблюда. Своё преклонение перед характером этого, может быть, внешне не всем привлекательного животного, в одном из интервью он выразил такими словами:

— Я очень люблю это животное, в общем-то осмеянное. В моём представлении всё человечество делится на верблюдов и арабских скакунов. Особенно это заметно среди творческих работников. Один, как арабский скакун, скачет очень быстро, все ему аплодируют, но довольно скоро он сдыхает. Над верблюдом же все смеются, а он тянет и тянет. И обязательно дойдет до цели. Вот почему верблюд для меня стал в какой-то степени символом.

Небольшое «стадо» различных симпатичных верблюдов и верблюжат приютилось в пикулевском кабинете.

Восторг Валентина Саввича вызывали и экзотические обитатели морей и океанов: засушенные рыба-ёж, морские звёзды, кораллы, панцири крабов.

Помню, перед существовавшим тогда ещё в Риге «мужским днем» — 23 февраля — я спросила:

— Какой подарок доставит тебе удовольствие?

— Купи мне куклу, — попросил он, — я посажу её на стол и буду любоваться!

В тот день купленные мною блондинка и брюнетка в роскошных нарядах заняли место на стеллаже перед столом писателя. Пикуль светился радостью.

— Тебя к игрушкам тянет как ребёнка, — заметила я однажды.

— Наверное, в детстве недоиграл.

Недоиграл... Недолюбил... Недописал...

Как жаль, что порой человеку в положенное время не достаётся того, что приносит радость и удовлетворение.

Пикуль — из того горемычного поколения, которое в детстве и конфет... недоело. Слабостью Валентина Саввича были конфеты «Коровка». Их не всегда можно было купить, но когда я выкладывала на стол принесённый огромный кулёк с любимым лакомством, он съедал практически за один присест, а потом не прикасался к ним месяц-два. Ради истины надо заметить, что в этом деле Пикуль усердно помогал пёс Гришка, наученный хозяином непростому искусству разворачивания «Коровки».

И в этих кадрах поглощения конфет мне нередко виделись глаза и лица детей... блокадного Ленинграда.

В моём дневнике записано кратко: 5.06.81 — состоялась встреча Пикуля с Конецким.

Накануне Валентин предупредил меня о том, что Вик-Вик (так он с незапамятных времён называл Конецкого) находится в Доме творчества в Дубулты и перед отъездом обязательно нанесёт нам визит. По

рассказам супруга я много знала о Викторе Викторовиче, видела его на фотографии, читала его книги, слышала их немногословные переговоры по телефону.

В юные годы Виктора Курочкина, Виктора Конецкого и Валентина Пикуля, практически одновременно начинавших свой творческий путь в Ленинградском литературном объединении, окружающие окрестили «тремя мушкетёрами» — так много времени они проводили вместе. И всех их, рано или поздно, этот путь вывел если не к славе, то по крайней мере к признанию в литературных кругах. В. Курочкина знали как автора отменной книги «На войне как на войне», позднее экранизированной и ставшей ещё более популярной; В. Конецкий тоже достиг уже приличных вершин благодаря рассказам, морским романам и нескольким киносценариям.

А Валентин Пикуль в этот период продолжал «стряхивать» грязные брызги русофобской критики после выхода журнального варианта «Нечистой силы».

Итак, мы готовились встречать у себя в гостях знаменитого писателя и друга юности мужа — хотелось посмотреть, каков он в жизни, и принять как самого дорогого гостя.

С утра, до работы, сбегала на базар, чтобы к вечеру, как ожидали, приготовить торжественный ужин. Но среди дня на работе раздался телефонный звонок от Валентина, сообщавшего мне, что Вик-Вик приехал и они сидят и обедают.

Друзья юности (пишу так, поскольку знаю, что Пикуль всегда считал Конецкого своим другом), видимо, уже довольно долго сидели за столом, «тепло» отмечая свою встречу.

Пикуль представил меня Конецкому.

— Вик-Вик, люби её так же, как люблю её я, — закончил Валентин ритуал знакомства и позвал к по-

холостяцки накрытому столу.

Выпив по стопке и облокотясь о стол, они, мало обращая на меня внимания, говорили, говорили и говорили. Помянули своих коллег по литературному цеху, которых уже нет в живых. Пикуль объяснял холостому Конецкому, как хорошо иметь жену. Конецкий, представляя теперешнюю ситуацию Пикуля, великодушно предлагал материальную помощь, от которой Валентин отказался, сердечно поблагодарив за дружеское участие.

Говорили о многом. И хотя я часто отлучалась, чтобы освежить сервировку стола, своих книг в разговоре они абсолютно не касались. Друзья юности проговорили всю ночь, а на следующий день Вик-Вик уехал. Отъезд запомнился мне особенно...

Вещей у Конецкого было много: огромный чемодан, пишущая машинка и свернутые небольшим рулончиком акварели. Доставленные мною на такси к вокзалу, оба писателя были в таком «добром расположении», что, выйдя из машины, сразу чётко сформулировали кредо — каждый своё.

— Я нести вещи не в состоянии, — только и смог вымолвить Конецкий и, взяв под мышку рулон акварелей, двинулся в сторону вокзала.

— А я твои вещи носить не намерен, — бросил вслед ему Пикуль и тоже направился к вокзалу.

Поочерёдно перетаскивая вперед то чемодан, то машинку, я продвигалась к лестничному входу вокзала, стараясь одновременно держать в поле зрения моих «джентль-менов»-путешественников.

Вдруг я увидела, что транспортная милиция в лице двух своих представителей остановила Конецкого с явным намерением изолировать от него вокзал.

Бросив вещи на проезжей части дороги, я поспешила на выручку.

— Извините, пожалуйста, — влезла я между милиционерами и размахивающим перед ними членским билетом Союза писателей Конечким. — Понимаете, очень долго не виделись и вот встретились два друга-товарища. Это известный писатель Виктор Викторович Конечкий, а это, — я указала рукой, — Валентин Пикуль.

Валентин в это время направлялся в здание вокзала, не обращая на нас ни малейшего внимания.

— Пикуль?! Где он? Покажите его нам, — отвлеклась от Конечкого милиция...

Но в толпе Валентина было трудно разглядеть.

— Ну, хорошо, — смягчилась власть, — идите тихонечко, проводите, посадите в вагон.

Оба друга пошли на перрон, я с горем пополам уже отработанным способом дотащила вещи до вагона.

На следующий день Виктор Викторович позвонил Пикулю из Ленинграда, чтобы сообщить о благополучном прибытии и поблагодарить за тёплый прием и особенно за заботу «о здоровье» (Валентин Саввич положил ему в чемодан «чекушку» коньяка и два бутерброда с икрой).

Встречи Пикуля с Вик-Виком продолжались и в дальнейшем, но, забегая немного вперёд, чтобы не повторяться, хочу сказать главное.

Я так подробно, но, как вы, наверное, заметили, без всякой, даже малейшей тени осуждения описала встречу старых закадычных друзей, потому что научилась понимать и объяснять неординарное поведение неординарных людей.

Возвращённые застольем в годы юности, они наслаждались жизнью, стараясь продлить всплывшие в сознании блаженные минуты воспоминаний. Так фронтовики не могут разойтись, пока... «Берлин не взят».

Но как святыню оберегал Валентин Саввич свою любимую работу, не позволяя себе, даже намёком, оскорбить её чем-либо недостойным.

Как-то поделился откровением:

— Всего один раз в жизни попробовал писать «под балдой». Казалось — ох, как красиво получается! А на трезвую голову посмотрел — сущая чепуха. С тех пор, раз и навсегда, я эти два процесса никогда не смешиваю.

Говорю словами Пикуля, — именно так он передал мне своё ощущение.

Я сказала всё, что хотела. Чтобы в дальнейшем, по возможности, на этом больше не останавливаться.

Будни и праздники

После отъезда Виктора Конецкого Пикуль долго не мог сесть за стол...

Рукопись «Фаворита» не шла.

И вдруг раздался неожиданный телефонный звонок из Ленинграда. Голос заведующего отделом художественной прозы Лениздата Николая Павловича Утехина принёс приятную новость: издательство имеет намерения повторно выпустить в свет роман «Баязет», опубликованный впервые довольно давно — 20 лет тому назад.

Пикуль, конечно же, ответил согласием и не скрывал безграничной радости, ибо, как мне думается, он всегда питал какую-то особенную любовь к этому своему первенцу среди других исторических романов.

Издательство, безусловно, проявило определённую смелость, взявшись за переиздание романа Валентина Пикуля, имя которого в это время позволительно было использовать только в критических статьях. А тут ещё зашел разговор о тираже — 500 тысяч. Такими

тиражами тогда достаивали только классиков и лауреатов. Впоследствии тираж урезали до 300 тысяч экземпляров.

Всё было бы прекрасно, если бы не просьба-замечание рецензента: убрать или по крайней мере ограничить в романе действие курдов.

Валентин Саввич пытался возмущаться.

— Что, разве не существовало тогда и сейчас курдов и курдской проблемы? — изумлённо вопрошал он.

— Не надо её выпячивать, а лучше всего сократить, — последовал категоричный ответ.

И придавленный обстоятельствами Пикуль сел за нелюбимую, но становящуюся почти привычной работу по сокращению уже созданного произведения.

Работа была под стать настроению, но, как ни странно, она успокоила его, и по её окончании писательские эмоции и переживания довольно гармонично влились в русло «Фаворита».

Процесс творчества вошёл в нормальную колею. Воспаленные нервы могли теперь немного отдохнуть...

В это время ко мне обратились с просьбой устроить встречу с писателем офицеры Юрий Беленов и Виталий Волосюк из Высшего военно-политического училища им. С. Бирюзова, знакомые мне по литературному объединению, где они, педагоги по профессии, приобщались к поэзии.

В тот же вечер в разговоре с супругом как-то к слову обмолвилась о том, что группа офицеров военного училища проявляют огромный интерес к встрече с ним.

— А что, давай устроим, — неожиданно легко согласился Пикуль.

По просьбе Пикуля непрофессиональные поэты читали свои стихи.

— При целеустремлённом труде, — высказал свои мысли писатель автору понравившегося ему

стихотворения, Виталию Макаровичу Волосюку, — вы можете достичь успехов и на этом поприще.

Затянувшийся вечер закончился ритуалом раздачи автографов: на книгах каждого из присутствующих на встрече Валентин Саввич сделал памятные надписи, среди которых были и такие, откровенно симпатизирующие: «Всегда готовый к беседе. Вал. Пикуль. XX век».

В конце августа Валентин отправил меня вместе с дочерью в Ленинград. Заодно, провожая дочь на нелёгкие испытания — сдачу вступительных экзаменов в институт, я ехала в Ленинград выполнить задания Валентина — заплатить взносы в Союз писателей и Литфонд и встретиться в Лениздате с заведующим отделом художественной литературы относительно договоров на второй том «Фаворита» и переиздание романа «Баязет».

Аудиенция у Утехина приятно и незабываемо отложилась в моей памяти. Молодой, но уже опытный литератор, как потом выяснилось, и талантливый критик, Николай Павлович приятно удивил широтой взглядов на жизненные явления, откровенностью суждений и огромным желанием помочь Валентину в ситуации, которую он очень тонко прочувствовал.

Николай Павлович не раз приезжал в Ригу. Встречи с Пикулем были обоюдоприятными. С удовольствием совершал Пикуль в компании с Утехиным многочасовые экскурсии по городу и его окрестностям. Взморье, Слока, Елгава — это далеко не все направления их круизов. И всегда приезжали усталые, но удовлетворённо-довольные...

Кончалось лето. Канун сентября принёс первую радость: Марина — студентка.

Через несколько дней — новый всплеск положительных эмоций. Валентин Саввич держит в руках девятый номер журнала «Нева» за 1981 год, в

котором опубликован «Первый возраст Окини-сан». Ноябрьским номером того же года закончилась публикация сокращённого журнального варианта новой, самой последней работы Валентина Пикуля — сентиментального романа «Три возраста Окини-сан».

В это же время Ленинградское отделение издательства «Советский писатель» заключило договор с автором на издание романа отдельной книгой. Видимо, чтобы подстраховаться, редакция заказала на «Три возраста...» рецензию писателю С. Тхоржевскому и специальные — доктору исторических наук профессору И. Козлову и доктору филологических наук В. Горегляду. Познакомимся мы с ними пол года спустя...

Проявило интерес к новому роману и Калининградское книжное издательство: был заключен договор и уже определен редактор будущей книги.

Осень 81-го года была отмечена каким-то особым вниманием со стороны высшего военно-морского командования к жизни и творчеству писателя.

Сначала состоялась встреча с уже хорошо знакомым Георгием Михайловичем Егоровым, а 27 октября контрадмирал Мальков и капитан 1 ранга Сипкевич привезли в гости к Пикулю отдохавшего в санатории вместе с женой контр-адмирала Александра Сергеевича Пушкина.

В кабинете Валентина Саввича собрались родственные души — моряки, литераторы, любители поэзии и искусства. Образовалась тёплая дружеская компания, участники которой понимали друг друга с полуслова.

Конечно, разговор шёл и о флоте, и о маринистике, и о журнале «Морской сборник», главным редактором которого был А. С. Пушкин.

Общались довольно долго. На память о встрече Пикуль подарил А. Пушкину журнал с «Окини-сан»,

заметив с улыбкой, что будь у него такие погоны и такая фамилия — он никогда бы не решился ни писать, ни тем более печататься.

О встрече остались самые светлые отголоски...

Жизнь текла своим чередом. Книголюбы электролампового завода через знакомых «запеленговали» Пикуля, прося выступить перед их коллективом.

Закончившего своё выступление Пикуля познакомили с библиотекой и затем (со словами «А здесь мы вам, Валентин Саввич, приготовили сюрприз») подвели к огромным столам, на которых было разложено множество фотографий.

Изумление высоко подняло пикулевские брови:

— Да здесь все герои моего «Слова и дела», — не скрывал восхищения Валентин!

Он называл подряд хорошо знакомых ему персонажей, на одном «споткнулся» — такого портрета он ещё не видел.

— Где взяли? Кто это всё делал? — допытывался Пикуль.

Здесь же и познакомился с энтузиастами-книголюбями Феликсом Талбергом и Николаем Омеляновичем, руками которых была создана эта экспозиция. Сделана, по мнению Пикуля, весьма квалифицированно и профессионально. Таких людей он любил и впоследствии не раз с ними встречался, в том числе и у себя дома.

Этот год порадовал Пикуля публикацией романа «Три возраста Окини-сан» и не только. Последнее издание года, на котором интересно остановиться подробнее, — сборник «Богатство».

Прочитав в «Книжном обозрении» о выходе в издательстве «Советский писатель» сборника «Богатство», состоящий из двух произведений:

«Реквием каравану PQ-17» и «Богатство» тиражом 15 тысяч, я сообщила об этом Валентину.

— Это провокация, — заволновался Пикуль, — ибо никаких договоров с «Совписом» я не имею. А книга эта вышла ещё в 1978 году тиражом 100 тысяч. Сходи на почту, — продолжал он, — и отошли телеграмму: пусть вышлют авторские экземпляры и ещё 30 книг за наличный расчет.

Ответ был неожиданным и оскорбительным для автора:

«Вашу просьбу удовлетворить не можем, поскольку книга издавалась целевым назначением для магазина “Березка”». (Напомню, так назывался в СССР валютный магазин. — А. П.) Денег автор не получил.

— Где ж это видано, чтобы так издевались над автором, — возмущался Валентин. — Я не говорю о гонораре. В какой ещё стране мира возможно такое, чтобы писатель не имел права купить свою книгу?

Год заканчивался. Валентин Саввич не уложился в рамки своих планов, а ему так хотелось закончить «Фаворит» до Нового года. Он занимался перепечаткой, редактированием, вычиткой. «Доводка романа до ума» требовала ещё времени. «Еще немного, еще чуть-чуть...»

Но это самое чуть-чуть пришлось брать займы у следующего года.

Глава пятая. Эволюция поисков

От «Фаворита» к...

В первый день наступившего 1982 года Валентин Пикуль навёрстывал упущенное: написанные им 30 страниц были практически предпоследним шагом, завершающим многолетний труд по созданию исторического романа «Фаворит».

На следующий день вечером, зная симпатию Валентина к цирку, я позвала его посмотреть телевизионную программу. Честно говоря, моё приглашение было «с хитрецей». С одной стороны, мне хотелось доставить ему удовольствие, с другой стороны — узнать, как у него обстоят дела. Ведь я уже знала, что оторвать его от серьёзной работы невозможно никакими соблазнами. И потому, как Валентин легко прильнул к «ящику», я поняла: «в уме» роман уже закончен.

Действительно, после телепередачи Валентин завёл со мной разговор, который касался работ, подтверждавших мою догадку: надо приступить к вычитке и готовиться к поездке — отвозить рукопись.

3 января роман был закончен полностью.

Ну, наконец-то хоть теперь отдохнет, думала я о Валентине. Несколько дней вычитки — не в счёт. А затем хорошо бы, если б занялся портретами — это «санаторий» для его нервов и души. С такими мыслями я шла на почту за пришедшими в адрес Пикуля бандеролями.

Семь месяцев напряжённой работы требовали срочно расслабиться и дать отдых неустоимому труженику — вечно работающему мозгу...

Принесённые мною бандероли были как мои союзники: Геннадий Тимофеев из Нижнего Тагила прислал старые вырезки из газет и альбом о краеведческом музее. Валентин Саввич, как ребёнок, радовался альбому:

— Ты только посмотри, какие чудесные портреты... А вот этого портрета я не знал. Надо попросить Юрия Да-нилыча перефотографировать для коллекции.

Напряжённая, но не тягостная работа по вычитке романа заняла несколько незаметно пролетевших суток.

К моим замечаниям Валентин Саввич относился с вниманием, особенно благодарил за какие-то неточности и ошибки в описании исторических лиц и событий.

Именно в этот период многое в поведении Валентина было трудно объяснить. По натуре весёлый и жизнерадостный, он вдруг замыкался, часто внезапно уединялся в кабинете, что-то читал, просматривал, искал. То брал, чуть ли не подряд, ящики с картотекой, молча сидел и листал карточку за карточкой.

До сих пор мне не бросалась в глаза такая быстрая переменчивость в творческом настроении Валентина. Я решила не мешать — не усугублять его переживания, а дожидаться, когда Пикуль заговорит сам.

Наконец начало что-то определяться. Однажды вечером, встав после сна, Валентин сказал:

— Налей-ка чайку и садись, надо поговорить о дальнейших планах.

Расположившись поудобней, он занял место напротив.

— Сегодня ночью мне очень не доставало тебя, я даже хотел потревожить твой сон, — начал он.

Лицо его было сильно озабочено и лучезарно светилось необъяснимой загадочностью. И Валентин Саввич поведал мне, что вновь хочет сесть за

очередной роман, тему которого в полной мере ещё не определил.

— Давай подумаем вместе. Хотелось бы продолжить «Битву железных канцлеров», но второго Горчакова не найти. А что касается Николая Карловича Гирса, то это не та фигура, на которую можно опереться, хотя он и продолжил в некоторой степени политику Горчакова. Время это, мною любимое и благодатное, но не могу найти сильного героя. А так бы хотелось вновь окунуться в дипломатию.

Все заботы и неурядицы как будто уходили куда-то на задний план, глаза его загорались — так было всегда, когда он говорил о дипломатии.

— Сейчас я должен написать роман не хуже, а лучше всех предыдущих — и в творческом, и в интеллектуальном плане. Я уже поднял свою писательскую планку на определённую высоту, ниже которой опускаться не могу, не имею права, а самое главное — нельзя повторяться, надо сказать новое слово и в литературе, и в своей творческой биографии. Если этого сделать я не смогу, то я — не писатель.

Я решила не перебивать его, дать выговориться, облегчить душу, а заодно и вникнуть в творческие планы писателя. Я молчала.

А Валентин продолжал своё мысленное путешествие по временам и пространствам.

Бросая фразы на лету, он словно декламировал, иногда для убедительности дотрагивался до меня рукой, пытаюсь понять, согласна ли я с его мыслями.

— А что, если вернуться на Балканы, к братьям славянам, в те времена, когда Россия им неоднократно помогала?

И опять продолжительная пауза собирала в осмысленный клубок разрозненные мысли и слова.

— Да, пожалуй, так и будет, — медленно, почти по слогам произнёс Валентин Саввич. — А вот главным

героем будет разведчик. По материалам истории мне известно, как прекрасно работала русская разведка.

В дальнейших разговорах о разведчике он как-то задал мне вопрос, казалось бы, совсем не соответствующий теме.

— У тебя в библиотеке есть что-нибудь по мыловарению или костеобжиганию?

Такой сугубо специфический вопрос застал меня врасплох.

— Думаю, что практически ничего не найти, — ответила я.

Но предложила вариант:

— Если тебе не трудно, пойдем сегодня со мной в Дом офицеров на дежурство, я тебе открою библиотеку, и ты 3-4 часа можешь покопаться в книгах и посмотреть, что там есть.

И мы вместе отправились дежурить.

Заходя проводить трудившегося супруга, я видела на столе быстро увеличивающиеся горы литературы, но в них были только самые малые крупички того, что требовалось писателю. Шёл подбор материалов для одной из версий внедрения разведчика.

Так начинался роман «Честь имею».

— Ты очень волнуешься, сильно переживаешь за новую книгу, — посочувствовала я Валентину дома.

Ответ его впечатался в память, и я его записала:

«Когда дрожат все струны души писателя, тогда в ответ будут дрожать все струны души читателя».

Чай, чай, только чай...

«Налей-ка чайку и садись», — такими словами всегда приглашал меня к разговору Валентин.

Он садился удобнее, расслаблялся, делал несколько смачных глотков, закуривал и после небольшого

раздумья начинал беседу. Такой неторопливый ритуал накладывал отпечаток на его речь: все слова Пикуля были как бы сдобрены ароматным удовольствием от чаепития.

Любовь Валентина Саввича к чаю не имела границ — без чая он не мог прожить и четверть дня. Ни один напиток он не употреблял так часто и в таком количестве.

На мои недоуменные вопросы, почему он мало кушает и так много принимает жидкости, отвечал поговоркой:

— Чаю не попьёшь — откуда силы возьмешь. Нет, совсем не случайно чай, открытый несколько столетий назад и завезённый в Россию в качестве подарка царю Михаилу Фёдоровичу, так быстро покорила Русь.

Пикуль любил колдовать у плиты, и даже постороннему глазу было видно, что процесс заварки чая не только доставлял ему наслаждение, но и окрылял, давая зарядку на предстоящую работу. Если впереди вырисовывалась трудная тема, он чаще обычного заваривал «первач» и приступал к осуществлению своей цели.

Валентин имел свой, проверенный, только ему известный (им изобретённый) способ заварки чая. Впервые попавший в наш дом человек удивлялся кухонному «миниреактору», работающему в непрерывном режиме и почти круглосуточно извергающему пар и аромат. На медленном огне газовой плиты стоял кофейник с кипятком, на нём, как на постаменте, возвышался литровый чайник с заваркой. Таким образом, в любое время дня и ночи в наличии был готовый чай. Два-три раза в сутки Пикуль производил «перезаправку котла с ядерным горючим», дабы чай имел кондиционную крепость.

Чтобы был понятен вкус Валентина Саввича, скажу образно: через стакан приготовленного им чая очень

удобно было бы смотреть солнечное затмение. Пил свой чифирь, или «первач», как любил называть его писатель, всегда без сахара, без всяких варений, сливок и тому подобного. Бывало, случайно отглотнет из моей чашки и скажет, почти поморщившись:

— Как можно пить такой сладкий чай — невозможно почувствовать ни вкуса, ни аромата...

Долгое время хозяин агрегата работал на нём только сам, но потом, убедившись, что я точно соблюдаю весь «технологический процесс заварки», стал не только доверять, но и просить меня приготовить чай. И был очень благодарен, когда, проснувшись, видел «первач» на огне.

В нашей домашней почте чай — одно из распространённых действующих лиц. Валентин Саввич просит: завари, включи, купи, погаси и так далее.

Вспоминаю самое первое совместное чаепитие в моем кабинете (в библиотеке Дома офицеров) при знакомстве с писателем.

Наливаю кипяток из самовара и добавляю немного крепкой заварки из маленького заварного чайничка.

— Извините, я такой «перепуганный» (то есть — бледный. — А. П.) не пью. Мне, — просит он, — только из этого чайничка.

Я была смущена, ибо приготовленной мною заварки не хватило даже на одну чашку...

Как настоящий гурман и титестер, Пикуль по вкусу мог легко определить сорт предложенного чая. Особенно ему нравился индийский (крупнолистовой), достававшийся Валентину Саввичу заботами контр-адмирала Е. Г. Малькова. О своей слабости к чаю Пикуль однажды сказал в одном из интервью и затем сожалел: он чувствовал себя неудобно, получая от читателей посылки с красивыми коробками чая. В таких случаях он отрывался от работы и садился готовить ответные подарки — подписывал свои книги.

Любовь к чаю, как мне думается, усилила влечение Пикуля к творчеству талантливого и самобытного художника Бориса Кустодиева с его великолепными полотнами: «Купчиха за чаем», «Московский трактир», «Ярмарка», «Чаепитие», где по-русски размашисто, красиво и неповторимо воспроизведены обычаи и традиции совсем недавней отечественной истории.

Чай, чай, чай... Чтобы рассказ о роли чая в жизни Пикуля был полным, надо остановиться еще на одном сюжете.

В самом начале нашей совместной жизни у Валентина Саввича болели почки — камешки, засевшие в них, давали о себе знать. Рекомендация врачей гласила: «Или операция, или... идите к бабкам».

В те времена на рынке благородные старушки — искусные целительницы многих человеческих недугов — продавали различные травки. Мы с Валентином долго блуждали из-за собственной нерешительности, пока не подошли к одной из них, красивой в своей старости, носившей простое русское имя Маня. Перед ней, как в гомеопатической аптеке, были разложены травки. Каждая в отдельном чистеньком хлопчатобумажном мешочке с надписью о том, когда и где собрана. А уж от какой болезни и как употреблять — это она знала наизусть.

И когда «Манин чай» заставлял отступить очередную надвинувшуюся боль, Валентин Саввич удовлетворённо, но иносказательно говорил:

— До чего же всё-таки великая вещь — передаваемая из поколения в поколение человеческая мудрость. Вот она-то и есть история, без которой дело — труба...

Не одну историческую миниатюру посвятил Пикуль соратникам Гиппократу.

Собирал он библиографию и по истории развития чайного дела в России. Однажды в одной из бесед за

чашкой чая Валентин показал мне портрет.

— Ты знаешь этого человека?

Я не знала.

Судя по тому, как свободно и много Валентин о нём рассказывал, приводя документы его биографии, я поняла, что этот человек и его судьба близки и интересны писателю.

— Я чрезвычайно люблю и высоко ценю его и как человека, и как учёного, — сказал в заключение Валентин Саввич. — Он внёс неоценимый вклад в развитие, усовершенствование и культивацию чайного куста в нашей стране. Имя этого замечательного геоботаника — Андрей Николаевич Краснов.

И Пикуль дал мне поручение — найти последние материалы о производстве и потреблении чая в нашей стране. Несмотря на все мои старания, сделать я этого не смогла: советская статистика тех времён приводила только те позиции, по которым мы были в лидерах. Цемент — это да! А что чай?

Беглый взгляд на полки магазинов убеждал: чай не цемент и здесь нам хвастаться нечем, а следовательно, как было принято, лучше промолчать.

Воистину: чтобы сказать правду — её надо сказать, а чтобы соврать — иногда достаточно промолчать.

Но, видимо, не только поэтому не состоялась задуманная Пикулем миниатюра. А жаль... Уверена, что это была бы прекрасная ода в честь чая.

Подарки и не только

В день рождения Валентина, возвращаясь с работы, я зашла на почту. Среди полученной корреспонденции было и письмо из писательского союза.

— Неужто поздравление Пикулью?

В конверте оказалась рецензия В. Горегляда на «Три возраста Окини-сан».

Я уже упоминала, что редакция заказала на роман три рецензии. Две из них, С. Тхоржевского (литературная) и И. Козлова (специальная), были положительными. А вот полученная в «подарок» ко дню рождения — резко отрицательная. На ней я и останавлиюсь подробнее. И в этом нет никакой предвзятости, что доказывается весьма просто и популярно.

Пикуль никогда не только не имел, но и сам никогда не подбирал себе рецензентов. Его личным цензором был собственный и, судя по многочисленным отзывам читателей, весьма неплохой вкус. Рецензентов всегда назначало или выбирало (не знаю, как правильно выразиться) издательство.

Чтобы громогласно сказать или написать добрые слова в адрес Пикуля в то время, нужно было иметь определённое *гражданское мужество* и быть готовым принять на себя часть нападков всех, жаждущих дёшево заработать приличные дивиденды. Приличные — это в том смысле, что большие и никакого отношения к слову «приличие» не имеющие.

К таким, на мой взгляд, относится Горегляд.

Прочитав роман, он пришел к выводу, что у автора нет марксистско-ленинского понимания исторических событий и классового подхода к оценке героев. Строго следуя обычным канонам марксизма-ленинизма, рецензент находил подпорки своим шатким аргументам, ссылаясь на труды людей более известных.

Пригласив в союзники Ленина, Горегляд нотационно наставлял: «Нужно избегать упоминания о действительных (?! — А. Л.) или мнимых пограничных конфликтах. Они могут послужить лишь дальнейшему раздуванию антисоветской пропаганды...»

Чтобы взгляд на правду выглядел поприличнее, на помощь призывался Горький.

«К историческому роману, — писал в рецензии Горегляд, — более всего приложим горьковский принцип — если художник говорит: “Я писал правду”, мы (? — А. П.) вправе спросить его, какую (?! — А. П.) и зачем...»

Вот так! Ни больше ни меньше.

А если разобраться по существу вопроса — литература — это «одна из видов проявления свободного творчества», и никаких предписаний свыше по этому вопросу быть не может: только автор «вправе решать выбор темы и материала, только автору предоставлено право акцентировать внимание читателя на тех или иных проблемах». И, наверное, не найдется такого автора, который бы не знал, ради чего он пишет.

Для Валентина Пикуля правда была понятием целостным, однозначным, не нуждающимся в прилагательных.

Хотя рецензент обладает правом только совещательного голоса, издательство среагировало на клеветнический приговор Горегляда, который гласил: «Главные пороки романа в том, что все его герои, от матроса до аристократа, имеют одинаковую психологию — мелкого торгаша, одинаково безграмотны и одинаково пошлы. Целые народы — русские, англичане, китайцы — обливаются грязью... Роман В. Пикуля *“Три возраста Окини-сан”* печатать нельзя».

Автору было предложено *переработать* роман, устранить недостатки, а также «доработать» образ А. В. Колчака: «Нет необходимости напомнить о том, что заслуги Колчака как военного специалиста не могут заслонить тот факт, что он был злейшим врагом советской власти. Чёткость классовых оценок — одно из важнейших требований к историческим произведениям, особенно такого масштаба, как Ваше...»

Другой вопрос касался образа вице-адмирала *З. П. Рождественского*: «Вы изображаете Рождественского чуть ли не героем Цусимы... Создавая живой образ реального исторического лица наряду с положительными, симпатичными Вам чертами показать его недостатки, ошибки, которые привели русский флот к катастрофе».

Что и говорить, «посрамление» при Цусиме было слишком жестоко, но виновных в этой трагедии нужно искать в высших эшелонах власти, — повторял Пикуль, раздумывая над судьбой романа и его героев. Пойти на поводу у редакции — значит, уничтожить идейный стержень произведения, пересмотреть свои взгляды на события истории и своих героев.

Пикуль был уверен в своей правоте. Рукопись романа положил в стол.

— Ну, вот и подарок ко дню рождения, — как будто поморщившись, улыбнулся Валентин.

В ответ на редакционное заключение, подписанное исполняющим обязанности главного редактора Цукановым и старшим редактором Зубковой, Валентин Пикуль писал:

«...Получил рецензию В. Горегляда, с *выводами* которой я *не согласен*. Мне думается, автор вышел за рамки литературной и специальной критики, переведя всю озлобленность ко мне в иную плоскость, очень далекую от литературы... Нет у меня пошляков, как нет и торгашей... И “гнев писателя” сосредоточен не на англичанах, а на подлейшей “викторианской” политике колониальных захватов, не на несчастных китайцах, которым писатель выказывает авторское сочувствие, а на омерзительном правительстве императрицы Цыси...»

Пикуль отказался калечить роман. Произведение не было опубликовано до 1984 года, но об этом поговорим в своё время...

На следующий день к нам явился Юрий Михайлович Лебедев с любезным приглашением отметить День строителя на природе — в лесу у воды. Офицер Лебедев отвечал в морском ведомстве за строительство и в свой профессиональный праздник не мог обойти вниманием любимого писателя, с которым его связывали тёплые дружеские отношения.

Не могу не вспомнить первого посещения щедрым Юрием Михайловичем писателя Валентина Пикуля, меж строчек описания которого читается очень и очень многое.

Осмотрев квартиру, в которой, кроме книг, ничто не могло привлечь к себе любопытство посторонних глаз, Лебедев с какой-то удивленной растерянностью просто и по-доброму предложил:

— Валентин Саввич, у меня сейчас есть свободные деньги, я бы мог вам помочь материально. Не стесняйтесь, скажите, сколько вам нужно...

Пусть каждый читатель прокомментирует это сам...

Но вернёмся к приглашению, которое, сами понимаете, мы с радостью приняли, поскольку были к нему не только готовы, но и как бы ждали.

Катание на лодках, шашлыки, песни у костра в компании замечательных людей — это был праздник. Для Пикуля это была разрядка, сдвинувшая его с мёртвой литературной точки.

Он продолжил работу над портретами, чередуя её с чтением, размышлениями и разговорами по поводу того, что писать дальше: иезуитов, «Честь имею» или остановить своё внимание на викингах.

14 октября Пикуль получил из Ленинграда объемную корреспонденцию с замечаниями и уточнениями по «Фавориту».

Предстояла серьёзная работа по доведению его до кондиции...

Доводка «Фаворита»

Читатель уже знает, что перед выходом книги рукопись проходит рецензирование. Вполне понятно, что редакции небезынтересно знать мнение специалиста. Для исторического романа такими специалистами являются чаще всего филолог и историк. «Фаворит» Валентина Пикуля был удостоен особой чести: на него потребовали ещё и *коллективную (как на фундаментальный учебник) рецензию*, без которой браться за издание нового романа в той обстановке было чревато...

Итак, рецензентами стали:

Кафедра истории СССР ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова (называю по-старому, хотя нет уже ни государства СССР, ни Ленинграда, ни Жданова, ни...);

Доктор исторических наук Ю. А. Лимонов — старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР;

Доктор филологических наук Г. Н. Моисеева — старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

Надо отдать должное — это были высокопрофессиональные научные рецензии с глубоким, дотошным (в хорошем смысле слова) исследованием конкретной исторической эпохи и её интерпретации в произведении.

Как и принято, в рецензии коротко, но весомо упоминалось об основных достоинствах романа и главное внимание сосредотачивалось на недостатках (ошибках и неточностях), устранение которых, по мнению рецензентов, должно было способствовать улучшению книги. А критики в рецензиях было немало.

В одном из телеинтервью на вопрос об отношении к критике Валентин Саввич ответил так: «Я её не читаю. Я был бы большой негодяй, если бы читал о себе положительные статьи и не читал бы отрицательных. Я поступил честнее — не читаю ни тех, ни других».

Может сложиться впечатление, что Валентин вообще игнорировал мнения других людей. Хочу заверить, что это далеко не так, вернее — не совсем так. Он очень *внимательно относился к критическим замечаниям ДО выхода книги*, всё учитывал, подправлял, выхаживал своё дитя, как младенца. И мало беспокоился о нём уже тогда, когда он пошёл «своими ножками», тем более что и сам Валентин уже окунался в другую стихию или эпоху. А с рецензиями он работал скрупулезно.

Вот, например, рецензия Г. Моисеевой: идут постраничные замечания... На полях рукой Пикуля сделаны пометки: «исправлено; изъято; ненужное исключено; подправлено; изъято, хотя это правда».

Напротив абзаца с замечанием, что «цитаты из манифестов, писем и других подлинных документов XVIII века необходимо дать по современной орфографии, как принято в современной текстологии», его резюме: *«Этого делать ни в коем случае нельзя. Документы не исправляют».*

Мнение Пикуля о Е. Р. Дашковой было отлично от принятого, которого придерживалась и Г. Н. Моисеева, но спорить и что-то доказывать он не стал. Что сделал, то и пометил на полях: «Дашкову убрать». А на словах свои действия прокомментировал так: «Уберём! Пусть останется для истории. Время рассудит — кто прав».

«Уберём!» — Пикуль не отступал, он уступал времени и ситуации. Но даже отступить — ещё не значит сдаться.

На тридцати страницах рецензии Ю. Лимонова также было много дельных замечаний, учтённых

автором. Так, по рекомендации рецензента Валентин Пикуль расширил тему восстания Пугачёва, сократил материал по разделу Польши, который мог вызвать, по словам осторожных людей, «нежелательные международные нюансы».

Кстати, писатель, несмотря на обилие материала, не стал подробно раскрывать образ Пугачёва, видевшегося ему далеко не таким, с которым познакомился в школе. Боясь быть непонятым и сознавая несвоевременность и потому безнадёжность попытки сломать стереотип «народного героя», Пикуль не стал «дразнить гусей». А не для публикации говорил:

— Ещё неизвестно, куда привёл бы этот бандит и убийца крестьянский люд, осатаневший от воли и осчастливленный разбойничьими подачками.

Окончательные выводы рецензентов несли приблизительно одинаковую смысловую нагрузку:

«Талантливая и патриотическая книга Валентина Пикуля не должна иметь неряшливостей ни в содержании, ни в литературном стиле. Новый исторический роман Валентина Пикуля “Фаворит” после научного редактирования может быть рекомендован к печати» (Г. Моисеева).

«Первое и основное заключение по всей рукописи — она читабельна. Роман интересен, насыщен фактическим материалом, основные оценки правильны... Сделано всё это В. Пикулем ненавязчиво, без излишней патетики, но конкретно и ярко. Думается, что эта главная заслуга автора. Но есть и недостатки. Они отмечены в рецензии... Они легко устранимы. При условии учёта замечаний редактора и рецензента роман может быть издан» (Ю. Лимонов).

Были ещё и отзывы. Но чтобы не утомлять читателя, приведу лишь одну запомнившуюся мне фразу из отзыва А. В. Гу-лыги: «Пикуль смыкает недобросовестные подмалёвки, нанесённые

антипатриотической рукой на портреты русской императрицы Екатерины, её соратников и приближённых».

Повторюсь, отдавая дань мужественным людям, которые, не имея никакой личной корысти, заботясь только о русской исторической литературе, своей принципиальной гражданской позицией открыли шлагбаум для встречи пи-кулевского «Фаворита» с читателями.

Вышеназванные рецензии не препятствовали выпуску книги, но издательство хотело иметь ещё и заключение кафедры — научного коллектива профессиональных историков.

Поступление такого документа задерживалось, и в университет отправился представитель издательства. Оказалось, что заведующий кафедрой болен, хотя сам уже ознакомился с рукописью и письменно изложил свои замечания, в общем и целом одоблив роман.

Профессор, руководивший кафедрой в отсутствие заведующего, решил провести заседание. Попытаться получить положительный отзыв на уже имевший рецензентское «добро» роман «Фаворит» было поступком почти дерзким, требующим виртуозной изобретательности, прежде всего потому, что большинство коллег рукопись книги... не читали.

Можно было бы отложить рассмотрение вопроса на полгода, год. Все бы ознакомились. А Пикуль и читатели — они бы подождали. Безропотно.

Но заседание кафедры состоялось.

Вопрос был поставлен приблизительно так (пишу «приблизительно», поскольку не была свидетелем и очевидцем происходящего):

— Есть ли у кого сомнения в научной компетенции заведующего кафедрой и можно ли доверять его мнению?

Коллег, сомневающихся в компетенции крупного учёного, не было, доверие — единодушное.

— Тогда давайте своими подписями подтвердим солидарность с мнением нашего руководителя о книге Валентина Пикуля «Фаворит», — предложил ведущий заседание.

Пробежав глазами заключение, написанное заведующим кафедрой, присутствующие поставили свои подписи.

Так «Фаворит» сделал ещё один важный шаг на пути «в люди».

Три недели — в меру сил, я помогала Валентину в его работе по доработке рукописи и её сокращению — он правил на двух экземплярах рукописи, я переносила правку на две другие страницы рукописи. Уточняла замечания рецензентов и находила нужные места. Пикуль правил. В дальнейшем он дописал сцену отравления Потёмкина, а я подсчитала сокращения, чтобы точно уложиться в обусловленный договором листаж.

29 ноября 1982 года наша ленинградская студентка-экспедитор повезла сокращённую и доработанную рукопись в издательство.

Обращаясь не столько к Марине, сколько к своему «Фавориту», Валентин Саввич пожелал на дорогу: «С Богом! В добрый путь».

Глава шестая. Творческая лаборатория писателя

Его библиотека

Чтобы в полной мере оценить Валентина Пикуля как творческую личность, следует ознакомиться с *библиотекой* и другими «боезапасами» литературного арсенала писателя: коллекцией или галереей русского портрета, портретной картотекой, картотекой исторических лиц.

На этих «китах» базировалась творческая лаборатория писателя.

Валентин Саввич говорил по этому поводу: «Когда я почувствовал, что буду историческим романистом, тогда об этом никто ещё даже не подозревал, я начал собирать библиотеку “с нуля”. Свою, нужную мне библиотеку, по всем отраслям знаний, в первую очередь уделяя внимание документальной исторической литературе».

На этом пути человека поджидает огромное количество ошибок и разочарований. Но «когда библиотека собрана и прочитана, тогда усилия и затраты будут оплачены сторицей: наградой будут новые знания, которые начнут работать...» — приблизительно так рассуждал или, возможно, цитировал кого-то Валентин Саввич.

Книга... Поклонение и любовь к ней, как к божеству, и жалость, как к беззащитному существу, осталась у Валентина с юных лет. Он не раз вспоминал печальную картину военных времен, представшую перед глазами соловецкого юнга: груды старинных фолиантов в золочёных, уже покрытых плесенью переплётах,

сиротливо доживающих свой век под куполом разрушенного храма.

— Как не додумались мы сохранить всё это? — задавал себе вопрос Пикуль. И отвечал: «Шёл страшный второй год войны. Не до этого было...»

Библиотека Пикуля насчитывает около десяти тысяч книг (около четырёх тысяч были привезены им из Ленинграда) — это особая радость и гордость писателя. Многие ценные и редкие книги были куплены на ленинградских книжных «развалах». После войны можно было купить много ценных и интересных раритетов, но, к сожалению, тогда не было ресурсов. А когда появились деньги — книга стала дефицитом.

— История такая наука, — говорил Пикуль, — которую можно изучать не только в стенах университета. Для этого нужно большое желание, настойчивость и интерес к материалу. Всё это я получал сначала в публичной библиотеке, а потом — в домашней.

Валентин Пикуль на всю жизнь остался самоучкой. Но каким самоучкой! Каждый день ему требовалась определённая «доза» знаний. Он прочитывал не менее сотни страниц в сутки и ещё несколько просматривал. По гамме карандашных пометок (каждый раз он брал карандаш другого цвета) можно определить, сколько раз книга была в работе. Обязательно выделял подчёркиванием главную мысль.

По пометкам, сделанным в книгах, можно судить об отношении писателя к прочитанному источнику: «хорошо!», «очень хорошо!», «вранье!», «это неправда!».

«Книгу не использовал в работе, не верю, что так было»... и сколько раз книга была прочитана...

Помимо разного рода замечаний, Валентин дополнял автора, указывал источник, где ещё об этом персонаже или событии можно почитать (здесь

Валентин выступал в роли библиографа). Нередко использовал дополнительные знаки, таким образом, высказывая своё отношение к тексту.

Когда Валентин Саввич болел или когда творческое вдохновение покидало его, я чаще, чем обычно, заходила в книжные магазины и приносила ему «эликсир здоровья» — так он называл книги. При отборе изданий для библиотеки он всегда руководствовался не ценой или уникальностью, а тем, будет ли нужна книга в работе: «Я не стал библиоманом. Для меня ценность книги не в том, что она является уникалом, — иногда даже копеечная брошюра становится драгоценностью, если она нужна для работы».

Из книжной мудрости Пикуль черпал все свои знания. Это были его университеты.

Как писатель, разрабатывающий историческую тему, Валентин в первую очередь придавал огромное значение *историческим документам*.

Самыми старинными раритетами в личной библиотеке В. Пикуля являются книги времён Анны Иоанновны. Долго и внимательно подходил автор к образу Анны Иоанновны и Бирона. В исторической литературе образ Бирона противоречив. Пикуль, проштудировав многие документы эпохи, нашел в образе И.-Э. Бирона многие положительные черты, которых так недоставало Анне Иоанновне.

При работе над «Фаворитом» многое прояснили писателю «Записки Екатерины II», которые дали богатый материал о жизни и деятельности многих выдающихся личностей второй половины XVIII века.

Уже при работе над «Фаворитом» Валентин Пикуль неожиданно получил приглашение из Ленинграда — приехать и ознакомиться с перепиской Екатерины II и Потёмкина.

— Спасибо за внимание, заботу и подсказку, но эта переписка стоит у меня на полке, опубликованная в

журнале «Русская старина», без неё я бы не сел за роман, — ответил Валентин Саввич. Записки статс-секретаря императрицы Александра Васильевича Храповицкого прояснили Пикулю многие события того времени.

К сегодняшнему дню библиотека Пикуля по своему качеству представляет собой уникальную *коллекцию*. Многие книги писателя книголюбы называют раритетами и суперраритетами.

Дополняют книжный исторический фонд многочисленные комплекты журналов и других *периодических изданий XIX и XX* начала века.

А на полках, кроме этого, стоит еще много редчайших, можно сказать уникальных документов, большинство из которых переплетены в кожу и украшены золотым орнаментом. Таких как «Архив Раевских», «Архив Императорских театров», папка с анкетами членов Государственной думы, заполненными ими собственноручно, Дневники особ Императорской фамилии...

Наиболее полно представлены в собрании Пикуля книги по истории, политике, дипломатии, праву, географии, медицине, статистике, философии, религии.

Но особое внимание при комплектовании библиотеки он уделял *справочной литературе* по всем отраслям знаний, чтобы в любое время, не выходя из кабинета, получить ответ на интересующий вопрос. Справочная литература необходима в работе всегда: она дает ключ ко многим духовным ценностям. Если писал на историческую тему — советскими справочниками не пользовался, лишь изредка заглядывал в «Советскую историческую энциклопедию». Но и к ней перестал обращаться после одного нелепого случая:

— Найди мне дату переезда Троцкого в Мексику, — попросил он меня.

Листая страницы энциклопедии, я не обнаружила Л. Д. Троцкого, как историческую личность, а нашла статью «троцкизм».

Поскольку энциклопедия выпускалась в 1970-е годы, я решила заглянуть в более поздние справочники. Но и в «Советском энциклопедическом словаре», вышедшем в 1982 году, Л. Д. Троцкого не оказалось, хотя статья «троцкизм» в сокращённом виде напечатана.

— Что за ерунда, — возмущался Пикуль, — «троцкизм» есть, а его главного идеолога и создателя — нет. — Вот и верь после этого советским справочникам...

Гордость и особое уважение хозяина библиотеки вызывали «Некрополи...» и книги по генеалогии, которые постоянно находились в работе. Литература по истории родов, сословий, губерний издавалась небольшими тиражами, но она давала возможность проследить путь героя от рождения до смерти. Пикуль должен был знать, где закончил свой земной путь его герой... Необходимо подчеркнуть, что литературы по генеалогии часто не хватало, тогда Пикуль брал лист ватмана и на нём «вычерчивал» жизненный путь своего героя.

Постоянно в поле зрения писателя, из которого он черпал знания или проводил сверку, находился одготомник историка Л. М. Савёлова, первого профессора-генеалога в России, читавшего курс отечественной генеалогии в Московском университете.

Для исторического романиста важно знать не только жизненный путь своего героя, важно знать, где его герой нашел последнее пристанище: «Пожалуй, нигде нет более правдивых данных о человеке, нежели в надгробных надписях».

На следующей полке библиотеки размещаются книги по русской геральдике.

Две стены со стеллажами занимают *книги по искусству*: в кабинете — альбомы с репродукциями зарубежных художников, в «портретной» — альбомы по русскому искусству, воспоминания и монографии. На отдельном стеллаже расположены книги, посвященные жизнеописанию гениальных и талантливых, великих и крупных, знаменитых и популярных артистов, композиторов, балерин и балетмейстеров, музыкантов, клоунов, иллюзионистов...

Диапазон интересов Пикуля был практически необъятен: библиотека пополнялась *по всем отраслям знаний*. Иностранные словари по большинству распространённых в Евразии языков соседствуют с необычными книгами — документальными «изюминками» прошлого: «Энциклопедия остроумия», «Меткое слово» или «Словарь жаргонов».

Само собой разумеется, что в «запаснике» библиотеки сосредоточены книги по военной (*по всем родам войск*) и особенно по военно-морской тематике.

Книги, книги, книги... Они давно оккупировали кабинет Валентина Саввича, пошли в атаку на все комнаты, штурмом захватили коридоры и простенки, вплотную приблизились к кухне. Несмотря на множество книг, каталога личной библиотеки при жизни писателя не было. Часто возникал вопрос: как Пикуль ориентировался в этом огромном собрании книг, ведь в нём было легко заблудиться? На деле получалось наоборот. Практически Валентин Саввич знал свою библиотеку «наизусть»: он помнил каждую книгу, где она лежит, какие материалы содержит. Когда возникал какой-то вопрос, он подходил к полке, брал книгу и (удивительно!) открывал почти на нужной странице. Он мог ориентироваться в своём огромном собрании даже с закрытыми глазами.

Но когда книга находилась не на своем месте или была раскрыта, он не мог её найти.

Настоящим праздником для писателя было посещение букинистических магазинов. Первое время он покупал много книг, ибо выбор был богаче, но с течением времени поступления стали скуднее, да и библиотека была довольно хорошо укомплектована, а собиратель становился всё более знающим и разборчивым.

Нельзя сбросить со счетов и заботливое отношение к Пикулю друзей и знакомых, и совсем незнакомых читателей. Множество книг в библиотеке Валентина Пикуля составляют подарки читателей и почитателей его таланта.

Внимательное знакомство с библиотекой Валентина Пикуля, с особенностями и качеством собранных им изданий проясняет многие черты его писательской манеры — обильное использование документальных свидетельств, россыпь интереснейших подробностей быта и обычаев описываемой эпохи. В пометках цветными карандашами на страницах книг можно найти подтверждение достоверности и реальности существования самых на первый взгляд причудливых событий и лиц.

Если бы случилось чудо и можно было бы быстро издать аннотированный каталог личной библиотеки писателя, многие спекулятивные факты рассеялись бы, и самое главное, писатели, учёные и просто люди, интересующиеся историей, получили бы неоценимое подспорье для творчества, пополнения знаний, для самообразования.

Однако знакомство с книжным собранием Валентина Пикуля — это лишь *один взгляд* на его творческую лабораторию.

Портретная галерея

«В своей работе я чаще обращаюсь к портретной галерее или портретной картотеке, чем к персональной, в ней вижу не только лицо героя, но, что важно, генеалогические корни моего героя».

Коллекцию портретов (иначе будем называть — галерею портретов), как и портретную картотеку, Валентин Саввич начал собирать в юности. Несмотря на молодость, у него именно в тот период проявилась зрелость ума, ибо уже тогда он понимал необходимость и чувствовал потребность, прежде чем писать о каком-то историческом лице, — пристально взглядеться в его обличье и глаза.

При внимательном изучении портрета по прическе, одежде, наградам и мелким деталям произведения можно порой почерпнуть самые неожиданные и любопытные подробности быта той стародавней поры.

Вначале Валентин коллекционировал открытки, поскольку денег на альбомы не было, но со временем, когда материально окреп, за любую цену покупал нужные альбомы, старые журналы и книги, календари, каталоги музеев и выставок по истории портрета. Особенно ценил каталоги провинциальных музеев, малодоступные, ввиду небольшого их тиража, широкому кругу специалистов.

Приобретал такие издания обычно (точнее, если счастливо удавалось) в трёх экземплярах: один ставил на полку, а два других, ввиду того что портреты печатаются с обеих сторон листа, разрезал для размещения в коллекции.

Чтобы иметь хоть самое малое представление об объёме коллекции, скажу одно: она, расставленная на стеллажах в папках-скоросшивателях, занимает целую длинную стену от пола до потолка. Репродукции портретов, выполненных маслом, красками, карандашом, тушью или сангиной, расположены в

алфавитном порядке по фамилии изображённого лица, начиная от Аарона и кончая Ящур-жинским.

Превосходные портреты, исполненные рукой великих мастеров, воскрешают мир ушедшего времени. И проплывают перед взором отдельные персоны, представляющие кто строчку, кто страницу в многотомной книге истории человеческого бытия.

Смотришь на важных вельмож, красивых (любивших и любимых) женщин, героев войн, побеждавших и тем прославлявших Отечество, и испытываешь благодарное волнение от предоставленной тебе возможности прикоснуться к величественному прошлому, любуясь портретным благородством предков.

А от нашего времени останутся в большинстве своём, пусть даже цветные, но... фотографии. Да, сейчас у каждого человека есть многочисленные его фотографии. И как мало людей, которые имеют возможность созерцать свой писанный портрет.

А если задуматься — какая огромная разница между фотографией и портретом.

На фотографии лицо или фигура — это копии, показывающие, каким тебя видит через объектив механизм. А на портрете твой лик — творение, показывающее, каким тебя видит со стороны окружающий люд.

Шаржи и карикатуры, которые также очень любил Пикуль, часто несут намного больше сведений о характере человека, чем его фотография.

На фотографии — внешность. На портрете — облик.

Улавливаете отличительную тонкость?

Фотообъектив скользит по поверхности, и только глаза художника проникают вглубь, высвечивая загадочные красоты человеческой души.

Работа над портретами ежегодно состояла из нескольких «заходов». Валентин обращался к коллекции, когда появлялась необходимость пополнить

запас знаний, разнести по папкам и картотеке накопившиеся новые материалы, выйти из трудного «затыка» или просто отдохнуть после очередного романа.

Впрочем, коллекция портретов и картотеки всегда были в работе: к писателю часто обращались искусствоведы из разных музеев страны с просьбой выяснить, кто изображен на портрете. И Валентин Саввич нередко помогал, ибо память на лица, даты, генеалогические связи у него была феноменальной. Не верилось, что такой объём знаний, событий, исторических лиц может охватить один человек.

Писатель часто получал письма от людей, которые среди героев исторических романов находили своих предков. Многие корреспонденты, давным-давно утратившие собственные корни, уже не чаяли, что когда-нибудь смогут восстановить историю своего рода. Они просили о помощи, и Валентин охотно помогал, даже если ради этого приходилось откладывать собственные дела. В генеалогии он чувствовал себя как в родной стихии и состоял в переписке с потомками герцога Пармы, Армфельдта, Лесли, Кашки-ных, Жуковых, Лобановых-Ростовских, Львовых и других корреспондентов, чьи предки пролили немало крови за честь России и славно потрудились во имя её процветания и возвеличивания.

Оформление портретной коллекции требовало помимо умственных немало и физических усилий, на которое к тому же уходило довольно много времени.

Необходимо было довести «до кондиции» заводские папки-скоросшиватели, снабдив их верхней «закидушкой» (выражение Пикуля), чтобы размещённые в ней портреты не пылились. Для этого Валентин Саввич сам прессовал картон, наклеивал на него кожу или дерматин и скреплял изготовленную «закидушку» со скоросшивателем. Портретная

коллекция в это время напоминала переплётный цех. С помощью многочисленных приспособлений самоучка-переплётчик выполнял работу, знакомую ему с давних лет: в несытую молодость он сам переплетал все редкие ветхие книги своей библиотеки. Стоящие на полках, они, может быть, и не так красивы внешне, но сработаны добротнo и, главное, с любовью.

Следующий этап работы — изготовление паспортов. Это нарезание стандартных листов из плотного зелёного картона, на который впоследствии наклеиваются портреты и помещаются в папки.

Этому этапу предшествовала подготовка, похожая на ритуал. Дело в том, что к качеству картона Пикуль предъявлял высокие требования: вполне определённые и цвет и плотность. Вот и ходили мы из магазина в магазин, сравнивали, выбирали.

И когда находили приемлемое, нагружались и пешком добирались домой: машины тогда ещё не было, а везти пассажиров на короткое расстояние не каждый таксист соблаговолит. Поэтому дальновидный Пикуль для такого важного мероприятия выбирал погожий, солнечный день, чтобы бумага не покорибилась от влаги. Взвалив на плечо похожий на бревно рулон картона, Валентин Саввич шутил: «Как Ленин на субботнике».

Придя домой, трудяга-коллекционер, как заправский точильщик, правил свои широкие ножи с короткими лезвиями и сразу, пока не деформировался картон, брался за работу: нарезал листы, прокалывал их дыроколом и складывал в шкаф. Сорванные мозоли аккуратно бинтовал и никогда не пользовался перчатками, утверждая, что их применение отрицательно сказывается на качестве «конечного продукта».

Среди портретов представителей русского дворянства, купечества и чиновничества нередко

можно встретить иностранцев, которые, живя в России, верой и правдой служили нашему Отечеству в разных сферах деятельности: военные и дипломаты, писатели и врачи, художники и зодчие... Писатель учитывал их в своей коллекции «Русский портрет» наравне с истинными россиянами.

— Раньше, — говорил Валентин, вспоминая об иностранцах, — в России жили так, что к нам ехали, а не от нас бежали. А нынешние правители довели страну до такой нищеты, что скоро добрая половина россиян разбежится.

Действительно, куда ушло величие России, на протяжении веков создаваемое нашими умными царями-императорами?

Кто ответит, чья заслуга в том, что русские эмигранты Шаляпин, Бунин, Тургенев, Рахманинов, Коровин, с одной стороны, до конца дней *остались русскими* и, с другой стороны, *стали русскими*, посвятив свою жизнь России, итальянцы Росси и Растрелли, француз Петипа, шотландец Барклай де Толли?

Сам Валентин Саввич очень болезненно воспринимал миграцию из страны. По истории прошлого он знал, что раньше многие россияне ездили за границу отдыхать, учиться, стажироваться, но всё это делалось для того, чтобы, приобретая там знания и опыт, принести как можно больше пользы Отечеству.

— Родина всегда одна, — говорил Пикуль, — и надо принимать её такой, какая она есть, и делать всё возможное, чтобы изменить жизнь к лучшему...

Портретная и историческая картотеки

На каждый собранный портрет Валентин заводил карточку и ставил портретную картотеку. Это досье на портрет. Здесь содержатся сведения о художнике,

писавшем портрет, времени его создания, виде исполнения, размерах, откуда поступил или по чьему заказу писан, где хранится, есть ли копии, какие ещё портретные или скульптурные изображения данной персоны существуют, генеалогические связи и другие ценные сведения.

В портретной картотеке писателя собраны, к примеру, не единичные, а многочисленные портреты исторических лиц, о которых он писал. Картины, гравюры художников прошлого и настоящего. Чем они были для Валентина Пикуля? Соавторами, согероями его книг? Скорее всего, и тем и другим. Достаточно протянуть руку, открыть папку... И идёт уже доверительная, душевная беседа с глазу на глаз со своим героем.

Сколько же там имён, со всеми их многочисленными родственниками, до которых сумел «докопаться» Пикунь!

А «копал» он глубоко. Достаточно рассказать один, но не единственный забавный эпизод. Однажды за вечерним чаем Валентин Саввич беседовал с одной литературной дамой, редактором его романа (для секретности назовём её так). «Прощупав» её родословную и заглянув в картотеку, доморощенный Шерлок Холмс неожиданно воскликнул:

— О голубушка! Так ведь ваш дед, вот он, кстати, занимал при дворе весьма высокий пост в полицейской жандармерии...

Дама некоторое время сидела словно окаменев, затем с трепетным волнением произнесла:

— Умоляю, Валентин Саввич, никому об этом не говорите — у меня из-за этого на работе могут быть большие неприятности.

Грустно посмеявшись в узком кругу над этим фрагментом нашей суровой жизни, мы никогда и никому о нём больше не рассказывали. Я огласила сей

эпизод лишь потому, что знаю: пулемёта ранее угрожавшей даме в амбразуре уже нет...

Сделав такую перебивку, позволю себе вновь вернуться к скучным «картонкам».

Для составления картотеки Валентину Саввичу нужны были каталожные карточки и разделители. При каждом посещении Москвы и Ленинграда я обязательно их привозила, но запасы быстро таяли. Дело в том, что Пикуль использовал для картотеки высококачественные — тиснёные или глянцевые — карточки, которые даже в столицах были «деликатесом».

Неоднократно помогал в этом деле генерал Евгений Николаевич Махов, служивший в то время в ГДР.

А с разделителями была просто беда. Их писатель делал своими руками из коробок для конфет или обуви.

Немало удивительных сведений можно найти в картотеке *исторических лиц*. В творческой лаборатории Пикуля всё систематизировано, чтобы нужный в минуты работы материал всегда был под рукой. Поэтому он с такой тщательностью и скрупулёзностью составлял и пополнял картотеку не один десяток лет. Что же она давала писателю? Почему на составление и пополнение её он не жалел времени?

Снимем с полки любую книгу, откроем на произвольной странице, прочтем первую встретившуюся фамилию... Затем подойдем к *картотеке исторических лиц*. Извлечём карточку на данную персону. Кроме кратких биографических сведений мы найдём на карточке перечень источников (с указанием страниц), в которых есть информация о данном лице. Откроем указанные книги на обозначенных страницах — и все сведения об интересующем нас персонаже в наших руках. Мне думается, что картотека исторических лиц в какой-то мере компенсировала писателю отсутствие каталога библиотеки и являлась своего рода библиографическим указателем.

Картотека исторических лиц насчитывает около 80 тысяч карточек. Проработав более тридцати лет в библиотеках, могу сказать: ничего подобного я не видела ни в одной, даже самой крупной библиотеке.

У Пикуля в картотеке, например, собраны сведения обо всех выпускницах Института благородных девиц, начиная с первого выпуска при Екатерине II и до последнего — предреволюционного. Подробно представлена документация о царских пажах и жандармах Российской империи и много других редких, а сегодня просто уникальных сведений.

Следует отметить, что картотека исторических лиц (иначе он называл её — покойницей) охватывает события до Октябрьской революции. Но иногда случалось неожиданное: своих современников он встречал в исторической картотеке.

На некоторых карточках картотеки исторических лиц указано от трёх до тридцати источников. Это колоссальный труд.

И если бы Валентин Саввич ничего не написал, а составил потомкам эти уникальные в своём роде картотеки, то только за это специалисты в области истории, генеалогии, искусствоведения должны быть благодарны ему безмерно. А имя его не сгинуло бы в неизвестности.

Глава седьмая. Русско-французские отношения

Роман «Каждому своё»

«На кухне» исторического романиста почти всегда одновременно готовилось несколько разных по тематике блюд, но весь процесс шёл по определённому, одному ему известному плану.

И с этого плана Пикуля было довольно трудно сбить. Он, как правило, не бросал начатого дела, а только переключался с одного на другое, нужное ему.

Работая над «Фаворитом», Валентин в это же время внешне незаметно, как-то органично, начинает изучение материалов о походе Наполеона в Россию и главным героем нового произведения — генерале Моро.

Писатель подбирает материалы о наполеоновской эпохе, просит принести необходимые источники, делает выписки, составляет по Бонапарту «почасовик». А сам процесс написания книги по подробному «почасовику» был для Пикуля, как говорится, делом техники.

После непродолжительного, но довольно мучительного раздумья над рецензией из издательства «Советский писатель» и редакционным заключением по поводу романа «Три возраста Окини-сан», он принимает ответственное решение: разорвать договор с этим издательством.

Болезненность такого шага не столько в том, что аванс надо как-то возвращать, сколько в печальной реальности, что твою книгу печатать не хотят.

Телефонный звонок в издательство донёс до Ленинграда продублированные последующим письмом слова писателя:

«Наши отношения превратились в бесполезную полемику. Я желаю печатать роман — вам желательно видеть в печати выжимки из него. Я не могу убедить вас в верности моих взглядов на историю, но и вы не убедите меня в своей правоте, которую можете оправдать не историей, а лишь побочными обстоятельствами. Теперь, по прошествии трёх лет, вы ставите под сомнение даже название моей вещи. Давайте прекратим этот спор, заводящий нас в тупик. Я предлагаю вам совсем иной вариант: я сдаю вам *другую книгу* с тем же объёмом в 25 авторских листов. Название её — *«Каждому своё»*».

Для реализации своего плана Пикуль предложил редакции два романа, объединённых единством темы:

«1. *Париж на три часа* — роман о заговоре генерала Мале (1812); роман публиковался дважды — в журнале “Звезда” (1962) и в сборнике исторических романов под общим названием “Пером и шпагой” (1972).

2. *Каждому своё* — новый исторический роман (время его 1799–1813), тематически вплотную смыкающийся с предыдущим.

Это роман о республиканской оппозиции диктатуре и агрессии Наполеона на общем фоне политических отношений с Россией. Дополнительные соображения для сведения редакции: второй роман я могу сдать в мае месяце этого года. Роман “Париж на три часа” требует дополнения, и я обещаю сдать его в августе месяце...

Прошу, соответственно, перезаклучить со мной договор, изменив в нём название книги, и прошу указать издание 1984 года, ибо ожидание книги затянулось уже непростительно для вашего издательства.

Честь имею — В. Пикуль».

Да, такое заявление мог сделать только Пикуль... На его рабочем столе в этот момент лежал единственный,

наполовину исписанный лист с названием задуманного им нового романа.

Валентин Саввич попросил меня отпечатать и отправить в издательство письмо, в котором он подтверждал ранее оговоренные намерения — разорвать договор по роману «Три возраста Окини-сан».

Решение принято, слово дано, и Валентин снова берётся за материалы, связанные с Моро.

Вместе с ним прослеживаем по карте итальянский поход Суворова. В поисках подробностей о сражении при Нови перелопачиваем кипы литературы. Слава богу! В трёхтомнике «История Италии» Валентин находит нужные карты. Карты мелкие, Пикуль работает с лупой, но это его не устраивает, берёт ватман и на нём крупно вырисовывает интересующий его регион. На нём в дальнейшем и «воюет».

Вновь просмотрев литературу о походе Наполеона в Египет и его бегстве, Пикуль вносит коррективы в хронологию «почасовика» о Моро.

Вживаясь в быт, нравы, обычаи и моду Европы начала XIX столетия, Валентин Саввич знакомился с жизнеописаниями многих великих современников Наполеона.

Интересно, что самой последней книгой, которую просматривал Пикуль непосредственно перед тем, как приступил к написанию романа «Каждому своё», была книга о... Бетховене.

Знакомясь с периодом пребывания Бетховена в Теплице в июле 1812 года, его встречами с И. В. Гёте, Пикуль сделал наброски-заготовки к исторической миниатюре о Бетховене (вернее, о его любви к Амалии Зебальд), но потом переключился на Моро.

Как объяснить эту связь музы и музыки с генералами, пушками и войной? Может быть, тому виной слова Бетховена, сказавшего о своих сонатах: «Я

пишу не для того, чтобы люди плакали от умиления, а для того, чтобы шли на бой!..»

В последний день уходящего 1982 года Валентин Саввич сказал, что роман «Каждому своё» хочет посвятить мне. И принёс титульный лист рукописи, на котором его рукой было начертано посвящение. Прочитав посвящение, я поблагодарила его и попросила сократить показавшуюся мне объёмной и какой-то рыхлой надпись, что он впоследствии любезно и сделал.

Гражданин Моро

«Я признаюсь, не люблю того хрестоматийного Наполеона, который представлен у нас лишь двумя поклонниками — Тарле и Манфредом... Названные мною историки, весьма почтенные, как бы стоят на коленях перед “гением” императора. Зато я, автор, при написании романов о Моро и Мале сознательно отложил их труды в сторону, чтобы подняться с колен, используя совсем иную литературу, мало известную читателям...»

Новый год (1983) Валентин Пикуль вновь встречал за рабочим столом, приступив к непосредственному написанию романа «Каждому своё». Слегка опережая события, скажу, что через три месяца и 17 дней роман был вчерне закончен.

Оказалось, что Наполеониана на русском языке отнюдь не малочисленна. Но большинство исторических исследований и монографий, проштудированных Пикулем, было написано с бонапартистских позиций, а Валентин Саввич хотел разглядеть в Наполеоне живого человека, а не только всемогущего императора.

«Он был велик, но он был и жалок!» — эти слова, сказанные о Наполеоне, должны были стать мерилom правдивости в оценке его личности.

Наполеон в видении автора — скорее властолюбец, никогда не щадивший людей, готовый к массовым кровопролитиям ради собственного честолюбия, ради своих чисто эгоистических намерений. Пикуль признавал величие Наполеона как полководца, но оставался нетерпимым к нему как к человеку. «Именно по этой причине моими героями стали Моро и Мале, столь дерзко выступившие против диктатуры великого корсиканца».

Жизнь полна неожиданностей, и даже в это насыщенное работой время было множество встреч, пусть коротких, но чаще всего приятных и полезных, запоминающихся и обогащающих, но никуда не денешься, всё-таки немного ущербных для сегодняшнего конкретного творческого этапа.

С восторгом встречал Валентин Саввич приехавших вместе военного журналиста Эдуарда Фёдоровича Лунёва и знаменитого актёра Сергея Петровича Никоненко, с которым, наряду с другими, шёл и разговор об экранизации книг Валентина Пикуля, в частности, романов «Окини-сан» и «Баязет».

По традиции 23 февраля было много военных с тёплыми поздравлениями и всеми сопутствующими им «атрибутами». Запомнилась писателю встреча с москвичом В. М. Чулика-новым. Вячеслав Михайлович, любитель и знаток литературы, с первых шагов следил за творчеством Валентина Саввича, собирая все материалы вплоть до публикаций в самых малотиражных газетах. Думаю, что мало кто из читателей располагает такой или подобной информацией.

Нервное напряжение, сопутствующее созданию романа, было отнюдь не меньше. От «ершистого» Пикуля просили что-нибудь «нейтрального», а он взялся за роман о Моро, «нейтральность» которого просматривалась весьма призрачно. Связь же его с

днём сегодняшним была довольно очевидна. На скамье подсудимых Моро говорил:

— Навязывая свою волю и свои взгляды соседним народам, мы искусственно вызываем кровопролития, от которых уже начала уставать Франция, а скоро устанет весь мир. Штыки хороши для атак, но штыки совершенно непригодны для того, чтобы на их остриях переносить в другие страны идеи...

Злободневность этих слов, произнесённых много лет назад, солидарность с ними автора — всё это делало книгу, мягко говоря, дискомфортной для тех же верхних эшелонов тогдашней власти...

Война в Афганистане набирала силу...

До чего же порой полны парадоксов бывают исторические параллели.

Генерал Жан Виктор Моро, слава которого (в какой-то момент) затмила славу Наполеона, сражавшийся в Италии с войсками Суворова, противник личной диктатуры императора Бонапарта, республиканец с идеологией борца за справедливость, свободу и независимость, был приглашён Александром I на службу военным советником при ставке российского императора. Да. Валентин Саввич очень любил делать героями своих книг ярких, незаурядных личностей, сила характера которых наиболее контрастно проявляется в период тяжёлых испытаний.

Симпатия к герою романа проявлялась у Валентина Пикуля даже в тщательно подобранных эпиграфах, в которых чувствуется что-то сугубо автобиографическое:

«Я сделался солдатом, потому что я был гражданином».

Макс Эйльбронн

В знак искреннего уважения я вынесла в заголовок имя этого благородного человека, энтузиазм и личная инициатива которого внесли неоценимый вклад в дело укрепления культурных связей между народами.

Заочное знакомство с Максом Эйльбронном произошло для Пикуля весьма неожиданно.

С помощью советского посольства Валентина Пикуля нашло письмо Макса Эйльбронна, в котором он просил автора дать согласие на перевод и издание в Париже романа «Пером и шпагой». Это было начало деловой и дружеской переписки. Мне хочется сразу дать читателю почувствовать её атмосферу и познакомиться с переводчиком.

Поэтому привожу здесь одно из (как видно и по содержанию) далеко не первых писем Эйльбронна.

Два листа исписаны аккуратным, разборчивым почерком:

«ПАРИЖ. Четверг 9 июня 1983 г.

Дорогой господин Пикуль!

Во-первых, мы с женой хотим Вас поблагодарить за приглашение приехать в Ригу (Ваше письмо — 20.05.1983).

К сожалению, я думаю, что это очень трудно в этом году. Я очень занят. Но мы были бы очень рады познакомиться с Вами.

Во-вторых, Вы мне написали “о себе”. Я думаю, как переводчик Вашей книги, мне надо Вам рассказать тоже “о себе”.

Я очень старый! Мне 80 лет, а жене 78 лет. Всё-таки мы живые и здоровые.

Я только дилетант в переводе! Это моё любимое занятие и отдых... Я президент большого комплекса универмагов “GALERIES LAFARETTE...” во Франции.

Мы удивительные люди! Мы начали изучать русский язык только 20 лет тому назад (когда мне было 60 лет). У нас много друзей в Советском Союзе и тоже в

Советском посольстве в Париже, так как мы очень любим Вашу страну.

Я много работаю и тоже, как Вы, много воевал...

С уважением Макс Эйльбронн.

P. S. Ваша книга “Пером и шпагой” продается во Франции. Через несколько дней я Вам отправлю рекламу в газетах о Вашей книге.

Сейчас я почти закончил переводить “Битва двух железных канцлеров”, но будет трудно найти издателя.

Моя жена уже искала книги о генерале Моро. Но до сих пор она ничего не нашла. Но она продолжает свои поиски. М. Э.».

Непосредственный контакт с рационализмом западной этики взаимоотношений между людьми вызывал удивление и восхищение Пикуля.

Не встречал ещё Валентин Саввич в своей жизни такого, чтобы издатель перед началом делового разговора вместо голословных заверений предоставлял адреса и телефоны авторитетов, у которых можно получить подтверждение его деловой и моральной добропорядочности.

Удивляли даже мелочи, привычные для делового человека, дорожащего своим временем и страхующим себя от случайностей.

«Не удивляйтесь, — писал в одном из первых писем Эйльбронн, — если получите от меня два одинаковых письма. Для надёжности я их всегда дублирую».

В первых письмах переводчик задавал автору много вопросов, делился сомнениями по конкретным эпизодам, но заканчивал неизменной надеждой на личную встречу или в Союзе, или в Париже.

«Мы с женой были бы очень счастливы принять Вас у нас в Париже, — приглашал Эйльбронн. — Мы имеем отдельную квартиру, где Вы можете жить совсем удобно и свободно (и бесплатно!). Вам будет возможность познакомиться с Бульварами, Тюильри и

полем сражения войны 1870 года, то есть посетить те места, где жили, боролись и умирали герои Ваших книг».

Когда же пришло заманчивое предложение приурочить свой визит в Париж к открытию выставки Эдуарда Мане, Пикуль не устоял.

— Всё, решено... Готовься... Хотя раз в жизни надо решиться... на Париж. — Его речитатив был адресован мне.

Но, как поётся в песне: «Были сборы недолги».

Наш красивый миф, ударившись о власть политической бюрократии, рассыпался в пыль.

После длительных искусных и изобретательных чиновничьих отписок и выкрутасов вокруг и около конкретного вопроса по требованию правдоискателя была обнажена истина: Пикуль — «невыездной»!

Высказав в пустой эфир все свои мысли о советской власти и написав благодарное письмо Эйльбронну, Валентин Саввич сел за стол и, не вставая, почти сутки находился в.... Париже, медленно перелистывая и вдумчиво просматривая все имеющиеся в его библиотеке альбомы картин Эдуарда Мане.

На этом и закончилось путешествие Пикуля во Францию... Короткое путешествие... Всего в пять альбомов...

Спустя некоторое время Макс Эйльбронн, как и обещал, прислал Пикулю в подарок книгу Эрнеста Доде «Генерал Моро», изданную во Франции в 1909 году, естественно, на французском языке.

Любопытная деталь: в личной библиотеке Пикуля имелся перевод её на русский язык, опубликованный в российской периодике в.... том же 1909 году. Вот так работала отечественная печать в те далёкие времена, именуемые нами «до 1913 года».

Не привыкший оставаться в долгу, Пикуль засуетился: не так уж часто приходилось ему выбирать

подарок президенту комплекса универмагов.

Этот непростой вопрос, в конце концов, замкнулся на мне.

На работе, разбирая только что полученную почту, я поделилась нашими проблемами с другом Валентина Саввича Юрием Даниловичем Вовком. Из распечатанного мною конверта с французскими марками и штемпелями на стол упала маленькая фотография.

— Это он? — спросил Юрий Данилович.

Получив моё подтверждение, он недолго, но внимательно рассматривал незнакомое лицо и затем предложил:

— А давайте я сделаю его портрет, инкрустированный деревом.

Мне нет необходимости петь дифирамбы искусству мастера и его работе. Я просто продолжу рассказ.

Довольно большую и потому тяжелую лакированную доску с портретом Эйльбронна, выполненным художественным стилем — интарсия, на почте не принимали. Необходимо было представить разрешение на вывоз её из страны.

После многочисленных безрезультатных скитаний «по инстанциям», (мои отчёты о которых приводили Пикуля в бешенство), наконец, я попала к экспертам Министерства культуры.

— Портрет переводчика Макса Эйльбронна. Подарок от писателя Валентина Пикуля. Автор — художник Юрий Вовк, — представила я картину экспертам.

Внимательный осмотр родил резюме:

— Это произведение искусства, представляющее огромную ценность. Место ему в музее. Вывозу не подлежит.

Я пошла, как говорится, ва-банк:

— Если представляет огромную ценность — оцените. Если место ему в музее — берите для музея, я

отдам в несколько раз дешевле назначенной вами суммы.

Эксперты удалились на совещание.

Через некоторое время мне вынесли разрешение на вывоз, которое сопровождалось ворчливыми замечаниями: «Секреты лака утекают за кордон».

Картину на почте не брали... Не проходила по формату... Нет упаковки...

Мастер прикладного искусства, автор картины Юрий Данилович Вовк сам одел свое творение в упаковку («в экспортном исполнении»), и подарок отправился адресату.

В восторженном письме благодарный Эйльбронн подробно описывал, как все многочисленные друзья, собравшиеся посмотреть присланный из Советского Союза подарок, оценили уникальную работу неподдельным изумлением.

По крайней мере по письму выходит, что неизвестный во Франции Вовк... восхитил Париж.

Но более широкая парижская пресса в это время говорила о Пикуле.

Как и обещал Макс Эйльбронн, он добросовестно собрал и переслал Пикулю опубликованные во французских газетах и журналах рекламы, статьи и заметки, содержащие информацию о вышедшей книге («Пером и шпагой» — во французском варианте «Le Chevalier D'EON») и её авторе.

Поверьте мне на слово: ни по количеству, ни, сами понимаете, «по качеству» отзывы французских литературных профессионалов несоизмеримы с материалами, посвященными Пикулю и публиковавшимися в отечественных источниках.

И это при всём при том, что во Франции вышла всего *одна* книга дотоле неизвестного автора без всякой предварительной рекламы.

Вот так и звучит это по-французски: «Се ля ви!»

Дальнейшее сотрудничество по «Битве железных канцлеров» неожиданно и нелепо оборвалось. Разменявший девятый десяток человек приехал в Союз, чтобы встретиться с Пикулем. Одно из посланных им из Москвы писем, то ли по случайности, то ли по закономерности, то ли по запланированному умыслу, пришло спустя несколько дней, как убыл на родину раздосадованный Эйльбронн.

На его корректное письмо с сожалениями о несостоявшейся встрече Валентин Саввич не ответил.

Подавленный случившимся, мне он объяснил свою позицию:

— Я не могу оправдываться. Оправдываться — означает отстаивать правду. А в данной ситуации правдой и не пахнет. Налицо только беспорядок, безответственность и вина, причём не моя. За них надо наказывать, а не оправдываться. Но это не в моей компетенции. Всё это я говорю только тебе. Француз такие вещи не поймет никогда.

Грустью и теплотой веет от стопки писем, вырезок французских газет и фотографии вовковского портрета, с которого смотрит на нас пожилой мужчина — Макс Эйльбронн — переводчик и издатель, человек, открывший своим землякам и соотечественникам русского писателя Валентина Пикуля.

Молчаливый финиш

В этом коротком рассказе сосредоточу своё и ваше, читатели, внимание на завершающем этапе работы Пикуля над романом «Каждому своё».

В ежедневных подробных дневниковых записях отражена вся её довольно загадочная динамика.

Можно встретить такое: у В С — 97 страниц.

Запись следующего дня: у В С — 68 страниц.

Это не опечатка — это работа. Просто автор вернулся назад, что-то сократил, что-то выбросил, что-то изъяс для того, чтобы переставить данный материал в другое, более целесообразное, по его мнению, место.

Различные по размеру и уверенности шаги чередовались с небольшими остановками и отступлениями на полшага назад. Из них и состоял путь, ведущий к намеченной цели.

Валентин закончил первую часть — «Гражданин Моро», начал писать пролог ко второй — «Соппротивление».

Полшага назад: две ночи переделывал конец первой части.

И снова вперед — до следующего творческого препятствия.

«Что я знаю об Аустерлице? Очень долго застрял на этой главе...» — эти слова, отражающие реалии, должны были войти в роман, как авторское отступление. Но, сдвинувшись с мёртвой точки, Пикуль так и оставил их только в черновике.

Приступив к написанию третьей части — «Под шелест знамен», — Валентин параллельно начисто перепечатывает в трёх экземплярах уже готовый материал и даёт мне для вычитки.

Третья часть — заключительная. Живу в предвкушении финала.

18 апреля утром я заглянула в его кабинет. Привычной записки не было, но на столе лежала рукопись, с которой я моментально считала главное: окончена 17 апреля 1983 года.

Только боязнь разбудить своего «трудягу» заставила сдержать радостные эмоции.

«Поздравлю с успехом вечером или когда позвонит на работу и сообщит о победе». Но странное дело — за весь день от Валентина нет ни одного звонка. Я тоже не звоню: вдруг ещё спит, утомлённый физической и

психологической напряженностью. Я же не знаю, когда он лёг. Может, опять поздно утром. Приход домой нисколько не рассеял моего недоумения. Валентин Саввич, «развалив» рукопись по всему столу и даже стульям, задумчиво перебирал и просматривал отдельные стопки листов.

Я ни о чём его не спросила, поскольку ни его лицо, ни состояние, ни само занятие не выражали сколь-нибудь законченной удовлетворённости.

Так всё и продолжалось: Валентин Саввич правил и перепечатывал начисто роман, а я его вычитывала.

Когда притворство непривычно, тогда оно мучительно. Я не выдержала.

— Так ты поставил последнюю точку? — Вопрос касался окончания романа.

— Вроде бы и поставил, но... многоточие. — Пикуль ответил не сразу. — Понимаешь... есть ощущение, что... как бы это образней сказать?.., что на полотне не хватает самого последнего «брюлловского» мазка.

Этот мазок красивой бабочкой ещё витал где-то в небесах, но через некоторое время он всё же оказался в сачке Пикуля. Прочтя информацию в газете, натолкнувшую его на нужную мысль, Валентин Саввич написал эпилог — мнимое интервью. Озабоченность сошла с лица писателя.

Роман закончен. Вот теперь можно кричать «Ура!».

С чувством глубокого удовлетворения поставил Валентин последнюю точку в романе. Он ещё не знает, что латинский фразеологизм, введённый Марком Туллием Цицероном до новой эры, одно из положений римского права — *каждому своё* — воспримется «Советским писателем» только в узко ассоциированной трактовке: как надпись на входе гитлеровского концлагеря, и название нового романа вновь станет предметом бурных дебатов.

После приведения рукописи в надлежащий порядок 22 мая я повезла её в Ленинград в издательство «Советский писатель».

С Татьяной Дмитриевной Зубковой — старшим редактором издательства — мы обменялись папками: я ей — роман о Моро, она мне — отвергнутую издателями «Окини-сан».

По просьбе Валентина Саввича заехала к Д. Т. Хренко-ву в «Неву» и оставила третий экземпляр рукописи нового романа для ознакомления. Именно для ознакомления! Валентин предложил джентльменский — без всяких обид и недоразумений — договор: не тратить порох на критику, разборы, рецензии, а просто вернуть рукопись, если она не понравится.

Заехала в Лениздат к Утехину, где познакомилась с Геннадием Михайловичем Гусевым — директором издательства «Современник». Я предложила ему издать новый роман Пикуля об Окини-сан. Именно этот смелый человек на основании договора с автором впервые выпустил журнальный вариант книги, героиней которой была беспризорная, оплеванная гореглядами и иже с ними бесприютная и неприкаянная Окини-сан... Более того. Геннадий Михайлович предложил переиздать книгу «Из старой шкатулки, дополнив её новыми миниатюрами. Так началось длительное и плодотворное сотрудничество Валентина Пикуля с издательством «Современник».

По возвращении в Ригу я застала Валентина за работой. «Париж на три часа» обрастал подробностями о Мале. Это было вызвано тем, что в нашей печати появились две научные монографии по затронутой в произведении теме: *Далин В. М. Люди и идеи, 1970; Туган-Барановский Д. М. Наполеон и республиканцы, 1980.*

Оба автора в упомянутых трудах выдвинули и обосновали оригинальные гипотезы, подняли ряд новых

вопросов, на которых не сконцентрировали своего внимания историки, ранее писавшие о Франции и России времён Наполеона.

А Валентин Саввич считал профессиональным долгом ежедневно, ежечасно расширять рамки своего писательского кругозора и всегда внимательно следил за всеми, заслуживающими доверия публикациями, относящимися к интересующей его теме. Например, «Наполеон и республиканцы» Пикуль изучил ещё до того, как уважаемый учёный любезно прислал ему в подарок свой солидный труд.

Открывшаяся новая информация должна была, по задумке Пикуля, обязательно найти своё отражение в творческом дополнении романа... Что и было сделано.

А пока я с нетерпением ожидала выхода книги, на которой автор начертал: «Антонине Пикуль — верной подруге, разделившей моё одиночество, посвящаю с любовью». Автор.

Глава восьмая. Дела семейные

Мои заботы

Наступила весна — время надежд и тревог за мужа, время надежд и тревог за сына, который подходил к ответственному жизненному рубежу — окончанию школы.

Думаю, нет необходимости смаковать понятные всем переживания и волнения матери, сын которой, заканчивая десятый класс, решил посвятить свою дальнейшую жизнь благородной мужской профессии — защитника Родины.

Окончание школы означало расставание. Надолго ли? В лучшем случае — от отпуска до отпуска. Его отпуска! Потому что не по рассказам знаю судьбу военного моряка: в другое время его можно не застать. Океанские просторы безбрежны. А море влюбляет в себя.

Я ревновала сына к морю, но делала всё, чтобы осуществилась его мечта.

В книге я совсем немного пишу о сыне, и может сложиться ложное впечатление, что он был обделен вниманием. Отнюдь нет. В каникулы и выходные дни он находился с нами, на зиму приезжала моя матушка и жила с ним, помогая «вести хозяйство». В непродолжительные отрезки, когда он жил один, я через день ездила к нему, чтобы сготовить еду, похозяйничать, поговорить. Наше общение всегда было душевным и откровенным, он посвящал меня в свои дела, даже такие: «Пошёл на свидание с Галей».

Всё-таки важно понимать, что кое-какие дела надо делать молча, без шума, особенно если они касаются вопросов деликатных...

В этом году исполнялось три года, как умерла Вероника Феликсовна. Видимо, излишне оберегая меня, Валентин Саввич не заводил о ней разговоров. Поэтому я сама сделала необходимые шаги, обратившись за помощью в изготовлении памятника-надгробия.

И только когда всё было изготовлено и установлено, я поведала об этом Валентину. Он не сказал ничего. А мне и не нужно было никаких слов. Это тот случай, когда глаза намного красноречивей слов.

Заочные и очные контакты

Интерес к творчеству Валентина зарубежных издателей настойчиво расширялся. Об этом свидетельствовали многие письма этого периода.

Пришедшее письмо от Эвы Долейшовой из Праги донесло приятную новость: она закончила перевод романа «Богатство» и отдала его в издательство.

В поступившей корреспонденции от члена Союза журналистов из Севастополя от Дегтярёва Виктора Алексеевича высказывалось возмущение: в первом выпуске «Советского энциклопедического словаря» он не нашёл упоминания о Пикуле, хотя «более мелкие писатели» там присутствуют. И он добровольно включился в борьбу за справедливость, рассылая свои петиции в компетентные инстанции. Труд правдоискателя не пропал даром: из второго выпуска словаря теперь можно было узнать, что есть такой русский писатель — Валентин Пикуль.

Уже после выхода «Фаворита» Дегтярёв напишет Валентину Саввичу: «Счастлив тем, что живу в «потёмкинской деревне» — городе-герое Севастополе». Это будет после выхода «Фаворита».

Не знаю, как сейчас, а в те времена «валовой продукт» писателей выдавался на-гора только в рамках

пятилетнего плана. Ни в десятую, ни в одиннадцатую пятилетку Пикуль не попал. Ничего не знающие читатели обращались к Валентину Саввичу с письменными вопросами: почему Вы не даёте издавать свои книги, их так мало и так трудно достать.

В очередной заявке Пикуль писал, что у него приближается 30-летие литературной деятельности и на двенадцатую пятилетку (1986–1990) выпадает 60-летний юбилей. На собрание сочинений соответствующим отделом ЦК был установлен вполне определенный «прижизненный» ценз — 5–6 томов.

Через некоторое время пришло уведомление:

«...в соответствии со Сводным планом выпуска собрания сочинений, избранных произведений и творческого наследия писателей и деятелей искусств на 1986–1990 гг. издательству “Современник” поручено выпустить Ваше Избранное».

Избранное — значит не более 3–4 томов.

Но Пикуль не очень расстроился:

«Это не так плохо... для начала».

Он не мог знать, что двенадцатая — это последняя его «прижизненная» пятилетка...

Спрос на произведения Валентина рос и расширялся. Однажды, придя ко мне на работу, ответственный секретарь выходящего в Риге на русском языке журнала «Даугава» Борис Попов поинтересовался: «Не может ли Валентин Саввич дать для журнала что-нибудь из новинок?» Я передала разговор, и Пикуль с удовольствием предложил свои новые миниатюры. Редактировала их Раиса Васильевна Золотова, дочь друга с Камчатки — Василия Золотова, который переехал на постоянное место жительства в Рязань.

Один из первых редакторов миниатюр был и Евгений Вячеславович Туинов из Ленинграда, который готовил для ленинградского издательства «Детская

литература» сборник «Миниатюр», включающий последние новинки.

Валентин Саввич любил и уважал Евгения Вячеславовича как толкового и корректного редактора, умного и приятного человека, собеседника и коллегу.

Часто их разговоры о жизни, о писательском ремесле занимали значительно большее место, чем обсуждение того, с чем Туинов приехал.

Пикуль не раз подчёркивал, что ему в жизни везёт на редакторов, если они... относительно молодые.

До самых последних дней они оставались большими друзьями.

После продолжительных контактов с Пикулем, позволяющих проникнуться его самоотверженностью, многие ещё больше заражались «писательским вирусом»...

Если следовать хронологии, то я должна остановиться на одном серьёзном письме, которое пришлось написать Пикулю в 1983 году в ответ на послание полковника Хо-рева. Автору сообщалось, что в различные инстанции и в редакцию газеты «Красная звезда» поступили письма от сестры старшего лейтенанта В. А. Мартынова, в которых она утверждает, что в книге «Реквием каравану PQ-17» сведения о Мартынове не соответствуют действительности, и высказывалась просьба сообщить, «откуда почерпнуты эти сведения».

Ответ Валентина Пикуля гласил:

«Уважаемый тов. Хорев!

Вот уже три года гр. Мартынова обвиняет меня в том, будто я искажил правду о её брате, лейтенанте В. А. Мартынове, и первым в СССР сказал о нём неправду.

Напоминаю о датах. О роковой нерешительности Мартынова впервые в нашей стране написал контр-адмирал и Герой Советского Союза А. И. Колышкин ещё в 1964 г. (см. «В глубинах полярных морей», Воениздат,

с. 176), а мой “Реквием...” появился в печати только в 1970 году...

В работе я использовал и записки В. Ю. Брамана, который в описываемый период находился в боевой рубке подле Н. А. Лунина и всё видел своими глазами. Эти записки В. Ю. Брамана были опубликованы в газете Северного флота “На страже Заполярья” под названием “Лунинцы” (публ. с 4 по 11 апр. 1969 г.). Браман, как очевидец (он был тогда командиром БЧ-5 лодки), судит Мартынова ещё строже и конкретно говорит о “нерешительности и несамостоятельности лейтенанта Мартынова”, по вине которого героическая К-21 чуть не погибла...

Наконец, совсем недавно Воениздат выпустил монографию “В студёных глубинах”, в которой коллектив авторов пишет (с. 131) буквально следующее: “Малейшая оплошность могла кончиться плохо для всего корабля... лейтенант Мартынов В. А. замешкался с погружением, и пулемётная очередь прошла лёгкий корпус. В следующее мгновение слева за кормою упали бомбы...” Далее авторы пишут, что после авиационной атаки Н. А. Лунин собрал в боевой рубке офицеров лодки, с которыми вместе и “разобрал оплошность лейтенанта... ”.

Казалось бы, всё уже ясно. Историки минувшей войны не пользуются моими романами для своих выводов. Между тем, по мнению гражданки Мартыновой, так получается, будто я написал свой роман, а теперь все историки повторяют мною сказанное. Нелепо и смешно думать, будто целый научный коллектив авторов списывал исторические факты с моего романа.

Уважающий Вас Валентин Пикуль».

Но, как увидим в дальнейшем, этот аргументированный отзыв, поглотивший само время, а

на продолжительное время ещё и рабочее настроение, оказался никому не нужным...

В этом году Валентин Саввич познакомился с пародией Александра Иванова на свой роман.

Насколько занятый всё-таки этот литературный жанр. Даже захотелось немного о нём порассуждать. В пародии, как в большом корыте, есть корм на любой вкус. Там найдется пища всякому уму, вне зависимости от количества в нём извилин.

Часто пародия разбивает читателей на два диаметрально противоположных лагеря. Восприятие и дальнейшая реакция зависят от многих причин, которые характеризуются, если выражаться модным сейчас «абракадабрским» языком, направлением вектора социальной мотивации.

— Кто таков Пикуль? — вопрошалось в пародии.

Одни, восторженно брызгая слюной, перепевали фразу:

«Писарь он, грамотей анафемский... Все подушки перетряхнул, под все кровати зыркнул...»

Другие, улыбнувшись данной фразе, задерживали своё внимание на другой:

«Сочинитель, матушка, опосля нас проживаемый... Нас, людишек века осьмнадцатого, вдоль и поперёк изучимши...»

А вот к этому самому — «вдоль и поперёк изучимши» — уже никакая грязь прилипнуть не в силах.

Но от брошенной небольшой пародии пошли волны, «замочив тапочки» и пародисту, и объекту его внимания.

Пародию восхваляли и цитировали. С другого конца диаметра шли требования привлечь юмориста к ответственности за оскорбление знаменитого и любимого писателя.

В общем, было очень похоже на современность. На одних литературных улицах и площадях демонстранты

держали лозунги: «Позор Иванову!», «Да здравствует Пикуль!» На других — всё было наоборот.

Но это, как многие уже, наверное, начали понимать, лишь пена.

Истина редко лежит на поверхности.

Выходу в свет пародии предшествовало письмо, адресованное Пикулью.

Вот его текст: «Дорогой и уважаемый Валентин Саввич!

Ваша уверенность, что Вы неуязвимы с моей стороны, не оправдалась!

Прилагаю свидетельство тому. Моё отношение к Вам Вы знаете.

Я делаю то, что *не делал никогда и ни с кем* (выделено мною. — А. П.). Посылаю Вам текст пародии.

Если пародия Вам не понравится, если Вы сочтёте, что публикация её (а ещё вопрос — напечатают ли?!) почему-либо несвоевременна или хоть как-то, хоть чем-то может Вам повредить, сообщите.

Любопытно мне было бы узнать и Ваше мнение.

Пока пародию знает (кроме меня, разумеется) один человек — моя жена...

Шлю я текст и нашему общему другу Д. Т. Хренкову.

Был в июне в Риге, выступал в концертах, звонил, но не застал.

Всех Вам благ, здоровья и успехов. Всегда Ваш Александр Иванов».

Думаю, что добрый, уважительный тон письма откроет читателям истину о взаимоотношениях двух литераторов.

— Пусть, конечно, публикует, — рассуждал Пикуль относительно темы письма, — это его труд, его работа. А навредить мне больше того, что уже есть, никто, кроме меня самого, не сможет.

И Валентин Саввич загадочно улыбнулся, по-видимому, мысленно примерив одежды пародии на

«Фаворита».

Завтра...

19 июня утром я встала с каким-то беспокойством: приснился страшный сон: будто я примеряла, как саван, белую фату, украшенную таблетками анальгина. Подаю фату Марине, она её не взяла.

Не дожидаясь вечера, решила съездить к Вите, пока спит Валентин Саввич. Заехала на базар, купила фруктов, помидоров, пирожных и цветы. К моему величайшему изумлению, дверь открыла Марина, приехавшая без всякого предупреждения. Приехала не одна. По тому, как она представила своего кавалера, я поняла, что дочь уже не одна, что семьи у нас разные.

К Вите зашли три парня и пригласили его на море. Я сначала не отпускала — какое может быть море, когда завтра последний экзамен. Но он сказал, что проветриться не помешает. Так и ушёл с ребятами...

Вечером, во время программы «Время», раздался стук в дверь. По условному сигналу сразу определила: приехала Маринка. Я бросилась к ней навстречу.

Марина сказала, что Вити больше нет... *Утонул...*

Время остановилось...

Провал в памяти, пробел — в дневнике.

Я не знаю, что мне кололи, но как заторможенная сидела на берегу, напротив места, где море поглотило сына.

Работали водолазы, летали вертолёты...

Сына нашли через восемь дней — в день выпускного вечера.

Затем были похороны.

Я ничего не могу рассказать о Пикуле, помню лишь только кладбище, с которого вечером он меня увозил.

А остальное всё во мраке, слёзы застилают глаза...

Кладбище — дом. Дом — кладбище. Жить не хотелось...

Желая вырвать меня из этой гнетущей обстановки, Валентин с помощью добрых, преданных друзей организовал поездку в Светлогорск.

23 июля — день рождения Вити. Рано утром, усыпав заплаканными цветами могилу, мы сели в предоставленную нам Юрием Михайловичем Лебедевым машину и отправились в путь.

В голове долго блуждала мысль: правильно ли, что я принесла 17 белых гвоздик?.. На могилу положено — чётное количество. А как же быть?.. Может, всё-таки можно?.. Ведь сегодня у него день рождения... Ему сегодня было бы — 17...

Дорога предстояла длинная, но в моей памяти она отразилась лишь калейдоскопом отдельных кадров и слов.

Шофёр со знанием дела, видимо, что-то интересное рассказывал о немцах, о полициях. Валентин Саввич, пытаясь отвлечь меня от собственных мыслей, тараторил без умолку.

Подъезжаем к городу Советск. Голос Пикуля не прерывается: «Тильзит... Александр и Наполеон... Встреча посреди Немана на плоту...» — Валентин с большими, чем в романе, подробностями пересказывает главу своего последнего, ещё не опубликованного произведения «Каждому своё».

Разместились на втором этаже приготовленного для Пикуля небольшого уютного особнячка, носящего неофициальное, но, видимо, имеющее под собой реальную почву название — особняк Геринга, намереваясь провести здесь десяток дней.

Не буду описывать короткое пребывание в Светлогорске. Что касается Пикуля, то ни о какой работе даже не могло идти и речи.

Узнав, что здесь отдыхает известный писатель, из окрестных санаториев потянулись люди с надеждой получить автограф, надпись на книге.

Светлое название города не развеяло смога в сердце и в душе. Мы заторопились домой: 29-го — сорок дней, как нет сына.

Жаркий день. На обратной дороге при подъезде к Шяуляю Валентину стало плохо. Может, перегрелся, как говорят в народе — солнечный удар, а может... Врачей не было. Холодные компрессы и отдых в тени вернули силы. В волнениях за его самочувствие дорога до дома казалась очень длинной...

У Вити — свежие цветы. В наше отсутствие Галочка ухаживала за могилкой. Позвонила ей, поблагодарила, попросила навестить нас.

Конечно же, и в этот тяжёлый для нас год было много гостей, друзей и знакомых. Добрые люди выражали искренние соболезнования и старались поддержать нас в эти пасмурные тяжёлые дни. Но мы встречались с ними не раз и не два, поэтому лучше упомянуть о них в другом контексте.

Вернёмся к Пикулю

Шли дни... Некоторые из них начали находить отражение в моём дневнике. Это особенно касалось информации о «Фаворите».

В сентябре месяце позвонила в Воениздат по поводу судьбы посланной рукописи «Фаворита». Из разговора с главным редактором выяснилось, что «роман прочитали два консультанта, книга понравилась, но для публикации в Военном издательстве необходимы следующие доработки: усилить батальные сцены, убрать линию Екатерина — Потёмкин, сократить роман с 60 до 35 авторских листов».

Убрать *главную* линию, сократить *вдвое*, дополнить половинку описанием боёв! Да это ж будет уже не роман «Фаворит», а повесть о полководце Потёмкине!

Я сказала, что Валентин Саввич скорее напишет новый роман, чем будет делать такие сокращения. Мне не нужно было даже консультироваться с ним по такому вопросу — зачем его расстраивать и нервировать? Я знала, что при всём том огромном уважении к армейским людям и порядкам, Пикуль никогда не будет подгонять плоды своего писательского мироощущения ни под какие чиновничьи рамки.

Я попросила вернуть рукопись.

Так оборвалась одна из тоненьких нитей надежды на выход в свет «Фаворита». К счастью, она была не последней...

«Ленинградский вариант» издания романа пока ещё не наткнулся на серьёзные препятствия, что, собственно говоря, и обнадеживало.

Сомнения от сообщения из Лениздата о том, что выпуск «Фаворита» переносится на конец 1984 года, не перевешивали оптимизма от полученной положительной рецензии доктора исторических наук Ю. А. Лимонова на второй том романа и уведомления о приезде редактора Инны Ивановны Слобожан для работы с автором по редактированию первого тома.

В октябре Пикуль получил из «Советского писателя» рецензии на роман «Каждому своё»: Г. Горышина — критическую и профессора Л. Семёнова из ЛГУ — историческую.

Рецензии были в общем положительные, но, как всегда, надо было что-то доработать в соответствии с конкретными объективными замечаниями, отражающими конкретные субъективные мнения рецензентов.

Вслед за этим из издательства пришёл ультиматум: «Дайте другое название книге, “Каждому своё” — не пойдёт».

По тону было понятно, что самая высшая инстанция наложила «вето» и спорить бесполезно.

Роман, по всей видимости, им понравился, а название — нет. Слава богу, что не наоборот. — Валентин включился в работу по выбору, а может быть, сочинению нового названия романа. Придумать новое название — не проблема, самое трудное — из множества найденных вариантов выбрать одно, единственное, окончательное.

На семейном совете решили: пусть будет — «Под шелест знамен», название третьей части книги.

15 октября приехала Инна Ивановна, и последующая декада была заполнена редактированием первого тома «Фаворита».

Редактирование рукописи шло «с переменным успехом». Мы, женщины, в таких делах более пристрастны и дотошны. Слобожан на слово не верила: любые сомнения Пикулю приходилось подтверждать документально. Он лазил по полкам, доставал нужные книги, показывал, объяснял.

После отъезда редактора Валентин Саввич, руководствуясь рецензией Лимонова и телефонными обмена мнениями с ним, вносил коррективы во второй том «Фаворита». Его пометки на первом и втором экземпляре рукописи я переносила на две остальные.

Откорректировав второй том, Валентин Саввич увлёкся чтением. Читал всё, что попадалось, об итальянском фашизме: «Красная палатка» Нобиле, «Фашизм и рабочее движение в Италии» Лопухова, «Беседуя с Тольятти» Феррара, «Итальянский фашизм» Филатова. Это закладывался фундамент под книгу о Сталинграде.

Незадолго до Нового года, 29 декабря, вновь приехала Инна Ивановна Слобожан. На повестке дня — редактирование второго тома. Оно закончилось в следующем году. А новогодний праздник мы втроём отправились встречать к Маховым. Дома Пикуль обнаружил потерю — в гостях забыл пиджак. Евгений Николаевич с улыбкой признался позже, что видел, но промолчал по поводу забывчивости Валентина Саввича, желая оставить эту «реликвию» себе на память.

Это был первый на моих глазах Новый год, который Пикуль встречал не за своим рабочим столом...

Итоги изданий уходящего года давали повод для удовлетворения. Их было много, но особенно порадовало писателя армянское издательство «Советокан грох», выпустив книгу «Баязет» на армянском языке.

По официальным и неофициальным каналам просачивалась информация о предстоящем выходе «Фаворита». Читающие люди жили ожиданием интригующей своим названием книги.

Книги Валентина Пикуля...

Поэтому интриговало не только название...

Глава девятая. Год «Фаворита»

Друзья и помощники «Фаворита»

С первых часов нового года продолжилась напряжённая работа над рукописью по «снятию» редакторских замечаний, для подсчета количества которых наиболее полно подходит не совсем литературное слово — уйма.

Кропотливый труд занял целую неделю, после чего удовлетворённая чувством исполненного долга Инна Ивановна отправилась к родным пенатам, чтобы передать материалы на следующую ступень технологической лесенки, ведущей книгу к читателям.

Валентин Саввич тоже с облегчением вздохнул. Закончен важный и практически завершающий этап. Всё главное, что зависело от него как от автора, он выполнил. А остальное — по ходу дела.

«Вздох облегчения» — понятие относительное, только на словах имеющее причастность к некоей лёгкости. Чаше это вздох смертельно уставшего, измотанного тяжёлой, но только что законченной работой человека.

Усталость вышла на поверхность, наложив заметные мазки не только на лицо и глаза, но и на всё настроение Пикуля. У меня даже не поворачивался язык, чтобы напомнить ему, что в редакции ждут доработанный «Париж на три часа».

Вскоре к Валентину Саввичу по делам всё того же «Фаворита» приехал художественный редактор Борис Гаврилович Смирнов — заведующий отделом оформления Лениздата. Он привёз на подпись графические работы художника Г. П. Фильчакова, предназначенные для оформления двухтомника.

Приверженец классического направления в искусстве, Валентин не был в восторге от увиденных работ. Ему не импонировал новый модернистский стиль оформления, контрастирующий со стариной повествования.

Пикуль протестовал.

— Давайте я сам нарисую, — в запальчивости говорил он.

Но речь идёт не о какой-то мальчишеской запальчивости. О художественных если не талантах, то мастерских навыках Пикуля мне ещё нужно будет рассказать. Здесь же мне хотелось только донести мысль: каждый должен делать то, что лучше всего умеет.

Пикулевский пыл был быстро охлаждён; если переделывать, то выход книги в свет задержится не менее чем на полгода.

И Валентину Саввичу пришлось уступить. Впрочем, он отлично понимал цену такой уступки. Оформление книги связано не только с искусством, но в не меньшей степени с коммерцией. И в конечном счёте, какая разница, какими ленточками и бантиками она украшена? Её будут расхватывать с прилавков прежде всего потому, что на обложке будет написано знакомое — Валентин Пикуль и ещё не знакомое — «Фаворит».

Принятое решение не отодвигало сроков выпуска книги. Это было единственным его достоинством...

В двадцатых числах января у Валентина Саввича состоялась первая очная встреча с уже хорошо известным по рецензиям Юрием Александровичем Лимоновым.

Восхищённый библиотекой гость медленно ходил вдоль полок-стеллажей, рассматривая книги. Некоторые трогал, гладил по корешкам, и казалось, что руки его — в белых перчатках.

В разговорах они легко находили общий язык. В своих взглядах по большинству вопросов оба историка были единомышленны, и только в образе Пугачёва у них имелись разночтения.

Причисление Пикуля к историкам сделано не мною, а Ю. Лимоновым. Расскажу об одной поездке, которая запомнилась Юрию Александровичу, наверное, не меньше, чем нам.

Когда тема разговоров перешла на «Слово и дело», на его героев, на время и место, описанные в романе, Валентин предложил совершить экскурсию в Елгаву. Предложение нашло поддержку, и на следующий день мы отправились в бывшую столицу Курляндского герцогства, приютившую на своих землях старый 300-комнатный дворец, сооружённый для Бирона великолепным Растрелли.

Восхитившись внешней архитектурой, мы вошли внутрь дворца. Для опытных, внимательных глаз, умеющих «читать между строк», грандиозность сооружения просматривалась и сквозь перегородки, настроенные для нужд располагаемой ныне в памятнике старины Сельскохозяйственной академии. Один только вид парадной лестницы давал богатому воображению представление о внутреннем убранстве дворца.

В отличие от студентов, не обращавших на нас никакого внимания, целью нашего визита заинтересовался один человек, оказавшийся проректором академии. И сейчас чувствую себя очень неудобно из-за того, что не записала и потому не запомнила ни имени, ни титулов этого обаятельно-внимательного педагога.

Я представила проректору своих спутников и далее не вмешивалась ни в один из их разговоров, а только любовалась со стороны, как трое мужчин подробно, но спокойно, не перебивая друг друга, абсолютно

непринуждённо обсуждали сложнейшие проблемы и мало кому известные факты.

Понимая, что посетителями движет не праздное любопытство, гостеприимный хозяин достал ключи и открыл не работавшую в то время небольшую музейную экспозицию. Юрий Александрович с интересом рассматривал всё. Пикуль в первую очередь набросился на портреты герцогов и лиц, их окружавших.

Некоторых портретов Валентин Саввич ранее не знал, его особенно заинтересовало изображение жены Бирона.

Благодаря проректору за доставленное эстетическое наслаждение, Валентин Саввич посоветовал сделать посещение музея платным, чтобы иметь средства хотя бы на косметический ремонт.

— И надо расширить экспозицию, — продолжал Пикуль. — Экскурсантам будет небезынтересно знать, например, что здесь не раз музицировал Рихард Вагнер, что в подвалах находились склепы курляндских герцогов...

— Почему находились? Кое-что есть и сейчас. — И, прочтя в глазах двух ценителей старины немое желание, проректор отправился за ключами от подвалов.

Посещение подземелья я вспоминаю с содроганием, а Пикуль рассматривал надписи и даже приподнял одну из крышек...

Поднявшееся облачко вековой пыли создало иллюзию движения. Мне показалось, что мумифицированный прах осыпался, а Валентин пошутил:

— Это она мне подморгнула.

Общение с Ю. Лимоновым оставило в душе и памяти писателя много приятных и полезных воспоминаний.

Пикуль с удовольствием делился своими планами. Он любил умных собеседников, которые не кичатся

своими знаниями, не стремятся возвысить себя.

Они встречались и в дальнейшем. Не знаю, в какую из встреч Ю. А. Лимонов сказал, что он напишет предисловие к роману «Фаворит».

Спасибо Юрию Александровичу за его вклад, способствовавший выходу романа. Уместность благодарности понятна, если учесть, что после положительной рецензии и доброжелательного предисловия ему самому жить стало, мягко говоря, не легче...

Этот год високосный

В деловых контактах и встречах обозначился небольшой временной просвет, и Валентин сел за «Париж на три часа». Роман о Мале требовал обещанной редакции доработки — дополнения.

Пикуль прочёл первую фразу:

«Один император, два короля и три маршала с трудом отыскиали себе для ночлега избу потеплее».

Он уже давно забыл её и читал, как читают дотоле неизвестную книгу.

— А здорово, чёрт возьми... — Осознание того, что написанное принадлежит его перу, к автору пока ещё не пришло.

Читательское восхищение, перешедшее затем в писательское удовлетворение, создали благодатный климат для творческой работы. И Валентин окунулся в 1812 год.

К «мужскому» празднику — 23 февраля — я, желая стимулировать его писательское настроение, преподнесла Валентину в подарок красивейший чернильный прибор, искусно выполненный из малахита. Поблагодарив, извиняясь, чтобы не обидеть меня, он

дал понять, что свою «непроливашку», «выпившую» уже не менее ведра чернил, он ни на что не променяет.

— Не сердись, — миролюбиво пояснял Валентин Саввич, — эта красота будет меня отвлекать. Я вижу прошлое, только глядя на свою «старушку...»

Подходил к концу февраль. Дочь готовилась вскоре стать матерью.

Предвидя очевидное — появление нового потомства всегда помогает облегчить боль утраты, Валентин «торопил» Марину, но предостерегал от «неосмотрительного» поступка.

— Ты только не вздумай родить 29 февраля, — наказывал он, — а то отнимешь у ребёнка сразу три четверти всех его дней рождения.

Слова возымели действие: внук родился 5 марта.

Выбор имени не занял времени.

— У меня никого из детей не было, и если вы считаете, что я это заслужил, то назовите в честь меня — Валькой, — попросил Валентин Саввич.

Впервые увидев распелёнутого тёзку, с откровенной непосредственностью изумился:

— Я думал, будет страшнее...

Во всех последующих ближайших встречах, в том числе и с приехавшим после очередного рейса Женей Тере-щенковым, который привёз Пикулю в подарок огромную пушистую шапку из собаки, дед не преминул похвастаться свершившимся событием. Ведь делился он радостью с коллегой: Женя вручил «Командору» копию приказа капитана дизель-электрохода «Наварин» Мурманского морского пароходства, удостоверяющего, что Валентин Пикуль зачислен почётным членом его экипажа...

Были в гостях и Вовки — Юрий Данилович с сыном Олегом. Совмещая приятное с полезным, без ущерба дружескому общению они фотографировали Пикуля «для истории». Валентин попросил сделать

увеличенное фото Паулюса с группового портрета, где он стоит посередине между Зейдлицем и Пиком.

— Сейчас он мне очень нужен, — многозначительно, по крайней мере для меня, прозвучала просьба писателя.

Я уже давно заметила, как подолгу задумывается Валентин Саввич над письмами Дмитрия Сергеевича Трунцева, сослуживца отца — Саввы Михайловича Пикуля, в которых тот описывал последние минуты его жизни. Об этом Дмитрий Сергеевич написал в 1983 году в небольшой рабочей газете «Мартеновка».

Не меньше сведений, бередящих душу Валентина Саввича, содержалось и в многочисленных письмах ветерана Николая Сергеевича Попова, посвятившего всё своё послевоенное время делу розыска и увековечивания имён незаметных героев Сталинградской битвы.

А по той литературе, которую читал, собирал и суммировал Валентин, можно было безошибочно предположить, что из темы войны вообще и Сталинградской битвы в частности он уже вылепил несколько кирпичиков для закладки фундамента под литературный памятник мужеству советских солдат.

Как всегда, без проволочек, Юрий Данилович вскоре принёс портрет Паулюса, и Валентин Саввич повесил его на стенку.

Я подошла к изображению, долго смотрела на портрет и затем неожиданно для самой себя с ожесточением выпалила:

— А ведь ты же убил отца моего Валентина!

Пикуль широко открытыми... нет, такое избитое словосочетание не передаёт смысл реалий... точнее, хотя и грубее — «разинутыми глазами» смотрел на меня.

— Постой, постой-ка, я запишу. — Пикуль потянулся сначала за сигаретой, потом — за карандашом. Молча

докурив сигарету, он с убеждённостью произнес: — Теперь я напишу роман о Сталинграде!

«Теперь я напишу»... Как будто случилось что-то экстраординарное. Как будто... А может, и правда, что-то случилось?.. Только нам, по-видимому, не дано это представить...

Необъяснимая пылинка, упавшая на загадочные писательские весы, перевернула всё.

«Обиженный» Мале отошёл на третий план, а в машинку был вставлен чистый лист, на котором после нескольких вечеров мучительных раздумий и обсуждений появилось название — «Площадь павших борцов».

А на втором плане, как и при работе над любым солидным романом, были только миниатюры, краткосрочное отвлечение на которые давало небольшой отдых, не выбивая из основной тематической колеи.

Коль скоро разговор коснулся миниатюр, уместно отметить, что в третьем номере рижского журнала «Даугава» за 1984 год вышла подборка пикулевских миниатюр.

Валентин Саввич не стремился попасть в престижные столичные «толстые» журналы, а щедро раздавал свои миниатюры провинциальным журналам и газетам.

— Столичные читатели избалованы — пояснял он своё кредо, а тем, что в глубинке, тем моя помощь нужна. И не только читателям — не меньше и издателям. Это писатель знал из писем, в большинстве своём весьма откровенных:

«Читатели просят хоть чего-нибудь из Пикуля!.. Не могли бы вы... Наш журнал очень молод, и появление вашего имени на его страницах явилось бы существенной помощью молодому изданию».

И Пикуль отвечал, посылал свои миниатюры.

Нередки были просьбы-заявки на материалы по конкретным личностям, профессиям или даже... территориям.

Не менее чем само письмо от главного редактора журнала «Теегин гёрл» («Свет в степи»), выходящего в городе Элиста, что в Калмыкии, характерен ответ на него Пикуля.

В письме к писателю высказывалась просьба:

«Может быть, вы располагаете материалами о художнике Фёдоре Калмыке, судьба которого чрезвычайно необычна. Если это так, то не согласитесь ли вы написать о Ф. Калмыке для нашего журнала?

Если такой возможности нет, то, как выражаются наши подписчики, “хоть что-нибудь”!»

Сюда же примыкала просьба написать о М. И. Сердюкове.

А теперь вникните в содержание и вчувствуйтесь в благородно-доверительный тон ответа:

«Уважаемый тов. В. Нуров!

Посылаю Вам три исторические миниатюры, которые ранее нигде не публиковались. Приношу извинения за то, что две из них — с копирки.

Фёдор Калмык и М. И. Сердюков мне достаточно известны. Но сейчас я не обладаю тем материалом, который надобен для работы над ними. Но мне известно, что у Вас живёт хороший и добросовестный историк-писатель А. Ба-лакаев, который, смею думать, справится с описанием Ф. Калмыка и М. Сердюкова лучше меня.

С уважением Валентин Пикуль».

Для ответа на такие письма Валентин Саввич откладывал все свои дела.

В это же время Пикулю пришлось ещё раз отвлечься, чтобы ответить редакции современной литературы Ленинградского отделения издательства «Советский писатель», присоединившейся к просьбе

составителя В. С. Бахтина подготовить автобиографию для сборника «Ленинградские писатели-фронтовики», намеченного к изданию в 1985 году, к 40-летию Победы.

События собственной биографии относятся к веку двадцатому, поэтому дались они Пикулю с большим трудом.

Здравствуй, «Фаворит»!

Пушкин предрекал: «Имя странного Потёмкина будет отмечено рукою истории», а «историю Екатерины Великой, — писал позже Герцен, — нельзя читать при дамах».

«Имена этих людей нерасторжимы в русской давности, спаянные единой страстью и ненавистью, общими викториями и поражениями. Потёмкин никогда не стал бы «князем Таврическим», если бы его миновала любовь Екатерины, но та не рискнула бы титуловаться «Великой», если б её не окружали русские люди, подобные Потёмкину!..

Пётр I удачно разрешил проблему Балтийскую.

Потёмкину выпала честь завершить проблему Черноморскую.

Именно этот человек и станет нашим главным героем...»

Наступил последний месяц уходящего года.

Мы благоговейно и покорно ждём выхода «Фаворита», намеченного на конец года, но вслух не говорим. Слова — лишни, когда ожидание достигло апогея.

С трепетом беру в руки каждый свежий номер «Книжного обозрения».

Нет... Опять — ничего... И вот... Ох! Наконец-то!..

8 декабря, прочтя сообщение, схватив газету, бросив работу, лечу домой, чтобы поздравить супруга.

Сколько тревог и надежд, сколько радости и счастья в короткой заметке о литературных новинках: «Валентин Пикуль. «Фаворит». Том I, том II».

Влетаю в дом. Забыв про лифт, бегу по лестнице. Валентин спит. Будить или не будить? Конечно — будить!

Валентин перечитывает несколько раз строку о «Фаворите», затем, отложив газету в сторону, закрывает лицо руками. Когда он открыл лицо, я была потрясена: ладони собрали и стряхнули с лица все острые, угловатые, напряжённые черты.

Доброе лицо промолвило:

— Наконец-то! Но до конца ещё не верится, мне нужна книга в руке.

Через десяток дней пришла бандероль с авторскими экземплярами. Валентин, развернув книги, положил томик на ладонь.

— Ну, здравствуй, «Фаворит»! — после небольшой паузы еле слышно произнёс он.

И, обращаясь ко мне, продолжил:

— Сегодня я так счастлив, что, думаю, нет в мире человека счастливей меня...

Затем по заведённой уже у нас традиции Валентин помог мне выбрать самый лучший экземпляр, на котором он сделал дарственную надпись:

«Тонечке Пикуль — другу и помощнику в трудной жизни... Твой В. Пикуль».

Бережно храню целую полку подаренных мне книг, каждая из которых — незабываемая веха нашей совместной жизни.

Сам факт выхода романа — это уже глава, и даже не книги, а всей жизни писателя Валентина Пикуля.

В романе чётко прослеживаются две сюжетные линии — Екатерины и Потёмкина от рождения и до завершения жизни «светлейшего».

Пятнадцатилетней ангальт-цербстской принцессой приехала Фике (впоследствии Екатерина II) в Россию, будучи невестой наследника престола будущего императора Петра III. Умная и развитая не по своим годам, она быстро поняла, что Россия не поддержит и не примет человека чуждой культуры, «далёкого от нужд и и устремлений России».

Поэтому, придя к власти, Екатерина считала престиж *страны своим престижем*, а её цели — своими целями.

Екатерина всегда гордилась русскими и Россией, говоря: «Русский народ есть особенный народ в целом свете, который отличается догадкою, умом, силою. Я знаю это по двадцатилетнему опыту. Бог дал Русским особые свойства. Верю, взойдет звезда Востока откуда должен воссиять свет, ибо там (в России) больше, чем где-нибудь, хранится под пеплом духа, мощи и силы!.. Россия, — заявляла Екатерина, — это не страна — Вселенная!»

Императрица обладала незаурядным умом государственного деятеля, огромной работоспособностью и силой воли:

«В пять часов утра Екатерина уже на ногах. Её ждут неотложные дела. Финансы страны в расстройстве: в казну поступает 16 миллионов, почти столько же разворовывается... Ей каждый день докладывают о ценах на базаре, о видах на урожай, о промышленности...»

О том, как подбирать себе помощников, нынешним руководителям полезно бы поучиться у Екатерины. «Отношение её к людям было чисто утилитарным»: встречая нового человека, она пыталась выяснить, на что он годен и каковы его пристрастия. «Всех изученных ею людей императрица держала в запасе, как хранят оружие в арсенале, чтобы в нужный момент извлечь — к действию». Обратим внимание на многие

другие положительные стороны правления Екатерины Великой. Под её руководством и при непосредственном участии были проведены «судебная и губернская реформы, создана более чёткая структура власти» развивалась культура, литература, искусство. Русская промышленность, в первую очередь металлургия, заняла ведущее место в мире.

34 года правления Екатерины, победы, одержанные русской армией, принесли ей всеобщее признание. Значительно возрос международный авторитет России.

Не будем касаться вопроса фаворитизма, остановим внимание на единственном из представителей этой касты — главном герое романа Григории Александровиче Потёмкине. Эта многогранная сложная личность впитала в себя положительные и отрицательные черты своего времени.

Выбрав надёжного помощника, Екатерина берегла его, прощала срывы, неудачи. Она «умела и *других заставить самозабвенно работать*, ради достижения поставленных ею целей. *Терпимость* — вот главное оружие властелина. Легче всего в гнев войти да головы отрубить!» — говорила императрица.

«Помни, — обращалась она к Потёмкину, что ты имеешь дело с живыми людьми, а люди — не бумажка, которую и скомкать можно. *Человека же, если скомкать, никаким утюгом не разгладишь.*

И Потёмкин как раз оказался тем государственным мужем, надёжным помощником, на плечо которого она опиралась и которому доверила самые ответственные посты.

В секретном рескрипте Екатерина давала Потёмкину широкие полномочия — «вверив Вам главное начальство над армией, даём Вам *полную власть*». Отныне Екатерина давала ему полномочия, оценивая политическую обстановку, своей властью открыть войну с Турцией.

«Горячей головой» называла Потёмкина Екатерина. Она, конечно, имела в виду не только личную храбрость князя, но и грандиозность его замыслов, и смелость осуществления самых дерзких проектов. Эти качества ярко проявились в наиболее масштабном его начинании — присоединении Крыма и освоении причерноморских земель, названных Новой Россией.

Центром обширнейшей территории «светлейший» собирался сделать город, имя которому выбрал со значением — Екатеринослав (ныне — Днепропетровск). И здесь с истинно русской силой обнаружился размах его натуры. Потёмкин предполагал построить в нём 12 фабрик, открыть университет, консерваторию, театр. Всё в Екатеринославе должно было соответствовать его будущему величию...

Война с Турцией помешала осуществлению наиболее амбициозных проектов, однако же многое Потёмкин успел сделать, причем в фантастически короткий срок. Даже иностранцы, сопровождавшие Екатерину во время знаменитого путешествия в Крым, отмечали, что благосостояние новых губерний «действительно удивительно, ибо не далее как несколько лет тому назад здесь была совершенная пустыня...».

До Пикуля в исторической литературе существовала довольно примитивная трактовка образа Потёмкина. Автор же увидел в лице Потёмкина не столько фаворита, сколь прозорливого государственного деятеля, он «расширил наши представления об этой незаурядной личности, много сделавшего для процветания страны». Потёмкин — «это уже целая эпоха», — замечает автор.

Присоединение Крымского ханства к России, освоение Причерноморья, сдерживание агрессивной политики Турции, создание Черноморского флота, основание Одессы, Севастополя, Херсона, Николаева,

Екатеринослава, — все эти и другие дипломатические, политические и экономические вопросы были во многом решены Потёмкиным, умным, смелым, решительным, честолюбивым государственным деятелем, — силы которого положены на службу Отечеству.

К этому следует добавить, что Потёмкин, будучи президентом военной коллегии, провёл реформу в армии. «Платье должно служить солдату одеждой, а не в тягость... что служит к сохранению здоровья и к защите от непогоды. Армия российская, извлечённая мною из муки и сала, отныне будет здоровее... поворотливее и храбрее...»

В иронически-памфлетных тонах обстоятельно и аргументированно развенчивает автор несостоятельность клеветы «о потёмкинских деревнях», дошедшей и до нашего времени, сочинённой в 1797 году, страстным ненавистником России — саксонцем Георгом Гельбигом, когда уже Потёмкина и Екатерины не было в живых.

Для чего появилась эта клевета о «потёмкинских деревнях»? Вывод таков. Удобное выгодное положение на юге, жирные чернозёмы притягивали многих обездоленных людей Европы, что вызвало тревогу у монархов. И поэтому Новую Россию стали представлять в самом безобразном виде: «пустыня, где трава не растёт», а самого Потёмкина — громилой с дубиной в руках».

При чтении романа ощущаешь, что автор *неравнодушен к своему герою*. Показывая отрицательные черты Потёмкина, Пикуль наделяет его многими достоинствами, что «не расходится с исторической правдой», — отмечают историки.

С большим мастерством описывает Пикуль сцены батальной жизни. В этом большая заслуга мастера, который внёс огромный вклад в развитие батального исторического жанра, показав глубоко правдивую,

полного драматического звучания картину военной жизни со сценами гибели героев и страданиями людей.

Когда до Румянцева-Задунайского дошла весть о смерти Потёмкина, он не смог сдержать слёз. Приближённые Румянцева удивлялись, но фельдмаршал строго сказал: «Чему удивляетесь? Потёмкин — мой соперник. Но он великий сын России».

Другой современник (Бантыш-Каменский) писал о нём: «Любя пламенно отечество, он не знал гнусной зависти, отдавал полную справедливость достоинствам Суворова, писал к нему: “Верь мне, друг сердечный! что я нахожу мою славу в твоей”».

Потёмкин был, несомненно, выдающимся государственным деятелем. Его несчастье состоит в том, что к государственным постам он пришёл через спальню Екатерины, что умалило его роль в глазах современников и вызвало... злобу Павла I, который, став императором, сделал многое для стирания его имени: выбросил прах из Екатерининского собора, низверг его памятник, отдал дворец Потёмкина под казармы, а залы первого этажа под конюшни...»

Но времена меняются, преображается и забытая нами история, благодаря историкам и историческим романистам, таким, каким был Валентин Пикуль.

Есть книги, за которые автор, помимо мелких уколов, получает много признательных слов от современников, добром помянут потомками и может с полным основанием принять в свой адрес благодарность предков, красиво выраженную А. И. Герценом: «Спасибо тем, которые после нас авторитетом утверждают сказанное нами и своим талантом ясно и мощно передают слабо выраженное нами».

«Фаворит» — такая книга.

Основная масса читателей восприняла роман с мудростью древних философов: «Если в стихотворении

многое блесит, я не буду в обиде за немногие пятна».

Книгу невозможно было не только купить, но даже «достать», имея знакомство.

Этот високосный год принёс много радости писателю в связи с выходом романа «Фаворит», одновременно с этим доставил и невыносимые переживания из-за документальной трагедии «Реквием каравану PQ-17», вышедшей в девятом номере «Роман-газеты».

Глава десятая. В студёных северных морях

«Реквием каравану PQ-17»

«Литератор не всегда может предчувствовать зарождение новой вещи. Так случилось и со мной. Я целиком был погружен в эпоху Семилетней войны, с её политикой, дипломатией, интригами и любовью, как вдруг (именно вдруг!) меня властно увлекло наше недавнее прошлое. Снова вспомнилась жестокая качка, стонущие завывания корабельных сирен и привиделся полярный океан, задымлённый кораблями союзных караванов.

Так я приступил к написанию “Реквиема...”, ибо моя молодость ещё жила во мне, она требовала своего повторения — на этот раз на бумаге...» — вспоминал Валентин Пикуль.

Есть писатели, чьи книги сопутствуют нам всю жизнь. Более того, образы героев этих книг, образ самого автора, создавшего произведение, входят в нашу жизнь, в нашу душу, становятся её частицей. К таким произведениям принадлежит книга Валентина Пикуля о судьбе каравана PQ-17. Обозревая и обдумывая всё, что создал Пикуль в литературе, уверенно заключаешь, что «Реквием каравану PQ- 17» — это визитная карточка писателя. Именно эта небольшая книга впитала в себя автора целиком как гражданина, патриота, литератора, историка, документалиста, военного моряка, участника Великой Отечественной войны.

Документальную трагедию «Караван PQ-17» (впоследствии она выходила под названием «Реквием каравану PQ-17»), впервые опубликованную в журнале

«Звезда» № 5 за 1970 год, Валентин Саввич считал своей настольной книгой, и не потому, что она всегда находилась у него на рабочем столе, а потому, что была постоянно в работе. Все остальные, ранее написанные книги, он «забывал», не возвращался к ним. А «Реквием каравану PQ-17» время от времени дорабатывал, вводил новые детали, делал уточнения, подсказываемые читателями, собирал материалы о действиях противоборствующих флотов в полярных широтах. Со временем автор хотел еще вернуться к этой книге, чтобы после многоточия поставить точку.

В специальной рецензии доктора исторических наук профессора В. В. Тарасова говорится:

«В своём произведении В. Пикуль отражает один из интересных, хронологически узких трагедийных вопросов борьбы на Северном фланге Второй мировой войны и великой битвы советских моряков в Заполярье, только одного лета 1942 года.

В. Пикуль — автор крупных историко-художественных произведений обладает даром в острополитической, глубоко патриотической, злободневной форме откликаться на важнейшие исторические события. Готовящаяся книга «Реквием каравану PQ-17» остро злободневна, написана в хорошей литературной форме, легко читабельна, и, как мне представляется, найдет положительный отзыв у нашего читателя... В целом работа достойна того, чтобы её издать, и как можно скорее».

Кандидат филологических наук доцент Власенко А. Н. в рецензии для издательства писал: «Документально-художественная повесть В. Пикуля «Реквием каравану PQ-17» с достаточной полнотой воссоздает малоизвестные до сих пор предысторию и обстоятельства гибели в Арктике конвоя PQ-17. Повесть отличается документальной точностью, а в

вымышленных сценах — достаточным художественным уровнем».

Сам автор определил жанр как документальная трагедия, при котором использовал огромное количество исторических документов: хронику ТАСС, выступления и приказы Сталина, Рузвельта, Черчилля, Гитлера, мемуары участников событий, исследования советских английских, американских, западногерманских учёных-историков.

На широком фоне мировых событий 1941–1942 годов Пикуль раскрывает картины военных действий и взаимоотношения с союзниками в борьбе против фашизма.

Великобритания и США на Московской конференции в конце сентября 1941 года приняли совместное решение об оказании нашей стране помощи вооружением и стратегическими материалами. Советский Союз должен был поставлять этим странам необходимое сырьё для военного производства.

Ставка Гитлера рассматривала северный театр военных действий главным из всех других, хотя в начальный период войны немецкое командование, рассчитывая на «молниеносную войну» против СССР, не придавало особого значения союзным конвоям. Только в 1942 году немцы начали привлекать для борьбы с конвоями огромные силы авиации, подводные лодки и крупные надводные корабли, базирующиеся в норвежских базах. Уничтожение конвоев, срыв снабжения через северные пункты назначения расценивались немецким командованием как один из решающих факторов войны.

С Англией и США Гитлер рассчитывал покончить после победы на Востоке.

Против флота Германии в Арктике встал наш героический Северный флот.

Конвои формировались на базе Лох-Ю (Великобритания), в Рейкьявике и заливе Хваль-фьорд (Исландия).

Пунктами прибытия караванов северным путем были города Архангельск, Молотовск (ныне Северодвинск) и Мурманск. Переходы конвоев по этим маршрутам совершались за 10-14 суток. В период ледостава движение судов в Белом море обеспечивали советские ледоколы.

Обеспечение безопасности перехода конвоев от места их формирования до порта назначения возлагалось на корабли Великобритании. В зоне действий Северного флота охранение усиливалось советскими кораблями и авиацией.

Первый караван PQ-0 — «Дервиш» пришел в Архангельск 31 августа. Всего в течение 1941 года пришло семь конвоев, состоящих из пятидесяти трёх транспортов.

В начале ноября Северную Двину сковал лёд. Начал замерзать и Двинский залив. Ледоколов не хватало. С продвижением фашистов по Кольской земле, Мурманский порт был закрыт: до Мурманска оставалось немцам преодолеть всего 40 километров. Генерал-полковник Дитл, командующий горнострелковым корпусом в Заполярье, поклялся Гитлеру, что через три дня он захватит Мурманск. И в таких сложных условиях решено было открыть Мурманский порт для принятия транспортов союзников. Незамерзающий порт Мурманск и прилегающая гавань обладала хорошими глубинами, была просторна, закрыта горами от ветров и близко находилась к выходу из Кольского залива. Как только фашисты узнали, что в Мурманском порту идут работы по восстановлению, начались непрерывные бомбардировки Мурманска и днём и ночью. Всего 20 минут требовалось самолётам противника, чтобы с территорий Финляндии и Норвегии достичь цели.

Гитлеровцы считали, что они будут господствовать в небе Заполярья. Но ошиблись. В небе их встречали наши отважные лётчики. Только за первый месяц войны наши соколы Северного флота сбили более пятидесяти вражеских самолётов.

Герой Советского Союза Сафонов Б. Ф. в воздушных боях с врагом сбил 41 самолет и сам погиб над морем 30 мая 1942 года при защите союзного каравана. Он стал первым лётчиком, дважды удостоенным звания Героя Советского Союза.

С выдающимся полярным асом, Героем Советского Союза И. П. Мазуруком Пикуль не только вёл переписку, но и общался по телефону. Много дельных, полезных советов дал отважный лётчик при работе над документальной трагедией, а по выходу книги высоко оценил её. Мазурук рассказал Пикулью страшную историю американского капитана Лонгрена, который из-за трусости отказался вести своё судно в Мурманск, а утопил все запасные части для орудий в бухте на Новой земле.

Конвои формировались и шли под шифром PQ с номерным числом, а из СССР — буквы шифра переставлялись в обратном порядке. Буквенное обозначение караваны получили по инициалам капитана 3 ранга Эдвардса P.Q, который планировал операции проводки в Адмиралтействе Великобритании.

Караван PQ-17 состоял из тридцати пяти транспортных судов.

Образно и доходчиво, с глубоким чувством сопереживания проводит автор читателя через жестокую трагедию Великой Отечественной войны, развернувшейся в полярных широтах. Из 35 судов 23 были уничтожены вместе с людьми и техникой, один вернулся в Англию, и только 11 транспортов добрались до наших портов...

Приход каждого каравана в нашей стране ждали с большим нетерпением. Особенно каравана PQ-17. В грозное лето 1942 года немецкие войска рвались к Волге, а линия обороны простиралась от Чёрного до Баренцева моря, на повестку дня была поставлена судьба Отечества.

За весь период Второй мировой войны немецкий флот не выставлял такой могучей флотской эскадры и авиации, которые встали на пути конвоя PQ-17. Но судьба конвоя была решена в Британском адмиралтействе, которое бросило караван с грузом и людьми на произвол судьбы, сняв прикрытие и не поставив в известность даже командование Северного флота. Корабли конвоя, находившиеся вне зоны действия советских морских сил, оставшиеся «без всякой охраны в океане, в самой опасной зоне, были потоплены один за другим — с людьми и техникой». Судьба каравана — это трагическая судьба не только каравана, но и трагическая страница в истории союзных отношений. Долгое время об этом молчали, но после войны заговорили и советские, и зарубежные источники.

Книга Дэвида Ирвинга «Гибель конвоя PQ-17» находит виновника в лице командовавшего эскортом конвоя капитана Брума.

«Он был обвинён в трусости. Якобы по этой причине капитан Брум бросил конвой, что и явилось причиной гибели конвоя. Возмущённый Брум обратился в суд, потребовав взыскания в его пользу причинённых клеветой моральных убытков. Слушание дела происходило в Высоком суде правосудия, продолжалось 17 дней (январь — февраль 1970) и закончилось вынесением решения в пользу Брума, взыскавшего с ответчика большую сумму в возмещение морального ущерба (40 тысяч фунтов) плюс (30 тысяч фунтов) в возмещение судебных расходов. Суд пришёл к выводу,

что капитан Брум действовал в точном соответствии с приказом Английского адмиралтейства.

Данный процесс широко освещался в английской прессе. Если указанная информация Вас заинтересует, то три вырезки из газеты “Morning Star” за январь — февраль 1970 года могу выслать», — писал Пикулю из Москвы Александр Тимофеевич Боннер в январе 1986 года.

Черчилль в своё оправдание говорил, что он лишь после войны узнал о приказе Д. Паунда расформировать конвой. Что же произошло? Каковы были стратегические соображения союзников бросить на произвол судьбы не только корабли и грузы, но и сотни английских и американских моряков?

Советские историки, проанализировав обстановку гибели каравана PQ-17, пришли к выводу, что его разгром «явился результатом политической игры англо-американских правящих кругов». Гибель конвоя PQ-17 они использовали в качестве повода для прекращения поставок в СССР грузов по ленд-лизу.

Напомним, что поставки по ленд-лизу за всю войну составили лишь 4 процента по отношению к оружию отечественного производства. Но это было, пожалуй, самое трудное для нашей страны время — канун Сталинградской битвы, поэтому «каждый танк, каждый самолет, каждый автомобиль, каждая ампула пенициллина, каждая банка тушёнки — были для нас необходимы».

Разгром конвоя ухудшил обстановку на Восточном фронте, ибо «в трюмах кораблей и на палубах было уничтожено вооружение для целой армии: потеряно 210 самолетов, 430 танков, 3550 автомашин и паровозов и другие важнейшие грузы».

Пикуль поддерживает точку зрения советских историков и делает вывод, что, «отводя крейсера и эсминцы ближнего прикрытия, политики Уайтхолла, не

желавшие оказывать помощи СССР, сознательно поощряли немцев к полному и решительному уничтожению каравана PQ-17.

Но были преданы не только те, кто погиб на кораблях.

В первую очередь союзники предали нас...».

В разгар холодной войны, да и сейчас идёт бурная фальсификация истории минувшей войны. Прежние союзники стали затушёвывать и принижать наши победы в борьбе с фашизмом.

Дело дошло до того, что фальсификаторы стали даже отрицать факт попадания торпед героической подводной лодки «К-21» в немецкий линкор «Тирпиц».

К счастью, живы ещё свидетели, которые по крупицам восстанавливают события тех грозных лет.

2 июля 1942 года во время нахождения на боевой позиции, командир «К-21» Н. А. Лунин собрал всех командиров БЧ в рубке и приказал:

«...Товарищи командиры! Прошу всех вас принять к неуклонному исполнению следующее моё решение и передать по команде: если мне не удастся атаковать противника в подводном положении, то я всплыву в надводное положение, и, пользуясь нашей большой скоростью, выйду в атаку и выпущу торпеды по врагу. Разъясните всё это личному составу, а вам, товарищ Браман (командир БЧ-5. — А. /7.), необходимо будет обеспечить срочное всплытие и сразу же дать дизелями самый полный ход, на который способна наша подводная лодка. Я уверен, что каждый исполнит свой долг перед Родиной и мы покажем фашистам, на что способны советские подводники. Баренцево море. Боевая рубка «К-21».

Во время «совета» в боевой рубке находились: комиссар Сергей Александрович Лысов, помощник командира Зармаир Мамиконович Арванов, командир БЧ 2-3 Ужа-ровский Владимир Леонардович, БЧ 1-4 Леошко

Михаил Александрович, штурман Липатов Иван Иванович, младший штурман Воронов, младший минер Василий Михайлович Терехов.

И этот момент настал: 5 июля 1942 года, находясь на боевой позиции, лунинцы обнаружили линкор «Тирпиц» и атаковали его.

Пикуль захотел узнать правду из уст непосредственного участника событий, командира БЧ-5 (который во время атаки находился рядом с Луниным), капитана 1 ранга в отставке, доцента Владимира Юльевича Брамана, и задал ему прямой вопрос:

— Владимир Юльевич, во время атаки на «Тирпиц» вы стояли плечом к плечу в боевой рубке... Скажите, как очевидец, ваше объективное мнение — куда пошли торпеды?

Отвечая на заданный Пикулем вопрос, Браман спокойно сказал:

— Вы ошиблись, назвав меня «очевидцем». На подводной лодке есть только участники, но очевидцев не бывает. «Тирпиц» и атаку на него наблюдал в тот день Николай Александрович, да и то не своими глазами, а через оптику перископа... Дожив до седых волос, я лгать не стану: выпустили четыре торпеды, а чётких взрывов было два... Но это не были взрывы глубинных бомб...

Командующий Северным флотом адмирал А. Г. Головкин тоже до конца своих дней был уверен в том, что из четырёх торпед, выпущенных в «Тирпица», попали две, которые надолго вывели линкор из строя. Заглядывая вперёд, он пророчески предрекал: «Не сомневаюсь, что английское командование предпримет всяческие попытки умалить значение и результативность атаки Лунина».

Так оно и произошло: за границей отрицали успех атаки, да и в нашей печати появилась тенденция искажения подвига «К-21».

Вопрос о торпедировании «Тирпица» широко муссировался и в английской печати. Наиболее точный ответ дал военно-морской обозреватель Эдгар Янг. Он «не щадит своё Адмиралтейство, справедливо считая, что действия Черчилля и Паунда значительно подорвали репутацию королевского военно-морского флота, а атаку Лунина называет «блестящей».

Английская разведка в тот период сообщала: «“Тирпиц” встал на ремонт вследствие атаки советских подводников». Ни у кого это не вызывало сомнений, в том числе и у английских историков. По прошествии многих лет, стараясь принизить роль наших вооружённых сил в разгроме гитлеровской Германии, английская пропаганда многое отрицает, в том числе и торпедирование «Тирпица».

Как бы ни старались фальсификаторы принизить роль подвига подводников «К-21», — эта лодка и её экипаж навечно останутся в летописи славной борьбы с фашизмом. «К-21» — весь её личный состав и командир — отправилась в вечный поход — в бессмертие.

За годы войны Герой Советского Союза контр-адмирал Н. А. Лунин в общей сложности потопил 24 корабля противника. У Лунина было святое правило: «Без победы на базу не возвращаться». Судьба отвела прославленному подводнику только 63 года, в ноябре 1970 года его не стало.

За два дня до смерти Н. А. Лунин прочитал «Караван PQ-17» и высоко оценил труд Пикуля: «Из всех повестей и рассказов, которые я прочитал про Северный флот, и в частности, про мою “К-21”, только один писатель, моряк Валентин Пикуль написал так правдиво, честно и по-мужски, что я не мог читать без слёз, а вы, ребята, сами знаете, что я не из слезливых...»

За свой героический подвиг Н. А. Лунин расплатился гибелью своего отца. Немецкая разведка установила, что отец Н. А. Лунина слесарь-кораблестроитель

проживал на территории оккупированного Ростова-на-Дону. Его схватили фашисты. Он был повешен на городской площади города.

Рассказывая о людях, участниках войны, которые мужественно сражались и погибали, автор с нескрываемой любовью и симпатией говорит и о кораблях. Брошенные без прикрытия охраны в море, беззащитные корабли расстреливались фашистами один за другим и с моря, и с воздуха. «Если бы корабли умели плакать, они бы, кажется, сейчас рыдали...» — делает вывод автор. И тут же рассказывает о подвиге загруженного аммоналом «Старого большевика», вырвавшегося из смертельной петли. «Чёрный от ожогов корабль, почти уже неживой, развивал предельные обороты. Казалось, мертвец восстал со дна океана. А кто он — почти не узнать в этом обгорелом скелете. Но он двигался. Он спешил. Он был жив. Он мигал прожектором... Рёвом восторга огласились корабли конвоя, когда в этом пришельце “с того света” узнали корабль, брошенный в океане...»

Многие читатели в письмах признавались автору, что при прочтении этих строчек у них на глазах появлялись слёзы...

В наше время караван PQ-17 продолжает свой путь! Но идёт он уже не в порты назначения — «караван входит в историю, в политику, в литературу...».

«Тени на добрых именах»

«Война — это не только удачи и победы. В кутерьме военных операций наряду с успехами наличествуют поражения, случаются промахи, вызванные чьей-то неопытностью, отказами техники, да и, в конечном счёте, непредсказуемостью замыслов противника».

Всё это Пикуль знал доподлинно, так как сам воевал. Позднее, в литературной работе, он постоянно сталкивался с документами, свидетельствующими о взлётах и падениях людей на войне. Многие события военных будней отразились и до сих пор отражаются горечью на судьбах потомков. Так случилось у Валентина Пикуля во время публикации документальной трагедии «Реквием каравану PQ-17».

Как документалист, не лакирующий действительность, а ищущий истину, к тому же имеющий в своём распоряжении подтверждающие свидетельства и документы, автор в своей книге воспользовался известным эпизодом из истории полярного каравана, связанного с подводной лодкой «К-21», которая могла погибнуть от налёта немецкой авиации из-за нерешительности помощника вахтенного офицера. В документальной трагедии была названа подлинная фамилия этого офицера. И этот будничный в общем-то для войны эпизод, показывающий, как непросто шёл экипаж героической «К-21» к своей главной победе — атаке на линкор «Тирпиц», — стал предметом клеветы, травли и угроз, на несколько лет вовлёк в свой водоворот множество коллективов и людей. Некоторые из них на этом и закончили свой жизненный путь, перегрузив отрицательными эмоциями уставшие на войне сердца...

А началось все с «тяжёлой» руки недобросовестного журналиста, который, как и фальсификаторы войны, поставил под сомнение существование одного обыденного факта, происшедшего на боевой позиции.

10 марта 1984 года в газете «Красная звезда» появилась статья члена редколлегии, редактора по отделу очерка и публицистики, полковника А. Хорева «Тень на добром имени». К тому времени книга «Реквием каравану PQ-17» вышла в издательствах «Советский писатель» (в 1978 и 1981 годах), рижском

издательстве «Лиесма» — в 1979 году, в Дальневосточном книжном издательстве в 1983 году и готовилась к публикации в «Роман-газете».

Письмо Пикуля Хореву, приведённое в предыдущей главе, как говорится, не произвело на журналиста никакого впечатления — он просто его игнорировал.

Не убедил Хорева и обстоятельный ответ контр-адмирала в отставке, кандидата военно-морских наук доцента Ужаровского Владимира Леонардовича, бывшего командира БЧ -2-3; комиссара Сергея Александровича Лысова; проигнорировал Хорев и другие свидетельства ветеранов.

В опубликованной статье автор, обрушившись на Пикуля переусердствовал и навёл «тень на добром имени» практически на весь экипаж подводной лодки «К-21».

Публикация вызвала много незавидных откликов.

Хорев направил письмо и в редакцию газеты «На страже Заполярья», в котором «делает серьёзный упрёк редакции газеты Северного флота в том, что она сначала в декабре 1960 года, а затем в 1969 году обвинила лейтенанта Валентина Александровича Мартынова в действиях, которых он не совершал. Автор публикации указывает также, что редакция не предприняла ничего для исправления ошибки, допущенной 10 декабря 1960 года...»

Уже 12 марта в «Красную звезду» и в политорганы СА и ВМФ пошло письмо из флотской газеты «На страже Заполярья», ответ на статью Хорева, в котором сообщалось: «Источник, которым пользовались наши коллеги в 1960 году, не что иное, как “История Краснознамённой подводной лодки ‘К-21’”».

Документ (хранится в музее флота и в одной из частей) подготовлен членами экипажа корабля ещё при жизни его командира Н. А. Лунина. Один экземпляр «Истории...» заверен лично Луниным Н. А.

Приведём запись на страницах 32–33, излагающую события 19 июня 1942 года:

«...немцы тщательно разведывали море вокруг своей эскадры. Налёты самолётов не прекращались. Около полудня помощник вахтенного командира Мартынов заметил на высоте 200 метров вражеский бомбардировщик “Ю-88”. Он заходил для атаки с кормы. Мартынов замешкался, и, когда лодка с отворотом вправо стала погружаться, по корпусу застучали пули. “Юнкере” сбросил бомбы, они упали слева за кормой и не разорвались, но в лёгком корпусе было восемь пробоин от пулевых попаданий.

Когда лодка ушла на глубину, капитан второго ранга вызвал всех командиров в рубку и разобрал ошибку лейтенанта Мартынова.

— Больше подобные ошибки не должны повторяться, — сказал он строго.

Если сравнить публикацию во флотской газете за 10 декабря 1960 года, не трудно убедиться, что она представляет сокращенный вариант из “Истории...”

По поручению редакционной коллегии газеты “На страже Заполярья” ответственный редактор газеты капитан первого ранга А. Адеков».

Тактично указывали на тенденциозный и необъективный характер статьи Хорева оставшиеся в живых участники тех трагических событий.

Практически во всех письмах высказывалась надежда, что недостойным действиям журналиста Хорева, не разобравшегося в существе дела и извратившего его, будет дана соответствующая оценка.

А контр-адмирал Ужаровский В. Л. в заявлении «О непорядочности члена редакции газеты “Красная звезда” полковника А. Хорева» на двенадцати страницах доказывал: «Пикуль написал чистейшую и абсолютную правду! Для того, чтобы судить об этом, нужно быть не туристом, а моряком. Нужно быть на

войне. Тов. Пикуль вынес всё это на своём горбу... Он знает, причём очень хорошо знает, цену хотя бы одного-единственного прохлопа... Человека за правду терзают три года! Но честь и хвала мужеству и стойкости Пикуля, отстаивающего правду».

В заключении В. Ужаровский предлагает т. Хореву принести извинения:

«В. Пикуль, М. Хаметову, редакции газеты “На страже Заполярья”, а руководству “Красной звезды” принять меры, чтобы подобные “тени” не падали на центральный орган военной печати».

Дождался ли кто-нибудь из них каких-либо извинений? Знаю точно, что Валентин Пикуль — нет.

Торжество лжи мучительно для порядочного человека. Пикуль был удручен и страшно переживал сложившуюся вокруг произведения ситуацию. Переживал не за себя — за других.

— Мне-то что, я утрусь, я привык, я переживу!.. Но как же можно делать лгунами всех членов экипажа лодки, включая командира? Из гордости за таких людей, за такие экипажи и расчёты, за такие роты и полки как раз и слагается слава вооружённых сил. А Хореев их...

Глаза его заблестели, он махнул рукой, не договорив.

Особенно Пикуля удручил ответ заместителя начальника отдела печати Главпура СА и ВМФ О. Сарина членам легендарной «К-21» С. А. Лысову и В. Л. Ужаровскому:

«Уважаемые Сергей Александрович и Владимир Леонардович!

Ваше письмо рассмотрено в отделе печати Главного политического управления СА и ВМФ. Сообщаем, что все высказанные Вами замечания тщательно проверены на основании документальных материалов. Ни одна из претензий, предъявленных к автору статьи “Тень на

добром имени”, не подтвердилась. Публикация получила положительную оценку в коллективе редакции и в откликах читателей. 3 апреля 1984 года».

Прочитав это письмо, присланное В. Пикулю, он заключил:

— Да, с такими «политиками» мы «далеко» пойдем. Хорев всех обгадил, а его начальник О. Сарин его защитил. И с каких пор мы перестали верить уважаемым людям, живым свидетелям и участникам событий?

Да и что говорить...

«Я переживу!» — говорил Валентин Саввич. Он «пережил» все письма сестры подводника-североморца, обращённые к нему, в которых та угрожала писателю применением статьи 7 УК. Пикуль и это пережил...

А Владимир Юльевич Браман, к несчастью, — *нет!*..

Супруга Брамана Татьяна Алексеевна сообщила Пикулю, что В. Ю. Браман скончался 29 января 1982 года, так и не дожив до торжества победы.

Снова возвращаюсь к письму Ивана Фёдоровича Шев-кунова, бывшего электрика с «К-21», который проясняет дальнейшую судьбу своего сослуживца. В. А. Мартынов вместе со своим подчинённым радистом ст. 2 статьи Г. Л. Ильяшенко были направлены в Англию. После возвращения из Англии Ильяшенко рассказывал: «Когда транспорт торпедировала немецкая подводная лодка, многие моряки стали бросаться за борт, в том числе и Мартынов, и, разумеется, ушли на дно морское. Те моряки, которые остались на судне, были спасены — сняты эскортным кораблем английского флота...»

Что же было дальше? Чем закончилась эта так надолго затянувшаяся история с участниками подводной лодки «К-21»?

Михаил Иванович Хаметов в письме от 19 апреля 1984 года сообщает Пикулю:

«Одержана первая победа. Сегодня первый заместитель начальника Главпура адмирал А. И. Сорокин принял ветеранов “К-21”, представителей “Красной звезды”, Воениз-дата и отдела печати Главпура. В итоге обсуждения претензий лунинцев к газете “Красная звезда” *адмирал признал статью газеты ошибочной*, поручил редакции опубликовать солидный положительный материал о “К-21” и его ветеранах и дать отпор, поставить на место сестру Мартынова, которая окончательно распоясалась и безудержно хулиганствует, выдвигает дикие обвинения против членов экипажа “К-21” и авторов книг».

Видимо, как отклик на эти события фотохроника ТАСС в августе 1984 года дала публикацию для печати под рубрикой «К 40-летию Великой Победы». Я использовала материал из газеты «Советская Латвия» от 22 августа 1984 года под названием «*Лунинцы атакуют “Тирпиц”*», где помимо текста помещён снимок Н. А. Лунина (1942 года) и подводная лодка «К-21» на вечной стоянке в Североморске. На её палубе находятся ветераны, принимавшие участие в походе и торпедировании «Тирпица» 5 июля 1942 года.

Привожу фрагмент из заметки:

«Этот небольшой эпизод самой большой из войн уже уходит в легенду. Тогда об этом факте сообщали газеты всего мира. Сегодня о дерзкой атаке самого мощного линкора воюющих держав подводной лодкой Н. А. Лунина, оказавшейся в центре фашистской эскадры, знают миллионы читателей книги “Реквием каравану RQ-17”.

Атака флагмана немецко-фашистского флота — линкора “Тирпиц” 5 июля 1942 года подводной лодкой “К-21” под командованием Героя Советского Союза Н. А. Лунина стала символом доблести советских подводников».

«Атака на “Тирпиц” хорошо и подробно описана В. Пикулем. Незадолго до смерти книгу с одобрением прочёл Н. А. Лунин, — рассказывает корреспонденту капитан 1 ранга в отставке С. А. Лысов, который в качестве комиссара руководил подводной лодкой вместе с Луниным до, во время и после знаменитого похода...»

Переживания и раздумья Валентина, вызванные статьей, дали совершенно неожиданный результат.

Вечером 15 марта он пригласил меня для серьёзного разговора.

— Понимаешь, начал он издавека, — вот я расстроился, выпил, но, хорошо подумав, решил: так вести себя нельзя. Впереди ещё тачки грязи и клеветы, если на всё так реагировать, то никакого здоровья не хватит. А любая пакость отлично плавает, так что и в стакане её не утопишь. Поэтому хочу, чтобы ты засвидетельствовала главное: с завтрашнего дня я раз и навсегда — *великий трезвенник*. Ты же знаешь, что во время работы я капли в рот спиртного не беру, а выпиваю только после завершения романа, чтобы выйти из одного времени и войти в другую эпоху. А свою бочку я ещё в юности выпил, — в чужую заглядывать не желаю. Вот и весь сказ!

— И на мой день рождения не выпьешь? — от удивления спросила я.

— Ни на твой, ни на чей бы то ни было, — отрезал Пикуль.

Свой день рождения я отметила на работе, а дома он прошёл незаметно: Пикуль очень плохо себя чувствовал, но лёжа внимательно изучал дело Штауффенберга...

Валентин тем временем, полностью переключившись на тему «Площади павших борцов», проглатывал кипы книг. И в обед, и вечером после работы возвращалась домой с огромными сумками книг.

Валентин просматривал все имеющиеся в нашей библиотеке «Военные мемуары» зарубежных военных деятелей и историков. Очень просил достать Манштейна и Паулюса, но у меня их не было. Зато обрадовался принесённым мною научным исследованиям о боевых путях той или иной армии и дивизии. Просит приносить ему все книги, в которых говорится о начальном периоде войны, и в первую очередь о Сталинграде.

4 апреля Валентин Саввич приступил непосредственно к написанию романа. Весь вечер долго мучился, писал, правил, перепечатывал посвящение отцу. К следующему дню — к месячному юбилею тёзки (внука Валявки) — написал 7 страниц. Целый месяц, не отрываясь ни на какие посторонние дела, чередуя чтение с письмом, Валентин работал исключительно над «Барбароссой». Темы наших разговоров по вечерам также ограничивались рамками нового романа и связанного с ним «материального» обеспечения: такие-то книги отнести, такие-то — достать.

Иногда для выяснения какой-либо детали Пикуль просматривал до десятка книг, пока не находил ясного ответа. Читал в это время и присланные Вячеславом Михайловичем Чуликановым мемуары Манштейна. Не знаю, для чего это нужно было автору, но замечала, что чтение военных мемуаров Валентин Саввич чередовал с книгами, не имеющими ничего общего с темой романа. Много писал, как он говорил, «впрок» — для будущих глав. Придумав более увлекательное для читателей начало, вернулся на «исходную позицию». Так и шла обычная писательская работа...

9 мая Валентин Саввич вновь сел за Сталинград. Почти без сна, за сутки написал 26 страниц. Ещё трое суток такого же напряжения, и 15 мая вечером он сообщил мне, что вчерне закончил первую часть романа — «Барбаросса».

Такой героизм не прошел бесследно. Переутомление вылилось в сильную боль левого глаза...

На следующий день Пикулю позвонили из газеты «Советская Латвия» и пригласили на торжественную часть по случаю чествования главного редактора Николая Петровича Салеева в связи с 70-летием со дня рождения. Не буду описывать подробности этого мероприятия, состоявшегося в Доме печати. Для раскрытия характера Пикуля мне хотелось бы только передать смысл поздравления, высказанного им.

После здравицы в честь юбиляра и добрых пожеланий в его адрес Валентин, стоя на сцене огромного зала, сказал приблизительно следующее:

— Денег я у вас займы никогда не брал, сам вам их тоже не давал, тем более что вы никогда их и не просили. Поэтому наша дружба — бескорыстная.

Эти слова сняли натянутую чопорность с торжественности. Все весело смеялись, но некоторые с опаской поглядывали на телевизионные камеры, фиксирующие, на их особый взгляд, не совсем подходящие к официальной церемонии речи.

Но телевидение — телевидением, а Пикуль оставался Пикулем.

До конца мая Валентин Саввич, жалуясь на глаз, не приступал к последующему материалу, а только перечитывал, правил и дорабатывал первую часть романа.

В июне к Валентину Саввичу приезжал ответственный секретарь русско-болгарского журнала «Дружба» Витас Матулявичюс.

Непринуждённость и содержательность общения с ним доставляли Пикулю истинное удовольствие. Они много разговаривали, вместе смотрели и обсуждали библиотеку, ходили на выставку Рерихов в Латвийский музей изобразительного искусства.

Впоследствии Витас расскажет о Пикуле в своей публикации «Человек, написавший библиотеку».

Упоминание о болгарях освежило в памяти события, о которых стоит хотя бы коротко сказать.

В этом году к имени Пикуля был проявлен большой интерес за пределами страны. Через ВААЛ за согласием на издание книг обращались: из Болгарии — по поводу «Окини-сан», ЧССР просила и «Три возраста Окини-сан», и «Богатство», в США намеревались издать «Битву железных канцлеров».

Популярность Пикуля возрастала. Это было заметно и по интересу, проявляемому к его личности со стороны художников и теле-, киноработников. Пикуля хотели снимать, желали писать с него портреты.

Не жадный до славы, он принимал творческих людей, понимая их профессиональный интерес.

Так, в июне в кабинете Валентина Саввича три дня жил художник из Москвы Лев Вяткин и писал карандашные портреты Пикуля и героев его произведений.

Помнит «Ижору»

Как хорошо, что события полярных конвоев теперь уже далёкой войны не забыты. Ветеранские и общественные организации военно-морского флота проводят международные встречи участников морских конвоев.

Организаторы мероприятий даже меня приглашают на столь незабываемые встречи. Интересно и познавательно, с участниками английских и американских конвоев проходила встреча в Архангельске 28 августа 1991 года под девизом — «Дервиш-91». Принимала я участие в международной конференции «Помним “Ижору”», проходившей в Санкт-

Петербурге 5 марта 2002 года, о которой В. Пикуль писал:

«Вот эта “Ижора” имела несчастье напороться в океане прямо на “Тирпица” — флагмана германского флота...»

Капитан «Ижоры» В. И. Белов успел передать координаты нахождения немецкой эскадры. Сигнал был принят конвоем PQ-12, что помогло ему избежать встречи с «Тир-пицем», а также на британской эскадре адмирала Д. Товея, охотившейся за линкором.

Конференция проходила под девизом «Помним “Ижору”», посвященным 60-летию героической гибели судна в бою с германской эскадрой 7 марта 1942 года.

Спустя шесть десятилетий после расстрела «Ижоры» в Северной Атлантике тремя немецкими эсминцами, сопровождавшими линкор «Тирпиц», история её потопления привлекла вновь внимание специалистов, главным образом зарубежных.

Один из них, Норберт Клапдор из Германии, посетив Центральный военно-морской музей в Санкт-Петербурге, «поделился неизвестными у нас данными об “Ижоре”... Клапдор пришел к выводу, что трудяга-лесовоз, гружённый досками, предопределил и ускорил поражение немецкой армии фельдмаршала Роммеля в Африке, поскольку именно он задержал, а потом и вообще сделал невозможным поход линкора “Тирпиц” из северных морей в африканскую акваторию...».

Другой немецкий историк — Бернارد Гомм «дотошно подсчитал, что по тихоходному пароходу гитлеровские моряки выпустили две торпеды, произвели 11 выстрелов 150-мм, 43 выстрела орудиями 127-мм и 82 выстрела 37-мм. А “Ижора”, гружённая лесом, упрямо не тонула, и лишь после того, как эсминец “Шеманн” сбросил ей под борт две глубинные бомбы, наступил конец».

Как очевидец и участник событий — артиллерийский офицер с эсминца «Фридрих Ин» Юрген Брунк, который в числе других моряков расстреливал «Ижору», выступая на этой конференции, говорил: «...по законам войны у нас не было иного выбора заставить “Ижору” замолчать.

Соппротивление “Ижоры” было мужественным и храбрым, но безнадёжным... Я сегодня сожалею, что война на море нас вынудила стрелять друг в друга, и что на храброй “Ижоре” погибло столько людей, выполняя свой долг перед Отчизной.

Мы должны стремиться извлекать уроки из прошлого и при взаимном уважении делать всё для того, чтобы восполнить пробелы истории, содействуя взаимопониманию между немецким и русским народами.

Приветствую всех русских ветеранов Полярного конвоя и всех российских моряков, которые чтят память храброй “Ижоры”».

Завершающими словами на конференции были озвучены пророческие мысли Валентина Пикуля, который завещал в «Реквиеме каравану PQ-17»: «Помните, люди, эту “Ижору!”»

Валентин всегда дарил мне с надписью авторский экземпляр каждого нового издания любой своей книги. На Калининградском издании «Реквиема каравану PQ-17» написано: «...Авось, эта книга — лучшая из всех...»

И читатели с такой оценкой согласны.

В заключение замечу: говорят, что рано или поздно правда всегда торжествует. Используемое как аксиома выражение неверно и отражает скорее желаемое, чем действительное. Нет, торжество правды наблюдается далеко не всегда... А если она и торжествует, то не сама по себе, а на похоронах части здоровья и нервов, погибших во имя того, чтобы среди вороха лжи и

дезинформации докопаться до первоизданной правды факта...

«Ставя последнюю точку в гибели конвоя, я чувствую себя матросом с каравана, и спина сразу покрывается ознобом мурашек, будто палуба уже выскальзывает из-под ног, а сейчас предстоит кидаться с борта высотой в три добрых этажа прямо в ледяную купель, в которой — я знаю! выжить мне не удастся...

Эту летопись я посвящаю как скромный реквием памяти тех, кого мы не дождались летом 1942 года. Памяти всех честных бойцов против фашизма — советских, британских, американских и польских моряков, которые через ад проводили свои караваны.

Вечная память всем им, уснувшим посреди ледяных вод в тех высоких широтах, что грохочут между Мурманом и Шпицбергенем».

Глава одиннадцатая. Мысли и поиски

Как рождался роман «Крейсера»

Заключительный аккорд ушедшего года продолжал воздействовать на Пикуля. Никогда он не читал ни одну из своих вышедших книг. Обычно, внимательно осмотрев внешний вид и титульный лист вновь поступившего авторского экземпляра, Валентин ставил его на полку и практически больше к нему не прикасался.

«Фаворит» стал исключением. Валентин несколько раз брал книги, перелистывал, рассматривая оформительскую графику. Глаза подсознательно, почти автоматически скользили и по тексту.

Стоп!.. Что-то не совсем знакомое... Пикуль перечитывает, сверяет с рукописью — у него не так... Мягко говоря, неточность. И здесь случилось то, что ввиду необычности события я выделю курсивом: *Пикуль начал читать свой роман.*

Опечатка... Опять неточность... Ещё опечатки — одна, другая...

Корректорская работа издательства вызывала в нём раздражение.

— Про себя не говорю, — сокрушался Валентин Саввич, — но разве можно так неуважительно относиться к читателям?

Только проделав до конца эту несвойственную для себя операцию, писатель отложил своего «Фаворита» в сторону. Теперь он с энергией человека, отставшего и желающего наверстать упущенное, набросился на чтение интересующих его книг...

Яркость впечатления от эмоционального разговора с Валентином сохранила моя подробная запись в дневнике.

— Ты только послушай... — И Пикуль, приглашая меня в свои переживания, начал читать. Читать о том, как японцы, хозяйничавшие тогда в Маньчжурии, отмечали в Харбине годовщину праздника победы при Цусиме. Торжества были пышными. Огромная процессия со знамёнами и оркестром растянулась почти на километр в длину. И во главе процессии шли царские генералы в парадной форме при всех орденах и медалях.

— Тебе не кажется это чудовищным? — с ужасом спросил он меня. — Что же это такое? Ты только подумай, как низко надо пасть, чтобы идти в процессии своих врагов, как рабы за колесницей победителей...

Пикуль надолго умолк и задумался. В такие минуты лучше «не вступать». По опыту я знала: ему важно само моё присутствие, чтобы живыми звеньями слов связать первую, главную идею цепочки, которая ляжет затем на листы бумаги.

Последствия раздумий Валентина выразились в том, что его взор вновь «повернулся на Восток». Опять на первый план выдвинулась тема истории Дальнего Востока, в которую он окунулся, работая ещё над «Богатством», и позднее, обдумывая судьбу Окини-сан.

По воле судьбы в это же время созрело решение радиокомитета о трансляции по радио глав из романа «Богатство».

А Пикуль усиленно собирал материалы по Дальнему Востоку, как всегда, задействовав для этого все мои возможности. В данном случае не только как библиографа, а как человека, шесть лет прожившего в дальневосточных морских гарнизонах. Он заставлял меня в мельчайших подробностях рассказывать о прежней тамошней жизни. Чтобы больше общаться,

Пикуль даже немного сместил свой распорядок — ближе к принятому обычными людьми. В эти дни мы много времени проводили вместе. Гуляли по паркам, где я, по настоянию Валентина, продолжала свои рассказы о дальневосточной жизни, неотделимой от воспоминаний о детях. Возвращаясь в центральную часть города, мы посещали магазины. Зашли в спортивный магазин. Валентин Саввич долго смотрел на двухколёсный «подростковый» велосипед и неожиданно предложил:

— Давай купим Валявке этот велосипед.

— А как его дотащишь, он же не такой уж и лёгкий, — возразила я.

— Ничего, я донесу. Ты знаешь, он будет доволен, — как бы боясь несогласия, уговаривал Пикуль. — Я в детстве всегда так завидовал тем, у кого был велосипед.

Взвалив на плечи «двухколёсного коня», Валентин Саввич донёс его до дома и, проигнорировав лифт (чтобы не поцарапать), поднял на третий этаж. Поставил велосипед и сел напротив. Очень усталый и очень довольный...

Бодрствующий Пикуль и сам предпринимал многочисленные дневные вылазки в город. Заботливо навещал Валерия Ганичева, который в рижском травматологическом центре залечивал последствия серьёзной автомобильной аварии. В одно из посещений, войдя в палату Валерия Николаевича, Пикуль вместо больного увидел двух мужчин с очень знакомыми ему лицами.

Вместе с приветствием поделился с ними своими ощущениями, видимо, ещё не поняв, что знакомы лица... по экрану телевизора. Это были известные всем писатели Юрий Бондарев и Сергей Залыгин.

Пикуль не стал представляться. Чтобы не мешать беседе с гостями, удалился, оставив Ганичеву записку.

Вернувшись в палату, Валерий Николаевич сказал, что у него был писатель Пикуль, чем вызвал сожаление друзей, что разговор с писателем не состоялся.

Но они несколько позднее ещё встретятся...

Вопреки предположениям, отзывы на «Фаворит» шли только в многочисленных письмах в адрес Пикуля. Пресса безмолвствовала.

Хулители выжидали. Какой будет ветер с гор? Не промахнуться бы!

Доброжелателей с положительными отзывами на роман даже близко не подпускали к пресс-порогу. Кто прорвётся раньше?..

А между тем, путешествие в историю Дальнего Востока продолжалось. Выбрав удобный момент, Валентин сообщил мне:

— Я хочу написать роман о действиях бригады владивостокских крейсеров в период Русско-японской войны. Эта тема мало отражена в научной и художественной литературе. Главным героем будет молодой мичман, и посвящу эту книгу светлой памяти Виктора.

В тот же вечер один чистый лист бумаги превратился в титульный лист будущего романа. Вот всё, что на нём было написано:

ВАЛЕНТИН ПИКУЛЬ

КРЕЙСЕРА

Роман из жизни юного мичмана

Светлой памяти *Виктора*, который мечтал о море, —
и море забрало его у нас — *навсегда*.

Автор.

Дело осталось за малым — написать роман. Но я знала, что этот процесс начнётся не сегодня и не завтра. Если один роман закончен и уже полностью созрел замысел очередного, значит, настало время «перестановки мебели». Этот термин — мой. Валентин

Саввич называл это другим, многосмысловым словосочетанием — «перевеска картин».

Пикуль относился к этому почти ритуальному действию настолько серьёзно, что я просто не имею права не посвятить ему отдельного повествования.

Итак...

Перевеска картин

Начать надо, пожалуй, с характеристики писателя Валентина Пикуля, как... дизайнера.

В любой квартире имеется немало вещей, именуемых в повседневной речи «безделушками», которые, будучи повешенными на стену, могут оживить или украсить интерьер.

А как быть, если безделушек тьма, а стен практически нет?

Вот тут нужен талант. Большой талант, такой, как у Пикуля. Тем более что для него ни одна безделушка не оправдывала своего названия.

У Пикуля, как у огородника, дорожащего любым клочком земли, каждый квадратный сантиметр стены был на учёте. На планках книжных стеллажей, закрывавших стены от пола до потолка, находили приют ордена, медали и полковые знаки, погоны, эполеты и аксельбанты, кортики и сабли, миниатюрные портреты героев его книг.

Небольшие статуэтки заставляли книги потесниться на их законных местах.

С более габаритными картинами, фотографиями, портретами и другими «экспонатами» было труднее. Выручали простенки между окон, коридоры, кухня, ванная и туалет — везде дизайнер Пикуль приложил свою руку.

Модели кораблей, якоря, часы, компасы и другие сувениры оккупировали коридор. Даже входная дверь не была обделена вниманием. В середине красуется подкова, а над дверью висит собственноручно изготовленный Пикулем плакат для любителей начинать многословные дискуссии в уже застёгнутой верхней одежде на пороге открытой двери — «*уходя — уходи!*».

Иногда мне казалось, что нигде нет места, чтобы вбить гвоздик для размещения какого-нибудь вымпела. Но Пикуль всегда находил. И в его дизайне не было никакой безалаберщины, наоборот, на всём лежала печать своеобразной целесообразности и законченности. Не понять, а потому и не объяснить, почему Валентин Саввич мог, развесив весь свой наглядный арсенал и оглядев сотворённую им «икебану», недовольно поморщиться. Но затем, поменяв местами всего две картинки, расплыться в удовлетворённой улыбке.

Он, как директор собственного музея, единолично определял, что достойно в данный момент взору его глаз, а что может пока полежать в «запаснике».

Перед каждой работой над новым романом писатель менял экспозицию.

Новая тема требовала своих декораций, и Пикуль сам создавал вокруг себя ту атмосферу, в которой предстояло жить и творить в ближайший обозримый отрезок времени.

Перевеска картин. Такое название своему необычному вживанию в тему нового произведения Пикуль дал под впечатлением книги Грабаря о братьях Третьяковых. Славный сын русского народа, подаривший государству Третьяковскую галерею, в предсмертном завещании просил «*не перевешивать картин*».

Валентин долго искал окончательный штришок комфортности в своём кабинете. Это ощущение пришло к нему только после приобретения (делалась на заказ) и установки длинной дубовой лавки-скамейки, напоминавшей мебель деревенских изб. На ней он рассаживал гостей и наслаждался удобством при работе: все необходимые книги стройным рядом лежали перед глазами.

Пикуль любил красоту, создающую удобство. Если два понятия вступали в противоречие, предпочтение отдавалось последнему.

Так, ударившись дважды коленкой об угол стола в портретной, Валентин разрезал валенки и обил этим войлоком злополучный угол. Он хладнокровно, старательно и, главное, надёжно всадил молотком огромные гвозди в сияющую глянец полировку...

Все экспонаты, кроме предметов, подаренных хозяину дома, к экспозиции Пикуль готовил сам. Изготавливал и подгонял рамочки, вырезал, в том числе и круглые, стёкла.

Я часто заходила в магазин, где раньше продавались различные заготовки для оформления эстампов. Купив несколько образцов для рамок, приносила их домой, протягивала Пикуль и, не раздеваясь, ждала его резюме. Не раздевалась, поскольку знала, что сейчас последует... Так и есть...

— О! Вот эти — хорошие. Такие мне сейчас как раз нужны, — восклицал Пикуль. — Сходи, пожалуйста, возьми ещё, а то их разберут...

Валентин Саввич считал своим долгом о любом находящемся в комнате предмете иметь по возможности исчерпывающую информацию. Так, подаренная ему засушенная океанская рыба-ёж заняла подобающее ей место только после того, как Валентин Саввич прочёл о ней несколько книг, в том числе и

очень понравившуюся ему, а потому перечитанную несколько раз «Опасные морские животные».

Перевеска картин перед началом работы над новым романом совмещалась с «чисткой» библиотеки. Валентин Саввич сортировал книги, уже не нужные ему передавал в подарок библиотеке Дома офицеров, освобождая место для новых, необходимых ему приобретений.

Надеюсь, что мой эскизный набросок помог читателю войти в кабинет Пикуля и почувствовать атмосферу, предшествующую этапу создания нового романа.

Декорации сменены... Перед столом на стеллаже — портреты героев нового романа, чтобы они всегда напоминали ему о своём существовании и в жизни, и в творчестве. На столе — «почасовик», — а повсюду литература о Русско-японской войне, карты, схемы, альбомы... Для писателя начинается новая жизнь... Крейсера запускают машины...

«Крейсера» покидают гавань

«Я сознательно решил откликнуться на события Русско-японской войны... Мне хотелось предвосхитить самурайские вопли по поводу юбилейных для них торжеств, напомнив, во-первых, о беззаветном героизме русских моряков, и, во-вторых, рассказать о том, что была еще первая битва при Цусиме в 1904 году, когда три наших крейсера приняли неравный бой с целой эскадрой японских броневых крейсеров под флагом Гиконейо Камимуры...»

Мы возвращались с прогулки, в ходе которой Валентин продолжал вытягивать из меня скудные остатки сведений из жизни на Дальнем Востоке.

— По-моему, я рассказала тебе уже всё, что знала. — Моё откровенное признание просило пощады.

Шум проходящей машины на миг захватил наше внимание. Грузовик с далеко вынесенным назад двухколёсным прицепом вёз металлолом — длинные ржавые трубы и рельсы. На повороте тяжёлый груз сместился. Звук был резкий и неприятный, хуже, чем «железом по стеклу». Я даже поморщилась.

По дороге Валентин попросил:

— Напомни мне дома словосочетание — «скрип железа», — и повторил два раза.

Войдя в квартиру, Пикуль быстро разделся.

— Ты просил запомнить слова «скрип железа». — Такие просьбы Валентина я выполняла пунктуально.

— Спасибо, я помню, — ответил он и отправился в кабинет.

Принесённая с прогулки фраза легла на бумагу.

«Ржавое и уже перетруженное железо рельсов жёстко и надсадно скрежетало под колёсами сибирского экспресса...»

Это была первая фраза романа «Крейсера».

Потом мы даже спорили о ней. Мне она казалась тяжёлой и неприятной.

— Тяжёлая? Да, — соглашался Пикуль, — но такой она и должна быть. Я хочу с первых слов дать понять читателю, что роман будет тяжёлым. А неприятная — нет. Это у тебя оттого, что ты еще не забыла царапнувший тебя звук. И обрати внимание: сразу после неё я рисую простенькую картинку лёгкими красками, вселяющими надежду и оптимизм. Так читатель настроится на то, что роман будет не из легких, но со всеми трудностями мы справимся... вместе. И Пикуль подморгнул мне заговорщицки.

Приступив к работе, Валентин Саввич планировал написать роман за месяц, но в своих планах ошибся, правда совсем ненамного: 25 января появились первые

строчки рукописи, а 3 марта 1985 года он поставил последнюю точку.

Чувствую необходимость некоторых пояснений. Не надо думать так: вот это да! 38 дней — и новый роман — только издавай! Но сначала нужна доработка, редактирование, перепечатка, вычитывание...

Путь книги к читателю лежит через издательство.

Договор на публикацию «Крейсеров» автор заключил с главным редактором журнала «Молодая гвардия» Анатолием Степановичем Ивановым. Впервые роман увидел свет в августовском и сентябрьском номерах журнала «Молодая гвардия» за 1985 год, а спустя год — вышел в «Роман-газете».

С огромной благодарностью хочу отметить, что Анатолий Степанович даже в самые трудные для Валентина времена не боялся печатать его книги и всегда искренне поддерживал его морально. Это вызывает восхищение ещё и потому, что лично они знакомы не были. Телефонные звонки и переписка — на них выросли их дружеские отношения.

Вот для примера фрагмент письма, отправленного Пикулем в конце января:

«Дорогой Анатолий Степанович!

Хотел бы Вам подарить свой двухтомный роман “Фаворит”, но пока нет верной okazji, а почте я не доверяю.

Благодарю Вас за любезное письмо...

Теперь о “Крейсерах”. Они набирают ход, но до фулл-спита (самого полного) еще далековато. Мешают не только хворобы, но и повседневная борьба с нашим читателем. Как Вы понимаете, эта фраза взаимосвязана с самой первой. Но приложу все мыслимые и немыслимые старания, чтобы вещь закончить скорее.

Если бываете в наших краях, был бы рад с Вами встретиться, ознакомить Вас с моей мастерской, со своим инструментом и своим верстаком».

Так уж получилось, что на протяжении всей жизни Валентин обращал свои взгляды на русский Дальний Восток и Японию, так быстро наращивающую свой военный потенциал в начале XX века и в послевоенное время.

Поражение России в русско-японской войне оставило горький осадок в сердце каждого патриота России.

Вопрос обороны Порт-Артура достаточно хорошо отражён в нашей литературе. Невольно возникает вопрос: а как оборонялся Владивосток? Литературы по этому вопросу очень мало. Основными источниками служили документы этого периода, воспоминания участников войны и очевидцев, в том числе и зарубежных.

Эти малоизвестные широкому читателю страницы о войне и легли в центр авторского повествования.

Среди немногочисленных работ советского периода необходимо назвать труд В. Е. Егорьева «Операции Владивостокских крейсеров в Русско-японскую войну 1904–1905 годов» (который Пикуль высоко ценил), изданный Народным комиссариатом ВМФ в 1939 году. Всеволод Евгеньевич Егорьев во время русско-японской войны служил мичманом на крейсере «Громобой». Отец его, Евгений Романович, командуя крейсером «Аврора», погиб в Цусимском бою.

Уже начало войны было неудачным. Причин несколько: и вероломность нападения Японии, хотя военный министр Куропаткин, вернувшись из Японии, в своих отчётах доносил правительству: «Япония к войне не готова, а русский Дальний Восток превращен в неприступный Карфаген». На самом же деле Россия была не готова к войне, да и раздел флота — основные силы зимовали в мелководной гавани Порт-Артура, во Владивостоке остался лишь отряд крейсеров, — не способствовал боеготовности. В результате русскому

флоту так и не удалось объединить свои силы в ходе войны...

Пикуль стремится отобразить наиболее выразительные, с его точки зрения, факты и детали: ему чужда идеализация и приукрашивание истории. Война, где сражались и умирали, совершали подвиги мужества и самоотверженности, — всё это присутствует в романе.

При описании Валентин использует контрастность, свет и тени распределены чётко, у него нет недоговоренности, а оценки событий исключают двоякое толкование.

Удачен образ честного и неподкупного мичмана Пана-фидина. Это образ собирательный, но не исключено, что он имеет своего прототипа: уж очень автор пристально и дотошно изучал «Панафидинский Летописец», опубликованный пушкинистами в 1915 году.

Хочется верить, что каждому читателю, взявшему в руки роман, окажется близок и дорог Панафидин, его благородство, доброта, мужество, непосредственность, верность в дружбе — эти индивидуальные черты характера, так необходимые в жизни. Он не может мириться с выслуживанием и подлостью и гибнет от пули приспособленца Житецкого. «Зло живуче, и чтобы победить его — надо приложить максимум усилий».

Завершающий этап похода крейсеров покрыл их подвиг неувядаемой славой. Получив приказ идти к Цусиме, не зная, что судьба Цусимы уже была решена, крейсера вступили в бой вдали от родных берегов с эскадрой адмирала Камимуры, с вчетверо превосходящими силами противника. Серьёзные повреждения получил «Рюрик», и как ни помогали ему экипажи крейсеров, спасти его не удалось. Оставшийся в живых экипаж «Рюрика» «изнемог в неравной борьбе» и ушёл на дно, не спустив боевого флага.

«Так закончилась лебединая песнь нашего героического “Рюрика”, который навсегда останется славным памятником геройского самоотвержения наших моряков, положивших свою жизнь за интересы родины, что вызвало даже справедливое уважение и восхищение наших врагов».

«Над ним, павшим в смертельном бою, сейчас стремительно проходят новые корабли новой эпохи с экипажами новых поколений. Над могилой “Рюрика” советские крейсера в праздничные юбилейные дни торжественно приспускают флаги, и тогда гремят салюты — в его честь!»

Пикулю удалось раскрыть суть событий того далёкого времени через реально существовавших героев того времени. Это Е. А.Трусов, Н. Н. Хлодовский, Д. А. Плазовский, К. П. Иванов 13-й, А. П. Андреев, Н. И. Зенилов, Н. Л. Клало, К. Г. Шиллинг, Н. Д. Дабич, со стороны японцев — Ка-мимура, Того, Уриу.

Удачей Пикуля явился рассказ о талантливом самородке, священнике из якутов Алексее Конечникове (в миру Оконечникове. — *А. П.*), мужественном патриоте России.

Повествуя о событиях русско-японской войны, автор, не расходясь в их оценке с советскими историками, даёт им свою художественную интерпретацию. При этом, как всегда, Валентин Пикуль умеет находить новые аспекты освещения событий, малоизвестные факты, что придаёт его повествованию особую остроту и увлекательность. И хотя автор «не ставит задачу освещения всех причин хода и итогов войны, концентрируя своё внимание в основном на действиях Владивостокского отряда крейсеров, — в целом его произведение ярко представляет общую картину и атмосферу тех лет и событий».

По форме изложения роман «Крейсера» мало характерен для манеры письма Пикуля: книга не

разбита на главы — автор хотел, чтобы каждый прочитал книгу, не задерживаясь, как бы на одном дыхании, подобно быстрому походу крейсеров.

Автор получил много восторженных писем на свой роман. В них — благодарность, признательность, восхищение и... упрёки: «зачем убивать Панафидина, лучше — Житец-кого».

«Валентин Пикуль! — *кто Вы: писатель, историк, морских дел ученый* или всё вместе взятое? Вот напрашивается вопрос по прочтении Ваших книг. У меня одно мнение: Вы — чудо-человек недюжинной работоспособности. Даже на один подбор материала требуется бесконечно много времени. А изучение... А осмысление... Одним словом, неволевого человеку это не под силу. А вот Панафидина я бы не убивал. Лучше бы убить Житецкого, легко шагающего по жизни», — писал из Ростова-на-Дону Донское Герасим Николаевич.

«Какой Пикуль *великолепный рассказчик!* Это качество писателя проявляется и в его романе “Крейсера”. Описание флотских будней, дальних переходов... Удивительно экспрессивно живописует автор жестокие бои. Здесь, пожалуй, *нет ему равных в нашей современной литературе.* Подкупает Пикуль своим *патриотизмом.* Все положительные герои Пикуля самоотверженно служат Родине, и взяты они не из головы автора, а из жизни. И пишет он об этом увлечённо и увлекательно». Об этом пишет моряк Геннадий Николаевич Рыжонок из Севастополя, высоко оценивая «Крейсера», говорит: «В своём романе Вы диалектически решили проблему соотношения исторической реальности, факта и художественного вымысла».

Геннадий Сметанин из Липецка пишет: «Хочу вот в чём признаться. Раньше я считал чтение книг современных авторов пустым занятием. Ведь есть кино, телевидение, прочие источники информации. Но вот

прочёл Пикуля “Крейсера” и пристрастился к чтению. Спасибо Пикулю. Пусть и дальше его книги как крейсера идут верным курсом».

«Рига. Валентину Пикулю. Закончил чтение “Крейсеров”: “Россия безразлична к жизни человека и к течению времени. Она безмолвна. Она вечна. Она несокрушима...”». Жаль Панафидина! Жаль «Рюрика»! «Но даже у погибших кораблей тоже есть будущее». Возвысьте же ещё больше будущее и героям Отечественной. Вы же флотский! Вот это *Книга!* Спасибо Вам, ставшим мне близко понятным, дорогим, уважаемым. Спасибо! Григорий Безродный. Тернополь».

Интересные мысли высказаны в письме курсанта-автомобилиста Игоря Маркина из Челябинска, которое пришло к Пикулю через редакцию журнала «Молодая гвардия»: «...Мы все должны беречь Валентина Саввича. Именно беречь. Современных писателей, которые так ярко и интересно рассказывают в художественной форме об истории нашей страны, не много, хотя это направление в литературе можно назвать одним из главных... Прошу передать Валентину Саввичу, что в Челябинске у него есть настоящий молодой друг, который восхищается им и поддерживает во всём...»

Не могу не сказать и о ложке дёгтя. Среди исторических персонажей в романе присутствует Николай Лаврентьевич Кладо. Во время русско-японской войны он был начальником военно-морского отдела штаба командующего флотом Тихого океана. Николай Лаврентьевич участвовал в планировании операций Владивостокского отряда крейсеров и подготовке к переходу 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток. Тщательно изучив многочисленные источники, включающие мемуары очевидцев и современников, Валентин Саввич пришёл к убеждению, что его заслуги и роль в истории, мягко говоря, преувеличены, чем и

вызвал на себя огонь со стороны потомка — сына Н. Л. Кладо.

Расскажу об одном эпизоде, связанном с «Крейсерами». В связи с выходом романа начальник Военно-морской академии адмирал Валентин Николаевич Поникаровский в ноябре прислал письмо, в котором приглашал автора на читательскую конференцию.

Я очень долго уговаривала Валентина Саввича поехать на встречу с родиной, моряками и городом своей юности. Отложив все дела, он собрался в дорогу, но каково было его удивление, когда вслед за приглашением он получил телеграмму такого содержания: «В связи с изменением планов академии центром читательская конференция по книге “Крейсера” в декабре не состоится. Приносим извинения. О времени проведения сообщим дополнительно».

Это была отписка. Лукавили организаторы конференции. До конца дней своих Пикуль так и не дождался ни слова подбодрения от моряков академии, чьи мнения и отзывы о книгах ценил больше всего. А разгадка сюжета оказалась банально простой. По сценарию конференции предполагалось разгромить автора романа: в «Крейсерах», по их мнению, «искажён» образ Н. Л. Кладо — первого начальника Советской Военно-морской академии, который стоял во главе её в 1917-1919 годах. Но вдруг появилась опасность присутствия на конференции Дмитрия Антоновича Волко-гонова, высоко ценившего творчество Валентина Пикуля. Для слуг двух господ единственный выход — «отложить» мероприятие, чтобы, как говорится, и волки были сыты, и овцы целы.

— А ведь были и иные времена, когда мы понимали друг друга. — И Пикуль, что было большой неожиданностью для меня, открыл папку с перепиской

и приглашениями на встречу с читателями Военно-морской академии в 1978 и 1981 годах. — Но в то время начальником был не мой тёзка Поникаровский, а адмирал Виктор Сергеевич Сысоев.

«Дело Пикуля» в связи с Н. Л. Кладо рассматривалось на самых высоких политических и военных уровнях, более того, роман несколько раз рецензировался.

Положительные оценки Главного политического управления в лице доктора философских наук, профессора Дмитрия Антоновича Волкогонова, Института военной истории в лице кандидата военно-морских наук капитана 1 ранга Вальдемара Николаевича Шевченко и кандидата исторических наук капитана 2 ранга Виталия Дмитриевича Доценко; отзывы генеральных инспекторов — адмирала Николая Николаевича Амелько и адмирала Владимира Васильевича Михайлина пустили «Крейсера» в дальнейшее плавание...

Уже после смерти писателя, на вручении премии имени Валентина Пикуля Вальдемару Николаевичу Шевченко, он раскрыл тайну рецензирования рукописи: ему несколько раз *за положительную* рецензию на «Крейсера» «предлагали» положить на стол партийный билет. Человек не сдался. Он боролся и отстаивал правду. Как и Пикуль. И отстоял.

Поддержало автора «Крейсеров» и уменьшило нападки на «Роман-газету» послесловие к роману, написанное Героем Советского Союза адмиралом флота Георгием Михайловичем Егоровым: «В “Крейсерах” В. Пикуля показан беспримерный подвиг отряда владивостокских военных крейсеров, их экипажей. Крейсера из Владивостока совершили в военном отношении подвиг, их рейды не знали аналогов в военно-морском искусстве, а действия команд вписаны яркой страницей в историю флота. Убедительны и ярки

страницы крейсерских будней, дальних переходов, жестоких боёв. Здесь В. Пикуль не знает себе равных. Покорёженное железо, свистящие осколки, всепожирающее пламя, хлещущая в пробоины вода, действия экипажей кораблей зримо и осязаемо встают перед читателями. Картины морских сражений, батальные сцены поражают своей трагичностью и правдой...»

А конференция по «Крейсерам» всё-таки состоялась, но не в Ленинграде, а на Дальнем Востоке. И провёл её по личной инициативе талантливый писатель Владимир Дмитриевич Успенский, о чём сообщил в надписи на своей подаренной Пикулью книге «Ухожу на задание»: «А “Крейсера”, между тем, продолжают бой. Не удалось мне сломить сопротивление твоих многочисленных противников в Москве, зато в мае провели конференцию в Находке и во Владивостоке. Там твои дальневосточные книги знают и любят особенно».

Заканчивая комментарий, приведу мысль, высказанную рецензентом В. Кукушкиным:

«В романе “Крейсера” постоянно ощущается ещё один “источник”, он-то и делает “Крейсера” — одним из лучших, на мой взгляд, романов писателя, и он же помогает существенно сблизить минувшее с настоящим. Этот источник — судьба самого автора. Валентин Пикуль ещё совсем молодым человеком, добровольцем ушёл на фронт, воевал на Северном флоте. Потому и чувствуешь, что автор ведёт рассказ не только о давнем, пережитом, но и хочет ещё сказать читателю о том, что означает братство на флоте. В рассказе о флотском братстве — ещё одна, тоже немаловажная, тема романа».

Несмотря на все перипетии, у романа счастливая судьба. «Крейсера» не сели на мель, а плывут и плывут, завоёвывая всё большее число читателей и почитателей.

Глава двенадцатая. Вокруг «Фаворита»

Памятные встречи

Памятные не означает только то, что остались в памяти. Они ярко отложились в голове именно потому, что оказали заметное влияние на жизнь и творчество, на мысли и настроения Валентина Саввича.

Даже сейчас чётко не могу определить цель визита доктора исторических наук профессора Николая Николаевича Молчанова и ответственного секретаря газеты «Советская Россия» Александра Васильевича Серёгина. Могу лишь предположить, что люди, живущие историей и литературой (не в смысле — «за счёт», а в смысле — «во имя»), решили, а точнее, привыкли не примыкать к чужому мнению о писателе и его творчестве. А формирование собственного полного представления о личности требовало очного знакомства с Пикулем.

В конце апреля Валентин приветливо встречал гостей. С первых же минут общения гости и хозяин прониклись полным взаимопониманием. Немного погрешила против истины: полного понимания не было. Так, Николай Николаевич, в прошлом моряк, а ныне учёный с энциклопедической эрудицией в вопросах истории Франции, благороднейший и добрейший человек, никак не смел поверить и тем более понять, как автор, не знающий французского языка, мог написать «Каждому своё», «Париж на три часа» и, наконец, «Фаворит».

Для него это так и осталось непостижимым, хотя Пикуль не только поведал Николаю Николаевичу о том, что большинство источников того периода было

переведено на русский, но и продемонстрировал их, снимая с полки своей библиотеки.

Постепенно разговор перешёл на широко известные книги Н. Н. Молчанова «Дипломатия Петра I», «Генерал де Голль», которые Валентин Саввич читал и высочайше ценил. Но профессор вновь и вновь возвращался к «Фавориту».

— Как я хотел бы написать книгу, чтоб у неё был бы такой же успех, — держа на руке пикулевский двухтомник, выражал своё восхищение Николай Николаевич. — Она будет жить вечно, вот попомните моё слово.

В течение нескольких дней «прощупав» Пикуля по вопросам дипломатии вообще и французской в частности, по истории в целом и XVIII веку особенно, удивлённый Николай Николаевич заключил:

— Валентин Саввич, ваши академические знания требуют во имя справедливости присуждения вам учёной степени доктора исторических наук без защиты диссертации — по совокупности ваших трудов. Обещаю, что этим делом я займусь.

— Вот это совсем не нужно, — отговаривал Пикуль. От этого не будет толку ни мне, ни вам.

Валентин Саввич «как в воду смотрел»: напрасные хлопоты Молчанова доставили неприятности только самому ходатаю...

Знакомство с А. В. Серёгиным дало большой и эффективный толчок творчеству и повлияло на жизненную позицию писателя. В том смысле, что заставило по-иному взглянуть на поколение 30-летних, тех, кто шёл на смену ветеранам войны.

Воспитанный, внешне эффектный, страстный знаток и любитель истории, Александр Васильевич покорила Пикуля. Они как будто бы давно шли навстречу друг другу. И слава богу, что их встреча состоялась. Она многое дала им самим, но самое главное — ещё больше

выиграли читатели. С тех пор чаще обычного стали появляться в «Советской России» миниатюры Валентина Пикуля, а появившееся в газете интервью с писателем и профессиональное мнение авторитетного ученого (Н. Молчанова) о романе «Фаворит» произвели фурор в сознании читателей и повергли в шок критиков...

Немногим из современных литераторов уделял Валентин такое внимание, как Дмитрию Анатольевичу Жукову. Каждая встреча давала писателю много положительных эмоций.

Июль 85-го был богат на встречи с высокопоставленными людьми. 22 июля, по предварительной договоренности, квартиру Пикуля посетили председатель Совета министров ЛССР Юрий Янович Рубен вместе с Владимиром Ивановичем Теребиловым — председателем Верховного суда СССР.

— Так вот где он фотографировался! — войдя в кабинет Пикуля и показывая на кресло в углу, воскликнул В. Теребилов.

Имелась в виду фотография на обложке «Роман-газеты» с «Реквиемом...».

И, внимательно осмотрев размещённые на полке альбомы зарубежного искусства, Владимир Иванович удовлетворённо добавил:

— Теперь понятно. А то мы долго рассматривали фото и никак не могли понять, почему все книги библиотеки русского писателя на иностранном языке?

Разговоры были длинными и интересными. Могло показаться странным, что вместо ответов гостям на интересующие их вопросы Пикуль засыпал собеседников своими. Ему было интересно знать состояние дел в местах лишения свободы, поскольку сам собирался написать роман «Каторга». Ещё весной он отправил заявку в Лениздат, в которой говорилось:

«Предлагаю издательству новую книгу под общим названием *“Оборона”*, в которую должны войти романы

“Крейсера” и *“Каторга”*, заключающие цикл моих “дальневосточных” произведений (предыдущие романы *“Богатство”* и *“Три возраста Окини-сан”* уже вышли отдельными книгами).

Первый роман, *“Крейсера”*, посвящён героической обороне Владивостока летом 1904 года. В основе второго романа *“Каторга”* — события, связанные с созданием на Сахалине местными жителями и ссыльными каторжанами народного ополчения, которое в неравной борьбе с японскими захватчиками отстаивало в 1905 году дальние рубежи нашей Родины.

Роман *“Крейсера”* готовится к публикации в 8-м и 9-м номерах журнала *“Молодая гвардия”* в текущем году. С журналом *“Наш современник”* имею договорённость о публикации романа *“Каторга”* (объёмом в 20 авт. л.) в 1986 году...»

Романа ещё не было, но писатель «уже жил на каторге». Он жадно собирал материалы по истории Сахалина, прочёл книгу Сенченко о сахалинской каторге. Поэтому интерес, проявляемый Пикулем-каторжанином к судье, был абсолютно неподдельным.

Неожиданно симпатичное впечатление произвёл на Пикуля Юрий Янович. Понаслышке знакомый с персонами сусловско-зимянинского ранга, Валентин Саввич был приятно удивлён, обнаружив, что этот простой в обращении человек с широким спектром интересов хорошо знает историю России.

Время встречи с интересными людьми пролетело совсем незаметно, хотя длилось более пяти часов...

Спустя три дня Пикуль принимал у себя Дмитрия Антоновича Волкогонова с женой Галиной Алексеевной. Сопровождал заместителя начальника Главного политического управления СА и ВМФ представитель политуправления военного округа, полковник А. С. Сидоренко, ранее уже хорошо знакомый с нашим домом.

Надо сказать, что к этому визиту мы готовились с каким-то трепетом. Для меня, заведующей библиотекой окружного Дома офицеров, Д. А. Волкогонов представлял высочайший авторитет. Ещё бы! Главный политический идеолог, книги которого в армейских библиотеках стояли на одном из самых видных мест. Интерес Пикуля тоже был не праздным. Писателю хотелось узнать причину, почему его военно-исторические романы не задерживаются в поле зрения Воениздата.

Кроме того, думаю, в мыслях Валентина уже тронулось в рост зерно, которое вырастет позднее в роман «Честь имею». И он очень внимательно присматривался к поведению, манерам и образу мышления офицеров и генералов, стоящих на высоких ступенях армейской служебной лестницы, дающих им право и власть распоряжаться чужими судьбами.

Непринуждённые, открытые и, я бы сказала, предельно откровенные отношения возникли почти сразу. Войдя в кабинет, Дмитрий Антонович сел на длинную лавку и, положив на неё ладони рук, по достоинству оценил вкус Пикуля.

— Что-то родное... деревенское... сибирское... — Восторг Волкогонова не нуждался в многословии.

Дмитрий Антонович подарил Пикюлю две свои книги. Ответный презент доставил Валентину Саввичу некоторые трудности, сопряжённые, однако, с определённым удовлетворением.

На любое подношение следовал один и тот же ответ:

— Спасибо, это у меня есть.

С трудом отыскалась книжонка миниатюр, из тех, «чего нет».

Много говорили об истории и архивах, литературе и генеалогии, о Китае и маоизме. Валентина Саввича

восхищала непринуждённая упорядоченность движения мысли собеседника.

На этом думаю и ограничить рассказ о гостях, которых было в этот год так много, что одно перечисление фамилий займёт немало места. Так что, скажу по-женски, домашний халат надевать практически не приходилось...

Зарисовки с натуры

В этом году на даче в Саулкрасты мы жили мало, поскольку гостей принимали в городской квартире. Чаще приезжали на дачу, чтобы хоть немного отдохнуть.

На территории дачи находился подземный родник, над которым возвышалась вся сопутствующая колодцу незамысловатая архитектура.

Колодезная вода сразу влюбила в себя Пикуля.

Помните у Р. Рождественского о таёжном цветке, который «не поймёт никогда, что вода из-под крана, это — тоже вода».

Действительно, сравнение здесь неуместно.

В дневное время пребывания на даче Валентин Саввич забывал про свой неизменный чай. По-моему, сколько раз в городе он бегал к чайному агрегату, столько же раз на даче он посещал колодец. И, наверное, не только из-за воды.

Улучив минутку, сделав паузу в работе, Валентин шёл к колодцу. Он сидел некоторое время, облокотившись о сруб, затем вставал, клал руки на ворот, не то глядя, не то впитывая силы от дубового бревна. Медленно, не торопясь, любясь наматывающейся цепью, извлекал из подземелья ведёрко с водой, делал несколько глотков, ещё раз, как

бы благодаря за угощение, похлопывал ворот и шёл в дом.

И это, как по-заученному, повторялось почти «слово в слово».

Лишь ближе к ночи он переходил на чай, используя для этого ту же колодезную воду. И даже при появившихся каменно-почечных коликах Валентин не стал вопреки моим уговорам обращаться к врачам.

— Поедем лучше на дачу, — попросил он, — родник меня вылечит.

Природные, чистые и искренние вода и вера действительно помогли...

То ли недавняя работа над «Крейсерами», то ли старый якорь с цепью, висевший на стене сарая возле дачи — излюбленном месте размышлений писателя, разбередили морскую душу Пикуля: он почти не снимал тельняшку. Так и запечатлён он на редких фотографиях этого года.

Вернёмся к делам литературным... Как бы между делом в течение лета и осени были написаны миниатюры:

«Трудолюбивый и рачительный муж» — о П. Рычкове;

«Доменико Чимароза»;

«Из пантеона славы» — о Франческо Арайя;

«Через тернии — к звёздам» (Пребывание Р. Вагнера в Риге);

«Тепло русской печки» — о Д. Гнусине;

«Мичман флота в отставке» — о Б. Голицыне;

«Легенда об одном портрете» («Не говори с тоской: их нет») — о фон Дрейер-Чижовой;

«Под скрип гусиных перьев». Пожалуй, только последняя миниатюра далась Пикулю с большим трудом. К ней он приступал несколько раз.

— Очень сложно писать о Семёне Романовиче Воронцове, ибо личность эта весьма противоречива. В

«Фаворите» я уже писал о нём, сейчас остановлюсь более подробно, как под скрип гусиных перьев посольство России в Лондоне во главе с Воронцовым выиграло битву за мир.

Заканчивая миниатюру, Пикуль писал:

«...борьба за мир не сегодня началась и не завтра закончится. Только нам уже не слышать мажорного скрипения старых гусиных перьев, зато из ночи в ночь грохочут в редакциях газет бодрые телетайпы...»

Законченные миниатюры долго не залёживались. Они расхватывались различными журналами, и после выхода ближайших номеров Пикуль уже получал письма — отклики читателей, в большинстве своём — благодарные.

Валентин высоко ценил только тех людей, которые добросовестно выполняют свой профессиональный долг. Так, после интервью, данного корреспонденту газеты «Советская молодёжь» Ирине Литвиновой, Валентин Саввич после её ухода заключил:

— Молодец. Смелые и толковые вопросы задаёт и ответы схватывает на лету. Эта важнейшая черта для журналиста.

«Фаворита» продолжали «клевать». Обмениваясь мнениями по телефону, Юрий Александрович Лимонов успокаивал:

— Не волнуйтесь, Валентин Саввич. Пикуля читают и Горбачёв, и Рейган.

— Горбачёв — понятно. Но разве Рейган знает русский? — вопрошал писатель.

Всё же интерес к своему творчеству Пикуль ощущал наяву.

Работники кино просили разрешения на экранизацию «Богатства», и уже был заключён договор с Ленфильмом на «Моонзунд». Наконец-то и Воениздат проявил интерес: есть намерения переиздать роман-хронику «Из тупика».

Из «Авроры» получен договор на роман «Честь имею». И в это же время Пикуль вместе с Николаем Михайловичем Коняевым — редактором из «Советского писателя» — работают над рукописью книги «Под шелест знамён».

После некоторых, ранее упомянутых мною разногласий с издательством по поводу сентиментального романа Пикуль изучал представителя «Советского писателя» особенно тщательно. Но спокойный, уравновешенный, профессионально высокограмотный и к тому же много пишущий на исторические темы редактор быстро расположил к себе Валентина Саввича. Несколько дней постоянного общения сблизили двух литераторов. Перед отъездом Николая Михайловича, желая сделать ему что-то приятное и памятное, Пикуль попросил моряков организовать интересную экскурсию. И такое мероприятие состоялось.

Экскурсия на самом деле была необычной — на подводную лодку. И не столько НА, сколько В.... и с посвящением в подводники.

Ощущение теплоты и взаимной симпатии всегда характеризовало их отношения и в последующие годы...

Письма и посылки

Письма в адрес Валентина Пикуля шли постоянно. Поток их был неравномерен. Три — пять писем в день позволяли без особых хлопот ознакомиться с ними и, если встречался серьёзный проблемный вопрос, ответить на него. Но после выхода новой книги или выступления писателя по телевидению корреспонденция резко возрастала. В один из таких дней я пересчитала пришедшие письма — их было 48.

Каждый понимает, что не только ответить, но даже прочесть полсотни писем одному человеку за день непросто, даже если забросить свою основную работу.

Поэтому обязанность заниматься почтой с первых дней нашей жизни Валентин Саввич возложил на меня.

Значительная группа писем содержала различные просьбы. Например, помочь в приобретении книги до более серьёзных — например, помочь вызволить кого-то из «несправедливого» заключения.

Деловые письма, более всех любимые Пикулем, содержали советы, предложения, обнаруженные в его произведениях ошибки. Так, один специалист в области астрономии заметил автору, написавшему в романе фразу: «Светила полная луна», что в описываемый день двухсотлетней давности было новолуние, и дал формулу, которой нужно руководствоваться для подобных расчётов.

Не думайте, что Пикуль вообще не читал писем. Он просил давать ему для прочтения письма, в которых люди описывали свою жизнь, судьбу своего рода, историю родного города, делились своими проблемами и т. д.

Особенно Пикуль восхищался письмами Л. С. Шолоховой из Киева и В. А. Дегтярёва из Севастополя — с какой толковой правдивостью и усердностью они защищали писателя от несправедливых нападок критиков, показывая при этом неукоснительное знание истории и творчества Пикуля.

Заботливые читатели старались поддерживать любимого писателя не только морально. По почте, лично или с нарочным передавались посылки.

Присылали копирку и ленту для печатной машинки из Ленинграда, бумагу из Ленинграда и Краснодара.

Только дневник помогает охватить памятью все многообразие гастрономического ассортимента продуктов, присылаемых Пикулю. В них были икра и

крабы из Петропавловска, сгущёнка и балык из Мурманска, груши из Орджоникидзе, изюм из Ташкента, мёд из Башкирии, лавровый лист из Сочи, кедровые орехи из Красноярска, облепиховое масло и мёд из Калининграда, арбузы из Астрахани, горсть зерна с Украины, и даже... торт из Москвы, к чаю...

И хотя посылки очень обязывали не любившего оставаться в долгу Пикуля, они доставляли писателю удовольствие, как знак читательского внимания, признательности и любви.

В бандеролях на имя Пикуля приходили открытки, картины, календари, чеканки, поделки и сувениры: от засушенных цветов до искусно изготовленного парусника.

Но больше всего приходило бандеролей с книгами, иногда довольно редкими или очень нужными писателю для работы.

Таковыми книгами делились книголюбы из Елгавы Е. В. Кудашёв и А. Н. Салнис. А супруги Бочкарёвы прислали в подарок Пикулю из Финляндии книгу фон Гёрлица «Паулюс: я стою здесь по приказу», без которой он не мог вплотную приступить к «Барбароссе».

Были и весьма габаритные посылки. Здесь нужно упомянуть Ю. В. Морозова, привезшего Пикулю из Афганистана самовар, Э. Ф. Лунёва, приехавшего из Венгрии и заставившего Валентина примерять привезённые им свитер и костюм, и, наконец, доктора Пруткина из Читы, приславшего камни-самоцветы и шкуры горного барана.

— Видишь, — говорил мне Валентин Саввич, — меня читатели одевают, обувают, кормят и поят чаем. Так что моя задача — только писать.

Характерно, что, не застав или не достучавшись до Пикуля, гонцы со всего Советского Союза обращались к соседям с просьбой передать подарок писателю. Без всякой записки, без всяких тщеславных претензий на

авторство. Просто так: «Передайте, пожалуйста, вот этот арбуз писателю Валентину Пикулю от благодарных читателей Астраханщины».

Наверное, в этом — настоящая любовь, если главная и единственная её цель: сделать доброе и приятное любимому человеку...

Нет возможности перечислить фамилии всех добрых отзывчивых людей, которые дарили Пикулю тепло своих сердец, поднимая тем самым его настроение, укрепляя его веру в правильности выбранного им пути.

Не объять всей доброты, живущей на земле.

Я низко кланяюсь *вашим* щедрым, заботливым, бескорыстным и чувствительным душам и от себя, и от имени Валентина Пикуля.

Пусть не зачахнет доброта — одна из главных человеческих добродетелей...

Кто-то не получил ответа от Пикуля на своё письмо. Примите как извинение слова Пикуля, высказанные им в разговоре со мной:

— Даже если я и не отвечу кому-то персонально на его письмо, но напишу за это время одну-две страницы книги, то мне это простится... В книге больше ответов на большее число вопросов.

Наверное, это так и есть...

Глава тринадцатая. Оборона Сахалина

Роман «Каторга»

«Русско-японская война ещё исторически слишком близка нам, и порою кажется, что в ней всё уже давно выяснено. Но это только кажется...

Вопрос о поражении в войне с японцами слишком жгуч для национальной гордости великороссов. Именно поэтому разгром империалистической Японии в 1945 году был воспринят советскими людьми как закономерная расплата за неудачу своих отцов и дедов...»

Хабаровск и Владивосток, Камчатка и Маньчжурия, Сахалин и Япония — по истории этого Дальневосточного региона в библиотеке Пикуля был собран богатый материал. Накопление его шло не год и не два. И шло не только накопление.

Постоянно пополняющийся запас исторических фактов подвергался многократному переосмысливанию, тщательному анализу, творческому исследованию. В результате чего рождались сюжетно обособленные, законченные произведения дальневосточной тематики: «Богатство» (1977), «Три возраста Окини-сан» (1981) и роман «Крейсера» (1985).

За кадрами вышеупомянутых произведений осталось ещё много интересных материалов. Свое намерение продолжить дальневосточную тематику Пикуль уже высказал в заявке на небольшой (в 20 авторских листов) роман «Каторга».

Напряжённо-изматывающий режим предшествующего времени требовал полноценного отдыха. Валентин решил отдохнуть даже от портретов,

но совсем не писать не мог. С его работой над миниатюрами пришлось смириться, тем более что давались они писателю в большинстве своём довольно легко. Вызывала настороженность только их «хронологическая» тематика: Пикуль всё ближе и ближе подходил к своему любимому XVIII веку. Он собирался приступить к «Аракчеевщине», постепенно приближаясь к ней.

Ещё год тому назад Валентин отправил в Лениздат заявку на роман «Аракчеевщина»:

«...Ваше издательство начало печатать серию моих исторических романов, задуманных мною как единая эпопея — от смерти Петра I (1725) до восстания декабристов (1825). Все эти романы составляют единое целое — как бы художественную хрестоматию...

Напомню перечень ваших изданий:

1. Два тома романа “Слово и дело” (1974–1975);
2. В одном томе “Пером и шпагой” (1972);
3. Два тома “Фаворит” (1984).

Теперь для того, чтобы завершить эту серию, мне необходимо закончить двухтомный роман “Аракчеевщина” объёмом в 60 (! — А. П.) авторских листов. Этот роман, задуманный ещё в юности, начинается со смерти Екатерины II, как бы подхватывая прерванные события романа “Фаворит”.

В романе “Аракчеевщина” мне предстоит отразить историю нашего народа в громкие дни военной славы 1799, 1805 годов, конечно, 1812–1814 годов, после которых наступила полоса Александровского режима с центральной фигурой — Аракчеевым и последующими восстаниями Семёновского полка (1820), восстанием декабристов (1825) и бунтов военных поселян.

Прошу Вас заключить со мной договор на издание двухтомного романа “Аракчеевщина” и включить его в планы выпуска 1987 года».

Браться за такую глыбу без ущерба здоровью было совсем не ко времени. Валентин и сам это понимал. Поэтому, закончив серию миниатюр, он потихоньку начал вновь просматривать материалы по Дальнему Востоку.

— Ты хочешь ещё доработать роман «Крейсера»? — поинтересовалась я.

— Нет, — ответил Валентин, — думаю закончить дальневосточную тетралогию романом «Каторга». Но материала маловато, и здесь мне, как никогда, потребуются твоя помощь и советы.

«Каторга» базировалась на использовании шестидесяти трёх документальных источников, среди которых были монографии, мемуары очевидцев, воспоминания каторжан. Пестрят похожие, иногда повторяющиеся названия книг и брошюр, в том числе и иностранных авторов:

— *Агафонов В.* Заграничная охранка. По секретным документам заграничной агентуры и Департамента полиции. Петроград: 1918.

— *Виноградов А.* В дальних краях. Главы о Сахалинской каторге. М.: 1901.

— *Генкин И.* По тюрьмам и этапам. Петроград: 1922.

— *Дмитриев Н.* В плену у японцев. СПб.: 1908.

— *Кукуниан С.* Последние дни на Сахалине. Баку: 1910.

— *Лаббэ П.* Остров Сахалин. Пер. с фр. М.: 1903.

— *Лобас Н.* Каторга и поселения на Сахалине. Павлоград: 1903.

— *Панов А.* Сахалин как колония. М.: 1905.

— *Сахаров Р.* Полтора месяца в бухте «Табо». Харьков: 1911.

Большинство книг я достала быстро. Много хлопот доставила лишь одна — воспоминания С. М. Кукуниана «Последние дни на Сахалине», вышедшая в 1910 году в количестве всего 4 тысячи экземпляров. Разосланные

запросы позволили обнаружить её в Ростове-на-Дону, откуда и были получены фотокопии.

Но, несмотря на все старания, так и не удалось приобрести выпуски «Тюремного вестника», где были опубликованы «Записки сахалинского чиновника», книгу епископа Сергия «На Южном Сахалине» (1914) и «Владивостокские епархиальные ведомости» за 1908 год, в которых, по неопровержимым сведениям Пикуля, были напечатаны «Воспоминания о русско-японской войне на Южном Сахалине» А. Троицкого.

Отсутствие этих интересных материалов тормозило дело. Но видно было, что Валентин Саввич всё равно серьёзно нацелился на задуманное: написать роман «Каторга».

Но, несмотря на занятость, Валентин дважды встречался с воинами. Сначала в Дубултах, с участниками семинара молодых армейских литераторов, а накануне Нового года — с политработниками округа. Хочу подчеркнуть необычность начала выступления перед офицерами:

— Заранее к выступлениям не готовлюсь, поэтому затрудняюсь — с чего начать? Наверное, с самого волнующего. Работаю над новым романом, и как особо опасный преступник *(улыбается)* вместе со своими героями «отбываю» сахалинскую каторгу. Видите, даже пострижен наголо. Надеюсь, когда волосы отрастут, и вновь стану «красивым», этот нелёгкий труд будет закончен...

Недостаток необходимых сведений не поднимал Пикулю настроения. Присланная очень кстати другом-юнгой Джеком Барановым книжка с блатным жаргоном уголовников лишь немного восполняла пробел.

Но Валентин Саввич решился на экспериментальный ход.

— Как ты смотришь на такой вариант? — Пикуль обращался ко мне, как к человеку, уже

проштудировавшему вместе с ним всю «каторжанскую» литературу. — Думаю приступить к «Каторге», причём здесь я хочу «распустить вожжи» и выступить в качестве, если хочешь, такого графомана. На основе исторических событий я напишу художественное произведение. Исходя из этого, я сам выбираю себе героев, частично — реально существующих, а большинство — плод моего воображения. Имена, воплощённые в географические названия, оставляю, а другие изменю.

— Вот за это тебя потом и будут бить, — прозорливо, как оказалось впоследствии, возразила я.

— Так я же собираюсь писать не монографию по истории Сахалинской каторги, — продолжил Пикуль, — *а трагедию былого времени*. Таким и будет подзаголовок.

Его аргументы показались мне убедительными.

21 ноября 1985 года Валентин приступил к работе над «Каторгой». И с этого дня из ночи в ночь, практически продолжался напряжённый «каторжный» труд.

Приступив к роману, Пикуль планировал его закончить к новому году. Но календарный план редко удобно пристёгивается к планам творческим. Срок и качество — персоны конфликтующие. Одной из сторон надо отдавать предпочтение. У Пикуля всегда в привилегированном положении находилась последняя.

Тяжело давалась «Каторга». Сказывалось не только физическое переутомление, отсутствие отдыха. Ещё больший отпечаток накладывала непривычная работа с психологически тяжёлым материалом: работа в режиме как бы растянутого стресса, беспросветного блуждания в дебрях отрицательных эмоций — ведь роман был не о райском уголке, а о заброшенном острове империи, который стал местом ссылок и тюрем. Основные

события в новом романе происходили на Сахалине, главном восточном форпосте на Тихом океане.

К 1905 году на Сахалине сложилась довольно сложная ситуация.

По международному праву того времени существовало положение, что в местах ссылки военные действия не ведутся. Япония, которая не подписала это соглашение, на захват острова бросила огромные силы: две эскадры и несколько боевых дивизий с хорошо обученными войсками. Японцы 15 мая разгромили эскадру Рожественского, а 24 июня высадились на Сахалине.

После Цусимы у японцев были «развязаны» руки. Нигде до этого самураи не действовали с такой жестокостью, как здесь.

Малочисленный гарнизон Сахалина не мог остановить японцев.

Для отражения натиска захватчиков и освобождения острова была создана *народная дружина из числа каторжан*. Эту ситуацию и использовал Пикуль в «Каторге». В данном случае мы «сталкиваемся с парадоксальным явлением: казалось бы, кто будет защищать тюрьму, в которой сидит? Но земля-то русская. Эта *тюрьма* для каторжан в данном случае выступала как *частичка Родины*», а святая честь каждого русского человека — защищать родину от врага. Казалось бы, у каторжан очерствела душа, но в трудную для родины минуту в их душе патриотические порывы оказались главными. И рядом с надзирателем сражались — героически! — каторжане, сражались и погибали, потому что знали — пощады от японцев не будет.

Несколько отрядов ополченцев прошли весь Сахалин от севера до юга, до мыса Погиби, и здесь переправились на материк. В Николаевске-на-Амуре ополченцев-каторжан встречали как героев. Все они по

амнистии были освобождены, многие из них получили награды.

В сахалинской каторге любой человек — врач, учитель, архитектор, осуждённый и сосланный на Сахалин, переставал быть доктором или адвокатом. С этого момента — он уже «не человек, а только одушевленное существо, которому дана возможность чувствовать, но ни мыслить, ни протестовать он не может. Он — раб.

Но в центре романа «Каторга» — главный герой Побынов, фигура сильная, своеобразная, сложная, противоречивая — настоящий любитель острых ощущений, который добивается удачи и ставит в жизни, как в рулетке, всегда на 36.

Реально существовавшего прототипа не существовало, — это собирательный образ, автор, «слепил» этот образ из нескольких каторжан, полюбил его, наделил смелостью, умением добиваться желаемого. Любой автор исторического романа волен сам выбирать героя — хорошего или плохого, «автор вправе сложить его, как мозаику из красочных частиц добра и зла».

Побыну герой понадобился именно таким, «каким однажды явился передо мною, и мне часто делалось жутко, когда он хищно вглядывался в меня через решётки тюрем своими жёлтыми глазами, то пугая меня, то очаровывая...».

В Побынове — этом «сверхчеловеке» добрые черты характера преобладают над дикостью и варварством. Более того, в него влюбились многие читатели, о чём сообщали автору в письмах.

Хочется остановить внимание читателя ещё на одном образе романа «Каторга» — Корнее Землякове, которому автор явно симпатизирует: его герой прошёл все круги ада и принял мученическую смерть от захватчиков. Это тоже вымышленный герой, но этим

образом автор хотел сказать: такими были и остались русские люди.

Вживаясь в ту эпоху и обстановку, Пикуль изучил блатной язык каторжан.

Проснувшись однажды ночью от разговора в кабинете, я была поражена «диалогом» Пикуля со своим героем. Было не просто страшно — было жутко, особенно после неожиданного появления в дверях Валентина. Небритый, остриженный под машинку, в полосатой пижаме, сгорбленный, переваливающейся с ноги на ногу походкой, не обращая на меня никакого внимания, он проследовал в кухню за чаем. Войдя в кабинет, я не выдержала и спросила:

— Кто же ты на самом деле? Может, правда каторжник?

— Да, я действительно каторжник, — на короткое время вернулся в «нашу эру» Пикуль, — только у меня «сладкая каторга», я сознательно обрекаю себя на это...

Год подходил к своему завершению.

30 декабря в сопровождении своих наставников-педагогов из Института гражданской авиации Пикуль навестил сирийский студент. Сын переводчика привёз Валентину Саввичу только что вышедшую в Сирии книгу Пикуля «Последние ночи шайтана» (так в переводе на арабский стал называться роман «У последней черты»). Кроме книг Валентину Саввичу были преподнесены подарки от министра обороны Сирии генерала Тласса, на личные средства которого и было осуществлено это издание. Пикуль было интересно узнать, что книга пользуется в Сирии большой популярностью и большим спросом. Министру обороны, переводчику и его сыну были презентованы ответные подарки.

31 декабря трудолюбивый «каторжник» не заметил, когда 1986 год вступил в свои права...

Послесловие к «Каторге»

Напряжённый, но размеренный творческий ритм, абсолютно не задетый красным листком календаря, продолжался и в новом году.

Пикуль огорчился, что не сумел закончить роман к Новому году.

7 января утром я поспешила в холл за своей привычной утренней почтой. На столе лежала записка.

Только я могла понять её смысловую напряжённость. У автора записки не осталось сил ни на то, чтобы написать обращение ко мне, ни на то, чтобы поставить подпись: «*ВСЁ13.30*».

Но мне было ясно, что в этом кабинете, с окном на восход, Пикуль сегодня ночью закончил свой новый роман.

Когда я пришла с работы, Валентин Саввич всё ещё спал.

В котором же часу он лёг?

А это не важно, я не стала его будить — не надо тревожить первый сон «на воле».

Проснулся он сам и первые свои слова объединил в такую фразу:

«Да... В “Каторге” как будто меня водили по этапам, но ия.... провёл многих».

Затем пытался читать мне главы из книги, но я проявила настойчивость в желании вычитать роман самой. Под этим предлогом я хотела, кроме того, дать передышку писателю, помочь Валентину Саввичу быстрее выйти из тяжёлой каторжной атмосферы событий произведения.

Вычитка, доработка, перепечатка могут подождать.

В следующий вечер я, конфисковав у автора рукопись, предалась захватывающему чтению.

— А где подробнее почитать о королеве? — поздно вечером (а скорее ночью) войдя в кабинет, спросила я Валентина.

— Нигде. — Пикуль приподнял брови. — Этот образ я создал сам, чем и горжусь. Поговорим о нём потом, иди читай, королева, я не хотел бы сейчас отвлекаться.

И писатель склонился над своим столом...

В эту ночь, с 8 на 9 января, Пикуль написал миниатюру «Полёт шмеля над морем» (14 страниц), которая была начата, но не пошла, в 1985 году. В ней он приветствовал встречу Горбачёва с Рейганом, надеясь на взаимопонимание, миролюбие и взаимовыгодные экономические отношения. В первой публикации миниатюры о встрече говорилось конкретно. Впоследствии, разочаровавшись в Горбачёве, Валентин убрал этот эпизод.

Пресловутая перестройка негативно влияла на сознание и психику писателя. Если раньше он приобщался к политике путём просмотра телевизионных программ «Время» и «Международная панорама», то теперь Валентин всё чаще и чаще брался за газеты «Советская Россия», позднее «Аргументы и факты», латышские газеты на русском языке...

В один из самых обыкновенных дней, слушая выступление Горбачёва, вдруг взорвался:

— Что он всё талдычит: перестройка, новое мышление. Мне-то это зачем? Я всю жизнь вкалываю по 14-16 часов в сутки и не собираюсь перестраиваться. Это им, бездель-никам-партократам, надо. Так и решили бы без лишнего шума между собой, мол, прекращаем болтовню — садимся за работу. Или вот «новое мышление» — какую чушь придумали. Мышление у человека или есть, или его нет. Изменить сознание и образ мышления можно только двумя способами: быстро — хирургическим методом, вставив другие мозги, или постепенно — в процессе смены, может

быть, не одного поколения. А по команде «ать-два» такие вещи не делаются. Попомни мои слова: *всё это плохо кончится*, нельзя так издеваться над народом.

Цари, конечно, раньше жили для себя, но о народе тоже не забывали. Вспомни — какими словами начинала утренний приём Екатерина Великая? Вот именно... Она спрашивала о том, каковы цены на хлеб, рыбу, соль. И если они были выше установленных, нарушения устранялись и те, которые «думают только о том, как деньги народные поместить в швейцарские банки, подвергались наказанию. Вот так-то!..

Ещё позже Валентин совсем разуверился в Горбачёве, подведя итог рухнувшим надеждам категоричными словами:

— Присмотришься поближе, задумаешься поглубже, и становится понятно, что такой же болтун, как и предыдущие, только помоложе да похитрее...

Рукопись романа «Каторга» перед публикацией подверглась троекратному рецензированию:

Старшим научным сотрудником Института Дальнего Востока АН СССР, кандидатом филологических наук К. Черевко; кандидатом исторических наук капитаном 2 ранга В. Доценко; В. Кукушкиным (должность и учёная степень не указана).

В. Доценко указывал на недостаток рукописи: «В нём (романе. — А. Л.) со всеми подробностями описан уголовный мир, его дикие нравы, роль же политкаторжан в истории Сахалина показана слабо. Этот серьёзный недостаток снижает историческую ценность романа».

Были высказаны рецензентом и добрые пожелания автору: «Для правильного понимания читателем описываемых событий необходимо солидное предисловие...»

Все рецензенты рекомендовали рукопись к печати, в частности, рецензент К. Черевко писал:

«С точки зрения художественной роман, на наш взгляд, написан в свойственной писателю блестящей форме, остросюжетная фабула сочетается с великолепным знанием литературного и нелитературного языка.

Не вызывает сомнения, что идейная направленность произведения (демократизм и патриотизм), будет иметь большое воспитательное значение так как она представляет собой развитие лучших традиций русской (Чехов, Дорошевич) и советской литературы.

Поражает умение писателя «вживаться» в события почти вековой давности и пропускать их через своё обобщённое художественное видение, совпадающее с основными направлениями исторического процесса».

Рецензент даёт справку о разрешении «Сахалинского вопроса» в августе 1945 года. «Юридически, с японской стороны он был “разрешён” в 1951 году по Сан-францисскому договору. Ст. 2. Япония отказалась от всех прав правоос-

ззо нований и претензий на него и Курилы, но представитель СССР не подписал этот документ, в частности, потому, что в договоре не говорилось об отказе Японии от этих территорий в пользу СССР, и это обстоятельство МИД Японии до сих пор использует в своих претензиях по вопросу о “северных” территориях.

В настоящее время международно-правовой основой “Сахалинского вопроса” являются решения союзников по антифашистской коалиции — Каирская и Потсдамская 1943 и 1945 годов, Ялтинское соглашение 1945 года, Сан-францисский мирный договор 1951 года и совместная декларация СССР и Японии 1956 года».

Роман «Каторга», написанный в преддверии 1986 года, злободневен и сейчас, ибо в наши дни всё более настойчиво и деловито, чем несколько лет тому назад, начинают затеваться Японией разговоры об островах Курильской гряды.

Таких далёких, и таких близких нашему сердцу...

Очередная ночь (с 9 на 10 января) ознаменовалась рождением миниатюры — «Приговорён только к расстрелу».

Следующая ночь — опять работа над новой миниатюрой. Я не на шутку взволновалась: сколько же можно?

Очень обрадовал Валентина приезд А. В. Серёгина. Александр Васильевич рассказал, что газета «Советская Россия» решила провести заочную читательскую конференцию по творчеству Пикуля. Валентин Саввич выразил сомнение по поводу состоятельности такого мероприятия. Но конференция была начата, точнее — объявлена. И в адрес Пикуля в связи с этим начали поступать письма.

Много писем... Всяких... и добрых, и злых.

Вместе с Серёгиным они совершили вояж по городу, зашли в мастерскую к Юрию Даниловичу Вовку. Подаренная Юрием Данилычем картина и остальные его работы вызвали неподдельное восхищение гостя.

Посетили Музей истории медицины, где Пикуль приобрел две книги и сразу после отъезда Серёгина сел за их освоение.

«Проветрившись» таким образом, Валентин Саввич 17 января начал вычитывать, дорабатывать, править и перепечатывать вновь испечённую «Каторгу».

За первые два дня отработано 52 страницы. В таком темпе шла доводка романа целую неделю без перерыва. 25 января Валентин Саввич встал из-за стола и упал на пол.

С трудом устроила его на кровати, вызвала врача. Владимир Корнеевич Малышко, следивший за здоровьем Пикуля, констатировал неутешительный диагноз: гипертония, давление 220 на 160, микроинсульт.

На работу не хожу, сижу с Валентином — у него постельный режим. Вставать сам боится, необходимые короткие прогулки по квартире совершает, только опершись на моё плечо.

29 января — Валентину лучше, но, скорее всего, просто делает вид. Приехал директор из «Советского писателя» Леонид Иосифович Трофимов с двумя дамами. Валентин Саввич встал с постели, но гостеприимство далось ему с большим трудом.

Две последующие недели потребовалось для того, чтобы болезнь отступила до рубежа, позволяющего безбоязненно, не торопясь ходить по комнате и садиться в кресло.

Всё это время, лёжа в постели, Пикуль читал, перечитывал, листал и просматривал любимые книги своей любимой библиотеки. Трудно пересчитать, сколько их прошло в эти дни через его руки. Только и слышалось: «Принеси мне...» И что примечательно — не только называл книгу и её автора, он говорил её адрес: например, «она стоит на втором стеллаже на третьей снизу полке, четвёртая или пятая, если считать слева».

Вот так он знал свою библиотеку.

Глава четырнадцатая. Жизнь в истории и для истории

Тернистый путь к успеху

Жизнь каждого человека — это захватывающий роман с завязкой, кульминацией и должным выводом из того, что оставил после себя человек потомкам. Жизнь писателя — это тома написанных им книг. А их у Пикуля немало. Полное собрание сочинений выходит в настоящее время *в 28 томах*.

Как же создавались эти произведения, в каких условиях и что послужило источником их создания — об этом пойдёт речь в этой главе.

Валентин Пикуль не состоялся бы как исторический романист, не усвоив традиции и уроки предшественников: Н. Задонского, В. Шишкова, В. Яна, Ю. Тынянова, Г. Данилевского, М. Салтыкова-Щедрина, А. Малышкина, которые являлись его учителями.

Как правило, большинство исторических романистов до Валентина Пикуля в своих произведениях отражали какой-то один период или отрезок истории. К примеру, Юрий Тынянов писал о пушкинской поре, Василий Ян занимался эпохой татаро-монгольского ига, а в творческом наследии Валентина Пикуля временные события охватывают *несколько столетий*: от эпохи Ивана Грозного и до Великой Отечественной войны. Творчеству Валентина Пикуля в полной мере присущ *глобализм*.

Широк и размах *географических событий*, где живут и действуют его герои: от самых западных мест — до берегов Японии, от Северного Ледовитого океана — до Османской империи и даже Мадагаскара.

Следует подчеркнуть, в отличие от предшественников Пикуль работал в *разных исторических жанрах*: писал исторические романы, романы-хроники, политические романы, исторические миниатюры (очерки), стихи.

Пикуль был страстным *исследователем*, умеющим сопоставлять факты прошлого с днём сегодняшним, и делать выводы. Он разгадывал в архивных материалах дух целой эпохи, а в ней историческую личность часто затерявшуюся или несправедливо забытую.

Прежде чем сесть историческому романисту за стол, необходимо собрать многочисленные нужные *источники* и их досконально изучить.

На это уходят порой не годы, а десятилетия. Вспомним, к примеру, — для миниатюры об Иване Григорьевиче Мя-соедове Пикуль собирал материал около пятнадцати лет.

«Конечно, хорошо, если у писателя есть такая *библиотека*, как у меня, — признавался Пикуль, — ибо историческому романисту необходимо иметь свою, хорошо укомплектованную библиотеку».

Начиналась библиотека Валентина с книги Е. С. Шумигорского «Екатерина Ивановна Нелидова», которую он приобрёл ещё в далёком 1952 году. Екатерина Ивановна из смолянок, пассия Павла I. В книге много интересного из жизни двора и его окружения, раскрыты тайные пружины событий, имевших важное значение для русской истории.

Затем необходимо составить *список* требуемой *литературы*. Во время работы над составлением библиографического списка писатель полностью отдавал себя библиографической работе: использовал картотеку исторических лиц, сначала выявляя источники своей библиотеки, затем просматривал и изучал указатели, списки литературы, ссылки в книгах, прикнижную библиографию, подстрочные примечания.

Как говорил талантливый поэт В. Я. Брюсов, «... знание состоит не столько в запасе сведений, сколько в умении найти нужные сведения в книгах».

Знать всё и обо всём, конечно, невозможно. Каждому историческому романисту на определённом этапе работы нужна литература по определённой теме и времени истории.

Как-то специальный корреспондент журнала «Советская библиография» С. М. Каменев спросил Пикуля, как он относится к библиографии, библиографам и их труду?

Ответ Пикуля был оригинальным:

— Так же хорошо, как к своей жене... Моя жена по профессии библиограф... Хочу выразить свою благодарность людям этой профессии. Без них, без их трудов — указателей, списков литературы, без их подсказок — я мог бы и не состояться как писатель... Хороший библиограф — это человек, умеющий найти книгу, которая нужна для работы в данный момент... Библиограф фиксирует огромный поток выходящей литературы, уже одним этим он сохраняет наши знания, а значит, передаёт наш опыт будущим поколениям.

Скажу откровенно: у нас дома Валентин был библиографом высшей квалификации, а я — простым библиотекарем.

Подробный список составлен. Далее начинался второй этап: поиск недостающей литературы, ведь не все нужные для работы книги имелись в его библиотеке.

Пикуль пытался собрать все или почти *все источники*, которые выходили не только у нас, но и за рубежом — на английском, немецком, французском, польском и финском языках. Чтобы судить и делать выводы, надо знать оценку и выводы не только с нашей, но и с другой стороны. «Правда находится где-то, приближаясь к середине», — утверждал он.

Даже заносчивые редакторы и критики рассказывали о поразивших их феноменальных познаниях Валентина Пикуля.

Как писатель-документалист, разрабатывающий историческую тему, он в первую очередь придавал огромное значение историческим фактическим документам.

При работе над любым романом многое значили и вводили в историческую обстановку детали быта: отсюда стремление писателя изучить мемуары, дневники эпохи, свидетельства очевидцев, эпистолярное наследие исторических лиц и государственных деятелей, записки и документы о героях.

— Послушай, — обратился он ко мне, — что писала о наряде Екатерины на балу французская художница Виже-Лебрэн: «Её костюм был прост и благороден: он состоял из муслинового платья, вышитого золотом, с поясом, украшенным бриллиантами, рукава которого были заложены в поперечные складки в восточном стиле. Сверх этого платья был надет долман из красного бархата с очень короткими рукавами... Это был обычный костюм Екатерины, но бриллианты она носила только в дни придворных балов или торжеств. Соответственно сезонов изменялась ткань долманов».

Прочтя такое описание, писатель воочию представлял, что носила императрица и что было характерно для женской моды XVIII века.

Суждение одного лица о том или ином событии или факте может быть субъективным, поэтому Пикуль взял себе за правило: находить подтверждение в *нескольких источниках*, чтобы на этом основании судить о предмете разговора беспристрастно.

Как известно, в истории на разные события и явления имеются разные точки зрения. И если учёный-историк в своей монографии объясняет все имеющиеся

точки зрения, то историческому романисту нужно выбрать одну, более ему близкую по выводам, духу и настроению версию. Тогда недобросовестные критики били его другими версиями.

«Я знаю, что меня не любят за правдивость. Иногда я пишу, заведомо зная, что моя точка зрения на то или иное событие не совпадает с общепринятой и даже идёт вразрез с ней: по этому вопросу уже защищены докторские диссертации, написаны обширные монографии. Но я в своей работе иду не от монографий, а от *первоисточников* — материалов того времени, о котором пишу, и в этом я остаюсь правдив и перед собой, и перед читателем. Но, следуя собственной правде, я вооружаю против себя полчища критиков...»

Конечно, и у Пикуля встречаются неточности и ошибки, что немудрено для человека, буквально перелопатившего тонны исторической документации, но многие серьёзные учёные утверждают, что «в произведениях Пикуля их меньше, чем в иных научных трудах».

Собрав необходимую *литературу*, Пикуль досконально *изучал* её. А это было огромное количество источников, иногда — целая библиотека.

Работа с историческим материалом, особенно с документами, — сложная и трудоёмкая. Чтобы не заблудиться в источниках, делал необходимые выписки.

После изучения материала — наступал следующий ответственный момент: *составление «почасовика»*.

«Почасовик» представляет собой наброски хронологически последовательных событий в жизни героев с указанием источников, где об этом можно прочитать.

Примерно на одной странице листа помещались 3–4 вопроса, а под ними указывались сведения, откуда почерпнуты ответы на эту тему или об этом герое.

Глядя на сохранившиеся «почасовики», трудно понять: как Валентин в них разбирался? Как ориентировался? Они настолько испещрены источниками, которые в процессе работы ещё дополнялись, что никто, кроме автора в них ничего не поймёт. На составление «почасовика» уходило много времени, но для исторического романиста работа без этого «хронографа» немыслима.

«Почасовики» помогали Пикуль в разборе с рецензентами и редакторами, которые разного рода события принимали за вымысел автора, говоря: «Такого не могло быть!» Но автор всегда доказывал свою правоту.

Другое дело — споры по идеологическим и международным вопросам.

Помню, как долго доказывал Пикуль редактору свою точку зрения по поводу трёх разделов Польши. Редактор просила «смягчить тон» и сократить материал. Пикуль возмущался:

— Что не было трёх разделов Польши?

— Были, — соглашалась она. Но вы их только упомяните, не давая им оценки.

Чтобы «Фаворит» вышел, Пикуль *вычеркнул* спорные места, которые при последующих изданиях я восстановила по рукописи.

К чести писателя, и этот момент хочу особенно подчеркнуть, если он сделал свой вывод на основании изученного материала, он никогда не перерабатывал и не переделывал спорные места в угоду рецензентам и редакторам, а просто сокращал или вычёркивал спорные места, но в рукописях они сохранились. К слову сказать, он ни одну книгу не переделывал, был единственный случай, когда он дополнил короткий роман «Париж на три часа» вновь открытыми материалами.

Отвечая на вопрос корреспондента, Валентин Пикуль эту мысль выразил так:

— Я никогда и ничего после издания книги не переделывал. *Каждая книга* — это документ жизни писателя, а документы — по прошествии времени — нельзя переделывать, ибо это было бы уже фальсификацией жизни писателя.

Важно отметить и такой момент, что Валентин Пикуль ещё в 1960—1970-е годы сказал правду о П. А. Столыпине, А. В. Колчаке, имена которых произносились только в уничижительном тоне.

Частые споры возникали не только в трактовке ролей личностей в истории. Бывало, что документы о территориальных претензиях, нюансах дипломатических отношений бросали отсвет на события современности. В ящике стола долгое время лежала миниатюра «Расстановка столбов» — о российско-китайских отношениях и установлении границы по Амуру.

Чиновник из МИДа, куда отправили миниатюру на рецензию, дал заключение: «В. Пикуль хочет поссорить нас с Китаем». Поэтому первая публикация миниатюры «Расстановка столбов» появилась в советско-болгарском журнале «Дружба» только спустя три года после её написания.

Приступая к работе, писатель видел уже план всей книги. Он был уверен, что создаваемое им «здание» прочно встанет на крепкий фундамент.

Мучительным для автора было найти первую фразу. Старался сделать начало таким, которое бы сразу захватывало читателя. Много и долго он пробовал на слух различные варианты фраз — не получалось. Тогда писатель чаще всего начинал с конца. Читатель сам может убедиться в этом.

Мне думается, что голова Валентина не знала отдыха — всегда работала. Он писал везде. В гостях, на

прогулке, за чашкой чая, он вдруг вскакивал и бежал в кабинет, чтобы записать пришедшую нужную мысль или написать полстраницы.

Довольно часто необходимые решения и повороты сюжетов, которые ему долго не давались, приходили во сне. На стеллаже, около кровати лежали листы бумаги и карандаш: всегда под рукой, чтобы не потерять так быстро ускользающую мысль.

Творческий процесс писателя

Собирание материала и *изучение* — его любимое дело, а работа — каторга.

Творческий процесс писателя трудный и сложный: это тайна, раскрыть которую полностью пока не удалось никому.

Уходя в кабинет, на свою ночную вахту, Пикуль часто цитировал слова Александра Блока:

Что ж пора приниматься за дело,
За старинное дело своё —
Неужели и жизнь отшумела,
Отшумела, как платье твоё?

Пикуль вместо «старинное» читал — «привычное», имея в виду привычную повседневную работу.

Мне представляется, — ни один писатель-литературовед не может описать жизнь Пикуля такой, как сложилась его судьба. Этому самородку, этому феномену никто до сих пор не может дать объяснения. Однажды попытался это сделать философ Арсений Гулыга, на мой взгляд, ему это сделать удалось, но, на мой взгляд, не так подробно, как хотелось бы. А ведь таких людей среди наших современников, одержимых историей, музой — *Клио*, как Пикуль, — найти трудно.

Иногда уходили годы на *вживание в исторический материал*, пока писатель услышит голос и увидит своего героя. Это происходило совсем неожиданно: в какой-то момент он вдруг начинал «видеть» картину происходящего, «слышать» голоса своих героев. Пикуль мысленно посылал им сигналы и слышал их ответы. Ему и самому было непонятно это творческое действо, которое появлялось внезапно, в период наивысшего напряжения мысли и воображения, и также быстро исчезало. Требовалось как можно быстрее записать эту сцену. В такие моменты сама рука скользила по бумаге, а трудное и неподдающееся ранее — представлялось простым, лёгким и доступным.

«Как жаль, что такие взлёты творческого настроения — открытие внутренней гармонии в себе случалось редко», — признавался Пикуль.

Валентин настолько перевоплощался в своего героя, что какое-то время не сразу мог вернуться в реальное время, когда я неожиданно появлялась на пороге кабинета. Даже внешне он старался походить на своего героя, в такие моменты «разыгрывал» что-то вроде спектакля, употребляя во время разговора диалоги, а при объяснении в любви велеречивые слова: богиня, царица, королева, маркиза, графиня, душечка, зазноба... в зависимости от материала, в котором он жил.

Такое творческое состояние прекрасно описывает поэт К. М. Фофанов:

В уме моём рождаются картины,
Одна другой прекрасней и светлей.
На небе тьма, а солнце жжёт долины,
И солнце то взошло в душе моей...

Но такие мгновения приходили очень редко, тогда Валентину приходилось, как он говорил, «высиживать».

«Буква за буквой, строка за строкой, страница за страницей, книга за книгой — так проходит моя жизнь без праздников, отпусков и выходных», — скажет Пикуль о своей работе в одном интервью.

Писатель *любил своих героев*: знаменитых и не очень, добрых и злых, красивых и всяких — он с ними жил, с ними общался, видел их, он «проживал» их жизнь. Перед взором читателя проходили цари и короли, военные и дипломаты, учёные и врачи, писатели и поэты, художники и композиторы, — одно перечисление героев займет много места. И каждого он наделял своими, присущими только ему, отличительными чертами.

Приходится только сожалеть, что мы уже никогда не прочтём романы «Аракчеевщина», «Прима», «Царь-баба» (о царевне Софье)...

Директор ЦЧКИ издательства Г. Свиридов писал о Пикуле: «За 40 лет работы в литературе Пикуль создал правдивый *портрет России* в своих исторических романах. И в каждом он шёл непроторёнными путями. Его часто обвиняли в... *патриотизме*, на что он отвечал: “Думаю, что наше искусство и литература должны говорить о любви к родине во весь голос. Особенно сегодня, когда деформированы и продолжают деформироваться многие духовные ценности. Народ нужно учить добрым примером!”»

Действительно, критерием достоинства героя у писателя является мера любви к родине и глубина патриотизма.

Многие считали, что Валентину всё давалось легко. Это не так. Просто он *трудился, как каторжный*. За что бы в жизни он ни брался, он старался изо всех сил делать хорошо, отдаваясь полностью своему делу. Пикуль часто переносил высказывание Михаила

Дмитриевича Скобелева на литературу: «Я в этом твёрдо уверен: в политике, как на войне, только невозможное действительно возможно». И он делал, казалось бы, невыполнимое и «невозможное — возможным».

Как к маленьким, так и к большим произведениям, он подходил основательно и серьёзно. Пикуль никогда не верил, что можно чего-то серьёзного в жизни добиться способностью, без упорства и трудолюбия. Покой ему в жизни не был предназначен. Он созерцал ночь и поклонялся ей, творя новые произведения.

Когда уставал физически и морально, начинал «писать» во сне. Это значило — необходимо срочно отдохнуть, чтобы в дальнейшем сохранить рабочую форму. Часто во сне приходили подсказки — трудно разрешимые в действительности.

Быть историческим романистом нелегко: необходимо достоверно и интересно пересказать новым поколениям читателей, что происходило в истории, но сделать это так, будто автор сам был участником этих событий.

Сохраняя историческую канву романа, Пикуль среди исторических лиц вводил *вымышленного героя* как связующее звено. Но и «придуманному» образу нужно быть «законным», то есть все его поступки, вся его жизнь должны укладываться в реальные исторические формы. Без этого не будет исторической правды. «Свободу художественного воображения я допускаю, но делать это надо очень осторожно».

Валентин часто говорил, что легче писать романы об известных исторических личностях и трудно поднимать «из потёмок прошлого» героев, забытых временем. А ещё сложнее — раскрыть душу человека. В ней способны рядом дружно уживаться ложь и правда, грязь и чистота, зло и добро. Заслуга писателя — выкристаллизовать зёрна, отделив их от плевел,

преподнеся читателю историческую правду о своём герое. Как правило, у Пикуля чаще всего — это *«сильный волевой человек, знающий — куда приложить свои силы»*, чтобы принести пользу Отечеству.

Не всегда всё шло успешно и гладко. Нередко бывало так, что хорошо изученный материал никак не ложился на бумагу, поэтому в архиве писателя осталось несколько начатых произведений. В такие моменты он мучился, не мог найти приложения своих сил, обращаясь ко мне с фразой: «Линник, Линник, поддержи!»

Не зная, кто такой Линник, я попросила объяснить смысл происходящего. Вместо этого Пикуль принёс книгу о Седове и сказал: «Прочти!»

Коротко перескажу содержание, чтобы и читателю было понятно: Георгий Яковлевич Седов — русский полярный исследователь, в 1912 году организовал экспедицию к Северному полюсу на судне «Святой мученик Фока».

Григорий Линник — опытный погонщик собак, приехал к Седову, чтобы следовать в экспедицию. Погодные условия не благоприятствовали продвижению к Северному полюсу, и Седову с командой пришлось зимовать на Новой Земле и Земле Франца Иосифа.

Мысль достичь Северного полюса не покидала Седова, и он решил добраться до полюса на собачьих упряжках, с сопровождавшими его Линником и Пустошным. В пути Седов серьёзно заболел. 17 февраля 1914 года Георгию Яковлевичу стало совсем плохо: «Седов задыхался, дыхание вырывалось из груди с силой, ему не хватало воздуха. Со своим последним вздохом, он прохрипел: “Линник, Линник, поддержи...”».

Какие были люди! — восхищалась я подвигом Седова. И одновременно понимала, как тяжело на душе у Валентина.

Чем и как помочь, чтобы вывести его из этого оцепенения? Только книгами, — это эликсир для его здоровья и приобретения знаний. Каждый раз, видя его нерабочее настроение, я приносила книги, организовывала поездки, просила помочь по дому — только бы не услышать эту фразу.

Были в характере писателя и некоторые черты суеверия. В понедельник старался не начинать новую главу, считая его «трудным» днём, хотя невозможно представить — когда ему было легко.

Сколько раз я пыталась заменить его письменный стол на более «приличный» — и ничего не вышло. Он дорожил им и даже написал «Оду моему царю-владыке — письменному столу»: «Мой стол весь заляпан чернилами. Тем-то он и хорош, значит, я не сидел без дела... стол писателя — это верстак, это станок... Он мой верный друг — друг надёжный и удивительный. Я верю в него, как и он в меня. У нас с ним обоюдная любовь и привязанность друг к другу... Без него, я думаю, не написал бы даже одного романа!.. Сегодня объясняюсь в любви за этим столом, завтра поднимаюсь на эшафот... Здесь мне бывает и плохо, и хорошо — видимо, такова моя судьба!»

Дневники... Дневниковых записей немного. Автор их никому не показывал.

Отмечал самое главное о работе, книгах, друзьях. В них философия жизни и планы, которые его интересовали. В них краткие отзывы о книгах, их оценка. Дневниковые записи — свидетели мысли и времени писателя в определённой последовательности. Они мало наделены оптимизмом и радостью жизни, скорее в них сокровенные мысли души, не подлежащие чужому взгляду. Многие отзывы о его современниках категоричны, но в целом, просматривая через промежуток времени в два десятилетия, — он прав.

Здесь же имена друзей и приятелей, с которыми он поддерживал связь в Ленинграде и Риге. Многие из тех, кто сейчас называют себя друзьями или приятелями Пикуля, — не присутствуют в записях и алфавитках писателя.

Пикуль выступил *новатором* в использовании и употреблении *языка*. Современному читателю необходимо было доходчиво донести аромат и быт эпохи, приблизив его к историческому времени. Особенно это характерно для XVIII века — времени больших исторических событий, столетия, в течение которого Россия, ещё так недавно стоявшая вдали от мирового политического процесса, заняла одно из ведущих мест в мире.

Писатель обладал высоким чувством *юмора*, тонкой иронией, простодушной шуткой, которые то и дело встречаешь в его книгах. Не приветствовал анекдоты, плоские, особенно не любил «сальных» анекдотов.

Заглядывая в нашу историю, мы ощущаем, что судьба великих людей никогда не бывает простой.

Мне думается, да об этом пишут и многочисленные читатели, творчество Пикуля занимает в русской литературе гораздо более почётное место, чем это может показаться при поверхностном взгляде. Все его произведения, высказывания и мысли исполнены *патриотизма*, а это опасность для русофобов. Он любил свою родину, её историю, культуру и русскую душу. «Мы, русские, живём ещё потому, что нас много, будь нас меньше — русских давно бы не стало на планете», — читаю я в записной книжке писателя.

Несмотря на все сложные перипетии судьбы, когда жизнь имела в большинстве своём чёрно-белые краски, писатель состоялся. Голос его был услышан читателем. Писатель доверял своему читателю, любил его и без всякого назидания обращался к нему: «Я никогда ни на чём не смею настаивать, и никогда не стану выносить

решений, мои задачи, как литератора, всегда останутся скромнейшими — я только рассказываю вам, а вы уж, пожалуйста, сами делайте выводы...»

К счастью Пикуля, он получил признание читателей при жизни. А что может быть важней и выше этого?!

Глава пятнадцатая СИЛА СУДЬБЫ

Жизненные дороги писателя

Впервые после вынужденного перерыва Валентин сел за рабочий стол 15 февраля. Видя его слабость, я протестовала, но через некоторое время вновь заставляла его за работой.

Впрочем, он и сам чувствовал определённую утерю «спортивной формы». Договорились, что при малейшем ощущении утомления он будет делать перерыв для отдыха. Ослабший организм уставал быстро. Валентин ложился в постель и почти сразу засыпал. Распорядок дня скомкался, подчиняясь только одному — самочувствию писателя. Теперь Пикуль спал по два-три раза в сутки.

Отойдя от сна, он вновь устремлялся к столу, сетуя на то, что «Каторга» ещё не доведена до готовности к отправке в издательство, а столько драгоценного времени потеряно.

А в начале марта был визит к Пикулю В. Н. Ганичева, который пришёл вместе с доктором В. К. Калнберзом. Об этом нельзя умолчать, во-первых, потому, что Валерий Николаевич решал с Валентином вопрос об издании «Крейсеров» в «Роман-газете». Вновь встала проблема: как реагировать на кулуарные дразги и дебаты вокруг Н. Л. Кладо. Валентин Саввич категорически отказывался сокращать роман, вернее — убирать «пикантные и спорные» места.

Я же собрала для главного редактора «Роман-газеты» литературу — необходимые аргументы в борьбе за «Крейсеров».

Другой повод остановиться на этой встрече — знакомство Пикуля с Виктором Константиновичем

Калнберзом. Крупный учёный-медик, человек высокой культуры и интеллекта, прогрессивных взглядов и интернационалистических суждений источал столько позитивного, что невозможно было не попасть под его обаяние и влияние. В последующее время они встречались ещё много раз, и каждая встреча была для Пикуля как праздник.

Полностью отпечатанный роман «Каторга» лёг на стол вечером 28 марта. Теперь можно было вести конкретный разговор с «Молодой гвардией» и «Дальним Востоком» — журналами, изъявившими желание печатать новое произведение.

Встречи и контакты

Разных встреч с «пахарями литературной нивы» в этом году было немало.

В начале апреля на работе мне передали визитную карточку, из которой явствовало, что меня разыскивает главный редактор журнала «Советский воин» Юрий Александрович Виноградов.

Юрий Александрович приехал на съезд писателей Латвии и попросил познакомить его с Валентином Саввичем. В ближайшие дни встреча состоялась. Контакты продолжались и в дальнейшем. Юрий Александрович всегда был поклонником и пропагандистом творчества Пикуля и в меру своих сил старался знакомить читателей с его литературным наследием...

16 мая состоялась встреча с Юрием Васильевичем Бондаревым.

Понятно, что в разговорах с мэтром отечественной литературы больше всего было отведено места современной литературе. С большим интересом Юрий Васильевич рассматривал галерею портретов и

портретную картотеку, ибо ничего подобного нигде не встречал.

В свою очередь, этот интерес и знание портретной живописи крупным писателем восхитило Пикуля: он впервые в знаменитом писателе увидел такую неподдельную тягу к искусству, которая позволяет безошибочно отличить любопытство дилетанта от интереса ценителя и знатока.

Встреча была сердечно-дружеской и весьма откровенной. Вспоминали, что она могла состояться несколько раньше. Но если использовать поговорку, то «лучше поздно, чем никогда»...

В этом году был сильно замечен журналистский интерес к персоне писателя.

В июне месяце у Валентина Саввича гостевал полковник Златков из журнала «Болгарский воин». В повышенном внимании к нему со стороны Пикуля была и «личная корысть»: автор ещё не законченной книги «Честь имею» словно рентгеном просвечивал славянского офицера, вникая в тонкости воинской службы и быта.

После долгих поисков, наконец, вышел на Пикуля корреспондент итальянской газеты «Коррьере делла сера» Сандро Скабелло. Итальянец задумал серию интервью с самыми читаемыми в мире авторами разных стран. И вот после Гарсиа Маркоса корреспондент 22-23 июня интервьюировал советского писателя Валентина Пикуля. Итальянец попросил Пикуля сфотографироваться.

«Нужно что-то неординарное для зарубежного читателя», — подумала я. Достала шляпу Валентина, на шею накинула шарф — и получился прекрасный живой снимок, совсем не похожий на многие. Пикулю он тоже понравился.

Не всех, «вооружённых пером», писатель встречал с распростёртыми объятиями. Немало попадалось на его

пути, мягко говоря, странных субъектов.

О них Валентин Саввич рассказывал мне так:

«Приехал ко мне литературный критик после выхода романа “Слово и дело” (Пикуль назвал фамилию. — А. П.) и говорит: “Хотите, я напишу о вас книгу и опубликую, только вы мне её оплатите. Короче, дайте взятку”. После этих слов я его так “шуранул”, что от него теперь ни слуху, ни духу.

А один высокопоставленный чиновник от литературы предлагал мне другой вариант лицемерия: “Вы сами напишите книгу о себе, а я возьму заботы по её опубликованию”. “Под чьим именем?” — почти с нескрываемым ехидством спрашиваю я, желая пощекотать его заснувшую совесть. “Под моим и вашим”, — спокойный, уверенный ответ доказывал, что щекотать было некого.

“Нет уж, — подумал я, — пусть обо мне ничего не будет сказано, но на такие подлоги я не способен. Что же это за книга какого-то автора, если она надиктована мной на его магнитофон? От таких подходов страдают только читатели. Обо мне в печати или плохо, или ничего. Слава богу — не как о покойнике. Значит, живу. Значит, будут новые книги. И, надеюсь, читатель поймёт, что в каждом моём романе есть вымышленный герой, через мировоззрение и взгляды которого я пытаюсь пронести свои идеи, поступки, оценки происходящих событий”. Недаром одна редактриса, хорошо знавшая меня по совместной продолжительной работе, бросила упрёк: “Валентин Саввич, перестаньте описывать самого себя, берите примеры из жизни...”

А я, наоборот, пытаюсь сравнивать каждого любимого героя с собой и часто наделяю его своими чертами характера».

Инфаркт

Заканчивающееся первое полугодие 1986-го, наполненное напряжённым трудом, давало писателю немало удовлетворения: закончен и подготовлен к печати роман «Каторга», полностью завершена работа над первой частью книги о разведчике «Честь имею», написано несколько исторических миниатюр.

На настроении Пикуля, по крайней мере внешне, не отразился даже оскорбительно-бестактный выпад против него В. Каверина, опубликовавшего в «Литературной газете» от 18 июня статью под названием «Взгляд в лицо». Валентин Саввич не отреагировал на эти уколы. Но как часто бывало, статья вызвала реакцию читателей. Они требовали извинений перед Пикулем, и на полученный из редакции ответ о том, что «это не более чем личное мнение» Каверина, резонно замечали: «Всё дело в том, что “личное мнение” В. Каверина с высокой трибуны “Литературной газеты” доносится до читателей всей страны, а всех, думающих иначе, на страницы газеты не допускают. Таким образом, газета оскорбляет Валентина Пикуля и всех его читателей и почитателей на всю страну без права защищаться».

А Пикуль и не собирался защищаться, он продолжал писать.

Только что купленная мною книга Андрея Никитина «Точка зрения» пришлась ему по душе. «Талантливый писатель, хорошо знающий и превосходно чувствующий эпоху. С его выводами я вполне согласен», — заключил Пикуль, проштудировав книгу.

Тогда и вынес автор на первый лист будущего романа цитату из этой книги: «Почему мы об этом ничего не знаем? А почему мы должны об этом знать? Можно удивляться, что мы вообще что-то знаем о том времени!»

Несмотря на «некруглость» даты своего очередного дня рождения, Валентин Саввич принимал

поздравления от друзей и почитателей. Но это было 14 июля, потому что накануне мы с Валентином уединились, совершив небольшое путешествие в живописную Сигулду.

15 июля на концерт Аллы Пугачёвой мы отправились вдвоём с Мариной.

С концерта я торопилась домой, зная, что предстоит встречать гостей: к Валентину обещал зайти приехавший из Киева в Ригу Николай Пикуль с женой Людмилой. Родственник по отцовской линии.

Весь вечер провели в разговорах и воспоминаниях. Хотя и не очень ярко, в сознании Валентина Саввича всплывали картины далёкого детства: короткое пребывание в украинском местечке с названием Кагарлык, добрые ласковые руки дяди — двоюродного брата Саввы Михайловича. Тепло расстались где-то к полуночи. Валентин Саввич долго не мог заснуть. То ли нахлынувшие впечатления, то ли... комары.

После короткой борьбы «врукопашную» Валентин поднялся, чтобы (как пошутил) «ввести главные силы ПВО». Он встал на кровать и, подняв руку, брызнул из баллончика с дихлофосом в пространство над шкафом. В тот же момент вскрикнул и медленно осел на кровать, обхватив грудь руками. Я помогла прилечь, открыла окна. Валидол и нитроглицерин не улучшали состояния. Валентин трудно дышал, лицо было бледное, руки и ноги холодные. Не слушая его протестов, вызвала «скорую»...

Озабоченные врачи, констатировавшие многоочаговый инфаркт, хлопотали над Пикулем. Состояние его не улучшалось.

Заключение медиков: надо срочно ехать в больницу.

— Я еду с тобой, — склонившись над ним, прошептала я.

— Доченька, не расстраивайся, я сильный, выкарабкаюсь, — слова давались Пикулю с болью.

Его поместили в реанимацию первой городской больницы, расположенной совсем рядом с домом. В реанимацию меня не пустили.

Был пятый час утра — день только зарождался... Я шла домой и в ушах у меня звучали слова Валентина, сказанные при расставании:

— Забери меня отсюда, я хочу в военно-морской госпиталь.

Придя домой, несмотря на раннее время, позвонила хорошо знакомым военным медикам — Ефиму Михайловичу Крепаку и Владимиру Корнеевичу Малышко. Утром они уже были у Пикуля и, ознакомившись с состоянием дел, дали совет отговорить Валентина от нерационального шага.

— Во-первых, не довезём, но главное — здесь аппаратура лучше госпитальной, — аргументировали они. Но хорошей здесь была не только аппаратура.

Доктор Алексей Фёдорович Пруткин неделю не отходил от постели больного Пикуля. Его первоначальная грубоватость по отношению ко мне быстро нашла понятное объяснение. Профессиональные и человеческие заботы о Пикуле превалировали над этикетом.

Более месяца Валентин Саввич не покидал реанимационную палату. Вынужденная пассивность тяготила его. По согласованию с врачами я частично удовлетворяла его тягу к книгам. Под этим надо понимать то, что вместо книг для чтения я ежедневно покупала и приносила ему новые альбомы по искусству, которые он, не напрягая зрения и не перетруждая сердце, с удовольствием просматривал.

В это время для знакомства с Пикулем приехал из Японии господин Судзукава. Довольно хорошо знающий русский язык, Судзукава-сан имел намерение взяться за перевод сентиментального романа «Три возраста Окини-сан». Врачи посчитали такую встречу

нежелательной, и все «международные переговоры» по этому вопросу провела я, вручив гостю от имени Пикуля, кроме всего прочего, и необходимую ему для перевода книгу, достать которую в близких к своей родине дальневосточных регионах он не сумел. Помог японцу выйти на Пикуля и сопровождал его в Риге Виталий Гузанов, как и Пикуль, — бывший юнга. Это моё знакомство с Судзукавой-сан и его очаровательной супругой Наокой положило начало переписке Пикуля с его заочным японским знакомым.

Когда было разрешено посещение больного, Пикуля часто навещали друзья и знакомые. Приходивший регулярно Юрий Данилович даже запечатлел на фотоплёнку Пикуля в эти не лучшие в его жизни дни.

Навещал Валентина Саввича и протоиерей — отец Леонид (Абашев), с которым у Пикуля завязались контакты с трагических дней похорон моего сына Виктора.

— Простите, — обратился ко мне в коридоре больницы молодой человек, — можно вас попросить передать цветы Валентину Пикулю? Нет, мы не знакомы. Я знаком только с его книгами, — дал пояснение на мой вопрос, как теперь выяснилось, читатель...

Во второй половине августа Пикулю разрешили потихоньку вставать. Первое же посещение туалета, совмещённого с курилкой, расстроило меня пикулевской несерьёзностью.

— Мне бы сейчас пару раз затянуться, и у меня бы всё прошло, — мечтательно проговорил он.

Спустя несколько дней Валентин всё же заставил меня принести ему одну сигаретку, ультимативно заявив, что при моём отказе он опустится до унижения и выпросит её у кого-нибудь в курилке.

Немного окрепнув, Пикуль совершал вояжи в курилку, совмещая приятное с полезным и бесполезное с

приятным: пообщаться с людьми и «подышать свежим дымом».

21 августа телеинтервью Татьяны Земсковой пошло в эфир. Многие больные с удивлением смотрели на экран, где на вопросы ведущей пространно и интересно отвечал писатель Валентин Пикуль, тот самый, с которым они недавно разговаривали в курилке.

Я смотрела передачу вместе со всеми в коридоре больницы, а Пикуль, верный своему принципу — не читать и не смотреть ничего о себе, — лежал в своей палате.

На следующий день многие подходили к Пикулью и говорили тёплые, душевные слова.

Пребывание в больнице продлилось до 8 сентября.

На перекрёстках, дорогах и тропинках

Наконец наступил тот долгожданный день, когда Валентина Саввича решили выпустить из больницы. Маршрут его был строго определён — он направлялся в санаторий Яунке-мери, в кардиологическое отделение, на долечивание.

Накануне отправки в санаторий Пикуля на один день его отпустили домой, чтобы собрать необходимые вещи. Отпустили с большой неохотой, и то только потому, что расстояние от больницы до дома не более 200 метров. Не торопясь, мы преодолели этот путь. Подойдя к дому, Валентин Саввич сказал мне:

— Видишь, какой я теперь стал ходок. Так не люблю быть для кого-то обузой...

Я пыталась его успокоить, но когда мы вошли в подъезд, меня охватило сильное волнение: лифт не работал. В этом году почему-то все механизмы были против Пикуля. С затаённым страхом (а вдруг что

случится?), медленно, с большим трудом и напряжением мы поднялись на третий этаж.

Вошли в кабинет. Валентин Саввич обвёл взглядом корешки книг, положил руки на стеллаж.

— Ну вот, я снова с вами. Значит, будем жить и работать.

Осторожно перемещался Пикуль из комнаты в комнату, брал в руки то одну, то другую книгу и подолгу, будто впервые, рассматривал каждую...

Поздно вечером мы вернулись в больницу, чтобы утром под присмотром врача отправиться в Яункемери — курортный городок на Рижском взморье.

Доехали без приключений, если не считать того, что, немного заблудившись, долго не могли найти поворота с дороги на санаторий.

Никто нас не встречал, что меня немного разочаровало, а Пикуля обрадовало.

— Тем лучше, — заметил он, — я не приучен к излишнему вниманию, да и сам расшаркиваться не люблю...

Нас разместили в удобном и очень уютном номере. Утром разбуженный мною Пикуль отправился к врачу, которая строго-настрого запретила больному на период акклиматизации выходить за пределы санатория.

— Ну что я тебе говорил... — жаловался мне нуждающийся в сострадании супруг. — Меня снова посадят в клетку.

Несмотря на запреты врачей, мы всё же совершали небольшие прогулки за территорию санатория. Причину Пикуль объяснял понятными словами: «Голод — не тётка». Дело в том, что Валентин Саввич не ходил в столовую санатория, облюбовав для «кушательных» дел расположенную неподалеку шашлычную.

И главным было не то, что здесь он ел что хотел, гораздо важнее было то, что он ел, когда хотел.

Подстраивать свой режим под чужой распорядок — это для Пикуля было невыносимо.

В расположенной через дорогу «шашлычнице», негусто заселённой шофёрским людом, Валентина в первый же день узнали.

— Ой! Так вы же, по-моему, писатель Валентин Пикуль, — не то вопрошая, не то утверждая, воскликнула гостеприимная хозяйка заведения.

— Лукавить не вижу смысла, — принимая из её рук свой любимый «харчо», улыбнулся Валентин Саввич.

С тех пор нас всегда здесь ждали и принимали с заботой и подчёркнутым вниманием...

Природе иногда тоже ужасно хочется пофантазировать. И для этого она выбрала осень 1986-го. Как будто бы по волшебству прохладное осеннее ненастье сменилось почти летним теплом.

В один из таких дней, пересекая вместе с Валентином широкое шоссе, я заметила, что водитель большого грузовика, следовавшего по дороге, вёл себя как-то странно: почти по пояс высунувшись из окна кабины, всматривался в нашу сторону. Оглядев себя и всё вокруг, я не обнаружила ничего интересного. А когда мы свернули на лесную тропу, нас в лесу настиг запыхавшийся молодой человек.

— Валентин Саввич?.. — Это был водитель грузовика, который, оставив машину на дороге, бросился за Пикулем вслед, чтобы получить автограф.

— Как же вы меня узнали? — поинтересовался Пикуль.

— А я видел в августе ваше выступление по телевизору, мой друг записал его на кассету, и я только позавчера вновь просмотрел её... и вдруг вижу вас живьем. Это ж фантастика!

Встреча была приятной, и Валентин Саввич часто вспоминал о ней прежде всего потому, что здесь он единственный в жизни раз отошёл от своего правила и

расписался не на книге, а на листке записной книжки читателя.

1 октября срок путёвок истёк.

В первый же вечер по приезде Валентин долго разбирал поступившую корреспонденцию, тёплые письма друзей и знакомых разбередили душу.

Я просила Валентина не спешить с работой, окрепнуть, намекая на то, что им и так уже многое сделано, что пора и нужно отдохнуть. Он не соглашался.

— Пойми, — говорил, — если обозначил и видишь свою цель, то надо идти к ней во что бы то ни стало. — И после паузы произнес: — Не хочу тебя огорчать, но здравый смысл указывает мне, что надо спешить, я это чувствую своим нутром...

Каюсь, в тот момент, видя постепенное, но значительное улучшение его состояния, я недооценила трагизма его слов.

А Пикуля эта мысль не отпускала. Видимо, в этот год написал он записку, найденную мною позднее в рукописи «Аракчеевщины»:

«Старость застигает человека врасплох. Нет, я ещё не хватаюсь рукой за сердце, но сердце само уже чувствует, что сроки диктуют поведение и стиль работы. Теперь речь не о том, чтобы сказать, время требует досказать».

Судьба отпустила Валентину Саввичу Пикулю ещё четыре творческих года. Говорю «творческих» потому, что вне работы он не представлял своего существования.

В этот год Валентина навестили два давно знакомых Сергея: Викулов и Журавлёв. Сергей Васильевич Викулов — поэт, фронтовик, главный редактор журнала «Наш современник». Понятно, что было о чём поговорить коллегам и ветеранам. Вспоминали общих

друзей и знакомых, среди их имен звучали знаменитые — Сергей Орлов, Михаил Дудин, Николай Тихонов.

Несмотря на давнее сотрудничество с журналом, Пикуль не преминул высказать главному редактору свои претензии по поводу публикации «Нечистой силы».

— Как можно без ведома автора менять заглавие произведения, — наступал Пикуль, — тем более заимствовать у Арцыбашева «У последней черты»? Как можно было печатать роман с такими многочисленными и неудачными сокращениями? Но говорилось это, так сказать, к слову. Пикуль и сам понимал, что большинство его пожеланий — из области мечты о «свободе» слова в правовом государстве.

А в реальных условиях надо было смотреть на правду, какая она есть: публикация сильно «причёсанного» романа в журнале стоила его главному редактору поистине героических усилий, и, честно говоря, только после неё начались серьезные (и не серьезные) разговоры о ПикULE... Тот, кто не знал его имени, — после выхода «У последней черты» узнал.

Сергей Викулов подарил ПикULE двухтомник избранных произведений в двух томах с дарственной надписью:

«Милые русичи Антонина Ильинична и Валентин Саввич, до глубины души тронут Вашим гостеприимством. Дай Вам Бог здоровья и общих успехов!»

Сергей Иванович Журавлёв, занимавший в то время пост заместителя главного редактора издательства «Советская Россия», решил воспользоваться обоюдopриятной встречей и «отобрал» у Валентина Саввича интервью для журнала «Советский воин».

Снова о творчестве

Состояние здоровья вмешалось в жизнь писателя, спутав все карты...

«Хельсинки, 9 декабря.

Одна из красивейших площадей центра финской столицы — Сенатская площадь выглядела в тот морозный декабрьский день несколько необычно.

На площади собрались офицеры Российского флота. Одеты они были, как и положено военному офицеру 1915–1917 годов, по форме, с полными регалиями. На них с интересом смотрели кучера, которые понукали не совсем резвых лошадей. А вот на площади показались и местные жители Гельсингфорса, как тогда называли финскую столицу по-шведски. Тоже одетые под стать моде тех лет. Они спешили поймать извозчика...

Киностудия “Ленфильм” в настоящее время снимает в Хельсинки эпизоды фильма по роману Валентина Пикуля “Моонзунд”.

Это только начало большой работы над двухсерийным фильмом. Он приурочен к 70-летию Великого Октября и расскажет о революционном движении на флоте.

Известно, что штаб Балтийского флота того времени находился в Гельсингфорсе, и здесь в 1915–1917 годы было много важных и интересных событий, — отметил режиссёр фильма Александр Муратов.

На основании романа сценарий подготовил Владимир Володарский. Оператор картины Константин Рыжов, художник Евгений Гуков.

Главного героя — помощника командира корабля Сергея Николаевича Артеньева играет Олег Меньшиков. В фильме заняты также известные артисты: Евгений Евстигнеев, Вия Артмане, Николай Караченцов, Юрий Беляев, Юрий Платонов, Людмила Нильская и другие».

С такой информацией ТАСС познакомила своих читателей «Ленинградская правда» от 10 декабря 1986 года...

Сам же автор «Моонзунда» находился в психологически некомфортном состоянии.

— Слушай, — почти в растерянности говорил он, — я ничего не успеваю. Я ничего не могу написать. Так не пойдет. Очень прошу тебя, полностью возьми на себя все: договоры-переговоры, письма и всевозможные вычитки книг: гранки, вёрстки. Я должен только писать, надо торопиться.

Я понимала его душевное состояние, насколько вообще можно понять духовную жизнь другого человека...

Валентин Саввич приступил к доработке ранее задуманных и начатых миниатюр. Я занималась корреспонденцией и подготовкой к отправке «Каторги» в редакцию журнала «Дальний Восток».

10 ноября Валентину Саввичу позвонил Виталий Николаевич Шестопалов из «Советской России» и попросил, если можно, написать для газеты что-нибудь о Ломоносове. Пикуль с необычной лёгкостью и желанием откликнулся на «заказную» тему и за три дня написал миниатюру «Цветы в облаках» (другое название «Первый университет»), которая была опубликована уже 16 ноября. Надо сказать, что писатель заметно взбодрился, увидев плоды своего труда. Эта публикация придала силы и уверенности. На столе Пикуля появились рукописи незавершённых романов «Псы господни» и «Честь имею». Обширные планы необходимо было сузить до сегодняшней конкретики. Пикуль размышлял...

Благотворно повлиял на настроение писателя и очередной выход в свет его книг. Больше, чем публикации новинки — «Крейсера», Валентин обрадовался переизданию романа «Из тупика», с которым связано много переживательных воспоминаний, возвращавших его в творческую молодость.

Что прельщало в переизданном романе, — это издательство. Наконец-то книгу писателя, все главные мысли и творческое кредо которого сфокусировались на военно-патриотической тематике, выпустил Воениздат. Этому Пикуль долго и с нетерпением ждал. Из пунктов сегодняшней повестки дня у Пикуля было одно: согласовать вопросы и замечания по «Каторге», готовящейся к публикации в «Молодой гвардии». Этот этап работы затягивался.

24 ноября позвонил В. С. Новиков. Хорошо, что все переговоры вела я. Валентин Сергеевич сообщил, что придет снимать вопросы по «Каторге» — сроки выхода романа немного сдвигаются, поскольку курирующий роман редактор Владимир Яковлевич Кукушкин умер.

Последнюю информацию я не довела до сведения Валентина. На себе испытавшему, как тяжело работать с «каторжным» материалом, возможно, на нём и подорвавшему своё здоровье Пикулью этого говорить было нельзя.

В конце ноября все работы по «Каторге» были завершены.

В последний месяц года я, по поручению Валентина, работаю по подготовке «Крейсеров» для Воениздата (что-то сокращаю, кое-где восстанавливаю по рукописи).

Валентин, видно по всему, ещё не определил своих стратегических направлений. Рукописи начатых романов меняют одна другую. В промежутках между мучительными раздумьями Пикуль работает над миниатюрами.

Дал мне для вычитки готовую объёмную, как повесть, миниатюру о Бениовском.

Новогодний подарок обретающему силу и уверенность писателю преподнесла газета «Советская Россия» опубликовав на своих страницах 31 декабря

историческую миниатюру Валентина Пикуля «Проезжая мимо Любани».

Глава шестнадцатая НОЧИ И ДНИ ВАЛЕНТИНА ПИКУЛЯ Итоги подводят вначале...

Начало 1987 года можно отметить «нашествием» огромного количества писем читателей. Они шли в редакции газет и журналов, в Союз писателей и просто по адресу: Рига, Валентину Пикулю.

С чем был связан такой всплеск читательской почты?

Причин здесь несколько: успешно завоёвывал умы читателей «Фаворит», впервые без всяких купюр и комментариев был показан по телевидению фильм с участием писателя и, наконец, объявленная в прошлом году заочная читательская конференция по творчеству Валентина Пикуля.

А анализ таких писем говорил о многом.

Уже 3 января 1987 года газета «Известия» опубликовала интервью, в которых читатели-телезрители называли лучшими в 1986 году.

В преамбуле помещённого материала, названного «Все звёзды голубого экрана», говорилось:

«Этот конкурс не носил статус официального. Идея его рождена была почтой в адрес телевизионной полосы “Известий”. Каждый месяц наши читатели отмечали лучшие, на их взгляд, передачи, фильмы, называли имена полюбившихся героев. Вот мы и решили подсчитать по месяцам, кто же больше других отличился? И вышло так.

Январь — Эдуард Сагалаев...

Февраль — Игорь Фесуненко...

Август — Валентин Пикуль...

Ноябрь — Майя Плисецкая...

Декабрь — Юрий Власов...

Наши корреспонденты задали лауреатам два вопроса. Первый — что нравится и не нравится вам в работе Центрального телевидения? А второй — о планах на 1987 год». Далее следовали интервью.

Помню, как отвечал по телефону на поставленные вопросы, поднятый мной с постели по такому случаю, Валентин Саввич.

— Хотелось бы пожелать редакторам передач, чтобы обращение с экрана не звучало безадресно, а назывались конкретные имена и фамилии виновных в просчётах, так же, как мы открыто называем героев в положительном плане. Если я напишу плохую книгу, критик-то не станет щадить моё имя, а предаст его гласности. Каждый должен отвечать за свои действия перед народом, — заметил, в частности, Валентин по первому вопросу и продолжил: — Планы такие. Жду, и даже с немалым нетерпением, начала публикации в журнале «Молодая гвардия» последнего романа про каторгу. Только что завершил работу над серией политических миниатюр для журнала «Наш современник». А новогоднюю ночь отметил возвращением к роману, который начинал ещё в мае 1984 года...

Это будет роман о Сталинграде, о великой битве на Волге.

Много откликов пришло на августовскую телепередачу, которая, пожалуй, впервые познакомила зрителей с этим известным писателем и абсолютно неизвестным человеком.

Симпатией к Пикулю-человеку прониклись даже люди, не разделяющие особого восторга по поводу его творчества.

Академик Б. А. Рыбаков в статье «Живая сила веков», опубликованной в газете «Советская Россия»,

высказал мысль, которая присутствовала во многих читательских откликах:

«Вот по телевидению выступал Валентин Пикуль. Я, по правде говоря, не очень большой поклонник книг этого писателя. Но им зачитываются. Он делает очень полезное *патриотическое дело*. Я бы сказал, что его романы сыграли немалую роль в нынешнем усилении тяги к истории. На меня произвёл впечатление его ответ на вопрос, как он относится к своей популярности.

— Никто не обучил людей истории, потому и Пикуль хорош, — ответил Пикуль.

— Это было и самокритично, по-мужски, и смело — не каждый способен так заявить о себе.

— Я затыкаю дыру. Это историки должны были образовать людей...

— Он прав!»

В январе подвела итоги конкурса «Лучшая книга 1986 года» газета «Книжное обозрение», среди других лучшим был назван роман «Крейсера». В той же газете от 17 июля 1987 года были опубликованы данные о симпатии читателей, составленные на основании нескольких тысяч анкет, систематизирующих читательский спрос.

По тематике «История России» список начинался так:

1. Карамзин.
2. Соловьёв.
3. Пикуль.

Я показала публикацию Валентину Саввичу. Он внимательно и серьёзно прочёл все фамилии.

— Меня не волнует место, но я очень горд соседством. Отрадно, что читатели приближают мои книги к трудам таких заслуженных историков. — В словах его не было ни малейшего кокетства...

Подвёл «местные» итоги и журнал «Наш современник», присудив премию Валентину Пикулю — своему постоянному автору — за лучшие публикации прошлого года.

Осенью, после возвращения с дачи в квартире почти не умолкая зазвонил телефон. Поднимаю трубку. Услышав мой голос, брат из Северодвинска облегчённо вздохнул. Он поведал, что по городу ходят такие слухи: «Валентин Пикуль завёл свой катер и сбежал в Швецию». Братья забеспокоились, где я — с Пикулем в Швеции или в Риге.

Валентин долго смеялся.

— Видишь, когда происходит замалчивание моего имени, тогда появляются сплетни. Какой бы ни была жизнь, я никогда не предаю свой народ... Я знаю, что за границей живут лучше нас, но моё сердце, моя жизнь, мой труд принадлежат только России...

Отчизна... Родина... Жизнь...

Завершение тетралогии

В середине февраля в газете «Советский Сахалин» в рубрике «У нас в гостях журнал “Дальний Восток”» были впервые опубликованы отрывки из романа «Каторга».

И сразу Пикулю пошли письма. В первую очередь — от краеведов. Эти прекрасные люди, приверженные науке, бесконечно влюбленные в свой родной край, очень тактично указывали Валентину Саввичу на его «ошибки».

— Ну, никак не хотят признавать меня писателем, — не сердито рассуждал он, — для многих Пикуль — учитель истории. Хорошо это или плохо? С одной стороны, весьма почётно, но неужели мне

непозволительно ну хоть на десяток процентов пофантазировать?

Любопытно, что еще в середине января к Пикулю приезжал Юрий Анатольевич Спасский со Свердловской киностудии для заключения договора на экранизацию «Каторги».

— Она ещё полностью не опубликована, вы с ней не знакомы, как же вы покупаете кота в мешке? — Под шуткой Валентин Саввич скрывал своё недоумение.

Несмотря на подписанный договор, «кот» до сих пор «сидит в мешке».

И такие сюжеты были не единичные.

27 марта у меня на работе раздался звонок. К моему удивлению, звонил Валентин, который, по моим расчётам, в это время должен был отдыхать.

— Я уже встал, — в голосе Пикуля чувствовались бодрые, радостные нотки. — Если можете, приезжайте скорее — будете довольны!

«Интересно, что же такое произошло?» — думала я. Пи-кулевский тон не предвещал ничего неприятного. Оставив на столе недопитый чай (было время обеда), я поспешила на троллейбус. Валентин встречал меня на пороге, помог раздеться и пригласил сразу в холл, к столу.

— Что случилось? — допытывалась я, разглядывая стол, красиво сервированный деликатесами из холодильника. И вдруг увидела то, от чего мне всё стало ясно: в центре стола лежали новенькие журналы «Молодая гвардия».

— У нас сегодня праздник, — с гордостью изрёк Пикуль, — пошла «Каторга». Если бы мог, на радостях выпил бы... Я так волновался за неё, её так долго задерживали, что я думал, не выйдет совсем.

— Откуда у тебя журналы? — недоумевала я, зная, что он никогда не выходит за почтой.

— Повезло, — хорошее настроение не покидало Валентина, — бандероль не пролазила в щель почтового ящика, и почтальон, молодец такой, барабанил в дверь до тех пор, пока не разбудил меня...

Практически одновременно с «Молодой гвардией» публикацию романа осуществил и журнал «Дальний Восток».

Самые многочисленные отклики на новый роман, как и следовало ожидать, автор получил из мест лишения свободы. Вот некоторые выдержки из писем:

«Вы поведали о событиях начала века, а я уголовник сегодняшних дней. Глядя с этих позиций, могу сказать, что многое из того, что творилось “на краю света”, живо и по сей день...»

«Если бы у нас сейчас была такая каторга, как описано у вас, можно было бы молиться...»

«Хотелось бы, чтобы вы написали о современной каторге и о брежневском самовосхваляющем режиме...»

«Для большинства читателей вы — Писатель с большой буквы, вам верят, помогите перестроить всю систему НТК...»

«Без главного героя — Полынова — “Каторга” многое бы потеряла, в романе хорошо передан дух того времени...»

«Читал вашу “Каторгу”, как в детстве “Графа Монте-Кристо”».

Читатель К. Р. Коляда из города Черкассы пишет: «“Каторгу” прочёл залпом. Какая прекрасная действительно историческая трагедия. Я работал на Сахалине, вернее в Александровске, в период 1933—35 годов, возглавлял Торг-син. В Вашей “Каторге” передан именно дух, эпоха того времени, как вам это удалось? Вы подняли честь и достоинство офицеров, в частности, Быкова... Спасибо за это и честные книги».

«Дорогой уважаемый Валентин Саввич! Не могу не обратиться к Вам, моему современнику — ваш роман

“Каторга” потряс! Огромное спасибо и низкий поклон до земли. Вы — Великий писатель! Вы обладаете удивительным даром синтеза истории Человечества и истории Людей... Пишу письмо на одном вздохе, мысли, слова благодарности и восхищения путаются... Огромное спасибо за Полынова и Аниту, за Ивана Кутерьму, — за всех! Под Вашим воздействием я тоже буду писать, и писать хорошо.

Мне 22 года Олег, пос. Чультип Магаданской области 31.07.1987».

Во многих письмах содержатся просьбы прояснить, подтвердить, помочь убедиться в своих догадках и выводах.

«Обращаюсь к Вам за помощью. Я — учитель средней школы села Адо-Тымово. Недалеко от нашего села находятся старые заброшенные могилы русских дружинников, взятых в плен и заколотых японцами во время русско-японской войны в июле 1905 года, предположительно это дружинники 2-й или 4-й дружин, оборонявших Северный Сахалин. Могила безымянна, обстоятельства гибели неизвестны, мне кажется, на месте захоронения нужно поставить памятник. Наш Сахалин так беден памятниками, особенно периода русско-японской войны. Узнал из Вашего интервью о “Каторге”. Меня поразило, что люди, угнанные царизмом сюда, *встали на защиту земли-мачехи*. Помогите. Вы, наверное, работали в архивах, с редкими книгами. Может быть, что-нибудь знаете об этой казни. Я обращался к фондам нашего архива и музея. Узнал, что к северу от Дербинское (Тымковское) действовала 2-я дружина штабс-капитана Филимонова и 4-я дружина капитана Внукова. Очевидно, члены этих дружин и лежат в могиле... Самарин Игорь Анатольевич. Сахалинская обл. Адо-Тымово».

Пикуль поднял имеющиеся источники и подтвердил Игорю Анатольевичу в письме, что в этом районе

действительно сражались с японцами дружины Внукова и Филимонова.

Это письмо, пусть и объёмное, хочется привести с небольшими сокращениями, оно от современного зэка, послушаем, что он скажет о каторге:

«Как мог, оттягивал, но сегодня прочёл последнюю страничку Вашей “Каторги”. Но вместе с тем нужно заметить, что было задето и моё самолюбие. Пусть Пикуль известный романист, но помимо архивной информации, доступной далеко не каждому, он, к превеликому стыду, утёр тебе нос в описании некоторых деталей местности, быта и людей. Тебе, живущему в этих местах, не знать своего края просто непростительно. Да и соотношение: ты — коренной, Пикуль вряд ли по-настоящему осмотрелся, если даже и бывал на острове. Это даёт особую признательность и почтение: спасибо Вам за труд!

Ваша “Каторга”, несомненно, есть самая удачная страничка в истории Сахалина того периода. От соседей слышу только положительные отклики...

Но у Сахалина есть и другая, не менее ужасная и трагичная страница истории — 1937 год.

Не взяли бы Вы на себя ответственность и честь осветить в художественно-документальном плане и это время? Уверен, что потомки репрессированных будут благодарны Вам за это. И не только они.

Время перестройки позволило широкому читателю узнать такие вещи, которые всего лишь пару лет назад предусмотрительно были не для печати. Положение сахалинского каторжника с достаточной ясностью можно себе представить после прочтения Вашей “Каторги”, а вот шкуру *современного зэка* (здесь и далее выделено автором. — А. П.) мне приходилось примерить в действительности...

Есть и другая неосвещённая тема. Ведь на многих стройках первопроходцами были *зэки*, а не

комсомольцы. Не уменьшая мужества последних, о первых — не обязательно кричать, но и правильно ли замалчивать? Конечно, различие есть, и огромное. Но ведь в обоих случаях *люди*, а уже потом — *зэки*, и всё опять-таки на благо человека.

И последнее. Во всех отношениях симпатичен Польшов и его королева. Уверен: без этого героя «Каторга» читалась бы и даже воспринималась совсем не так. Если не секрет, скажите, пожалуйста, — есть ли в этом образе (как и в Аните) что-либо документальное, или же они Ваш вымысел?..»

Реально существовавшего Польшова не было, это образ собирательный. Но, думаю, многие могли заметить, что автора всегда влекли сильные личности, волевые и целеустремлённые, типа героев Джека Лондона, чётко знающие, чего они хотят добиться в жизни. И в большинстве произведений Валентина Пикуля такие герои есть. Честные, волевые, самоотречённые, верой и правдой служившие своему народу и Отечеству.

Романом «Каторга» Пикуль закончил свою одиссею о дальневосточных событиях 1904–1905 годов, в которую входят три вышедших ранее романа: «Богатство», «Три возраста Окини-сан», «Крейсера».

Дачные сюжеты

Желающих провести летний отдых на Рижском взморье в советские времена было предостаточно. Чтобы снять на сезон более или менее приличную дачу, этим вопросом надо было заниматься много загодя. Найти хорошую дачу в последний момент — дело практически безнадёжное.

За тревожной суетой прошлого года я как-то упустила это из виду. В результате весной 1987 года мы

остались без дачи.

Я сильно расстроилась: ведь судя по дням, проведённым в санатории, климат и природа взморья благотворно влияли на состояние здоровья Валентина. Отчаявшись, после нескольких безуспешных поисковых попыток я решила обратиться за помощью к властям, чего раньше никогда не делала.

Без ведома Пикуля набрала телефон секретариата председателя Совета министров ЛССР и попросила меня принять, на что сразу же получила согласие. Общительный и очень приветливый Юрий Янович Рубен расспросил о здоровье Валентина Саввича, поинтересовался его работой и проблемами. На изложенную мною просьбу откликнулся обещанием помочь.

Это сейчас мы всё реже и реже верим обещаниям. А тогда... Буквально через несколько дней мне позвонил управляющий делами Совета министров и пригласил проехать с ним в Юрмалу, чтобы посмотреть дачу. Расстояние до Дзинтари в разговорах преодолели незаметно.

Симпатичный одноэтажный домик с тремя комнатками внутри мне понравился, на нём и остановились.

Вернувшись домой, я попросила Валентина написать заявление. Поток протестов выражался в словах, что ему ничего не надо, что ничего никогда и ни у кого просить не будет.

— Ладно, ты только дай мне свой автограф. — Я подсунула Пикулю отпечатанное на машинке заявление.

Махнув рукой, он поставил подпись.

Несколько дней мы с дочерью наводили порядок на даче, готовя для Валентина рабочее место и создавая там уют.

Кое-что надо было взять из города. Я просматривала шкафы и чемоданы, отбирая нужное. Открыв какой-то чемодан, я обнаружила аккуратно завёрнутую в тряпицу детскую юлу.

— Почему и откуда она здесь? — спросила я у Валентина.

— Это моя любимая игрушка. — Пикуль раскрутил юлу.

Набрав обороты, юла как будто замерла в пространстве, издавая многоголосый завораживающий гул.

— Простой гироскоп, — продолжал Пикуль, — но сколько в ней жизненной философии. Постепенно энергия юлы иссякает, голос её слабеет, она теряет устойчивость и начинает раскачиваться, пока не упадет. Вот и моя жизнь сейчас где-то на таком этапе.

— Перестань! — Я убрала упавшую юлу...

Перед первым выездом на дачу я волновалась: понравится ли там Валентину, сможет ли он работать?

В воскресный день такси быстро домчало нас до дачи.

Валентин Саввич обошёл весь дом, осмотрел двор и остался доволен. Эту ночь он работал над «Иезуитами» и через некоторое время отправился отдохнуть. Вокруг было тихо, и я пыталась не входить в дом, чтобы не нарушить его сон. Спустя несколько часов супруг проснулся. Его трясло, как в лихорадке: прохладная весенняя влажность пропитала постельное бельё.

На такси вернулись домой, где Валентин Саввич почти на неделю занемог. Оправившись от простуды, вернулся к работе, но меня предупредил, что на дачу больше не поедет, поскольку там сыро и холодно. Я попросила дочь Марину нанять специалистов, чтобы провести отопление. Началась «весёлая» жизнь, которая продолжалась всё лето.

Почему-то эта дача не принесла нам ожидаемой радости и не оказала сколь-нибудь благотворного влияния на творчество Валентина.

С большим трудом и затратами поставленные батареи зимой перемерзли, и ремонт их продолжался ещё и в следующее лето.

Зимой же дачу обокрали. Хорошо, что воры были мало интеллектуальны и взяли только вещи. Это дало возможность, чтобы не расстраивать Пикуля, скрыть от него неприятный инцидент. Пропажа тряпок, ковров, телевизоров и даже звериных шкур прошла незаметно для писательского сознания. А что было бы, если бы пропала хоть одна книга? Это даже вообразить трудно.

На даче мы бывали только наездами, чаще принимая там гостей. Вместе с женой Ниной приезжал к Пикулю и отдыхал на даче бывший юнга Виталий Гузанов. Там же встретились и познакомились с известным скульптором Олегом Комовым и его женой Ниной Ивановной.

Заезжали и с Е. В. Туиновым. Евгений Вячеславович приезжал к писателю, чтобы поработать над книгой «Кровь, слёзы и лавры», которую он, как редактор, готовил к 60-летию Валентина Пикуля...

***Глава семнадцатая* СОЗДАНИЕ И ЖИЗНЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Новые успехи и новые встречи**

В мае 1987 года в «Правде» была опубликована статья-интервью, построенная на беседе корреспондента газеты Олега Мешкова с Валентином Пикулем, под названием «Люблю сильную личность». В процессе беседы было поднято много острых вопросов, на которые Пикуль дал не менее яркие ответы. И хотя статья была «гладко причёсана», всё равно она вызвала огромный читательский резонанс.

Отзывы были разномастные, но для Пикуля это был многозначительный этап.

— Ты чувствуешь, — акцентировал моё внимание Пикуль, — как только я вылез на страницы «Правды», кусают и клюют меня исключительно вкупе с корреспондентом...

21 мая пришла телеграмма от директора Симферопольского театра, народного артиста УССР Новикова с просьбой принять сценариста театра Гарольда Бодыкина, инсценирующего «Фаворит».

Валентин Саввич дал добро и встретился с Бодыкиным. Результатом тёплой, обоюдоинтересной встречи стало подписание договора об инсценировке нашумевшего романа...

Но пора вернуться к анонсированным гостям с Востока.

В августе месяце к нам приехал знакомый мне, но лично не знакомый Пикуль Масохиса Судзукава.

Прежде чем рассказать читателю о Судзукаве-сан как о человеке, считаю необходимым поведать о нём как о... японце.

После первого визита в Ригу Судзукавы между ним и Пикулем завязалась оживленная переписка. Вот фрагменты из их писем (в письмах Судзукавы сохраняю прелесть и познавательность орфографии подлинника):

«Уважаемые Валентин и Антонина Пикуль, здравствуйте! Как Ваша болезнь? Я очень волнуюсь за Ваши сердечные болезни.

Меня заметно заинтересовал “Фаворит”, и я решился на издание эти книги “Фаворит том I, II”, переведённый на японский язык... Я прошу подтвердить, что я ли могу вышеуказанное издание безоговорочно?..

Извините моё плохое письмо из-за незнакомства по-русский.

С уважением М. Судзукава. 15.8.86».

«Уважаемый Пикуль-сан!

Вчера получил Ваше письмо и портрет.

Благодарю Вас что Вы приятно дали мне согласие на перевод и издание Вашего “Фаворит” в Японии. Я уже определил переводчик...

Сейчас я читаю “Три возраста Окини-сан” и медленно стараюсь переводить сам.

Кроме того я мечтаю, что, если наша издание добьётся успеха, то желательна следующая тема является кинофикация романа “Окини-сан”. Как Вы думаете о таком плане?..

Я желаю Вам выздоравливать поскорее. Все мы передаём сердечный привет Антонине!..

21.10.86».

«Уважаемый господин Судзукава!

Получил от Вас сразу два письма и книгу. Большое спасибо. Я очень рад, что роман “Фаворит” уже переводится на японский язык. Я также выражаю своё согласие на перевод и издание в Японии моей книги “Три возраста Окини-сан”.

Копии с портретов Екатерины, Потёмкина, пришлю Вам в следующем письме...

Сообщаю, что фотографии Окини-сан я взял из книги старого русского адмирала Г. Ф. Цывинского “50 лет в императорском флоте”, эта редкая книга имеется в моей библиотеке.

Здоровье моё улучшается, и я буду рад нашей встрече летом будущего года.

Привет от моей жены Антонины — лично Вам и Вашей супруге.

С добрыми пожеланиями В. Пикуль. 7.11.86».

В феврале, и я прошу это запомнить, поскольку «русским умом этого не понять», Пикуль получил очередное письмо, в котором Судзукава прислал план своего летнего путешествия. В этом плане по дням и часам с указанием вида транспорта были расписаны перемещения японского путешественника по более чем десяти городам СССР.

Полученный план, что обнаружилось впоследствии, был не чем иным, как уведомлением (за полгода!) о приезде Судзукавы в Ригу.

В общем, присланный план путешествия японца был вроде нашей телеграммы: мол, «встречайте, еду».

Точно в соответствии с планом, 10 августа 1987 года, в понедельник, в 15.05 самолёт с Судзукавой на борту приземлился в Рижском аэропорту. Вот вам ещё один из примеров японских будней, воспринимаемых нами как чудо.

Разместив в гостинице «Латвия» свою группу, Судзука-ва-сан вместе с женой Наокой в сопровождении своего сослуживца и переводчицы направились к нам для знакомства с Пикулем.

Масахиса Судзукава начал изучать русский язык давно, «живя», если можно так сказать, в Сибири, в качестве военнопленного.

Особо не задерживаясь на этой теме, Судзукава вместе с Пикулем обсуждали в основном вопросы, представляющие общий интерес. Судзукава-сан сетовал на то, что выход книг несколько задерживается... Много говорили об искусстве...

Очаровательная супруга Судзукавы Наока, как и все японки, была немногословной. Общение через переводчика наполовину — не общение.

В меру сил Валентин и я старались что-то показать, рассказать о нашей жизни. Но чувствовали сами себя как-то скованно. Это, видимо, происходило из-за отсутствия опыта общения с дочками директоров концерна «Мицубиси», кем являлась Наока.

На следующий день мы провожали японскую чету. М. Судзукава пригласил Пикуля в гостиницу, чтобы, если он не возражает, представить писателя членам всей делегации. Японцы проявили большой интерес к встрече: возникла импровизированная пресс-конференция. Вопросы были на все темы — от быта до политики. Валентин Саввич, как всегда, говорил прямо и открыто — то, что думал, несмотря на присутствие нескольких наших переводчиков (в штатском).

Это была первая, но не последняя встреча Валентина Пикуля с японским переводчиком его книг, добрым и приятным собеседником, человеком, развернувшим активную деятельность по ознакомлению японской общественности с историей становления отношений между нашими странами.

Курс — океан времени

В этот год Валентин Саввич, помимо написания миниатюр необычно много занимался подготовительной, с одной стороны — черновой, с другой стороны — научно-исследовательской работой,

составляя «почасовики» будущих крупных романов. Одновременно шла доработка нескольких таких документов...

План романа, в котором Пикуль собирался «облить продуктами переработки нефти» изображаемые события, охватывал период с 1870 по 1961 год.

Сами понимаете, насколько огромен список стран, чьи нефтяные интересы сплетались в один клубок, изрядно запутанный двумя мировыми войнами.

Замысел романа был поистине грандиозен.

Сам Валентин Саввич, делясь планами, говорил мне: — Это будет необычный роман. Даже отдалённо похожего на него я ничего не писал. И он «выстрелит».

Пикуля не смущало многообразие действующих лиц и множество регионов театра нефтяных действий. Такого рода информацию он впитывал как губка.

Особой тщательности требовала проработка новых для автора вопросов, в основном технического характера: разведка месторождений, технология бурения и переработки нефти, конструктивные особенности различных двигателей внутреннего сгорания и т. д.

Политика, дипломатия, шпионаж и военные вопросы для Валентина Саввича вполне знакомые. Но для нового романа ему требовались более глубокие познания в химии, экономике, торговле, автомобилестроении и экологии.

В длинном списке необходимых источников есть книги по всем этим вопросам. И Валентин «перелопатил» почти всю эту гору литературы: книги испещрены его пометками, подчёркнутыми абзацами, среди страниц лежат закладки — вырезки из старинных газет и редких журналов.

Да и писать, например, о Персии, не проштудировав Коран, персидские пословицы и поговорки, не изучив обычаи и характеры персов, Валентин Саввич не мог.

Все сведения собирались, отпечатывались и аккуратно складывались, готовые к использованию...

Здесь же, на столе, лежал и постоянно пополнялся «почасовик» давно задуманной трилогии, состоящей из трех романов: «Янычары», «Пирамиды» и «Лицо жестокого друга». Сюда, кстати, тянулись и некоторые «нефтяные» нити проштудированных документальных источников...

«Почасовик» «Барбароссы» тоже не был предан забвению...

Но больше всего времени писатель проводил в раздумьях над «почасовиком» романа об иезуитах, практически уже отработанным. Валентин брал в руки титульные листы рукописи, продолжал поиски названия произведения. «Псы господни», «Целый век», «Столетие»...

Самое первое — «На кострах» — Пикулем зачёркивается и присваивается как название книге первой, а вместо него затем появляется целый набор вариантов: «Псы», «Кровь», «Жестокий роман», «Власть — жестокая вещь», «Мрак», «Во мраке крадучись».

Несмотря на множество заголовков, суть его одна — это роман об иезуитах и об опричниках Ивана Грозного.

Много общих черт нашёл автор у короля Филиппа II и Ивана Грозного: «Оба с оригинальной жестокостью не щадили людей... только один мерзавец уничтожал народ с помощью инквизиции, а другой — с помощью опричнины».

Некоторые слова, вложенные Пикулем в уста своих героев, произносимые из глубины XVI века, звучат потрясающе современно. А это авторское отступление — уже обличение нашей реальности: «Многие учёные мужи зарабатывали себе научные степени, украшались значками лауреатов и орденами, получали звания академиков потому, что некоторые из них ценили “подвиги” Ивана Грозного. Все продались, только один

академик Веселовский назвал вещи своими именами, но его не печатали».

Именно после этих слов, недвусмысленно отражающих его цель и намерения, Пикуль вплотную приступил к продолжению работы по написанию романа. Это был, наверное, третий «присест» писателя за трудно поддающуюся тему. В дневнике данное событие помечено 21 июня...

Сердце Пикуля справлялось с дозированными нагрузками, но продолжительное чтение последних месяцев отрицательно сказалось на глазах. Не пользующийся очками Валентин стал жаловаться на усталость и боль в левом глазу, на котором иногда появлялось тёмное расплывчатое пятно. Я следила, чтобы он чаще делал перерывы на отдых.

В один из вечеров Валентин завёл со мной какой-то упаднический разговор.

— При работе над этой вещью у меня появилось ощущение, как будто я разучился писать. Нет образности, сухой, средневековый язык... Я думаю, это потому, что отошёл от факта. Историческая канва, конечно, соблюдается, но основной герой вымышленный, прямо не знаю, что и делать.

— «Исторической памяти не противопоказано воображение: важно только, чтобы оно было историческим», — процитировала я, не помню кого, — а ты в полной мере обладаешь и тем и другим.

Без всякого пафоса произнесённые слова вселили в него определенную уверенность. Работа была продолжена...

10 июля газета «Книжное обозрение» опубликовала список двадцати произведений «Популярной библиотеки» для читателей. Валентин Пикуль занимал *второе место* с романом «*Каторга*». Признание читателями нового романа радовало писателя больше всего.

А 12 июля в программе «Служу Советскому Союзу» шло пикулевское телеинтервью, подготовленное дуэтом Стад-нюк — Журавлёв.

Литературная жизнь этого года не будет полной, если не упомянуть доставившие Пикулю радость выход в «Роман-газете» (8–9 номера) первого тома «Фаворита» и объявленную издательством «Современник» подписку на избранные сочинения Валентина Пикуля в четырёх томах. Характерно, что в литературно-творческой справке проспекта при перечислении произведений, созданных Пикулем, «Нечистая сила» вообще не упоминалась.

— Так я и не увижу этого романа изданным при жизни, — заметил Валентин Саввич, — Вовк проиграл.

Последняя реплика касалась давнего спора писателя с Юрием Даниловичем на ящик коньяка. Ю. Вовк держал пари, что «Нечистая сила» будет романом, за получением права на издание которого к Пикулю будет стоять очередь...

9 октября газета «Советская Россия» сообщила:

«Комиссия Президиума Совета Министров РСФСР по Государственным премиям РСФСР приняла решение допустить к участию в конкурсе следующие кандидатуры:

...7. Пикуль Валентин Саввич. Роман «Крейсера». Представлена Союзом писателей РСФСР».

— Всё равно не дадут, — высказал он предположение. — Ведь прокатали же меня с Государственной премией СССР прошлый год. А выбрать было из чего. Не думаю, что «Крейсера» лучше «Фаворита» или «Каждому своё», которые были представлены в прошлый раз.

К 12 октября у Валентина Саввича всё было готово к новому броску на завершение романа «Честь имею»: он просмотрел «почасовик», рассортировал бумажки и записки, вычитал первую часть и вновь перечитал

нужные материалы. Первая страница второй части романа была написана 14 октября. С этого момента, почти не отрываясь в течение месяца, Валентин писал продолжение уже опубликованной в журнале «Аврора» первой части романа «Честь имею».

Отрыв от работы произошел только 17 ноября.

В этот день в Доме офицеров ПрибВО состоялась премьера двухсерийного художественного фильма «Моон-зунд», снятого по одноимённому роману Валентина Пикуля. На встречу с рижанами прибыли создатели фильма.

Премьера практически не рекламировалась, но мест в просторном зале не хватило. Многим пришлось стоять... Переполненный зрительный зал лишний раз убеждал, как притягательно творчество Валентина Пикуля, особенно для военной аудитории.

Перед премьерой выступил Валентин Саввич. Несколько слов касалось работы над созданием романа:

— Роман написан давно, и, конечно, многое, связанное с работой над ним, забыто. Но вот что запомнилось. Весной, когда была готова половина романа, я решил, что за лето отшлифую его до совершенства, работать буду как проклятый. Так и поступил. Вернулся с дачи в город, прочитал то, что «доводил до ума», и всё это выбросил. Достал черновик и решил за основу взять его. Мне кажется, то, что ложится сразу, из души, всегда лучше, чем вымученная редактура. По крайней мере для меня.

С ответным словом выступил режиссёр фильма.

— Для нас этот показ очень ответственный, — волновался режиссёр Александр Муратов. — Ведь в зале сидит автор романа. Какими покажутся ему наши — его герои и прежде всего Сергей Артеньев в исполнении Олега Меньшикова?

После просмотра Валентин поблагодарил создателей картины:

— Я потрясен. Я как будто заново пережил жизнь моих героев. Не знаю, как зрителям, а мне фильм понравился. Но... это не мой роман...

На следующий день мы принимали съёмочную группу у себя дома. Гости ближе познакомились с писателем, рассказали много интересных, почти приключенческих сюжетов, связанных со съёмками фильма: финны нашли нужную пушку, которая оказалась в единственном экземпляре, и подходящий корабль обнаружили в доке в самый последний момент — еще немного — и его бы отправили на разрез в Усть-Двинск. Много добрых слов было сказано в адрес наших служащих из торгпредства, помогавших при съёмках фильма в Финляндии.

Каждый участник этой дружеской встречи унёс с собой приятные воспоминания и памятный сувенир-книгу с дарственной надписью автора...

Водовороты будней

Телефонные переговоры, письма, встречи, интервью... Они сопутствовали работе Пикуля постоянно, как волны, то спадая, то захлёстывая через край. В этом смысле последние месяцы 1987-го напоминали гребень высокой волны.

Для рижской прессы брал интервью корреспондент газеты «Труд» Владислав Рубцов, для журнала «В мире книг» — Людмила Очерет (там шла публикация нескольких исторических миниатюр), Александр Андреевич Анисен-ков — для журнала «Природа и человек». С материалами вёрстки миниатюр «Три генерала» приезжал Владимир Фёдорович Грачёв из «Нашего современника»... Сергей Каменев из «Дружбы»... В. Кондрияненко из газеты «Советский флот»... Виталий Оппоков из «Военно-исторического

журнала»... Виталий Шестопалов из газеты «Советская Россия»... Засеев, тоже Виталий, из журнала «Огонёк»... Даже у меня на работе, в библиотеке, Валентин Саввич не раз давал интервью...

Это далеко не полный перечень иногда коротких, а чаще — продолжительных по времени встреч. В многочисленных коротких заметках в прессе о Пикуле и его творчестве говорилось в положительном плане, но критики готовились более фундаментально.

В 11-м номере журнала «Знамя» появилась статья Е. В. Анисимова «Феномен Пикуля — глазами историка». Об этой статье Валентин узнал случайно из письма Д. А. Волкогонова. Дмитрий Антонович, как бы извиняясь, просил не переживать за статью, которая, по его словам, вышла в свет без его ведома. (Д. Волкогонов — член редколлегии журнала.)

— Тебе принести журнал? — спросила я Валентина.

— Зачем? Ребёнок родился, не буду же я отрывать ему руки или ноги, а то и голову.

Вспоминаю, что ещё в начале года тот же Анисимов собирался поделиться своими негативами о творчестве Пикуля на очень оригинальном вечере. Оригинальность его состояла в том, что на вечер, планируемый как *авторский*, Пикуля не пригласили. Но вечер всё же в Доме писателя состоялся 22 октября 1987 года. Пригласительный билет информировал:

Вечер из цикла: «Писатель и история».

Социально-литературный феномен В. Пикуля.

Рассказывает доктор исторических наук Е. В. Анисимов.

Вечер ведёт Я. Гордин...

Весь ноябрь шла работа над романом «Честь имею». Валентин писал, я сразу же вычитывала готовый материал. Несмотря на трудности, Пикуль не оставлял надежду совместить окончание романа с концом уходящего года...

30 ноября был страшный день: у Валентина сильный приступ. В ожидании врачей целый час в одиночестве боролась за жизнь почти недвижимого супруга. К приезду врачей Пикуль пришёл в себя и ехать в госпиталь отказался.

На следующий день собрался консилиум врачей: В. К. Малышко, Е. М. Крепак и Л. Б. Чижов из окружного военного госпиталя. Несколько раз делали ЭКГ, прописали лекарства. Валентин отказался от стационара.

Решили, что Лев Борисович, любезно согласившийся на это, будет ежедневно приходить и следить за состоянием здоровья больного.

Не такой уж и «микро» этот инсульт, если дал рецидив: у Пикуля плохо слушается правая рука. Валентин сильно переживает — как ему теперь писать и печатать? Вынужденное безделье удручает. Он не просто нервничает — психует. Всё время тянется к столу, но я его уговариваю, успокаиваю — нельзя. Но ему никак не хочется отступать. Надо закончить «Честь имею», осталось не более 150 страниц, — эта мысль не даёт ему покоя.

Спустя неделю Лев Борисович разрешил своему подопечному потихоньку работать. Настроение и самочувствие Пикуля сразу заметно улучшились...

Трудно переоценить добро, бескорыстно преподносимое писателю Валентину Пикулью людьми в погонах.

Вот и сейчас, 8 декабря, позвонили из Москвы от командующего ВМФ.

— Чем помочь, в чём нуждаетесь? — любезно интересовались москвичи.

— Чего нам для счастья кроме здоровья, которого никто не подарит, нужно? — спросил у меня Пикуль.

— С каждым годом бегать будет всё трудней и трудней. — В моей голове возникла идея. — Попроси

помочь в приобретении машины.

— Приезжайте, выделим, — незамедлительно откликнулись на просьбу Пикуля.

Сам Пикуль за руль садиться не собирался и потому отправил на курсы водителей Марину, которой по получении прав вручил доверенность на управление своим автомобилем.

Ничего не ведающий о современных порядках, правилах и нотариальных нюансах Валентин собственноручно написал доверенность и поставил подпись и число. И любопытно, что эта доверенность безотказно работала, по крайней мере на территории Латвии. Изредка Марину останавливали работники ГАИ.

— Я что-нибудь нарушила? — интересовалась она.

— Нет, мы хотели бы только взглянуть на знаменитую пикулевскую доверенность. — И, ознакомившись с документом, улыбнувшись, желали счастливого пути... Это тоже к вопросу о популярности...

Выход последних номеров ряда журналов имел некоторое отношение к Пикулю. Так, в 12-м номере «Москвы» был помещён на Валентина Саввича дружеский шарж В. Мочалова с четверостишьем:

Просолен он, как волк морской...
И по волнам, довольно бурным,
Плывёт в кругу литературном,
Смирняя критики прибой.

Этот год подарил Пикулю богатый урожай.

Писатель был как-то по особенному взволнован, когда взял в руки журналы «Молодая гвардия» (№ 3-5) и «Дальний Восток», где одновременно печатался новый роман «Каторга».

Заведующий отделом прозы журнала «Дальний Восток» А. К. Полищук писал по этому поводу Пикулю: «Впервые за 54 года существования журнала он оказался на почётном месте — на книжной полке книгообмена в букинистике с вашей “Каторгой”. Да и подписка на журнал увеличилась на восемь тысяч. Для нас это весомо. Делюсь с вами нашей общей победой...»

Валентин радовался такой информации: он любил и умел делать добро...

А к последнему в этом году номеру журнала «Смена», любезно присланному заместителем главного редактора М. Кизиловым, прилагались диплом и знак лауреата журнала за 1987 год.

Казалось бы, есть чему радоваться...

Но, провожая уходящий год, Валентин Саввич поднял безалкогольный бокал и произнёс с горечью:

— А планов своих на этот год я не выполнил, — и, поздравив меня, отправился в рабочий кабинет.

Наступал год 1988-й...

***Глава восемнадцатая* ПОСЛЕДНЯЯ ВЫСОТА**

Контрасты года

1988 год — год Дракона — принёс Валентину Пикулю на своих драконьих крыльях немало радостей творчества и успехов признания, чего нельзя было сказать о здоровье...

Первый номер «Книжного обозрения», вышедший 1 января 1988 года, на двух страницах давал пространное интервью с писателем.

«Считаю свой день потерянным, если не узнаю что-то новое» — так назвал публикацию Вячеслав Огрызко, беседовавший с Пикулем накануне Нового года. Когда корреспондент обратился ко мне за протекцией по поводу интервью, я мало надеялась на согласие супруга, но, услышав по телефону фамилию, Валентин оживился.

— Если это потомок знаменитого просветителя Иосо-фата Огрызко, то обязательно приму. — Весёлый тон не имел ничего общего с категорическим отказом, и встреча состоялась, несмотря на то, что Иософат оказался в данном случае «ни при чем», но его однофамилец покорила Пикуля эрудицией и профессионализмом.

Заканчивалась публикация факсимильной воспроизведенной запиской: «Я был бы самым несчастным человеком на свете, если бы меня лишили великого счастья — общения с книгой! В. Пикуль».

В самом интервью, содержащем материалы всего трехдневной давности, Пикуль говорил о своей работе:

— Заканчиваю роман «Честь имею». Материал трудный, хрупкий. Работать с ним сложно. Это будет

военно-политический роман, начисто лишённый любовных ситуаций.

Меня волнуют моральные проблемы русского офицерского корпуса, весьма значимые и для нашей армии, ибо вопрос офицерской чести всегда остаётся современным и насущным...

Так и было. Несмотря на то что Пикуль ясно видел конец романа, работа шла с большими затруднениями. То и дело он устраивал себе «перерывы» на одну-две ночи, «выдав на-гора» за этот отрезок времени новую миниатюру.

Прошло всего пять дней нового года.

После дневного сна Валентину стало плохо. Приехал Лев Борисович Чижов. Он уже не слушал протестов Пикуля: инфаркт, даже «микро», не шутка, когда он не первый.

Повезли в госпиталь... На этот раз в окружной — Прибалтийского военного округа. Реанимация... Только на девятый день перевели в «нормальную» палату. Разрешили читать, что уменьшило уныние больного.

Почти месяц пролежал Пикуль в госпитале.

Всё свободное время я проводила возле него. 20 января вместе смотрели по ЦТ передачу «Позиция». Парень с экрана на вопрос о том, какие книги он читает, ответил:

— Детективы, Пикуля и фантастику...

— Смотри, ты идёшь уже как жанр советской литературы. — Моя шутка Валентину понравилась.

Здесь, в госпитале, писатель наяву столкнулся с афганской войной. Мимо прогуливающегося Пикуля двигались, кто на коляске, кто на костылях, молодые парни с частично или полностью отсутствующими нижними конечностями. При удобном случае Валентин Саввич заводил с ними разговор. Но хотелось поговорить со всеми, и он изъявил желание выступить перед больными — пациентами госпиталя.

Врачи такую инициативу не приветствовали, но для «контролируемого эксперимента» согласились.

Сравнение электрокардиограмм до и после выступления показало, что радость от встречи оказалась полезной только слушателям.

Врачи просили Пикуля в ближайшее время воздержаться от таких мероприятий, но уже прошедшее запомнилось его участникам как праздник.

Выписали Валентина Саввича из госпиталя 2 февраля.

Жаль, что мой дневник не заверен нотариально, а то бы следующая информация послужила науке.

Утром Валентин рассказал мне:

— Видел во сне себя юнгой, на эсминце «Грозный», и как будто бы командует им адмирал Немитц. Слышу по переговорному устройству голос Немитца: «Юнга Пиккуль, наверх, протереть линзы...»

— Я полез по трапу всё выше и выше, вдруг вижу — трап кончается... Тут я и проснулся...

Для справки: «Вице-адмирал Немитц Александр Васильевич (1879–1967) — деятель советского ВМФ, профессор... Летом 1917 в чине контр-адмирала стал командующим Черноморским флотом. С февраля 1920 по декабрь 1921 командовал Морскими силами Республики и управлял делами Наркомата по морским вопросам. С 1924 года на преподавательской работе...»

Автор многих трудов по военно-морскому делу.

А вот дневниковая запись *следующего* дня: «Читатель Лебедько из Кишинёва прислал труды Немитца...»

Ну, это просто так, к вопросу о сновидениях...

Творческая работа писателя шла с огромным напряжением. Валентину не терпелось быстрее закончить многострадальный и трудный роман «Честь имею».

Мои записки того времени говорят о многом. Вот одна из них:

«04.57. Закончил. Всего 18 стр. Ещё не могу прийти в себя — гнал и гнал, только бы закончить...»

Одна из записок имела «заголовок»: *Тосе — Валя П.* Текст гласил: «Мысль о том, что эта женщина принадлежит ему, что она даёт ему нескончаемое счастье любви, и это счастье будет длиться до самой их смерти, — эта мысль всегда утешала его, делая счастливым в любви, а значит, и счастливым в жизни».

— Это цитата из твоей книги? — поинтересовалась я.

— Совсем наоборот, — пояснил Пикуль, — это написано для тебя, но, возможно, я возьму в книгу эту... цитату из записки...

А пресса тех дней сообщала приятные новости.

Среди сотни книг, названных лучшими в 1987 году, в списке было сразу *три*, принадлежащих перу Валентина Пикуля: «*Из тупика*», «*Крейсера*» и «*Фаворит*».

В другой информации, приуроченной к 23 февраля, уведомлялось, что за создание произведений художественной литературы на героико-патриотическую тему и в ознаменование 70-летия Советских Вооруженных сил группе писателей присуждены премии и дипломы Министерства обороны СССР. Среди лауреатов — Валентин Саввич Пикуль, автор вышедшего в Военном издательстве романа «*Из тупика*».

22 марта 1988 года в Рижском окружном доме офицеров состоялось торжественное вручение литературной премии Министерства обороны СССР.

В переполненном Золотом зале присутствовали крупные военачальники, генералы, офицеры, солдаты, курсанты военных училищ, представители творческой интеллигенции республики.

Награду вручал начальник Военного издательства МО СССР генерал-лейтенант В. С. Рябов.

В заключение своего выступления он сказал:

— Свою телеграмму на имя министра обороны СССР с благодарностью за присуждение премии Валентин Саввич закончил словами: «Честь имею!». Этим он выразил преемственность традиций лучших представителей русского офицерства и нынешнего поколения защитников Родины.

— Честь имею, дорогой Валентин Саввич, выполнить почётное поручение министра обороны СССР генерала армии Язова вручить вам литературную премию в размере 2 тысяч рублей, знак лауреата этой премии, диплом, а также специально предназначенный для вас именной военно-морской кортик.

В ответном слове Пикуль, в частности, сказал:

— Я сорок лет работаю в литературе, но никогда ранее не слышал сразу столько хороших слов о себе.

Я хочу обратиться ко временам прошлым. Это было в тяжёлую годину сорок второго года, когда я бежал из дому и попал на Соловки, где обрел специальность рулевого сигнальщика. Осенью или даже зимой того же года я принимал *присягу*. Единственную в своей жизни! И она крепко вонзилась в моё сердце, и ей я *остаюсь верен пожизненно!*.. Меня удивляет, что даже когда я пишу невоенные романы, то почему-то так получается, что военная тематика в них всё равно присутствует. И потому я очень рад именно премии Министерства обороны, потому что, как ни крути, я получился военным писателем...

Приведу откровенное признание Пикуля, которое, по вполне понятным причинам, не вошло ни в один газетный отчёт, но вызвало весёлое оживление в зале.

— Летом этого года у меня юбилей. В этом возрасте многие советские писатели начинают хлопотать о получении пенсии. И богатые писатели, и не очень, все

считают нужным получать от государства пенсию. Вот за этой трибуной я вам говорю: я не подавал и никогда не буду подавать никаких заявлений на пенсию — от пенсии я отказываюсь. А причины таковы: скажите мне, пожалуйста, когда русский писатель в прежние времена рассчитывал на пенсию? Не было таких пенсий!

Писатель — не шахтёр, не молотобоец и не грузчик. Он сидит за столом. И вот за столом он начал свой трудовой путь, и за этим же столом он должен его закончить...

Денежное содержание премии за роман «Из тупика» я вручаю хорошему врачу и человеку, работнику Окружного военного госпиталя полковнику Чижову Льву Борисовичу, отдаю в фонд военного госпиталя, где проходят лечение воины-интернационалисты.

Аплодисменты не стихали долго-долго...

Я уже упоминала о премиях, присуждаемых различными журналами за лучшие публикации года. Их Пикуль никогда не брал... Так сделал добровольный взнос в Советский *Детский фонд* им. В. И. Ленина.

Книги Валентина Пикуля несли многомиллионным читателям радость познания и гордость за Отечество. Даже незрячие люди знакомились с его произведениями, читаемыми по радио. А зрячие продолжали знакомиться ещё и с единственным пока фильмом «Моонзунд», который шёл по кинотеатрам и шагнул уже на голубой экран.

Интересно знать чужое мнение, если оно действительно мнение. Любопытно знать *истину*, только не её *моменты* и моментики, как у Караулова. Во всяком случае, с мнениями о пикулевском «Моонзунде» была какая-то, мягко говоря, неувязка.

Решением Госкино СССР, Союза кинематографистов СССР, Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота были присуждены

медали имени А. П. Довженко за создание лучших кинопроизведений на героико-патриотическую тему.

Серебряной медалью были награждены: режиссёр-постановщик А. Муратов, оператор-постановщик К. Рыжов, художники-постановщики Е. Гуков и М. Герасимов, художники комбинированных съёмок Ю. Боровков и О. Плак-син, актёр О. Меньшиков — за создание художественного кинофильма «Моонзунд» (по роману В. Пикуля), производство киностудии «Ленфильм».

Затем «серебряный призёр» и все к нему причастные были оплеваны со страниц «Советского экрана» некоей Аллой Гербер. Больше всех, естественно, досталось Пикулю.

Кинокритик, не являясь историком, судила о «стиле и вкусе популярного автора *так называемых* (выделено мною. — А. П.) исторических романов». Квинтэссенцией был призыв: «Спасать кинематограф от романов В. Пикуля!»

Сказ о незаконченном романе

Жирная, чёрная, грязная... — таково первоначальное название своего произведения, «героиней» которого он выбрал нефть. Затем Пикуль вычеркивает *чёрная* и добавляет — *страшная...* Приписку — красавица, после небольшого раздумья тоже убирает, дополняет эпитетом *вонючая*. В записке на клочке бумаги, где вместо *страшная* идет и *продажная*, Валентин Саввич помечает: «Таково должно быть название с обязательным словом “продажная”».

Кстати, содержание и название именно этого и только этого романа Валентин Саввич держал в строгой тайне — никогда и нигде, ни в каком интервью не

упоминал о нём, не делился планами его написания и очень просил меня нигде об этом не проговориться.

И это понятно. Образные и очень ёмкие определения, подобранные Пикулем к извлечённому из глубоких земных недр веществу, обнажали смысловую направленность произведения.

«Реки человеческой крови протекали в одном русле с реками нефти, мазута, соляра и бензина», — гласит одна из заметок, написанная рукой Пикуля. И далее:

«Думаю, — а стоит ли мне бурить скважины в нашем прошлом, если сейчас нефтяная проблема зашла в тупик, а газовые извержения нефтяных продуктов засорили города и загадили лёгкие людей, когда жирная, чёрная и грязная, эта мерзость, подобная реликтовым экскрементам доисторических времен, дает не безобидный керосин наших бабушек, а грозит отрыгнуть отравляющие вещества, перед которыми иприт кажется безвредным кремом для ухода за кожей.

Невольно вспоминаются годы войны, когда мы конвоировали караваны союзников с поставками по ленд-лизу, помню, что в ряду сухогрузов шли и танкеры... Память сохранила облики людей, спасённых после гибели кораблей. Это были уже не люди, а какие-то жуткие комки отвратительной нефтяной грязи со слипшимися глазами, которые сами они уже не могли открыть; желудки спасённых требовали немедленного промывания, иначе грозила смерть, ибо они наглотались мазута, облепившего их снаружи и изнутри уже разрушавшего их организмы.

Я, конечно, не настолько наивен, чтобы декларировать немедленное и абсолютное запрещение нефти, как дурмана нашей чересчур “прогрессивной” жизни, но я что-то не вижу на прилавках магазинов и тех товаров, которые, рождённые из нефти, могут стать полезными и нужными.

А всё-таки, заканчиваю я свое нелирическое отступление, писать о нефти стоит — дабы читатель знал, что она мало принесла людям радости, зато сколько из-за неё было страданий, сколько возникло трагедий...»

Просматривая черновик рукописи, «почасовик», пометки и записи, относящиеся к нефти, можно представить себе процесс сбора материала. Какая длительная и необычно тщательная научно-исследовательская работа была проведена автором!

Пикуля не смущало многообразие действующих лиц и множество регионов театра нефтяных действий. Такого рода информацию он впитывал как губка. Политика, дипломатия, шпионаж и военные вопросы — вещи для Валентина давно знакомые. Но для нового романа ему требовались более глубокие познания в химии, экономике, торговле, автомобилестроении и экологии. Просматривая все подготовленные материалы, можно почувствовать размах замысла автора.

Сколько же там имён, которые должны были найти подходящее место в романе. Нобель и Дизель, Рокфеллер и Ротшильд, Витте и Скальковский, Детердинг и Гульбекян. Здесь же Черчилль и Эйзенхауэр, Сталин и Гитлер, Мос-садык и Хусейн, Реза Пехлеви и Сорейя. Среди них еще Фишер, Стюарт, Рейтер, Васр-Эддин, Янжул, Арси, Бош, Бухгольц...

Но ведь Валентин знал их не только по именам и фамилиям. О каждом персонаже он мог рассказывать часами. Кстати, о Нобеле и Витте им уже были написаны миниатюры.

Пикуль начал роман энергично. Писал легко, раскованно, как бы беседуя с читателем. Начальные страницы произведения больше напоминают стиль его миниатюр, нежели классического исторического романа. Довольно быстро написав первую часть,

Валентин приостановился, как бы собираясь с силами, чтобы отшлифовать готовый материал по ответственному и сложному периоду — преддверию и ходу Первой мировой войны.

Я ждала, что вот-вот он сядет за рабочий стол, чтобы выплеснуть на бумагу ещё несколько глав. Но результат его раздумий был, как это часто бывало, почти парадоксален. «Прокрутив» в своей голове Первую мировую войну, Валентин написал всего одну страничку. Не для романа, а скорее всего, для себя. И после этого обратился к материалам Второй мировой — к Сталинграду.

Вторая мировая война... Война машин и экономик... И вновь в стратегию войны нахально вмешивается жирная, чёрная, грязная...

А роман о нефти так и остался незаконченным. Точнее, он был только начат. Если судить по «почасовику», Валентин написал, может быть, какую-нибудь десятую часть задуманного.

Даже если бы Валентин дожил до сегодняшних дней, думаю, он всё равно бы не закончил этого романа, потому что столкнулся бы с реальными событиями (Ирак, Кувейт, экология), которые он сам давно предрекал и которые потребовали бы своего дальнейшего развития и отражения.

Глава девятнадцатая. Из записок офицера российского генштаба

Роман «Честь имею»

«Раньше были прекрасные слова — офицер, представляясь, заявлял:

“Честь имею”. Это чрезвычайно ёмкое понятие...

Под честью офицера я подразумеваю помимо личной чести ещё и комплекс первостепенной важности качеств. Главное — это патриотизм, готовность, не задумываясь, отдать жизнь за Родину, обязательный профессионализм, отличная специальная подготовка, и само собой — большая культура...»

Русская разведка интересовала Пикуля всегда. В ней много неизвестных потаённых пружин — она родная сестра дипломатии, которую Пикуль в своём творчестве считал козырной картой.

Велики заслуги русской разведки перед Родиной. О ней мало пишут и чаще всего пишут о её недостатках, чем о заслугах и успехах. Это неправильно. Мы мало знаем об истории русской военной разведки, о которой кричали и кричат наши враги. По сути дела, в нашей литературе чаще всего отражены подвиги английских и немецких шпионов, но читатель мало знает о русских разведчиках.

Пикуль решил восполнить этот пробел в истории и показать глазами агента русского Генштаба «миростроение в канун Первой мировой войны» и обстановку в Европе. Так появился на свет роман «Честь имею». Исповедь офицера Российского Генштаба, в котором Пикуль вывел главного героя — разведчика.

Автор не раскрывает имени героя («офицеры Генштаба не должны иметь имени»), но ссылается на

«Бархатную книгу», изданную известным просветителем Н. И. Новиковым ещё в XVIII веке, намекая на его происхождение из семьи Оладьиных.

Роман создавался в течение длительного времени, поэтому в моём дневнике отмечено много интересных случаев. (Титульный лист рукописи напоминает нам, что роман был начат 10 января 1982 года и 15 мая 1988 года закончен.)

Однажды утром на столе вместо записки лежал листочек от отрывного календаря, на котором были написаны три слова: «Напомни слово заговорщик...»

Мне не терпелось узнать, что же связано с этим вообще — то понятным словом. Заварив «первач» и приготовив ужин, жду пробуждения Валентина. Ещё в обед он звонил на работу, что утром, сколько ни мучился, уснуть не мог...

Вдруг дверь кабинета открывается и прямо с порога Валентин бросает:

— Ты знаешь, что я... заговорщик? — И сам довольно улыбается.

— Как это понимать?

— В самом прямом смысле слова.

— Мне непонятно. Поясни, где и когда ты сделался заговорщиком?

— А я всю жизнь был им. Вот и сегодня ночью, описывая убийство Александра и Драги, я был на месте преступления среди заговорщиков во дворце и видел всё, что происходило там. Да и сам был не простым наблюдателем, а непосредственным участником событий — заговорщиком, что и попытался передать на бумаге. Мне думается, что сегодня у меня получилось всё, о чём я хотел сказать.

В главном герое романа без имени слились воедино кровь русского и сербского народов, и отделить одно от другого — невозможно: «Я всегда был горд за своих родителей. Первые песни, которые я слышал, были

“лазарицы” матери, в которых воспевались народные герои, павшие в битвах».

Действие в романе происходит в разных странах и в разных исторических плоскостях, охватывая промежуток времени с восьмидесятых годов XIX века до конца Второй мировой войны. На фоне этих событий представлена сложная судьба главного героя — разведчика, бывшего генерала царской армии, и впоследствии ставшего генералом советской армии.

Повествование в романе ведётся то от имени героя, то от имени автора.

Следует отметить удачный манёвр нашей разведки, сумевшей раздобыть «план Шлиффена». «Германия как зеницу ока оберегала 3 экземпляра секретного документа “Приказаний на случай войны”, подписанный лично кайзером Вильгельмом II. Русская разведка ухитрилась “раздобыть” один из экземпляров. За неделю до начала Первой мировой войны, когда “германский посол Пурталес вручил Сазонову ноту, в которой кайзер объявлял войну России”. В условиях сугубой секретности был награждён орденом Святого Георгия офицер Российского Генштаба. Поэтому подвиг этого героя остался для общества неизвестен. Но это был самый крупный разведчик России. Он до сих пор засекречен. Известно лишь одно: когда он поворачивался в профиль, — это был точный профиль... молодого Наполеона — столь разительное было сходство...»

Огромный интерес у большинства читателей вызвал использованный автором интригующий литературный прием — встреча с миловидной дамой и получение от неё загадочной рукописи, чего, конечно, не было на самом деле. Применимый Пикулем приём настолько реалистичен, что некоторые читатели в Риге пытались определить: кто же эта дама?

А из Сербии тоже поступали сведения, что там «вычислили» прототип главного героя. Счастливая, довольная и хитроватая улыбка появлялась на лице писателя, когда он читал такие письма.

Первый восторженный отклик на роман автор получил в марте 1987 года от серба Драгомира Пуцаревича, из тогда ещё единой и мирной Югославии. Это было взволнованное письмо со словами благодарности и признательности за любовь и внимание к Сербии и сербскому народу.

Честь имею — этими ёмкими словами заканчивал свои редкие письма Валентин Пикуль.

Как часто в старину звучало:

— Милостивый государь, имею честь уведомить.

— Простите, с кем имею честь?

— Окажите честь.

— Честь имею.

Понятие чести было очевидным, а очевидное не доказывают, не объясняют, его — чувствуют. Куда и когда исчезли из повседневного обихода эти прекрасные слова? И если бы только слова...Пропали не только слова, но сами понятия и почти вся атрибутика воплощения их в живую действительность. Писатель ценил честь превыше всего, даже выше воинской присяги. Нарушив честь, человек не может существовать, а присягу он может принять ещё.

Поэтому полностью поддерживаю читателей, в письмах которых звучала мысль: «Спасибо Валентину Саввичу за исповедь офицера Российского Генштаба, за попытку реанимации святого понятия, вынесенного на титульный лист романа — “Честь имею”».

«Я люблю военного читателя — особенно офицера, наиболее образованного и подготовленного к восприятию фактов нашего героического прошлого. Надеюсь, на примере моих героев, я, как мог, преподавал образцы офицерской чести, без которого немыслимо

благородное дело служения Отечеству» — так предварял Валентин Пикуль публикацию своего нового романа «Честь имею», первая часть которого — «Лучше быть, чем казаться» впервые появилась на страницах журнала «Аврора», начиная с последнего номера за 1986 год. С полным текстом романа читателей познакомил в 1988 году журнал «Наш современник».

Почти вслед за ним пришла ещё одна добрая весть из Югославии: директор Белградского института Сербской академии наук Драго Чупич предлагал свои услуги по переводу и изданию романа в братской республике, в её столице — Белграде, что и было осуществлено в 1989 году. Драго Чупич после прочтения рукописи романа приехал к Пикулю. Он много расспрашивал Валентина о работе, об источниках, а самый интересный разговор шёл о главном герое романа. Диапазон разговоров двух литераторов вышел далеко за пределы романа. Он коснулся всего творческого пути Пикуля и его биографии.

Вскоре в сербской газете появилось обширное интервью.

Не без гордости Пикуль рассказывал о встречах с гостями из дружественной Сербии:

«Когда меня навестили сербы, то с интересом расспрашивали, где я брал материалы, почему сцены убийства короля Обреновича и Драги у меня выражены с такой полнотой, что некоторые детали не были известны даже югославским писателям. По возможности я попытался собрать самые редкие и самые ценные источники».

Разве можно сейчас представить реальной ситуацию, описанную в его последней книге «Барбаросса» («Площадь Павших борцов»), о которой будем говорить ниже:

Сталина никогда не покидала вера в ум и благородство маршала Б. М. Шапошникова, хотя иной раз Борис Михайлович его сильно озадачивал. Однажды одному генералу угрожал трибунал с неотвратимым расстрелом. Шапошников заявил Сталину, что он уже *наказал* виновного.

— Наказали? Вы? А как наказали?

— Я объявил ему *выговор*.

Трубка чуть было не выпала изо рта Сталина.

— Выговор? И это... всё? — оторопел он.

— Да. Выговор — очень тяжёлая расправа, — пояснил Шапошников. При царе-батюшке генералы, получившие выговор от Генштаба, или сразу подавали в отставку, или стрелялись.

Во все времена понятия о чести, долге, ответственности перед Отечеством стояли на первом плане. И народ, в свою очередь, во все времена хранил достоинство своих воинов, помня, что они первыми вставали и встанут на борьбу, будь перед ними враг или стихия. Армия во все времена была гарантом независимости нашей родины, а солдат — заступником для народа. И покуда эти традиции русской армии будут продолжаться в наше время — Россия непобедима.

Взгляд читателей на роман «Честь имею»

С приходом новых времён и руководителей, повинуюсь какой-то несправедливости, какому-то всеобщему заблуждению, развернулась кампания предания анафеме мужественного образа народного защитника. Читая роман, невольно возникают вопросы: а как же живут современные солдаты и офицеры? Ответы на них находим в письмах современных защитников Родины.

«Дорогой Валентен Саввич! Оторвитесь на четверть часа от работы, да будут приятными и полезными для Вас слова дружеского участия, добрых пожеланий здоровья и душевного покоя. Всё чаще думаю о Вас: не о писателе, а о человеке, живом, ранимом... Бог с ними, с литературными критиками. С Вами мы — я и множество российских патриотов, вынужденных постигать жизнь с помощью Ваших (и, конечно, других) честных книг...

Смею утверждать, Валентин Саввич, что офицерский корпус, к которому я принадлежу, нынче не произведет ни Чаадаевых, ни Марлинских, ни Лермонтовых; технократия плюс десятилетия отлучения от истины, от “интеллигентных рефлексий” сделали своё дело: поубавилось гражданской смелости у военных людей, а без неё — что ж! — ни прозы, ни поэзии не сотворить. Ныне, если читают — уже, слава Богу, и его наместникам на земле...» — писал майор В. А. Чистяков по прочтении романа «Честь имею».

Печальна, читатель, исповедь современного офицера. Обнадёживает лишь то, что книга заставила задуматься, почувствовать трагизм всего утраченного.

Я надеюсь, что придет время, когда честь вновь займет свое достойное место в длинной строке человеческих добродетелей...

«Честь мундира видоизменилась в “мундирную честь”, в погоне за почестями до такой степени, что молодому поколению офицеров его надо прививать по существу вновь», — писал автору моряк капитан 1 ранга Б. Н. Платонов.

И дело тут не только в самих офицерах, а в изменившемся отношении общества к армии и флоту. В средствах массовой информации, как по команде, появляются материалы о том, что сегодня мы живём в другом мире и нам никто не угрожает, что армия не нужна.

Так на кого же эти нападки?

На тех, кто predeterminedил конец Второй мировой войны и погасил в начале шестидесятых годов Карибский кризис — эти фитили третьей мировой?

На тех, кто подложил свои крепкие плечи под шпалы БАМа и положил свои руки на пыльные рычаги тракторов целины?

На тех, кто подставил свои тела под загадочные лучи Чернобыля и под непонятные пули Афганистана?

На тех, кто... да разве всё можно перечислить!

Они шли по зову сердца, долга, по зову чести, именуемых в армии словами: присяга, устав, дисциплина, приказ.

У армии должна быть только одна цель — служение интересам народа...

Какие удивительные по содержанию приходили письма писателю! Впрочем, не буду восторгаться, а предоставляю слово автору — москвичке Снесарёвой Евгении Андреевне:

«Прочитала одну из Ваших последних книг “Честь имею”, опубликованную в “Нашем современнике”, где встретилась с деталью, которую ищу уже несколько лет. В настоящее время я занята составлением примечаний к книге моего отца Андрея Евгеньевича Снесарева (1865–1937), известного востоковеда и крупного военного деятеля, в эту книгу должны войти его письма из Индии, с Памира, из Лондона, Парижа, Копенгагена, ряд неизданных статей. В некоторых письмах с Памира мне попалась фамилия Гримма, офицера Русского Генерального штаба, продавшего Германии планы нашей мобилизации. Мне нужно дать примечания на эту фамилию; я искала сведения о нём в Военно-историческом архиве, консультировалась с военными историками и никаких следов не нашла. И вдруг на 66 странице журнала № 9 я нахожу некоторые сведения о Гримме.

Я была бы Вам благодарна, дорогой Валентин Саввич, если бы Вы смогли время отослать меня к Вашему источнику: если архив, то какой № фонда, дела, единицы хранения, если книга или статья, то — выходные данные...»

Чтобы не утомлять читателей письмами, приведу один маленький фрагмент из письма Виктории Леонидовны Ку-линой из Харькова. Свое взволнованное повествование она заканчивает так:

«“Честь имею!” — эти слова обливались потом и кровью, жесточайшим напряжением нервов и ума, дисциплиной, выдержкой офицеров, по-моему, непосильными современным гражданским людям. Спасибо, большое Вам спасибо за труд, за этот удивительный роман, не позволяющий даже с чем-то сравнить и возносить — он выше этого!

Спасибо Вам и низкий поклон до земли...»

Профессия офицера в Российской армии до революции считалась престижной.

Нынешнему поколению офицеров есть чему поучиться, как готовили в прежние времена офицеров Генштаба: великолепная профессура, энциклопедические познания. Недаром же германская и австрийская разведки ставили офицеров, окончивших Российскую академию Генштаба, на специальный учёт.

Заканчивая разговор о романе «Честь имею», хочу уведомить читателя о том, что автор предназначал свой роман не только людям военным. Честь — понятие ёмкое и глубокое. И она необходима не только корпусу офицеров, но и людям других профессий — юристам, учителям, врачам, рабочим, писателям...

Об этом и говорит роман Валентина Пикуля, со страниц которого по нервам перепонки, как сказанные вслух, чувствительно бьют святые, полные высочайшего смысла слова: «*Честь имею!*»

«Мой герой прожил жизнь действительно как герой. Он мог спокойно возвратиться на Родину, но он остался там, где считал нужным... на Купрешковом поле, чтобы помочь в борьбе с фашизмом братьям-сербам....

Своё место в самолете он уступил молодой сербской партизанке, на руках у которой был ребёнок.

Сохранив жизнь сербской матери, он нашёл место в сражении, а для него нашли место в братской могиле...»

Укрепление и разрывы связей

Спрос на книги Валентина Пикуля всё возрастал. Совсем неожиданно для писателя пришла просьба на издание «Нечистой силы» Красноярским книжным издательством. Писатель вздохнул полной грудью. Наконец-то! Роман, который автор считал одним из лучших своих произведений, собирались издавать. Издавать впервые! «У последней черты» Пикуль в расчёт не брал: по небольшим отрывкам нельзя сложить полного впечатления о романе. Писатель мечтал увидеть «Нечистую силу» в том виде, в каком она была задумана и исполнена автором, ни на какие уступки по сокращению романа идти не намеревался.

Следует отметить, что маршрут переписки по поводу «Нечистой силы» протянулся аж до Японии. Получив согласие Пикуля, японский переводчик перевёл «У последней черты» — журнальный вариант романа. Когда японец получил от автора полный текст романа, он никак не мог понять: зачем писателю понадобилось дописывать уже опубликованное произведение? Сложна Россия для японского восприятия, как и русский язык и юмор.

Думаю, читатель, принявший стиль моего изложения, уже догадался, что разговор о японцах зашёл не случайно. И это — правда...

Летом в Ригу вновь приехал Виталий Григорьевич Гузанов со своей супругой Ниной Фёдоровной. В их распоряжение Пикуль предоставил пустующую дачу на взморье. А в Доме архитекторов в Юрмале в это же время отдыхал с женой знаменитый скульптор Олег Константинович Комов. Гузанов и Комов были хорошо знакомы, их связывала давняя дружба.

А сейчас... Мы поехали на дачу, куда Гузанов пригласил для знакомства с Пикулем чету Комовых.

Нина Ивановна и Олег Константинович — люди очень коммуникабельные, и общение было весьма непринужденным. Комов много бывал за границей, и его рассказы были Пикулю весьма интересны. Как бы между делом Олег Константинович делал наброски карандашом на бумаге.

Я заглянула, в набросках узнавалась голова Пикуля в различных ракурсах.

Интересное общение продолжилось и у нас дома...

Читатель спросит: а при чём здесь Япония?

Так вот. Гузанов навещал в Японии уже известного читателю Судзукаву. И в данный момент не хватало только господина Масахиса Судзукавы. Но он не заставил себя долго ждать. Точно в соответствии с планом путешествия, присланным за несколько месяцев, Судзукава-сан прибыл в Ригу.

Гузанов и Комов, заехавшие в гостиницу за иностранным гостем, чтобы затем следовать к нам, рассказывали, что хотели по русскому обычаю захватить что-нибудь с собой. Но часы показывали время, в которое, в соответствии с заботой правительства о трезвости своих граждан, это самое «что-нибудь» не продавалось.

Чертыхнувшись в адрес негостеприимной власти, пришлось обращаться «за иностранной помощью». И Судзука-ва выручил.

Не буду описывать подробности этой встречи. Мы общались не первый раз, и обстановка была — как при встрече старых знакомых.

В августе месяце «Неделя» на своих страницах поместила беседу своего корреспондента с Виктором Конецким. Закадычный друг Валентина Пикуля — Вик-Вик — отвечал на вопросы. Я не могла не показать публикацию мужу.

— Что связывает вас с Валентином Пикулем? — звучал один из вопросов.

— Военная служба. С 1945 по 1946 год мы прослужили в одной роте...

Далее из колонки ответа я процитирую лишь самые «злачные» места:

«...он выпустил свой первый огромный и совершенно безграмотный роман “Океанский патруль”», «...он сильно разложил читателей и опустил планку художественности. Как-то я читал один его роман и на первых четырёх страницах нашёл 20 ошибок...», «на три четверти он графоман...» и тому подобное...

Пикуль перечитал ответ Конецкого несколько раз.

По поводу замечаний можно было поговорить, поспорить, можно было в конечном счёте посмеяться: 20 ошибок на четырёх страницах! Корректорских, редакторских или авторских? И название романа лучше бы привести, чтобы Гиннесс в поисках его не сбился с ног.

Пикуль не сразу среагировал на «дружеские» нападки, которые, навешенные «сбоку-припёку», даже при мощном усилии никак не втискивались в тематику вопроса: «Что *связывает* вас?..»

Непосредственно к теме вопроса относился только первый десяток слов. Он и шокировал Пикуля.

— Годичная служба в одной роте? И, если уж быть точным, не военная, а *послевоенная*, но — воинская служба. И это *всё*?

Пикуль всю жизнь считал, что их связывает несравненно большее, претендующее, мягко говоря, *на дружбу*.

Никогда, ничего похожего при многочисленных личных встречах, как говорится, в глаза Вик-Вик Пикуль не говорил. Наоборот, в Риге принимал Конецкого с гостями, отмечали его день рождения, перед очередным рейсом Вик-Вик всегда забежал на «огонёк».

— Может, пьяный был? — Валентин искал хоть какую-то оправдательную гипотезу...

Больше они не встречались...

Статья сильно отразилась на состоянии здоровья Валентина. Реакция на критику это одно, и совсем другое, — когда рушатся сформированные в сознании идеалы высоких человеческих добродетелей.

«Почему такое происходит? Правильно ли живу?» — мозг задавал вопросы взволнованному сердцу.

Внутреннее состояние Пикуля было красочно нарисовано на внешности. Тревожась за него, я уложила супруга в постель, поместив рядом, прямо под рукой, маленький, но звонкий колокольчик.

Мы договорились, что с помощью его Валентин будет звать к себе.

Хорошо, что он согласился, когда плохо с сердцем, не всегда есть возможность громко закричать...

Все тревоги и волнения моей жизни в эти дни были сосредоточены на одном: только бы... не звонил колокольчик.

Небезразличные штрихи

В скоротечности жизни кадры меняются произвольно. Часто один никак не связан с последующим. И мне, как монтажёру, в данном случае

не хочется искусственно плавно подгонять один под другой. Таковы мои заметки о событиях и делах, которые так или иначе входили в круг забот и интересов писателя в осенние месяцы 1988 года.

Письма... О них говорилось немало в предыдущих главах, но мне хотелось бы донести до читателя нюансы восприятия именно Пикулем некоторых из них.

Как ценнейший документ читал Валентин Саввич письма Анастасии Манштейн-Ширинской из Бизерты, что в далёком Тунисе. Рассказывая о своей жизни, она сообщила много данных о русской эмиграции, вынужденно отлучённой от России.

Для Пикуля, как бы ни было парадоксально такое словосочетание, это было письмо знакомой незнакомки. Или, точнее, письмо незнакомки о его хороших знакомых.

Валентин прочёл мне письмо вслух, затем подошёл к картотеке, достал карточку и поведал:

— Вот её отец, Александр Сергеевич Манштейн, он командовал миноносцем «Жаркий». А её родной дед, Сергей Манштейн, составлял словари и писал учебники по латыни, греческому и немецкому языкам. Он находился в родстве с баронессой Анной Керн...

Валентин знал всех её родственников, знал их заслуги перед Отечеством, знал и их «вину». Его спокойный рассказ, сопровождавшийся демонстрацией портретов, был довольно продолжителен. И у меня появилось ощущение, что Бизерта... находится совсем рядом.

Анастасия Манштейн делилась восторгом от прочтения интересной книги — «Строгановы», написанной Татьяной Меттерних, урождённой Васильчиковой. Валентин Саввич мечтательно произнес:

— Как бы я хотел прочесть эту книгу! Многие из картотек пополнились бы ценными сведениями...

Писатель послал в подарок мадам Ширинской свою книгу с автографом. В знак искреннего уважения. А не только потому, что его книги, как отмечалось в письмах, высоко ценятся за границей и широко издаются...

Последние два слова абзаца позволяют мне перейти к ещё одному небольшому сюжету. Читатель из Киева письменно поделился с Пикулем своей радостью: «Приобрел в магазине Парижа Вашу “Нечистую силу”».

Другие очевидцы информировали Валентина Саввича о продаже его книг, переведённых на английский язык, в Лондоне.

Писатель позвонил в ВААП, попросил разъяснить ситуацию и защитить его авторские права.

«Защита» началась с настоятельного предложения автору написать объяснительную записку, что он не передавал рукописи для публикации за рубеж.

— Вот система, — удивлялся Валентин, — друг у друга спрашиваем: «Откуда книги появились за бугром?»

Но в этом году, спустя какое-то время, само агентство обратилось к Пикулю с просьбой написать заявление для защиты его прав в английском суде. Он написал:

«Я, Пикуль Валентин Саввич, проживающий в городе Рига, автор произведений “У последней черты” и “Битва железных канцлеров”, уполномочиваю адвокатскую фирму “Бейкер энд Кэнзи” представлять мои интересы в английском суде и предпринимать все необходимые действия для восстановления моих нарушенных авторских прав и выплаты денежной компенсации за неправомерное использование моих произведений».

Это давало повод Пикулю в удобных случаях с напускной шутливой горделивостью заявлять:

— Я нахожусь в судебных отношениях с английским королевством...

Только эта шутка и осталась в память о заявлении.

В дальнейшем ВААП сообщило, что не имеет валюты для проведения судебного разбирательства и считает целесообразным прекратить иск. Агентство любезно предлагало оказать правовую помощь в случае решения автора продолжить судебное преследование за свой счёт, но предупреждало, что издержки полного судебного разбирательства значительно превысят сумму, которую можно надеяться получить в качестве возмещения за убытки.

Справедливость — категория нравственная, и она, как оказалось, не имеет определённого валютного эквивалента. Определённой суммой можно оценить только процесс её восстановления.

Так и не увидел за свою жизнь Пикуль, как выглядят заморские фунты...

Понятно, что Валентин писал в это время не только заявления. На столе его лежали: слева — рукопись романа о нефти, справа — «Сталинград», а он работал над миниатюрой. Писатель «отдыхал», разнообразя свой репертуар.

Из-под пера Пикуля в этот период появились миниатюры о литераторе («Как попасть в энциклопедию»), о зарождении и развитии шахмат в России («От дедушки Соколова до внука Петрова»), о дипломате, историке и генеалоге князе Лобанове-Ростовском («Потомок Владимира Моно-маха»), «Маланьина свадьба», «Букет для Аделины», «Полезнее всего запретить!..». Просидев ночь над очередной миниатюрой, Валентин заявил мне на следующий день:

— Нам надо съездить в Курляндию.

— Для чего, с какой целью? — уточнила я.

— На острове Морицсала должен сохраниться дуб, в дупле которого когда-то, по версии нескольких источников, прятался герцог Мориц Саксонский. Вот этот дуб мне и хочется найти.

Пикуль стал собираться.

— Закажи такси на всю рабочую смену, скажи — поедem на целый день.

У меня в душе закралось сомнение.

— А вдруг это легенда и никакого дуба нет? И как мы доберёмся по озеру к острову? — возражала я, не упоминая о состоянии его здоровья.

Валентин уступил, правда, нехотя. Пришлось ему дописать миниатюру «Дуб Морица Саксонского» без «наглядного пособия».

Темы миниатюр у Пикуля возникали спонтанно, и лишь некоторые могли найти приемлемое объяснение.

Так, в этом году Валентин Саввич чаще обычного встречался со своим давнишним единомышленником Викентием Фёдоровичем Кудашёвым и с Леонидом Михайловичем Шломой, с которым познакомился в литературной гостинице. Оба военнослужащих находили общий язык с Пикулем, поскольку помимо любви к литературе имели пристрастие к коллекционированию. Интересы их были широкие: ордена и полковые знаки, значки и монеты, воинские аксессуары и портреты. Для общения с коллекционерами Пикуль не жалел времени, делился с ними и знаниями, и дубликатами портретов, получая, в свою очередь, от них много полезного для себя. Кудашев заочно познакомил Валентина Саввича с ленинградцем Георгием Всеволодовичем Защуком, интересным человеком и очень серьёзным коллекционером, если так можно сказать, широкого исторического профиля, и между ними завязалась полезная переписка. Под впечатлением интересных контактов с этими увлечёнными людьми Пикуль написал миниатюру о российском коллекционере Фёдоре Плюшкине. Первоначальное название было «Всякого жита по лопате»...

Встречи... Их всех не описать и даже не перечислить. Но одной из них коснусь.

В конце октября позвонил адмирал Калайда и сказал, что приехала съёмочная группа документального кино ВМФ. Я ответила, что Валентин Саввич 3-4 дня будет занят и никого принять не сможет.

В это время Пикуль работал с прибывшими из Красноярска редактором и художником-оформителем книги «Нечистая сила».

Скромная, приятная и тактичная Галина Никифоровна Ермолина при редактировании текста довольно легко уговорила Пикуля на небольшие сокращения: снять коротенькие стишки, убрать некоторые острые фразы.

Приятное впечатление на писателя произвёл и Виктор Бахтин. По замыслу художника, портреты героев романа выносились на форзац. Сразу же производилась пересъёмка нужных портретов.

Валентину Саввичу очень понравился подаренный Виктором портрет Распутина, исполненный графически в трёх вариантах...

«Настырные» киношники всё-таки дождались своего, и освободившийся Пикуль наконец попал в их руки. Снова подводные лодки, корабли, каюты, мостики... Чтобы уйти от штампов, группа попросила Пикуля проехать с ними на природу и по историческим местам Латвии. Валентин Саввич был в восторге от поездки: разрушенный замок в Бау-ске, дворец в Рундале Расстрелли...

Затем снимали в квартире: рабочую обстановку, книги, портреты... Пикуль охотно пояснял все, что интересовало гостей, стараясь находиться вне кадра.

Но это не самое главное из того, на что я хотела обратить внимание.

Два молодых морских офицера — Александр Сергеевич Вожжов и Виталий Александрович Рыжов — влюбились в себя Валентина Саввича сразу, как только

вошли в дом. Взяв отверточки, они прошли по квартире, и в счи-танные минуты перестали искрить розетки, заработал утюг, стал лучше показывать телевизор, перестал греметь холодильник...

— Валентин Саввич, — попросту говорили они, — если что надо помочь, вы только «звякните», и мы на следующий день будем у вас.

— Из Москвы-то!!! Это я добавляю от себя...

Пикуль всегда ценил добро и всегда его помнил. Потому, что *добро* по самой своей сути огромно, даже если оно... маленькое.

Короткое, но важное сообщение

В конце года пришло приятное известие: Постановлением Совета министров РСФСР от 20 декабря 1988 года за № 535 Пикулю Валентину Саввичу, писателю, за роман «Крейсера» присуждена Государственная премия РСФСР имени М. Горького.

Известие сопровождалось официальным приглашением:

«Совет Министров РСФСР приглашает тов. Пикуля В. С. на вручение Государственной премии РСФСР 1988 года в области литературы, искусства и архитектуры. Вручение состоится 27 декабря 1988 года в 18 часов.

Дом Советов РСФСР, Краснопресненская набережная, дом 2».

Пикуль никогда не делал ставку на выигрыш и даже говорил скептически:

«Вчера по телевизору объявили лауреатов Государственной премии РСФСР, в том числе назвали и меня. Я удивлён. Почему именно выбрали “Крейсера”? Если говорить откровенно, роман этот ничуть не лучше “Фаворита” или романа “Каждому свое”. (На премию были выдвинуты кроме «Крейсеров» — романы

«Фаворит» и «Каждому свое». — А. П.) Напротив, писать его было гораздо легче, материалов для изучения и проработки я использовал намного меньше, чем при написании других книг... Не понимаю я этих “академиков”, как и за что дают премии».

Трезво оценив состояние своего здоровья, Пикуль решил не ехать на вручение.

26 декабря отправил в Россовмин Российской Федерации на Краснопресненскую набережную, 2 — на имя Чеха-рина телеграмму такого содержания:

«Перечислить Государственную премию РСФСР, полученную за роман “Крейсера”, в Фонд Помощи пострадавшим при землетрясении в Армении. Честь имею». Валентин Пикуль».

Диплом лауреата премии и медаль с изображением А. М. Горького вручал на рижской квартире приехавший из Москвы Валерий Иванович Абрамов.

Не забыли Пикуля и работники музея имени великого писателя А. М. Горького. Директор музея Т. А. Рыжова обратилась к Пикулью с просьбой:

«В музее А. М. Горького, на родине писателя в литературной композиции предусмотрен показ материалов о лауреатах премии А. М. Горького и их произведений в теме “Горький и современность”. Музей формирует коллекцию этих материалов. Мы убедительно просим Вас поделиться с нами некоторыми *материалами* для нашего музея: фотографией, книгой, желательно “Крейсера”, за которую Вы были удостоены премии, рукописями или какими другими удобными для экспонирования документами, предметами...»

31 декабря 1988 года в «Советской России» была опубликована миниатюра «Как попасть в энциклопедию». Валентин Саввич мог быть доволен. Тяжёлый, болезненный год прожит с большой пользой для людей. И для этих дорогих людей он написал свою последнюю большую книгу «Честь имею», полную

публикацию которой как раз в канун Нового года закончил журнал «Наш современник», удостоив автора за это произведение своей премии.

В добрый путь — *«Честь имею»*.

***Глава двадцатая* НАСТУПИЛА ЭПОХА ГЛАСНОСТИ**

В канун Нового года Валентина Саввича посетил коллега по перу писатель-маринист Николай Черкашин. Много общих тем для разговора нашлось у двух моряков. Особенно Пикуля интересовали причины гибели теплохода «Нахимов», поскольку Черкашин написал книгу об этой страшной трагедии. На полку Пикуля встала книга «Последний рейс “Нахимова”» с дарственной надписью автора: «Валентину Саввичу Пикулю с пожеланиями счастья на наших суровых дорогах...»

Начало нового года Валентин Пикуль встречал в спокойной обстановке, работая над миниатюрами. Под бой курантов он заканчивал зарисовку «Русский аббат в Париже».

По опыту многих лет я знала, что работа над миниатюрами — это очередное перепутье в творчестве писателя, пройдет ещё немного времени, и он выберет свою тему, своего героя, за которым быстро последует в очередное далёкое путешествие.

На сей раз раздумья на перепутье затягивались...

Ещё в ноябре прошлого года Валентин Саввич отправил директору издательства «Современник» Леониду Анатольевичу Фролову заявку, в которой, в частности, говорилось: «Предлагаю вниманию издательства новый роман о Сталинградской битве (условное название «Сталинград»).

Объём романа, опять-таки условно, определяю никак не менее 40 авторских листов. 20 листов вчерне мною уже написаны.

Сейчас я жду перевода с немецкого языка книги западногерманского историка фон Гёрлица “Паулюс: я

стою здесь по приказу!", после чего могу приступить к дальнейшей работе».

В меру своих сил и способностей я активно участвовала в переводе книги, но ожидаемого большого интереса к предоставляемым Пикулю материалам не наблюдала. Он ещё не сделал своего выбора и работал над миниатюрами, систематизируя их, занося на карточки.

Склонить писателя к сталинградской теме не смогли даже пришедшие почти одновременно в январе месяце просьбы о возможности публикации будущего романа из «Волгоградской правды» и журналов «Советский воин» и «Подъём».

«Сталинград» никак не перевешивал «Нефть»...

Общественная жизнь в это время была наполнена неординарными событиями. Я запоем читала газеты, Валентин Саввич тоже проявлял к ним большой интерес. Весьма интересны его комментарии:

— Вот до какого маразма может дойти человекообразное существо, выпущенное из клетки на демократическую площадку. Это ж надо придумать такое: «Можно всё, что не запрещено!» Да у нас запрещено только «ходить по газонам», «бежать по эскалатору», «входить в зрительный зал после третьего звонка» и тому подобное... А кто, где, когда запретил лгать, клеветать, воровать, убивать?.. Никто! Значит — можно! Правда, за это могут потом наказать, но это уж дело десятое. Главное, что *можно*. Тем более что за ложь и клевету, например, практически никогда не наказывают. Вот в чём вся чудовищность и весь идиотизм такого перестроечного лозунга...

— Всё-таки есть у нас думающие талантливые люди, но их и близко не подпускают к власти, — сказал Пикуль.

Поговорив с доктором Малышко, я предложила супругу поехать в санаторий. Делать это пришлось

очень тактично, поскольку поездка в санаторий неразрывно связана с привычными понятиями «подлечиться и отдохнуть», отношение к которым у Пикуля было негативное.

Лечиться он не хотел, а что такое «отдыхать», он не знал.

— Никогда не пойму людей, говорящих: «Ну, всё! Теперь поеду за город и буду отдыхать». У меня всегда вопрос к таким: «Если ты собрался отдыхать, то что собираешься делать во время отдыха? Ибо человек, просто отдыхающий, — это ненормальность в моём представлении. Я могу лечь спать, могу читать, могу думать, но отдыхать — никогда. Ненавижу отдыхающих!» — таково было кредо писателя.

Сошлись на том, что он едет в санаторий работать, а я ему помогать и заодно отдохнуть от домашне-кухонных забот.

9 февраля мы переехали в Майори, в санаторий. Нас разместили в отдельном строении: прелестный домик, чудесная обстановка, покой и уют. Валентин обосновался на втором этаже. Моря хотя и не видно из-за сосен, но оно совсем рядом, и его успокаивающий шум проникает сквозь окна. Валентин Саввич занялся вычиткой вёрстки романа «Честь имею», присланной из издательства «Современник».

Пикуль лечиться не собирался, но, надо же такому случиться! именно в санатории у него стали болеть руки. Врач назначил процедуры. Приняв лечебные ванночки, Пикуль стал спускаться с возвышения и оступился. Сестра заботливо подхватила его, но элегантный женский маникюр оставил на груди пациента болезненную царапину, которая, как всегда у Пикуля, долго не заживала.

Первая процедура была и последней.

— Я все свои процедуры уже принял, — шутил он и больше никуда не ходил.

День Советской армии и Военно-морского флота отмечали довольно торжественно: Валентин Саввич принимал и поздравлял морских офицеров — работников санатория. Пикуль много рассказывал о работе, традициях офицерского корпуса. Всем подарил на память книги.

Санаторный срок пролетел незаметно, и, когда время пребывания близилось к концу, Валентина попросили выступить перед отдыхающими. С согласия Пикуля встреча с читателями была намечена на 5 марта. При проведении многих мероприятий большой санаторный клуб чаще всего пустовал. Но на встречу с Пикулем собралось такое количество народа, что многим пришлось слушать писателя, находясь в фойе. Люди шли и ехали из соседних санаториев и даже из Риги.

Перед началом вечера замполит санатория предупредил Валентина Саввича о том, что будет записывать его выступление на плёнку. Пикуль не возражал.

Встречу условно разделили на три части: рассказ о себе и своей работе, ответы на вопросы и раздача автографов.

Уделив своей персоне 15 минут, Пикуль перешёл к запискам, пообещав честно ответить на все устные и письменные вопросы.

В этот вечер, искренне поверив в приход гласности, он превзошёл все ожидания слушателей.

— Как вы относитесь к Виктору Конецкому?

— Я считал его своим другом, — отвечал Пикуль, — по крайней мере в пору своей литературной молодости. В более позднее время он навещал меня в Риге, даже однажды отмечал у меня свой день рождения, но теперь, как видно из его публикаций, наши пути разошлись, скорее всего, по идейным соображениям. Но

писатель он талантливый, об этом я говорю со всей откровенностью, что бы он ни говорил обо мне.

Ощущение лёгкости от провозглашённой гласности накладывало отпечаток не столько на ответы, сколько на вопросы.

— Как вы относитесь к Сталину? — спросил кто-то из зала.

— Если Сталин считал себя верным учеником Ленина, то это было действительно так. С именем Ленина связано начало бед в России. При нём и с его ведома были созданы первые концлагеря и началось жестокое уничтожение генофонда, цвета интеллигенции... (это суть пространного рассуждения Пикуля. — А. П.).

— Вы за капитализм или за социализм?

— А какая разница — лишь бы народ жил хорошо...

— Что ожидает нашу страну в ближайшее время?

Беспристрастный диктофон зафиксировал нарисованную Пикулем мрачную картину...

Сколько раз я была свидетелем сбывшихся пророчеств Пикуля. Так, в работе над «Юнкерами» Пикуль, анализируя различные документы, выработал собственное отношение к Кронштадтскому мятежу.

— История переменчива, — говорил он мне по этому поводу, — одно поколение считает, что вопрос сдан в архив, но вырастает новое поколение, и старая тема предстает для него в ином свете, возникают иные суждения. Когда-нибудь разберутся и с этим так называемым мятежом. Очень любят у нас посмертно реабилитировать и посмертно восстанавливать справедливость. Пастернака выгнали с позором из ССП, а потом снова приняли. Похоже, что человек у нас вроде пуговицы: сначала оторвали от пиджака, а потом пришили на то же место, только нитки другого цвета...

Вечер закончился красивым и звучным аккордом: Пикуль вручил в подарок библиотеке санатория свою

книгу «Каторга», и на сцену ринулись любители и ценители автографов... В заключение замполит сказал мне, что выступление Валентина Саввича было ярким и злободневным. Он даст заметку об этой встрече в местную газету...

На следующий день, утром, попрощавшись с врачами и персоналом, мы уехали домой. А уже вечером Валентин усадил меня за свой стол и попросил помочь в составлении книги миниатюр — о женщинах.

Он раскладывал страницы рукописи в хронологическом порядке, иногда отрывался, задумывался. В сериале женских портретов ему виделись пробелы...

Я печатала список миниатюр на машинке. За один вечер составить том миниатюр нам не удалось. «Завтра продолжим», — сказал Валентин и занялся просмотром журналов, поступивших за его отсутствие в санатории.

7 марта мне позвонил старший морской начальник города Риги адмирал Г. М. Кал айда, поздравил с наступающим праздником. Поговорив о житье-бытье, спросил, как отреагировал Валентин Саввич на то, что плёнка с его выступлением отослана в Военный совет флота. Я сказала, что его, по моим сведениям, никто об этом не спрашивал...

После разговора с адмиралом долго не могла успокоиться...

Гласность гласностью, но...

Проснувшийся Пикуль сразу «усёк» мою озабоченность. Я ничего не стала скрывать.

— Нашла над чем горевать! — весело отреагировал он. — Я и раньше не скрывал своих убеждений, а сейчас тем более. Не беспокойся и не горюй. Я всегда могу повторить и, не отказываясь, ответить за каждое сказанное мною слово...

— А к чему это ты здесь готовишься? — глядя на принесённые мною деликатесы, переключил разговор

Валентин Саввич.

— Как к чему — к празднику.

— А какое завтра число? — Пикуль напряг лоб.

— Восьмое марта, — мой ответ был для него неожиданным.

Немного постояв в растерянности, Валентин Саввич ушёл к себе в кабинет...

Пикулевский подарок

Вернёмся к 7 марта...

— Ты сегодня сама позанимайся с миниатюрами. Что делать, ты знаешь, а мне надо поработать.

— Что за спешка? — удивилась я.

— Завтра женский праздник, и хотя я его не люблю, ибо в этот день женщине достаётся ещё больше хлопот, но хочу сделать тебе подарок: начну сегодня писать роман, а закончу его к твоему дню рождения. Это будет *подарок духовный*. А материальный, — продолжил он, — купи себе сама. Договорились?

— Хорошо. А о чём роман?

— О любви. Об Ольге Палем.

Нужно сказать, что жизнь и судьба Ольги Палем давно интересовали Валентина. А у этого интереса, как у медали, было две стороны.

В одном интервью Пикуль говорил, что назрели вопросы морали и нравственности в отношениях сильного пола к слабому. С эмансипацией женщины значительно потускнело чувство святого перед ней поклонения...

— Мы всеми силами, — говорил Пикуль, — всеми голосами общественности должны вырвать у женщины тот тяжёлый лом, который вручило ей фальшивое равноправие...

«А жизни суть — она проста: её уста, его уста...» — утверждает поэт Василий Фёдоров.

Нет! Совсем не проста психология взаимоотношений мужчины и женщины. Именно это и заставило Валентина обратиться к теме женской любви.

Героиня романа — Ольга Палем — реально существовавшее лицо, натура волевая, яркая, цельная. Её любовь к студенту-дворянину Александру Довнар-Заполье кому привела на скамью подсудимых...

«Симферопольская мещанка Ольга Палем обвинялась в убийстве своего сожителя, студента Александра Довнара».

Адвокат Н. П. Карабчевский, анализируя жизнь подсудимой, говорил: «Я глубоко убеждён, что каждая женщина, хотя в душе и ранимее нас, мужчин, но она и намного терпеливее нас, мужчин. Особенно в те периоды жизни, когда она любит. В этом я убеждён.

Женщина может сносить от любимого человека многие обиды и оскорбления, она способна многое прощать.

Но... пусть мужчины не обольщаются! Женщина прощает почти всё мужчине, которого она любит. Но в её любви имеется опасный предел. Тогда женщина как бы “взрывается”. И взорвавшись, она обязательно отомстит. Рано или поздно, но — отомстит! Я думаю, женщина на эту месть имеет природное право...

Пусть знают все. Надо ценить женщин. Надо беречь женщин. Надо уважать женщин, имевших несчастье полюбить мужчин, недостойных большой женской любви...»

Блестящая речь адвоката и правосудие, вникшее в процессе разбирательства во все тонкости движения женской души, — вот что вызвало восхищение Пикуля и подтолкнуло его взяться за перо.

Валентин положил перед собой лист бумаги...

До восьмого марта оставалось менее часа...

«...среди великого множества женщин, платья которых давно и ликующе отшумели, одна из них уже много лет тревожит моё хладеющее воображение. Вот и сегодня — “встала из мрака молодая с перстами пурпурными...”»

О процессе написания романа говорят пикулевские записки:

«10 марта. 5.05. Четвёртую главу закончил целиком. Всего у меня 37 стр. Писалось легко — сам удивлён, о любви я писать никогда не умел...

11.03. Днём больше писать не буду, а только делать наброски, ибо ночью пишется лучше...

20.03. В два встал с постели, а в восемь встал из-за стола. Молотил и молотил... Всё, кажется, хорошо... Но — ошалел! Всё-таки шесть часов подряд... Пас...

21.03. 6.50. Закончил главу. Вылез на 128 стр. Сижу, думаю, многие слова в этой вещи покажутся тебе из нашего лексикона, но ты не обижайся — это не о нас!»

Проснувшись утром, в мой день рождения, я увидела на столе аккуратно сложенную рукопись. На верхнем листе прочла:

Валентин Пикун. «*Ольга Палем*». Бульварный роман. И посвящение мне.

На маленьком листочке карандашом небольшое послание:

«Мой обещанный подарок — на твой суд».

Не отрываясь, на одном дыхании, я «проглотила» роман. Поблагодарив за подарок, попросила убрать посвящение. Валентин Саввич пообещал, что не вынесет слова посвящения на титул, а поместит их где-нибудь внутри текста. Так он и сделал, попутно изменив название более загадочным.

Занятно, что все наши разговоры так или иначе вошли в книгу.

Это на мой вопрос он ответил объяснением:

«Конечно, читатель вправе спросить меня, почему я назвал свой роман “бульварным”. Отвечу. Всю жизнь я писал военно-политические романы, но критики упрямо именовали меня “бульварным” писателем. И чем больше становился накал патриотизма в моих исторических романах, тем настойчивее блюстители порядка обвиняли меня в “бульварщине”.

Наконец я понял, что угодить нашим литературно-газетным Зоилам (в переносном смысле — придирчивым, недоброжелательным, язвительным критикам. — А. П.) можно лишь одним изуверским способом — написать воистину бульварный роман, дабы их мнение обо мне как о писателе полностью подтвердилось. Заодно уж, идущий навстречу своим критикам, я щедро бросаю им жирную мозговую кость...

Я написал эту вещь на примере исторических фактов столетней давности, но думается, что вопросы любви и морали в прошлом всегда останутся насущными и для нашего суматошного времени».

Так родился короткий роман «Ступай и не греши».

Единомышленники и «разномышленники»

Начну с двух листочков, на которых Пикуль оставил наброски своих мыслей:

«Отдельно существуют писатели, творящие литературу, и отдельно от них существует Союз писателей, нечто вроде бывшего корпуса жандармов, которые действуют по салтыково-щедринскому шаблону: “Ташши и не пушай!” Конечно, эти людишки в сталинских френчах, десятками лет сидевшие наверху, держались не за литературу, а за своё место в президиуме, чтобы смотреть на всех сверху вниз, как барышня на сороконожку. Недаром же их называли “застрельщиками литературы”, как будто литература —

это полигон, где испытываются на прочность писательские шкуры...»

«Когда все кричали, я стоял и молчал. Потом зависть взяла, дай, думаю, и я крикну. Только пасть разинул, тут мне по загривку — хлесть и говорят: “Чего разинулся?” Я отвечаю, мол, “все кричат и мне захотелось”. “Дурень, — объяснили мне, — тут кричат по списку, те самые, которые кричать от власти уполномочены, а тебя в списках орущих нетути — сиди и помалкивай...”»

Валентин Пикуль был членом Ленинградской писательской организации, крупнейшей (после столичной) в РСФСР. В ЛПО много лет существовала чрезвычайно напряжённая, конфликтная ситуация. Захвативший ключевые позиции в руководстве организации клан совершенно деформировал её работу, преследуя, как правило, узкогрупповые цели, далёкие от литературных задач. В результате из четырёхсот членов ЛПО по меньшей мере половина не была занята творческой работой и по существу не принимала участие в современном литературном процессе. Эта номинальная часть членов ЛПО, существующая за счёт Литфонда, находилась в прямой экономической зависимости от руководства и давно использовалась им в качестве послушного инструмента в осуществляемой политике, то есть включалась в «список уполномоченных кричать от власти».

Молодые, талантливые, обездоленные, но неуёмные ленинградские писатели решили учредить ассоциацию «Содружество» — самостоятельное подразделение ЛПО. Основная задача «Содружества» — борьба за истинную перестройку всех сфер жизни.

«Мы — часть ленинградской литературы, — говорилось в программе ассоциации, — и нами руководит чувство ответственности перед читателями, интересы отечественной культуры, понимание

ответственности литературы перед народом. Цели “Содружества”: отказ от командно-административных методов руководства литературой, возрождение инициативы и человеческого достоинства писателя, творческая независимость, соревновательность талантов. “Содружеству” равно чужды и ложно понятый, беспочвенный интернационализм, и пропаганда национальной исключительности...»

Всё это и стало темой письма, опубликованного в начале года в «Московском литераторе» под заголовком «Во имя творческой независимости». Среди четырнадцати подписей под письмом была и фамилия Валентина Пикуля.

Не очень веря в успех затеи, Валентин тем не менее поддержал литературный мятеж писателей революционного Питера...

К концу года «Содружество» всё же было узаконено и решением пленума правления СП РСФСР выделено в самостоятельную Ленинградскую областную писательскую организацию. Но сколько на это было потрачено нервов и.... бумаги. Весь год по поводу обстановки в писательских организациях Ленинграда были дебаты: от писем и статей в газетах до митингов.

И почти все желающие клюнуть «Содружество» не преминули пнуть Пикуля. Иногда не явно, а скажем, так:

«Да в ЛОПО нет ни одного значительного писателя!»

Это, надо понимать, и о Валентине Пикуле — самом читаемом писателе в стране.

Но Валентин Саввич не реагировал на такие выпады, он к ним давно привык. Помню, перед съездом писателей, на котором, кстати, имя Пикуля вообще не упоминалось в докладе, по телефону интересовались, приедет ли писатель на съезд.

— А ему никакого приглашения не поступало, — уведомила я.

Из секретариата Союза писателей мне любезно объяснили, что разговор идёт не о делегатах съезда, а о гостях.

Так же любезно пришлось пояснить абоненту-собесед-нику, что Пикуль в литературе не гость...

Для полноты картины, окружавшей в этом году имя Валентина Пикуля, надо сказать несколько слов о критике и её авторах.

В февральском номере журнала «Наш современник» был опубликован диалог писателя Валентина Пикуля и критика Сергея Журавлёва, названный «Честь собственного имени».

Отзывы не заставили себя долго ждать.

В начале июня 1989 года в «Книжном обозрении» появилась огромная статья уже упомянутого мною В. Оскоц-кого, названная ни много ни мало: «“Сталинизм и национальный вопрос, или Солёное словцо” Валентина Пикуля».

Замечу, что критик и раньше для «взвешивания» Пикуля часто пользовался увесистыми гирями с обозначенными на них номиналами: Ленин, Маркс, Брежнев... С течением времени некоторые гири перескакивали с одной тарелки на другую...

В статье повторялись перепевы прошлых лет.

«Литературная Россия», делая экскурс в прошлые публикации («Год за годом») и вспоминая год 1975-й, писала:

«Удивительный всё же человек, критик Оскоцкий. Огромная статья «Уроки ленинской партийности». Вот тут есть всё: и Маркс, и Ленин, и Брежнев. А повод для написания — семидесятилетие статьи Ленина “Партийная организация и партийная литература”. Там ещё писатель уподобляется колёсику партийной машины...»

И сразу же о Пикуле, который не вписывался в образ писателя по Оскоцкому. Да, не крутился он, беспартийный, ни колёсиком, ни винтиком в этой машине. Значит — не писатель!

На «Слово и дело», как, впрочем, и на любой новый роман В. Пикуля, Оскоцкий, встав в позу Станиславского, изрекал: «Не верю!» И вся аксиома.

Следует отдать должное этому критику, который одним из первых заметил нарушение Пикулем «ленинских критериев “двух наций” и “двух культур” — незыблемой методологической основы современных воззрений на историю...».

Трепал «Слово и дело» Пикуля историк Афанасьев, проповедовавший «принцип партийности, предполагающий чёткость социально-классовых критериев в отношении к прошлому...».

Но это было раньше.

А в этом году день в день со статьей Оскоцкого вышел свежий номер «Огонька». В нём главный редактор В. Коротич дал возможность высказаться в адрес Пикуля Н. Гульбинскому. «Восхождение к “Краткому курсу”» — называлась публикация. Без добавки «или...», хотя тоже посвящалась пикулевскому диалогу.

Скучно и неинтересно об этом писать, скорее всего, неинтересно и скучно об этом и читать. Но хотя бы вскользь должна коснуться данного вопроса, чтобы читатель представил и почувствовал атмосферу, которой дышал в последний год своей жизни Валентин Пикуль.

Кроме того, мне хочется как-то восстановить справедливость: Валентин Пикуль при жизни не имел возможности ответить ни одному из своих критиков в прессе. Так и жил на литературной улице с односторонним движением...

— У меня врагов нет и быть не может, — говорил Валентин. — Мои враги — это враги не мои, а дела моего.

Вот ещё одно его высказывание:

— Не пойму, в чём дело? Если мне не нравится автор, я его не читаю. Но, не читая его, я тем самым теряю право или хвалить, или порицать его. А вы, господа, ненавидя меня, всё-таки продолжаете читать мои книги... Значит, тут есть что-то ещё помимо нелюбви!

И действительно: Оскоцкий прочитал всего Пикуля и от этого, по-видимому, многое приобрёл; Пикуль не читал ничего из Оскоцкого и от этого ничего не потерял...

«Янычары»

В предыдущих рассказах, чтобы не запутать читателя, я умышленно не касалась данного романа. На титульном листе рукописи начертано: начат 26 апреля 1989 года...

В моём дневнике есть такая запись от 25 апреля 89-го года: «Валентин Саввич просит принести стихи Редьярда Киплинга».

Перелистывая на работе поэтический сборник, я пыталась угадать — какие стихи поэта могли заинтересовать Ва-дентина? И вот однотомика Киплинга на столе писателя. Он берёт его и быстро перелистывает страницу за страницей.

— Вот они, нашёл, — и читает своим выразительным голосом:

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток,
И с места они не сойдут,
Пока не предстанут Небо с Землей

На страшный Господень суд.

Я возьму эти строчки эпиграфом к новому роману. Помнишь, я сказывал тебе о событиях на Ближнем Востоке в последние годы правления Екатерины II и Павла. Так вот, именно сейчас у меня появилось желание окунуться в ту эпоху. Как ты на это смотришь?

Я напомнила Валентину о «Барбароссе», срок сдачи рукописи которой истёк, о письмах нетерпеливых читателей, жаждущих поскорее прочесть роман «Аракчеевщина», тоже проанонсированный Пикулем.

— Роман об Аракчееве никуда от меня не уйдёт, — рассуждал Валентин Саввич, — мне даже не потребуется дополнительного изучения, ибо всё ещё свежо в памяти после Потёмкина. А роман «Янычары» должен занять свое подобающее место между «Фаворитом» и «Аракчеевщиной». Сейчас мне ближе Восток, куда я и отправляюсь в путешествие.

После этих слов он и сел за работу...

Но ответить, над чем конкретно стал трудиться Пикуль, почти невозможно.

Я привыкла, что у Валентина Саввича параллельно шла работа над двумя или даже тремя вещами. Но в этот год его жизни творилось что-то невообразимое. Представьте, что после короткого романа «Ступай и не греши», на пятнадцатидневный срок написания которого он полностью отрёшился от всего остального, дальнейший перечень его интересов включал одновременно: вычитку и редактирование только что законченного «бульварного» романа, работу над «Барбароссой», над серией новых миниатюр, над «Янычарами». Трудно даже представить себе, как можно держать в голове сразу столько нитей отдалённо связанных между собой повествований.

Писать о романе «Янычары» весьма затруднительно, точнее — очень сложно, поскольку надо проследить за мыслью Пикуля теми же извилистыми, запутанными, порой невообразимо труднообъяснимыми путями.

Не буду долго интриговать читателя, скажу главное: писатель начал произведение, в котором решил объединить давно задуманные, но по отдельности так и нереализованные романы — «Янычары», «Пирамиды» и «Лицо жестокого друга».

Впервые слово «янычары» я услышала от Пикуля в 1983 году, когда под его диктовку записывала один из планов. Я попросила пояснить малознакомое слово и, если можно, коротко рассказать о романе. Валентин Саввич с охотой выполнил просьбу. Мне стала понятна и сюжетная линия романа, я узнала, в частности, что янычары — это «особая часть турецкой армии, представляющая собой профессиональное войско, свободное от семейных забот, состоящее преимущественно из христианских юношей, захваченных в плен, прекрасно обученных военному делу, отличающихся необузданным мужеством и воспитанием в духе мусульманского фанатизма».

Спустя некоторое время я вновь услышала упоминание о янычарах, но в контексте восторженного рассказа Валентина Саввича о делах и смерти Байрактара. Тогда же неоднократно прозвучало и название — «Лицо жестокого друга».

Короткое, «миниатюрное», но яркое знакомство с героем почти всегда вызывает желание узнать о нём побольше, познакомиться с ним поближе. Я попросила Валентина Саввича подсказать, где об этом можно почитать, и он дал мне книгу А. Ф. Миллера «Мустафа-паша Байрактар».

В этой интереснейшей книге много познавательных и поучительных уроков из истории Турции периода Селима III и Мустафы Байрактара. По многочисленным

подчёркнутым местам было ясно, что Пикуль работал с этой книгой неоднократно.

Пометки Пикуля высвечивали направленность поисков. Его интересовали не столько сами личности Селима и Байрактара, сколько глобальные исторические вопросы. Главное было выяснить причины, «приведшие к развалу, распаду, потере независимости и превращению в полуколонию великой Османской, или, как ещё встречается, Оттоманской империи. Империи, распространившей свои владения к концу восемнадцатого века на три материка. Территория её включала средиземноморское побережье Африки от Алжира до Египта, побережья Красного моря и Персидского залива, большую часть побережья Чёрного моря от Анапы на востоке до Очакова на западе и простиралась по землям Европы от Молдавии до албанских берегов Адриатики».

Тайным политическим кружком «ращукских друзей» (это первая в истории Турции если не партия, то, во всяком случае, политически оформленная группировка) во главе с выдающимся турецким деятелем Мустафой Байрактаром и была предпринята попытка, как оказалось запоздалая, спасти империю от расчленения и гибели.

Настойчиво и планомерно Валентин составлял «почасовик», из которого явствовало, что в голове писателя новый роман вызревал уже до конца. Об этом говорят и некоторые архивные материалы.

На записке, лежавшей в папке, после зачёркнутой фразы «Начало, которое можно назвать концом» следует абзац с пометкой Пикуля «*Вконец книги*» (выделено мною. — А. П.).

Он гласит: «Кемаль Ататюрк, могила Байрактара.

Здесь лежит человек, который хотел того же, чего достиг я, но... я бы не хотел такого конца, каким был конец этого человека».

В папке лежал и следующий листок, недвусмысленно говорящий о том же:

«Так закончилась жизнь этого незаурядного человека, Мустафы-паши Байрактара, и лицо жестокого друга России мы попытались обрисовать в нашей книге по возможности справедливо и полно.

Европа его не поняла, Россия не поверила ему, а соотечественники люто ненавидели этого “знаменосца”. («Бай-рактар» в переводе с турецкого означает — прапорщик, знаменосец. — А. П.) Развитие Турции, вновь отданной во власть бандитов-янычар и ханжей-улемов, было приостановлено на долгие годы. Блистательная Порта доживала свой мучительный век в корчах долгой агонии...»

На этом и должна была заканчиваться третья, заключительная часть романа «Янычары», названная Пикулем «Лицо жестокого друга».

Вторая часть романа — «Пирамиды» также замыслива-лась автором как самостоятельное произведение.

«Величественная и всегда таинственная тень от египетских пирамид ложилась на все события Европы и всех героев того времени».

Пирамиды фараонов, вечно молчащие, возвышающиеся над людской суетой, стали свидетелями многих радостных и печальных событий, происходящих на этой священной земле.

Об одном из них, связанном с походом Наполеона Бонапарта на Египет и его покорением, и хотел рассказать в своей книге Валентин Пикуль.

В название романа он вкладывал широкий, точнее — двойной смысл.

Пирамиды... Памятники старины Древнего Египта...

Их величие неподвластно времени. И это ощущение писатель переносил на людей, оставивших заметный след в мировой истории, незабвенная слава которых

возвышает их, подобно пирамидам, над бранным миром. Речь в романе должна была идти о трёх таких мировых «пирамидах»: Наполеоне Бонапарте, Фёдоре Ушакове и Горацио Нельсоне — и их противостоянии на морских и сухопутных коммуникациях. Просматривая огромное количество заготовок и источников, можно предположить, что автором, возможно, тоже была намечена трилогия, объединённая общим замыслом.

Над этими материалами и работал Пикуль.

В это время, оформляя заказы на комплектование библиотеки по месту своей работы, просматривая планы издательств на следующий год, я обнаружила информацию о предстоящем выходе в серии «Жизнь замечательных людей» книги Валерия Ганичева «Фёдор Ушаков». Зная, что Ушаков одна из главных фигур романа — его российская «пирамида», я поделилась этими сведениями с Валентином. Он был несколько огорчён сообщением, но при состоявшейся вскоре личной встрече с Ганичевым ничем не показал этого и даже порекомендовал главному редактору «Роман-газеты» использовать в работе «Записки Метакса».

В характере Валентина Саввича была очень хорошая черта: никогда «не перебегать дорогу» коллеге по перу. Однажды их творческие пути уже пересекались при работе над эпохой Екатерины II, когда у Пикуля вышел «Фаворит», а Валерий Николаевич написал роман «Росс непобедимый», первую книгу которого Валентин Саввич прочитал и высоко оценил.

Он на время отложил рукопись, пояснив мне:

— Пусть выйдет книга Валерия Николаевича, пусть с ней познакомятся читатели, а потом я допишу свою.

Видимо, это обстоятельство также стало одной из причин, по которым роман «Пирамиды» путём смещения и перераспределения акцентов превратился во вторую главу уже другого романа.

Жизнь — она полосатая...

Мелкие неприятности сменялись небольшими радостями, средние неприятности — радостями значительными.

Хорошего в жизни всё равно больше...

Только недавно Гарольд Бодыкин прислал бандероль: «Пересылаю Вам 4 экземпляра нашей афиши-календаря со сценами из спектакля нашего театра (Симферопольского), календарь рассчитан на рекламу 1989 и 1990 годов, пользуется большим спросом у публики. Прошло более 20 спектаклей при переполненном зале.

Прилагаю экземпляр Днепропетровского украинского театра — афиша “Фаворит”. В Днепропетровске спектакль идёт с таким же успехом...»

Перечитав ещё раз внимательно «бульварный» роман, Валентин отправил рукопись «Ступай и не греши» в редакцию журнала «Наш современник».

Через некоторое время рукопись романа вернули, объяснив отказ в публикации тем, что сменился главный редактор. Сергей Викулов ушёл, пришёл Станислав Куняев, который дал понять, что не хочет начинать свой главноредакторский путь с бульварного романа. Валентин Саввич понимал, что, если бы это было правдой, можно было опубликовать роман через номер, два, три... Но его вернули, значит — не нужен совсем.

Я никогда ранее не видела Валентина таким униженным. Ему, уже маститому писателю, не просто отказали в публикации — у него отняли возможность сделать подарок жене!

Но жизнь она — полосатая. Вскоре раздался телефонный звонок из редколлегии журнала

«Литературный Киргизстан»: «Нет ли чего у Валентина Саввича для нашего журнала?» Я ответила утвердительно, и через день член редакционной коллегии, талантливый журналист Валерий Семёнович Сандлер был у нас.

Так роман «Ступай и не греши» обрёл прописку на киргизской земле. Почти в то же время заинтересовался романом и начал печатать его журнал «Молодая гвардия». Это были последние прижизненные публикации нового романа Валентина Пикуля... Исполнилась и заветная мечта Валентина — увидеть изданным полный текст многострадального романа «Нечистая сила», рукопись которого успешно «шагала» по стране.

Начиная с первого номера воронежского журнала «Подъём» (главный редактор Е. Новичихин), пошли публикации глав романа. Их земляки из Центрально-Чернозёмного книжного издательства, в лице директора А. Свиридова, также заинтересовались разруганным критиками романом и, получив от автора «добро», выпустили роман-хронику в двух томах.

Авторские экземпляры первого тома из Воронежа были одним из самых дорогих подарков на день его рождения.

Истинный восторг испытал писатель в тот момент, когда держал в руках полный текст романа — со вкусом оформленный художником В. Бахтиным, выпущенный Красноярским книжным издательством.

Во вступлении к «Нечистой силе» — «От автора» — писатель вложил всю свою обиду на критиков и высшие эшелоны власти, и оно получилось, как мне кажется, задорным, полемическим, озорным...

Эта книга, на мой взгляд, является краеугольным камнем в понимании и, если хотите, в познании характера, творчества, да и всей жизни Валентина Пикуля.

Новинка от Пикуля вновь оживила фразу «Книга — лучший подарок».

«Скучное, многословное, рыхлое повествование» (по Оскоцкому) расхватывали в один момент...

Книга пошла к читателю. Пышные фразы разгромных необъективных рецензий увяли, а интерес к книге и спрос на неё не ослабевает до сих пор...

— На этом романе я многому научился, помудрел, чтобы... лучше учиться дальше. Если найдётся такой писатель, — рассуждал Пикуль, — который скажет, что он научился писать, ему надо бросать литературу, ибо он уже не писатель! Писатель только тот, кто не умеет писать и потому всегда учится писать...

Все настоящие писатели умирают учениками и уносят в могилу ту книгу, которая должна потрясти мир...

Глава двадцать первая. Воплотить свою мечту

В августе из издательства «Молодая гвардия» прибыли редактор А. Ф. Гремицкая и художественный редактор А. Б. Романова. Со следующего дня начали работу по двухтомнику миниатюр. Валентин Саввич вместе с Агнессой Фёдоровной занимались текстами, а Анна Борисовна отбирала портреты для миниатюр из коллекции автора. Было отобрано около девяноста портретов, которые редакторы взяли с собой для пересъёмки. Работа была проделана огромная, достаточно утомительная, но очень интересная. Была поднята масса материала, выбраны наиболее удачные и редкие экземпляры.

При отборе портретов Валентин Саввич рассказывал о каждом из них: историю создания, об эпизодах жизни изображённой личности, о поисках портрета и нередко разгадке его появления...

Печально, что Валентин Саввич не успел увидеть вышедший только в 1991 году двухтомник исторических миниатюр, который сам с любовью готовил и с нетерпением ожидал выхода в свет.

— Ты много помогала мне в составлении и подготовке этого двухтомника, поэтому я хочу его посвятить тебе и сделал надпись: «Тосе — моему первому читателю, первому редактору и первому критику, как всегда — с любовью. Автор».

В этом издании практически все миниатюры были впервые собраны воедино и сопровождались репродукциями портретов из коллекции автора.

Подготовительная работа с редакторами из «Молодой гвардии» так захватила Пикуля, что после сдачи томов в производство он поделился со мной:

— Ты знаешь, появилось огромное желание продолжить работу над миниатюрами и написать ещё один том. Как ты на это смотришь?

— В общем приветствую, — ответила я. — Но тогда ты удержишь сдачу в редакцию рукописи «Барбароссы».

— Ничего, подождут, — продолжал он. — Просто я сейчас ещё более почувствовал, что миниатюры — совсем не пустяк. А напишу я третий том быстро, за зиму, потому что он у меня в голове. А весной сяду за Сталинград.

С 11 ноября 1989 года Валентин Саввич приступил к работе над очередным томом миниатюр. Как и запланировал, Пикуль всю зиму посвятил только им.

О пикулевских исторических миниатюрах сказать, конечно, надо. Я сделаю это в следующей главе. А здесь мне хотелось поделиться своими переживаниями, связанными с настроением писателя в процессе создания своих минипроизведений.

Когда Валентин работал над каким-нибудь романом, то короткое отвлечение на миниатюру было для него действительно отдыхом, на время выводящим его сознание из однообразия описываемой эпохи. Пикуль как бы оживал, у него поднималось настроение.

Но когда началась напряжённая работа исключительно над миниатюрами, которые шли одна за другой, то здесь проявились новые психологические нюансы.

Большинство миниатюр давались легко... Физически... Но только сейчас я до конца поняла недопустимость такой сумасшедшей работы. Что такое за ночь написанная миниатюра? Это спрессованная и пережитая автором за одну ночь сложная жизнь и часто трагическая судьба героя... Это радость удовлетворения за удавшийся труд... В следующую ночь рождается, проносит по жизни свой крест и умирает,

забытый всеми, другой герой... Что-то в миниатюре не так... Радость предыдущей ночи сменяется писательской неудовлетворённостью собой...

И хотя Валентин, как мне казалось, оставался прежним, появилось ощущение какой-то непредсказуемости его настроения.

Во время работы над миниатюрами у него на столе оставалось множество цитат, записок, заметок, вариантов фраз, по тем или иным причинам не включённых в произведение.

Вот они:

«Писать надо — как пишут предсмертное завещание: честно, открыто, без похвалы себе и другим».

«Есть ходовая фраза — писатель в своих книгах. По-моему, это — мура и глупость. Нигде писатель не маскирует самого себя, как именно в своих книгах. Почитайте книгу, а потом поговорите с писателем: вы увидите, как не вяжутся книжные образы с тем, что говорил вам писатель... Заранее предупреждаю на случай моей смерти: я себя в своих романах не отразил, хотя в одном из них даже вставил подлинный текст письма ко мне любящей женщины, которая потом меня бросила...»

«В России прежде надо умереть человеку, чтобы его признали. Очень уж любят у нас покойничков! Тихие они лежат в фобах, не скандалят, ничего не просят».

«Мне уже немало лет. Но хотел бы я жить долго-долго... Даже не для того, чтобы писать. А лишь для того, чтобы учиться... учиться и учиться! Учиться — это самое великое счастье в жизни.

На этом — прощайте, мои дорогие читатели.

Я остаюсь с вами».

Согласитесь, невесёлая тематика, даже если сделать скидку на то, что, может быть, часть из сказанного предназначалась для уст героев миниатюр.

В те дни я проявляла большую активность, стараясь чаще отрывать его от стола. Он соглашался на небольшие вечерние прогулки, но на более продолжительные отвлечения от работы время терять не желал. Не соблазнялся даже походом на «чёрный» рынок и в букинистический магазин. Просил меня сходить одной. И, поясняя, что ему надо торопиться, сказал фразу, которую я не запомнила дословно, но впоследствии нашла написанной на листке.

«Старость застигает человека врасплох... Теперь речь не о том, чтобы сказать, время требует досказать».

В одно декабрьское утро обнаружила на столе предназначенное мне послание. Сверху ярким фломастером:

«Тосе — на память», внизу подпись — В. Пикуль.

Отпечатанный на машинке и затем правленный им текст гласил:

«Всё поругано, предано, продано...

Когда засыпают окна соседних домов, а улицы города, чёрные и грязные, становятся жутко-нелюдимы, будто нейтронный смерч уже поверг всё живое, в такие вечера душного предночья, задавая себе вопросы, на которые не дать ответа, думается чересчур жестоко. Извечная тема: что есть истина? По опыту жизни я давно извещён, что истины нет, она разбита в куски на триумфальных магистралях нашего идиотского века. А память подсказывает крутню вертушек магнитофонов, обилие юрких интервьюеров с чёрными гранатами микрофонов в руках, которые они суют тебе в морду — ради заключительной концовки:

— Скажите, если бы вам удалось повторить свою жизнь, вы бы, конечно, избрали свой прежний путь?

О, с каким наслаждением я ответил бы:

— Нет и никогда...

В самом деле: где взять сил, чтобы пройти заново те дороги, которые сам же выбирал? Я не доктор Фауст,

но, явись Мефистофель, я не стану просить его, чтобы вернул мне очарование молодости, ибо не знал раньше, как не знаю и сейчас — почему я выжил тогда, в молодости, и почему я живу сейчас, на пороге старости?»

— Что это за листок? — прочитав, спросила я.

— Это тебе на память. Почитай, вдумайся, и позже мы о нём поговорим.

Спустя несколько дней, я попыталась вернуться к этой теме, но Пикуль сказал, что время для такого разговора ещё не пришло.

Так и остался этот листок памятной загадкой Валентина...

С позиций сегодняшнего дня отчётливей понимается, как трудно было жить и работать писателю, изо дня в день, из ночи в ночь окружённому подобными глубокими, но тяжёлыми мыслями и проблемами.

А Пикуль жил и работал...

Глава двадцать вторая. **Многоцветный венок Валентина** **Пикуля**

Гордиться славою предков

«Не берусь точно определить жанр предлагаемых мною исторических очерков, которые не рискну назвать историческими рассказами. Я всегда их называю историческими миниатюрами, и, смею думать, вряд ли ошибаюсь...»

Исторические миниатюры Валентина Пикуля... Эта грань творчества писателя требует отдельного разговора.

Что представляет собой миниатюра? По своему жанру это не рассказы и не эссе — это, скорее всего, особый вид литературы — ультракороткие романы, вошедшие в моду нашей исторической словесности сравнительно недавно, в которых биография личности спрессована до предела выразительности.

Подобно очерку, миниатюра несёт в себе чёткий сюжет и идею, строится на точных исторических фактах и отвечает всем задачам художественного произведения.

Каждая миниатюра — это мгновение остановившегося движения истории: в ней не только судьба персонажа, его жизнь и радость бытия, но и частица собственной жизни писателя, ибо, «пропуская» через себя миниатюру, он отдавал герою и свои чувства: любовь или ненависть, добро и щедрость, душу и сердце.

Читатель уже привык к появлению в творчестве Пикуля этого жанра на самые разнообразные темы.

Некоторые миниатюры писались очень быстро — некоторые требовали десятки лет для накопления и изучения материала.

«Очень хорошо, когда человек ещё на заре своей юности ставит перед собой цель и потом всю жизнь достигает её; в таких случаях он не останавливается до тех пор, пока не остановится его сердце. Люблю таких людей: они отвечают моему представлению о человеке» — так писал Валентин Саввич в одной из своих миниатюр. В этой фразе не только автобиография автора — в ней дань уважения скромным труженикам, фанатично преданным любимому делу и оставившим заметный след в многотрудной истории нашего Отечества.

Из уст критиков в адрес Пикуля часто слышались упрёки в перегруженности его исторических романов действующими лицами.

Для умного человека в этих упрёках восхищение! Ведь в исторических произведениях именно недостаток, а не избыток разысканных материалов требует фантазии и вымысла.

У Пикуля было наоборот.

Щадя читателя, умело дозируя информацию, автор исторических романов не останавливался подробно на некоторых личностях, причастных к описываемым событиям. Но собранный материал оказывался настолько богатым, что Валентин не мог лишить читателей удовольствия познакомиться с ним, тем более что каждый персонаж был весьма достоин пера историка.

Естественно, Пикуль не в силах был написать столько романов и повестей о замечательных предках, поэтому на тринадцать — двадцати страницах он рассказывал о деяниях человека и его заслугах перед Отечеством. Так возникла литературная портретная

галерея, которую Пикуль назвал историческими миниатюрами.

В ней он открыл сотни, а может быть, и тысячи имён, почти стёртых из нашей памяти, от которых незаслуженно, несправедливо, а может, нечаянно отвернулась Россия.

Друзья по литературному цеху, прочитав очередную миниатюру, спрашивали его:

— Ты что, изменил роману?

Нет и нет! Своему роману-хронике он остался верен до конца. Но материала в голове накопилось так много, что надо быстрее его выплеснуть на бумагу: в очередную миниатюру, чтобы получился ещё один том миниатюр — о замечательных личностях.

Миниатюры весьма различаются по тематике, сюжету и форме. Объединяют их лишь только литературное обаяние и историческая ценность судеб людей, наших предков, посвятивших свою жизнь на пользу Отечества.

Самое большое количество миниатюр Пикуль написал в последние три года.

Впервые шесть миниатюр были опубликованы в сборнике «Пером и шпагой», а первый сборник миниатюр вышел в 1976 году в издательстве «Детская литература», который Пикуль очень точно назвал «Из старой шкатулки».

Книга посвящена памяти бабушки, которая сыграла огромную роль в его жизни: «Памяти моей бабушки — псковской крестьянки Василисы Минаевны Карениной, которая всю свою долгую жизнь прожила не для себя, а для людей: ей, скромной труженице, я посвящаю эту книгу».

В шкатулку Пикуль поместил 27 портретов исторических личностей «очень несхожих друг с другом. Одни из них действительно были замечательными людьми, исторические заслуги

которых стоит высоко оценивать. Другие в истории России не сыграли сколь-нибудь значительной роли, но те или иные стороны их деятельности, их окружение, даже негативные их качества заслуживают внимания».

Вот этих людей Валентин Пикуль и извлекает из своей старой шкатулки, любовно стряхивает с них пыль десятилетий и веков и старается представить их читателю такими, какими, по его мнению, они были в действительности.

Все исторические миниатюры Пикуль написал на основании исторических документов и материалов, имеющих в своей библиотеке.

Портреты исторических лиц взяты из коллекции писателя.

Вызывают гордость и симпатию подвиги русских солдат под руководством полководцев: П. С. Салтыкова, П. А. Румянцева-Задунайского, М. И. Голенищева-Кутузова, А. В. Суворова, М. Д. Скобелева, В. М. Долгорукого-Крымского, М. И. Драгомирова.

Флот и армия были той силой, на которой Россия уверенно покоилась. Создавая *мужественные образы военных деятелей*, Пикуль удалось воссоздать объективный исторический процесс во всей его сложности и объективности.

В миниатюре «Конная артиллерия — марш, марш!» писатель говорит: «А ведь мы, читатель, совсем забыли о Ко-стенецком!»

«Василий Великий» — так прозвали Костенецкого современники за его храбрость и образ жизни, который вызывал всеобщее удивление. В войне 1812 года он и его батарея проявили чудеса героизма и отваги. Европа рукоплескала русскому воинству, вступившему в Париж.

Напомню любопытную деталь: в битве при Аустерлице в руки французов попало четыре русских орудия. Костенецкий вместе с солдатом-богатырём

Масловым врубился в гущу врагов, обратив французов в бегство и спас пушки.

«После Аустерлица, — узнаёт читатель, — император водрузил в Париже Вандомскую колонну, отлитую из трофейных орудий, но в металлическом сплаве этого памятника не было пушечной бронзы батарей Костенецкого...»

«Из Ваших миниатюр я извлёк удивительных людей, о которых кое-что слышал, но ничего подобного не знал, — пишет москвич Кренделев Виктор Алексеевич, начальник лаборатории Института физики высоких энергий. — Вчера был в музее “Бородинская битва”. Экскурсовод подвела к портрету Я. П. Кульнева и сказала: “Это первый русский генерал, погибший в начале войны 1812 года”.

Я не удержался и спросил:

— И это всё? Неужели он известен только тем, что первым погиб на войне?

— Для экскурсантов мы указываем только на это обстоятельство, — холодно ответил экскурсовод».

«Валентин Саввич, — просит читатель, — напишите миниатюры обо всех русских генералах, портреты которых висят в Военной галерее Зимнего Дворца. Это только Вам под силу. Вот было бы здорово!»

Что касается личности легендарного генерала Якова Петровича Кульнева, — у автора к нему было отношение особенное: могила его находится на территории Латвии.

Не единожды склонял Пикуль голову у гробницы Я. П. Кульнева. Читая миниатюру о Кульневе, мы узнаём об удивительном приказе, пришедшем из Стокгольма в шведскую армию, сражающуюся против России: «В генерала Кульнева не стрелять!» Бесстрашный русский военачальник был удостоен этой чести за рыцарское, высокогуманное обращение с побеждённым врагом («Жизнь генерала-рыцаря»).

Нельзя остаться равнодушным, читая миниатюру о П. С. Котляревском («Воин, метеору подобный»). Имеется в виду эпизод, когда 150 русских солдат выдержали натиск 40-тысячной армии персов и сумели уйти от врага. Персы кинулись за ними в погоню, но дорогу русскому войску перегородил ров. Солдаты ложились в ров, и по живым телам прошёл батальон с пушками. Лишь двое поднялись из рва, все остальные погибли...

Миниатюру «Воин, метеору подобный» Валентин Саввич заканчивает словами: «Как мало я сказал о нём!» «А как много я узнал о главном герое — генерале Котляревском!» — воскликнет благодарный читатель!..

Так бы и пропал герой Чесмы Д. С. Ильин в забвении, если бы не было такой прекрасной науки, как история, и можно добавить: таких равнодушных писателей, как Валентин Пикуль.

Завистники оклеветали храбреца. Историк пишет: «Не погибший в Чесменском бою, Ильин погиб от тех, кто захватил его славу, а те, в свою очередь, выбросив Ильина, торжествовали...»

«Слава Чесмы была поделена между другими! Его имя предали вековому забвению...» — заканчивает миниатюру Пикуль («Лейтенант Ильин был»).

Пикуль любит своих героев, гордится их подвигами. При взятии Ор-Капу (Перекопа) на вал крепости взобрался первый русский солдат. Миних попросил привести героя.

— Неужели это ты на вал вскарабкался?

Перед ним стоял... мальчик.

— Солдат Василий Михайлов, — назвался он.

Миних расцеловал его в щёки, грязные и кислые от пороха.

— Сколь же лет тебе, храбрец?

— Четырнадцать. А служу второй годочек.

Миних отцепил от пояса Манштейна офицерскую шпагу и перекинул её солдату. Свой белый шарф повязал ему на поясе.

— Хвалю! Носи! Ступай! Служи! («Солдат Василий Михайлов»).

В 1983 году Детгиз снова выпустил сборник «Миниатюры», содержащий уже 37 произведений, куда вошёл и рассказ «В гостях у имама Шамиля».

Почти после каждой публикации в периодике или после выхода книги приходили весточки от читателей, в которых они благодарили и дополняли сведения краеведческими материалами о жизни героев.

Вот, к примеру, письмо Анатолия Елдашева из Казани:

«Прочитал великолепно написанный сборник “Миниатюры”. Там помещена миниатюра о третьем имаме Дагестана и Чечни Шамиле. Ввиду того, что его сын проживал в Казани, хочу Вам сообщить данные о доме, где проживала его семья. Жители Казани так и называют его — “Дом Шамиля”.

Построен он в конце XIX века по проекту Г. Руша и Ф. Амлонга. Ныне дом № 74 по улице Тукаевской (названа в честь татарского поэта Г. Тукая).

Архитектурный памятник находится в нижней, юго-западной части города. Двухэтажное каменное здание, по плану квадратное, имеет нижний этаж, где располагались служебные помещения и комнаты для прислуги, а жилой этаж — верхний. Наиболее богатым является главный фасад, обогащённый большим эркером над парадным подъездом. Дом был построен по заказу крупного татарского купца Апакова, дочь которого была замужем за сыном Шамиля.

Возможно, уважаемый Валентин Саввич, эти данные Вас заинтересуют и будут полезны. Я буду этому только рад».

Многие миниатюры после написания прошли длительный испытательный срок, находясь в столе писателя.

О выдающемся русском полководце Михаиле Дмитриевиче Скобелеве на протяжении многих десятилетий хранилось долгое молчание. Причины называли разные: завоеватель Средней Азии, личность сложная, противоречивая и независимая.

Успешные действия войск под командованием Скобелева в борьбе против турецкого ига по освобождению болгар принесли ему огромную популярность и в России, и в Болгарии. Отмечая военные заслуги Скобелева, Пикуль приводит интервью с болгарскими и сербскими студентами, которое было опубликовано в газетах и вызвало резкое осуждение политиканов. А после смерти Пикуля ответ Скобелева хотели вычеркнуть из рукописи:

«— Если вы хотите, чтобы я назвал вам врага, опасного не только вам, но и всей России, я назову его. Это — Германия, и борьба славянского мира с тевтонами неизбежна... Она будет длительна, кровава, но я верю в нашу победу... Я, — продолжал Скобелев, — объясню вам, почему Россия не всегда на высоте своих задач в объединении мира славянства. Мы, русские, уже не хозяева в своём доме! Немец проник всюду, мы стали рабами его могущества. Но рано или поздно избавимся от его паразитического влияния, но сделать это мы можем не иначе, как с оружием в руках...»

Ни один печатный орган не хотел публиковать миниатюру «Генерал на белом коне» — о Михаиле Дмитриевиче Скобелеве. Это табу нарушил русско-болгарский журнал «Дружба» — впервые опубликовав её на своих страницах.

В жизни писателя не было мирных дней: на страницах его рукописей полыхали войны и сражения, плелись заговоры и бушевали эпидемии, боролись

любовь и ненависть, а фронт всегда проходил через его сердце.

Была у Валентина и другая любимая тема, его козырная карта — *история дипломатии*. Хитросплетения политики войн, тайные пружины дипломатии раскрыты Пикулем в романах «Пером и шпагой» и «Битва железных канцлеров» и во многих дипломатических миниатюрах.

«Можно не помнить о подвиге жизни англичанина Ричарда Ченслера при жизни Ивана Грозного, но стоило бы почаще вспоминать о боевом содружестве двух великих наций в общей борьбе против фашизма», — делает вывод Пикуль в миниатюре «Дорогой Ричарда Ченслера».

Колоритная фигура Алексея Борисовича князя Лобанова-Ростовского давно привлекала Пикуля. Чрезвычайный посланник в Турции, А. Б. Лобанов-Ростовский спас от истребления черногорцев и сумел повлиять на турецкого султана, чтобы тот оставил в покое народ Ливана («Потомок Владимира Мономаха»).

Русская дипломатическая миссия в Лондоне «под скрип гусиных перьев» выиграла войну, когда для нападения на Россию уже была снаряжена эскадра из тридцати шести линейных кораблей, двенадцати фрегатов и полсотни бригов («Старые гусиные перья»).

В кризисные моменты истории Россия не раз приходила на помощь Америке. В 1863 году, когда там шла гражданская война, Россия протянула ей руку помощи. Это был замечательный манёвр русской дипломатии, поддержавшей Авраама Линкольна. Рейд эскадры адмирала С. С. Лесовского помог Америке выстоять в борьбе против внешних и внутренних врагов («Полёт шмеля над морем»).

Доктор исторических наук профессор В. Н. Ганичев дал высокую оценку миниатюрам Пикуля:

«При взгляде на творчество Валентина Саввича Пикуля мне вспоминается умение работать в разных жанрах: объёмные, многонаселённые панорамные романы, динамические романтические повести и изящные, сверкающие остроумием миниатюры — всё принадлежит одному автору...

В миниатюрах В. С. Пикуля рассыпаны не только факты, в них высвечивается событие с неизвестной раньше точки зрения... А это важно, ибо пробуждает мысль, встряхивает воображение, делает понимание события объёмным и более глубоким...»

В своих миниатюрах Пикуль тяготеет к личностям *незаурядным, выдающимся*, достойным вечной памяти потомков.

Миниатюра «Михаил Константинович Сидоров» вошла во все издания миниатюр. Пикуль высоко чтит своего героя за его выдающиеся деяния на службе Родине.

Заканчивая миниатюру о Сидорове, Пикуль пишет: «Так закончилась эпопея героической борьбы одного человека с косностью имперской бюрократии. Никаких миллионов не хватило на завершение того, что задумал он в юности. Оказалось мало даже неукротимой энергии Сидорова, чтобы протаранить неприступные форты имперско-казённого равнодушия.

На склоне лет Сидоров писал: “Я не встречал ни в ком сочувствия к своей мысли, на меня смотрели, как на фантазёра, который жертвует всем своей несбыточной мечте. Трудна была борьба с общим мнением, но в этой борьбе меня воодушевляла мысль, что если я достигну цели, то мои труды и жертвования оценит потомство!”»

Трудно сказать, вернее — не могу ответить — оценили ли? Хотя Пикуль мечтал о том, что Сидорову ещё будет поставлен памятник.

Стоять ему на полярном берегу — лицом к арктическим льдам, разрушаемым форштевнями ледоколов, а за спиной дерзкого мечтателя пусть высятся ажурные вышки Ухтинских нефтепромыслов и угольные шахты Воркуты и шахтёры Норильска добывают ценные металлы.

Велик был сей человек! Вот уж воистину велик!»

Насколько же благородней создавать памятники, чем их разрушать...

Казалось бы, краоведам нужно было приветствовать любое произведение, написанное об их крае. На деле же у многих получалось наоборот. За что бы ни брался Валентин — они чаще всего осуждали его или намекали, что нужно сначала обратиться к ним — выслушать их советы, ибо писать об их крае — дело краеведов, а не писателя-беллетриста.

Сейчас много говорят о катаклизмах в природе, и действительно, они происходят очень часто, и поэтому уместно вспомнить «отца русской сейсмологии» — Бориса Борисовича Голицына. Все свои знания и опыт он вложил в создание прибора, способного фиксировать самые отдалённые колебания земной коры. Только за 40 дней (1906 года) его приборы зафиксировали 14 сотрясений планеты. Человек разносторонне одарённый, он помогал Игорю Сикорскому в создании многомоторного великана чудес — «Ильи Муромца». Род Голицыных дал миру немало писателей, музыкантов, дипломатов, полководцев, общественных деятелей. Среди своих предков Б. Б. Голицын занимает почётное место («Мичман флота в отставке»).

Такова судьба большинства персонажей миниатюр Пикуля, что не личность — то герой!

«Из тёмной глубины XVII столетия, словно из пропасти, нам уже давно светят притягательно и загадочно, пронзительные глаза протопопа Аввакума — писателя, которого мы высоко чтим» — так начинается

Пикуль миниатюру о протопопе Аввакуме. Этот властитель дум старообрядцев бесстрашно обличал феодальные верхи, светскую и духовную власть, пороки общества, за что был заживо сожжён («Аввакум в печи огненной»).

С большой любовью и теплотой пишет Валентин об историке и издателе журнала «Исторический вестник» Сергее Николаевиче Шубинском. Как много сделал этот учёный муж в деле просвещения и пропаганды истории Отечества! Заканчивая миниатюру («Генерал от истории»), писатель размышляет о сегодняшнем дне: «И не сегодня, и не вчера возникла громадная нужда в таком историческом журнале. Пусть это не будет «Исторический вестник» Шубинского, и всё-таки пусть это будет исторический вестник для всех нас...»

«Жизнь человека подобна геометрической синусоиде: вверх-вниз, за взлётом следует неизбежное падение», — говорит герой миниатюры Николай Владимирович Унковский, талантливый и известный в прошлом певец и актёр. Синусоида жизни Унковского подтвердила его правоту: вслед за успехом «оперного Плавучего театра Н. В. Унковского» наступило полное разорение и забвение. Жизнь Унковского оборвалась слишком рано — в 47 лет («Синусоида жизни человеческой»).

Некоторые исторические миниатюры Пикуля читаются как *приключенческие истории*, заставляющие задуматься над превратностями человеческих судеб.

О Морице Августе Бениовском (Беньовском) Пикуль задумал написать авантурный роман, уж очень колоритная фигура. В своё время он «взбаламутил двор Версаля, задал хлопот и русской императрице; Джордж Вашингтон и Вениамин Франклин считали его своим другом; морская слава Бениовского соперничала со славой Лаперуза и даже Кука; до сих пор польские, французские, венгерские и английские историки

изучают жизнь этого странного человека», — писал Пикуль.

Этот высокообразованный человек, владевший несколькими языками, но чрезвычайно сметливый и изворотливый, нарушил «честное слово», за что и был сослан в Казань, а впоследствии на Камчатку. Отсюда и начались его приключения...

А свою жизнь Бениовский закончил великим королем Мадагаскара. Долгое время на Мадагаскаре помнили о нём...

Разные эпохи, разные мнения, разные судьбы... Каждый из героев миниатюр несёт в себе какой-то заряд — положительный или отрицательный. Пикуль нередко рисовал портреты персонажей, лежащих по другую сторону его симпатий (Аракчеев, Утин, Политковский, Клейгельс, Красовский).

«Отрицательные явления в истории, — говорит он в миниатюре «Пасхальный барон Пасхин», — достойны такого же внимания, как и положительные. Иногда в отрицательном, будто в фокусе, заключена вся сумма достоверных черт времени»...

Да, судить историю бессмысленно, у неё просто надо учиться...

Учиться в том числе и обходить цензуру. Напомним слова Валентина Пикуля, что цензура «убила писателей гораздо больше, нежели их пало на дуэлях или в сражениях». Эти слова, конечно, написаны под влиянием ощущения особой щепетильности, с которой относилась современная цензура к автору «Нечистой силы». Но цензуру, как оказалось, с помощью миниатюр можно и обмануть. То, что непозволительно было говорить Пикулю от своего имени, прорывалось из уст исторических личностей. И пикулевские герои из глубины веков «резали правду-матку» в глаза ныне здравствующим потомкам, живущим на новом витке повторяющейся, как известно, истории...

«Почему это у нас дураки в Сенате заседают, а умных людей в тюрьмах содержат?» — вопрошал Бичурин («Железные чётки»).

А кто осмелится возражать, если говорит сам император Александр II:

«Господа, прежний бюрократический метод управления великим государством, каковым является наша Россия, считайте, закончился. Пора одуматься! Хватит обрастать канцеляриями, от которых прибыли казне не бывает, пора решительно покончить с бесполезным чистописанием под диктовку начальства... Думайте!»

Читая прессу и видя, как сегодня почти ежедневно привлекаются к ответственности высокопоставленные начальники за взятки и расхитительство народного добра, приходишь к выводу, что в нашем мире мало что изменилось: воровство, бюрократизм, взяточничество, возведённое в ранг закона, процветает и поныне на фоне общего обнищания народа.

А в слова Лобанова-Ростовского («Потомок Владимира Мономаха») Пикуль вкладывает мысль, поясняющую его любовь к выбранному жанру:

«Днями, встречая подлецов и мерзавцев, я по ночам зарываюсь в прошлое России, отдыхая душой на привлекательных чертах предков, которые ограждены от злословия потомков надгробной плитой из мрамора...»

Пикулью часто становилось страшно, что изменить что-либо в дне сегодняшнем он не в силах, поэтому на примерах своих любимых героев он показывал, как было в истории, какие были талантливые люди, которые не продавались ни за какие деньги...

Есть среди пикулевских миниатюр — *событийные*, которые не имеют конкретного героя («Ничего, синьор, ничего, синьорита» или «Куда делась наша тарелка?»). Вернее, герой есть, но таковым является народ. И здесь

Пикуль верен себе: захватывающие сюжеты с необычными поворотами, дающие пищу жадному уму, и, как всегда, оригинальные концовки, заставляющие задуматься и над собственной жизнью и судьбой.

Остановим свое внимание на миниатюре «Ничего, синьор, ничего, синьорита», когда русские моряки в декабре 1908 года пришли на помощь итальянцам после землетрясения в Мессине. За считанные секунды там было погребено 160 тысяч человеческих жизней. Итальянская газета писала: «В истории Мессины были тысячи страниц человеческой доброты и щедрости. Но самую первую, самую вечную и самую нетленную страницу в истории вписали они — светловолосые славяне столь сдержанные на вид и отзывчивые на деле».

Прочитав миниатюру, протоиерей из Ярославля Борис Георгиевич Старк прислал Пикулью воспоминания своего отца — Георгия (Юрия) Карловича, служившего в 1910-1912 годах старшим офицером на крейсере «Аврора». В спасении итальянцев при землетрясении «Аврора» участия не принимала — была в этот период в Петербурге в доке, но, курсируя в Средиземном море в 1911 году, была послана в Мессину для получения памятной медали, которую город Мессина изготовил для моряков Балтийского флота, принимавших участие в спасении жителей:

«16 февраля 1911 года. Пришли в Мессину и отшвартовались к деревянной пристани, специально построенной для нас. На берегу непрекращающиеся крики: “Ура!” и “Виво Руссо!..”

17 февраля...В три часа приехала депутация для вручения нам медали. При передаче говорили много речей, отвечал им командир. Медаль очень красивая и вставлена в красивую рамку. После принятия медали все делегации были приглашены в кают-компанию, где мы подали им шампанское. Командир предоставил мне

сказать речь, и я сказал по-итальянски. Эту речь по моей просьбе составил наш консул. Я её вызубрил... После всем было разрешено осматривать корабль. После обеда часть офицеров и 11 человек команды уехали в театр, где в нашу честь был устроен спектакль...

18 февраля... Днём у нас был приём с танцами, который начался около 3 часов дня и только в половине десятого уехали последние гости... Вечером наши офицеры были на балу...

Перед уходом нам прислали в дорогу 1800 апельсинов и столько же лимонов. Всё это разделили между офицерами и командой...»

А как злободневно звучит миниатюра «Деньги тоже стреляют». Подорвать экономику любой страны можно не только пушками: достаточно забросать страну фальшивыми ассигнациями.

«Деньги — дело серьёзное! С ними всегда надобно обращаться осторожно, как с оружием, которое всегда заряжено. Деньги иногда стреляют!» — предупреждает автор.

Пикуль прав, современная действительность подтвердила его провидческие слова...

В пикулевской энциклопедии человеческих душ нашлось место королю и генералу, писателю и художнику, врачу и учёному, библиотекарю и учителю, балерине и композитору, дипломату и юристу, печнику и закройщице, простолюдину и... в общем, легче перечислить, кому не нашлось.

Конечно, героев легче найти среди мужественных генералов и адмиралов, но Пикуль в миниатюрах открыл *плеяду представительниц слабого пола*, достойно занявших место в ряду плодотворных творцов величия нашей истории.

Да так в этом деле поднаторел, что собирался написать ещё один том и посвятить его

знаменательным женщинам. Как подчёркивал сам писатель — большая часть успеха мужчины зависит от женщины, семейного очага, уюта и настроения автора на работу...

Перед глазами читателя проходят героини разных сословий и времён: тут и королева Бона Сфорца («Последние из Ягеллонов»), и модель картины Рембрандта «Даная», и французская писательница де Сталь («Коринна в России»), и графиня Самойлова («Удаляющаяся с бала»).

С большой любовью и теплотой написаны женские портреты, будь то хранительница домашнего очага, жена известного скульптора-анималиста Клодта («Наша милая, милая Уленька»), или основательница научной гинекологии в России Смарагда Голицына («Славное имя — берегиня»).

Женщина-мать! От неё во многом зависит благополучие в семье, в самой маленькой, но едва ли не самой главной ячейки общества. Иногда совсем неожиданные строчки пикулевских миниатюр будоражили читательские эмоции, заставляя поразмыслить над весьма серьёзной проблемой нашего времени — о браке и семье, а тем самым над судьбой каждого из нас.

Перекидывая мостик из прошлого в настоящее, писатель подчёркивает, что женщина достойна того, чтобы стоять выше мужчин.

У древних славян было глубочайшее почитание женщины, которую называли прекрасным словом — берегиня. Это многозначное слово вмещало в себя разные понятия: хозяйки, супруги и дипломата в семье, который разрешает сложные житейские конфликты.

Тема непреходящих человеческих ценностей с особой силой звучит в миниатюре о Венере Милосской («Что держала в руке Венера»). Отрытая из земли, обезображенная грабителями, Венера Милоссская и в

наше время предстаёт перед нами как символ бессмертной красоты.

Своих героев Валентин «знал в лицо» и писал о них, имея перед собой портрет героя и исчерпывающую информацию, начиная с рождения и до смерти.

Быстрая река времени размывает берега прошлого. Прошлое быстро уходит, и надо сохранить для потомков имена и деяния героев истории, чтобы мы по-новому могли взглянуть на дела и нынешние времена.

Последние миниатюры Валентина Пикуля

В последний период жизни миниатюры заняли в творчестве писателя самое почётное место. Уже после ухода писателя я подготовила к печати третий том исторических миниатюр, оставленных незавершёнными или в черновом варианте.

Сама не знаю, почему так получилось, но последний год жизни Валентина зафиксирован мною в дневнике особенно подробно.

Приведу фрагменты записей, сделанных в феврале 1990 года:

«1 февраля написал небольшую миниатюру “Ярославские страдания”, в которой с большой любовью и мягким юмором описывает провинциальный Ярославль середины девятнадцатого века и рассказывает о судьбе отставного поручика Семёна Самойлова. Просил меня принести из библиотеки старинный путеводитель по Ярославлю.

2—3 февраля работал над миниатюрой “Мангазея — златокипящая”. Накануне подбирала литературу по списку. 2 февраля перед ночной “вахтой” Валентин Саввич рассказывал о быте мангазейцев. Мне никак не верилось, что в такие далёкие времена на любимом

Пикуле Севере так прекрасно жили люди и имели крупные достижения в технике».

Ночная «почта» принесла такие вести:

«03.15. Дочка! Закончил отбой о том, как жили в Манга-зее. Ещё писать три отбоя: — Вражда воевод;

— Пожар и явление гроба с Васей;

— Оставление Мангазеи. Эпилог.

— Когда-то я тебе в библиотеку отдал труды С. В. Бахрушина. Мне нужен третий том, принеси, там легенда о Василии Мангазейском. Прочти “Летопись Севера” — на столе и посмотри схему морского пути в Мангазею. Больше писать сегодня не буду. Может быть, побреюсь...

04.00. Побрился.

05.55. Попробую уснуть...»

Из библиотеки принесла Бахрушина и ещё две книги. Миниатюра не закончена, вернее не получилась, как задумывал её автор. Требуется доработка.

«4–6 февраля Валентин работает над миниатюрой “Вологодский полтергейст”, которая явилась откликом на передачу о “барабашках”. Он вспомнил, что в прошлые времена тоже бывали подобные случаи. Долго расспрашивал меня о Вологде, какие храмы сохранились, как выглядит центральная часть города и окраины. Потом рассматривал старинный путеводитель, стараясь определить то место, где происходили события. Просил выяснить — как точно называется место — Фрязино или Фрязиново.

7–9 февраля — “Русский аббат в Париже”. Миниатюра шла тяжело, хотя материал весь знаком. За одну ночь не мог осилить.

8–9 февраля. На столе лежала записка: “Сегодня писал и не мог остановиться, как будто кто-то подгонял...”

04.05 закончил. Травлю пар. Завариваю чай. Вымыл газовую плиту. Похвали!

Впоследствии название миниатюры было изменено. Она печаталась в собрании сочинений под названием “Как трава в поле...”

10—11 февраля — писал миниатюру об Александре Ивановиче Лужкове — почётном члене Императорской академии наук, в прошлом — библиотекаре и хранителе резных камней в Эрмитаже в царствование Екатерины Великой. Долго искал название миниатюре и, наконец, нашёл удачный заголовок: “Бесплатный могильщик”. Доволен. Миниатюра получилась — так оценил написанное автор.

12—14 февраля работает над миниатюрой о Якове Карловиче Гроте, филологе, академике Петровской академии наук, заслуги и труды которого Пикуль высоко ценил. Утром на моём столе лежал портрет Грота с его стихами:

Я перед ангелом благим
Добру и правде обещаю
Всегда служить пером моим...

14—15 февраля писал “Сандуновские бани”. Симпатизирует героям: Елизавете Семёновне Сандуновой, талантливой русской певице и её мужу артисту Силе Николаевичу Сандунову.

Трудно давалось начало миниатюры, которое бы отражало сущность сделанного Сандуновыми, но не нашёл и начал так: “Наверное, и не следовало бы именно так называть миниатюру, но дело в том, что Сандуновские бани в Москве всем известны, а вот о супругах Сандуновых мы позабыли... Жаль!”»

15—17 февраля снова изучает династию Демидовых. Материал ему известен, но, чтобы миниатюра получилась — нужны какие-то мельчайшие детали...

Пикуль попросил посмотреть «Русский архив», воспоминания Сви-ньина, Шубинского, Карновича.

Многие строчки посвящены основателю Демидовских премий Павлу Николаевичу Демидову, который обязался при жизни своей и четверть века посмертно жертвовать на премии по пять тысяч рублей за труды по науке, технике, литературе, искусству, «учёным или путешественникам, кои обогатили своими трудами кладезь народной мудрости».

Утром на столе лежала записка:

«07.05. Миниатюру (“Демидовы”) закончил на последнем издыхании... Всего 13 стр., но, кажется, получилась. Прочти!

Завтра берусь за Прокофия Акинфиевича...»

18—23 февраля написал вчерне «Цыц и перецыц». При работе над миниатюрой чувствовал усталость и дискомфорт-ность. Может быть, и образ Прокофия Акинфиевича Демидова, созданный им, воспринимается как порождение в какой-то мере его частью фантазии, как знать. При чтении миниатюры я выразила своё сомнение, о чём я и сказала Валентину. Он тоже не уверен, что миниатюра получилась такой, какой он хотел её видеть. «Буду дорабатывать, — сказал он, — у меня предчувствие, что материал меня уводит куда-то в сторону...»

23—25 февраля писал не миниатюру, а скорей очерк «В очереди за картошкой». Записка сообщает: «04.15. Измучился. Только сейчас пришла первая фраза... 06.20. Закончил только один отбой. Стало легче, идёт скучновато, и пока нет интересного конца...»

23 февраля. «Дочка! Поедешь на работу — возьми с собой мандарины и сыр — под коньяк. Поздравь всех своих коллег с праздником. Сижу и думаю о ТЕБЕ. Какая ты у меня хорошая. Дай Бог тебе здоровья! Всегда будь со мною. Твой — Пик...пик...пик...»

25—26 февраля. Нет, не случайно Пикуль обращал внимание на талантливых людей, наделённых умом и смекалкой. Именно эти черты присущи главному герою миниатюры «Автограф под облаками» — Петру Телушкину. Мне думается, что миниатюра получилась: писал её Валентин с большим подъёмом, восхищением и гордостью за простых талантливых русских людей.

На сей раз записка гласила:

«Дочурка! Сейчас ровно 5 утра. Чувствуется усталость... Лягу с книгой... Думаю встать днём, подожду тебя и тогда займёмся книгами... Да, забыл тебе вчера сказать — у меня появилось желание написать миниатюру “Великолепный Аретино”. Посмотри, что есть о нём в твоей библиотеке. Если будет время — загляни в Публичку (Библиотека им. В. Лациса. — А. П.)».

Вечером принесла 2 книги: *Дживелегов А.* «Очерки Итальянского Возрождения» и *Санктис Ф.* «История Итальянской литературы».

Несколько слов о Пьетро Аретино. Разносторонне одарённая личность: писатель, драматург и публицист эпохи Возрождения. В своих произведениях критиковал и «высмеивал феодально-католические устои общества, его пороки, из-за чего в 1558 году сочинения Аретино были внесены Ватиканом в число запрещённых книг...».

Но миниатюра «Великолепный Аретино», к сожалению, не была написана, ибо мало изучить материал и знать поступки, характер и мысли своего героя — необходимо было проникновенно окунуться и вжиться в эпоху Возрождения, чего автору сделать не удалось...

26—28 февраля в два приёма написал миниатюру «Куда делась наша тарелка?».

Для тех, кто не знаком с ритмом работы Валентина Пикуля, поясню свои записи. Например: 14-15 — это не два дня февраля, это зимняя ночь с 14-го на 15-е.

И так продолжалось из ночи в ночь, из месяца в месяц — годами, без выходных, праздников, отпусков...

Одно за другим Валентин пытался заполнить «белые пятна» истории. Часто он выискивал «болевые точки» в народной памяти, чтобы справиться с этой болью, как «врач у постели тяжелобольного».

Не только романы полны захватывающих сюжетов, но и исторические миниатюры с необычными поворотами судеб, дающие пищу жадному уму, и, как всегда, оригинальные концовки, заставляющие не менее, чем над чужими, задуматься над собственными жизнью и судьбой.

Пикулю было всегда заманчиво найти в глубине ту ниточку, которая связывает человека нынешнего и людей прошлого, а оно, прошлое уходит стремительно, как и настоящее. Надо сохранить в сознании людей детали прошлого, чтобы мы могли по-новому взглянуть на нынешние времена.

После прочтения двухтомника миниатюр восхищённый корреспондент, ознакомившийся с исторической мозаикой, писал: «Если бы Валентин Пикуль не написал ничего, кроме своих миниатюр, то и тогда бы он снискал себе славу русского О' Генри...»

Говорят: всё поросло быльем, всё проходит...

Нет, ничего не проходит бесследно, всё остается людям.

Остались читателям и исторические миниатюры Валентина Пикуля, имена героев которых преступно предавать забвению...

Прикоснитесь к миниатюрам Валентина Пикуля, заставившего говорить историческую немоту, и вы почувствуете, как обогатится Ваш мир...

Глава двадцать третья НА ПОДСТУПАХ К СТАЛИНГРАДУ

Роман «Барбаросса» занимает особое место в творческой биографии писателя. Эта книга о войне, а значит, и о Сталинграде.

Последняя книга Валентина Пикуля.

Валентин Пикуль не думал писать роман-дилогию «Площадь павших борцов» («Барбаросса» и «Площадь павших борцов»). Его чаще интересовали более отдалённые по времени события. Работу над романом он начал в 1984 году, когда узнал подробности гибели своего отца в рядах защитников Сталинграда. На титульном листе романа рукой писателя начертано посвящение: «Светлой памяти Саввы Михайловича Пикуля, который в рядах морской пехоты погиб в руинах Сталинграда — с сыновней любовью посвящаю».

О Сталинградской эпопее написано так много, что книги историков и мемуары очевидцев составляют значительную библиотеку, с которой Пикуль пришлось не только ознакомиться, но и детально изучить.

При работе над романом писатель использовал более пятисот (!) историко-архивных источников, монографий, а также воспоминания отечественных и зарубежных очевидцев. Но ему всё, казалось, было мало.

— Ты носи мне мемуары солдат и местных жителей, — определил он круг поисков, — мне нужны мелкие детали, которые в нашем деле — не мелочь.

В истории всех войн, о которых Валентину приходилось писать, автора чаще всего увлекало сплетение стратегии с политикой.

Понятно, что Сталинград — это не просто город на Волге, символ нашей победы: скорее всего — это

главный военно-политический фактор всей мировой войны, влияние которого сказалось во всём мире, даже послевоенном! Географические рамки слишком тесны для этой битвы.

События на чердаках и в подвалах Сталинграда мощным эхом отзывались в жарких пустынях Ливии, на скользких водах Атлантики, от них зависело многое в жизни народов Европы и Америки; Сталинград отразился на кризисе режима Муссолини в Италии; от его руин протянулась цепочка заговоров против Гитлера; наконец, со Сталинграда началось идейное преломление в сознании немцев, когда из разброда мнений не сразу, но достаточно чётко выковалось антифашистское движение.

Пикуль честно признавался, что он не считает себя вправе приглашать читателей в окопы Сталинграда, ибо сам в них не бывал, но как писатель-историк и участник войны не может пройти мимо этих грандиозных событий.

Валентин посвятил книгу памяти отца. И это ко многому обязывало. Он должен был написать книгу, достойную героев Сталинграда.

Пикуль очень любил отца, часто вспоминал о том, как трудно жилось, как на последние копейки отец покупал ему, маленькому Вале, детские книжки. Именно благодаря отцу он в четыре года уже *бегло* читал, сделав первый шаг на ступеньку своего призвания.

Роман давался трудно. В процессе долгих лет его создания приходилось отступать, останавливаться, переводить дыхание и, собрав волю, снова бросаться в атаку.

Валентину многое пришлось переосмыслить и сделать собственные выводы... Он хотел получить ответы на вопросы: «кто виноват и как могло случиться, что немцы оказались на берегах Волги?»

Дирекция памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы», узнав, что Валентин Саввич работает над книгой о Сталинградской битве, прислала писателю в 1986 году «Священную землю, пропитанную кровью советских воинов — защитников Сталинграда. Земля взята с места самых ожесточённых боёв и бессмертных подвигов в период Сталинградской битвы на Мамаевом кургане». И эта коробочка со священной землёй лежала у него перед глазами, на рабочем столе, напоминая об отце.

Работа над книгой требовала много сил, энергии и здоровья. Внешне Валентин Саввич был бодр. Накануне дня рождения пришёл доктор Лев Борисович Чижов. Сделал электрокардиограмму, сказал, что негативных изменений нет. Немного расстраивало Пикуля только то, что он не успевал закончить планируемый том «Барбароссы» ко дню рождения.

— Буду навёрстывать упущенное, — сказал мне Валентин, — раз ты приболела, то лежи в постели и никаких гостей, а я поработаю.

У меня действительно была температура, и я день рождения супруга провела в постели, принимая лекарства.

Дверь никому не открывали, а на некоторые звонки по телефону отвечал Валентин, вводя абонентов в изумление: ибо к телефону он практически не подходил.

В эту ночь я ощутила, будто мне кто-то пощекотал лицо, и я, проснувшись, включила свет. Надо мной порхала, видимо, влетевшая в форточку большая бабочка. Открыв дверь лоджии, я выгнала её полотенцем на улицу. В квартире была тишина. Меня потянуло к двери кабинета. Осторожно заглянула: Валентин вдохновенно работал...

15 июля вечером мы долго разговаривали. Валентин был на подъёме. Воодушевлённо, с восторгом делился

ближайшими планами: «Всё здорово. Осталось написать о Дьеппе, Черчилле, в заключении — о 23 августа и... всё! Это примерно авторский лист, и потом обращение к читателям — его мы напишем вместе... Вот только хочу посоветоваться — может, перед вторым томом сделать паузу?.. Не терпится написать “Когда короли были молоды”».

И Валентин почти на одном дыхании рассказал мне содержание своего нового романа о любимом им времени. Передо мной ожили: Елизавета Петровна, Фридрих Великий, молодой Ломоносов...

«Хотя и “Сталинград” в целом готов, — продолжал он, — есть все материалы ко второму тому, я уже знаю, когда и что говорил любой из героев. Вот и готовый “почасовик”»...

После разговора на эту тему он пошёл к рабочему столу, а я, пожелав ему успеха, в спальню.

Утром на столе лежала привычная записка:

«04 ч. 35 м. Закончил главу. Вылез на 223 стр. Ещё 19-я глава (проходная) и две главы целиком о 23 августа. После чего — “от автора”, и всё! Чувствую себя хорошо. Настроение бодрое.

5.10 — лягу.

6.10 — встал.

Не спалось, — объяснил он мне позже.

Часа в три дня он пошёл спать, а я отправилась по его просьбе оборудовать ему место на даче. Ещё прошлым летом были заказаны стеллажи для книг, которые Валентин собирался переместить на дачу. Но выполнение работ затянулось, и только в этом году обещание было исполнено.

Вернулась вместе с внуком вечером во время программы «Время». Распахнула входную дверь. На ковре недалеко от двери лежал Валентин.

Испуганный внук, посланный за соседкой... Нитроглицерин... Искусственное дыхание... Массаж

сердца... Мне казалось, что пульс ещё прощупывается... Но врачи констатировали, что сердце Валентина Саввича в этот день остановилось...

Тяжело говорить и подробно описывать внезапную смерть любимого человека. Поэтому я поставлю здесь многоточие...

На столе остались десятки книг о Сталинградской битве с многочисленными закладками и пометками и несколько рукописных листов — материалы о 23 августа.

Как они должны быть скомпонованы и обработаны в замысле автора? Этого не может теперь сказать никто...

«Мы знаем те надписи, которые оставили на стенах Рейхстага наши доблестные защитники в победную войну 1945 года, а теперь прочтите и оцените, что написали рабочие на стенах своего родного тракторного завода: “Немцы! Вы ещё проклянёте тот день, когда вы пришли сюда. Лучше не лезьте! *СТАЛИНГРАД СТАНЕТ ВАШЕЙ МОГИЛОЙ!*»

Отец, отечество — это слова одного корня. И есть что-то легендарно-загадочное в судьбе писателя, нашего современника, протянувшего для нас столько длинных ярких ниточек в прошлое Отечества, отдавшего последний сыновний долг и сложившего голову, как и его отец... на подступах к Сталинграду.

Тело Валентина увезли в госпиталь...

Я вошла в кабинет. Заплаканными глазами взглянула на его постель и место за столом. Внезапно остановившиеся часы у постели показывали 21.34... время ухода Валентина в мир иной.

Часть четвёртая. В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

«Его зарыли в шар земной»

Спустя четыре дня состоялись похороны. О них я не могла бы рассказать ничего, если бы не отснятые друзьями видеоматериалы, которые при написании книги я просматриваю впервые...

Приехали родственники Валентина Саввича: Людмила Колоярцева (Каренина), двоюродные братья Валентина — Борис и Виктор. Из Киева прилетел Коля Пикуль. Утешить меня в постигшем горе, несмотря на свой почтенный 86-летний возраст, прибыла моя матушка.

Ритуал проводов в последний путь неординарной личности был тоже не совсем обычным. Церковно-христианские обряды и воинские почести...

Утром в церкви Святого Александра Невского прошло отпевание покойного. «Мы исполнили свой христианский долг, мы отпели тебя, мы провожаем тебя в последний путь. Ты был известен, хотя и не любил славы. Ты был скромн, но был у всех на виду. Твое наследие — наше наследие. Как молился о тебе — о живом, так буду молиться об усопшем...» Так говорил священник.

Затем фоб с телом покойного был установлен в Белом зале Рижского окружного дома офицеров. Проститься с Валентином Саввичем Пикулем пришли представители общественности, фудовых коллективов, моряки краснознамённого Балтийского флота, воины-прибалтийцы, курсанты военных училищ, коллеги-писатели, многочисленные поклонники творчества Валентина Пикуля, приехавшие в столицу Латвии из разных регионов сфаны, друзья и товарищи.

В почётном карауле у фоба стояли и представители руководства республики, среди которых не могу не

отметить очень внимательного и заботливого Альфреда Пефовича Рубикса, и высшие чины командования военного округа, и писатели...

В 15 часов траурная процессия направилась на Первое Лесное кладбище, находящее недалеко от центра Риги...

Перед гробом принято нести на бархатных подушечках награды, которые он получил при жизни. Подумалось, что писателю это не нужно. Перед гробом писателя надо нести *тома написанных им книг*, и это будет лучшим свидетельством его заслуг *перед народом и историей*. Это расскажет, каким он был человеком, гражданином, тружеником. Потому что книги... говорят...

Панихида у могилы была короткой. У едва начавшего говорить отца Леонида вдруг дрогнул голос.

— Люди добрые, Антонина Ильинична, извините меня ради Бога, но не могу говорить... Извините... Я хочу просто помолиться, — прервал он свою речь...

На траурном митинге, который открыл поэт Феликс Чуев, было много выступавших. Не считаю необходимым перечислять здесь всех участников этой церемонии, в той или иной степени уже упомянутых мною в книге, хочу только выразить свою искреннюю признательность друзьям и товарищам, проводившим в последний путь Валентина Саввича Пикуля.

Трудно переоценить помощь и поддержку со стороны добрых и преданных друзей, армейских и флотских товарищей, коллег по работе. Достаточно сказать, что Елена Васильевна Лиманова в ущерб своей семье на все эти тяжёлые дни переехала ко мне, чтобы не оставлять меня одну и при необходимости присмотреть за внуком...

Опускается гроб... Гремят залпы салюта... Звучит Гимн Советского Союза... Войска проходят торжественным маршем...

Так закончил свою 62-летнюю жизнь на земле гражданин Союза Советских Социалистических Республик, русский писатель, проживший почти половину своей жизни в Латвии, Валентин Саввич Пикуль...

«Русское дело», Новосибирск, 1990, № 6.

Слова прощания... И в устной, и в письменной форме их было много. Но здесь мне хочется процитировать именно эти, пришедшие из самого центра, из самой глубины российской земли и души:

«Ушёл из жизни Валентин Саввич Пикуль. Ушёл быстро и неожиданно, ушёл в годину, когда его творчество так необходимо России. Оставив неоконченным свой подвижнический труд нашего исторического просвещения, завещая нам помнить свою Великую Историю, своих Великих Вождей, свою Великую Честь, свои Великие Победы. Каждая его строка буквально кричала: *русские, не забывайте, мы — Великий Народ*, на нас — Великая Ответственность, так будем её достойны, черпая пример и вдохновение в своей Истории. И мы достойно выдержим все ниспосланные нам испытания. Мы прощаемся с Вами, Валентин Саввич, и обещаем быть достойными дела *Русского возрождения*, которому Вы посвятили жизнь. Вас провожал русский Военно-морской флот, Вас отпевали в церкви Святого Александра Невского, и скорбью полны вся Совесть и Честь Земли Русской».

Три подвига Валентина Пикуля

Валентин Саввич Пикуль считал себя счастливым человеком: «Пережил блокаду — не помер. Прошёл войну — не погиб. С пятью классами образования, как говаривали в старину, выбился в люди».

Но задумаемся, что стоит за этими словами. Какая удивительно наполненная жизнь, какая уникальная и вместе с тем типично русская судьба!

Тринадцатилетний мальчишка, тушивший «зажигалки» в блокадном Ленинграде, через год — учащийся Соловецкой школы юнг, он в 15 лет становится командиром боевого поста на эсминце «Грозный».

Это был первый подвиг Валентина Пикуля.

Там, на Северном флоте, Валентин Пикуль стал на первые свои боевые вахты, которые и нёс, но уже за столом, всю жизнь, пока не упал на недописанную страницу главного своего романа — «Сталинград».

Потрясённые горем в узком разрыве времени, мы до конца ещё не можем осознать, какого исполинского масштаба гражданина и художника потеряла земля Русская! Какая зияющая пробоина образовалась в духовной крепости отечественной литературы!

Никакие искусства и соблазны, никакие могущественные указующие длани, никакая разнузданная травля земных разрушительных сил не смогли сбить Валентина Саввича с того генерального курса, которым он шёл всю свою жизнь.

Это был его нравственный, гражданский подвиг.

За 40 лет подвижнического литературного труда Валентин Саввич вернул русскому человеку значительную часть великой родной истории. Всегда считая, что «учить народ надо добрым примером»,

опытом прожитого, он подарил миллионам и миллионам своих читателей, вошедшие в сокровищницу нашей литературы книги: «Баязет», «Слово и дело», «Пером и шпагой», «Битва железных канцлеров», «Моонзунд», «Реквием каравану PQ-17», «Богатство», «Каторга» и многие другие.

Это был его писательский подвиг.

Сегодня, как никогда, нами ощущается провидческий дар Валентина Пикуля. Тревожные всполохи его исторических романов грозным светом освещают нынешний день России. Вспомним его «Нечистую силу».

Валентина Саввича уже нет с нами. Это страшная потеря. Но остались его книги. В них ответы на многие и многие вопросы сегодняшнего бытия. И пока жив наш народ, пока творит он свою историю, будет живо и светлое имя прекрасного русского писателя-патриота Валентина Саввича Пикуля.

Подписались: Владимир Андреев, Юрий Бондарев, Сергей Бондарчук, Виктор Буганов, Сергей Викулов, Валерий Ганичев, Сергей Журавлёв, Эдуард Зимин, Анатолий Иванов, Егор Исаев, Станислав Куняев, Юрий Лошиц, Сергей Михалков, Вячеслав Марченко, Пётр Проскурин, Эрнест Сафонов, Ирина Стрелкова.

Валентин Пикуль многим обязан Латвии. Сюда он приехал молодым человеком, полным писательских замыслов, творческих надежд, здесь он достиг наивысшего расцвета своего мастерства, поднялся до невероятных вершин в своём творчестве, здесь же нашёл и своё упокоение. Став знаменитым, он надеялся, что его пригласят на родину, но этого не произошло. Чем дальше жил, тем больше травили, все произведения, что появлялись из-под его пера, встречали жесточайшее сопротивление, бурное критическое поношение. Он был пятым колесом в телеге. Русский до мозга костей — он так и остался в

Латвии, поскольку всю жизнь находился в оппозиции к властям и литературным чиновникам. Испытывая тоску по родине, он часто заводил разговор о возвращении.

— Я так хотел бы вернуться на родину и жить в Ленинграде или в его пригороде — в Пушкино, Павловске, Кронштадте... Но меня там не ждут...

Надежды на возвращение таяли с каждым днём...

— Во мне нет крови Латвии, но события Латвии, её история текут в моих жилах. Иногда, думая о родине, я забывал, что живу в Риге, проходя по улице Петра Стучки. Она так напоминает мою улицу в Ленинграде, куда я в мечтах часто возвращаюсь...

В Риге, *в квартире*, он создал свой мир, *свою внутреннюю Россию*, которая осталась с ним до конца его дней...

Завещание Валентина Пикуля

«Если что-то захочешь сделать — *сделай сама*, никогда ничего у *властей* не проси, они тебя только унизят, но доброго для тебя ничего не сделают» — этот наказ Валентина я помню всегда. Это *его кредо, его завещание*.

Всё, что могу, делаю сама, никогда ничего у властей не прошу.

Спасибо — помогает дочь Марина и друзья.

Моя заветная мечта — донести до читателей всё, что оставил Валентин Пикуль: обработать и издать архив писателя — неопубликованные рукописи, галерею портретов, историческую и портретную картотеки, только тогда можно судить о нём как о писателе и человеке. Архив его огромен и требует самого пристального внимания.

Сначала подготовила для печати роман «Барбаросса» — первый том незавершённого двухтомного романа «*Площадь Павших борцов*». Рукопись представляет собой черновой вариант незаконченного романа со многими вставками и дополнениями, которые должен был сделать сам автор.

Большая работа была проделана при подготовке *собраний сочинений*:

- К каждому собранию написаны вступительные статьи.

- Подготовлен комментарий к произведениям писателя.

- Прделана работа по составительству томов.

- Восстановлены рукописи в том виде, в котором задумал их автор (без цензурных сокращений).

- Подготовлены к изданию три тома ранее непубликовавшихся незавершённых произведений из *архива*

писателя:

том первый: «Псы господни», «Янычары», «Жирная, чёрная, грязная и продажная...» Роман о нефти;

том второй: малоизвестные рассказы, миниатюры, интервью и высказывания писателя;

том третий: оставшиеся в черновом варианте, миниатюры, написанные незадолго до смерти;

с 2015 года выходит собрание сочинений в 28 томах, издательство «Вече».

Книги Валентина Пикуля переведены на многие языки мира. Общий тираж его книг вместе с публикациями в периодических изданиях превысил *полмиллиарда (!)* экземпляров.

В качестве автора и составителя написала и подготовила к печати *семь книг*:

1. «Валентин Пикуль. Из первых уст». 1995; 1998; 2001; 2006; 2008.

2. «Уважаемый Валентин Саввич!» 1995; 2006.

3. Валентин Пикуль. «Я мерил жизнь томами книг». 2004; 2006.

4. «Живёт страна Пикулия». Воспоминания современников о Пикуле. 2006; 2008.

5. «Жизнь и творчество Валентина Пикуля в фотографиях и документах». Альбом. 2008.

6. «Фарватер жизни и творчества Валентина Пикуля». Путеводитель. 2011.

7. «Валентин Пикуль. Слово и дело великого романиста». 2013.

Постскриптум

В этой книге я хотела рассказать о Валентине Саввиче Пикуле как о человеке и писателе. И если мне это удалось, значит время было потрачено не зря. Ведь только поняв характер самого писателя, можно по достоинству оценить его творения.

«Я сделал всё, что мог, а что не смог, пусть сделают другие», — гласила одна из записок Валентина Пикуля.

А что смог сделать юнга-аншютист, в тельняшке и бескозырке взобравшийся на одну из верхних палуб истории Отечества, судить вам, дорогие читатели...

Скромный по характеру, Валентин Саввич так отвечал на вопрос о своей популярности: «Никто не обучил людей истории, потому и Пикуль хорош. Историки должны были образовывать людей. Они этого не делают. Вот я и затыкаю дыру!»

В этом и состоит главная заслуга, если хотите — гражданский подвиг Валентина Пикуля, который в обстановке дефицита исторической информации своим творчеством инициировал интерес, тягу людей к истории.

И пусть каждое поколение (а я надеюсь, что книги В. Пикуля будут жить долго), перелистывая страницы его романов, испытывает радость прикосновения к бессмертному слову писателя.

Подходит к концу разговор о Валентине Пикуле, его творчестве и героях его произведений. Как и у героев его книг, у Валентина Пикуля было много жизненных дорог — жестоких и трагических, трудных и непредвиденных, рискованных и радостных — и в жизни, и во время работы за писательским столом. Но свою главную дорогу, о которой мечтает каждый писатель — к сердцам миллионов читателей, Валентин

Пикуль проложил своими честными и мужественными книгами. Эта дорога и сейчас ведёт писателя к новому поколению читателей и почитателей его творчества — она бесконечна...

В одной из последних записок писатель подтверждает эту мысль:

«Вся жизнь, отданная изучению истории, привела меня к странной и, может быть, нелепой мысли, что я всегда существовал. Да, мне пришлось побывать при осаде Пскова во времена Ивана Грозного, я наблюдал за порядками придворных при дворе Анны Иоанновны и Екатерины Великой, мне по сию пору слышатся победные громы Кунерсдорфа и, наконец, жалкий, смятый и раздавленный, я блуждал по кочкам болот в Пруссии, /согдд немцы громили армию Самсонова...

Да что там одна жизнь? У меня их было множество (в черновике — тысячи. — А. П.) — каждая в своём времени, а я сам выступал в различных ипостасях, в самых различных костюмах, разговаривая различными языками.

Всегда существовавший, я всегда и обречён существовать — в будущем! Именно в этом моё счастье, как писателя, как человека, как личности...»

Как витязь, павший на поле битвы, покинул Валентин Пикуль наш мир перед самым «ночным полётом», так часто уносившим его в далёкие и неведомые нам миры. И теперь уже навсегда...

Угас мгновенно, как и появился на фоне ночного неба в виде одинокого метеора, вспыхнувшего на мгновение и погасшего, чтобы продолжить свою жизнь уже в нас — читателях...

Основные даты жизни и творчества В. С. Пикуля

1928; 13 июля — в Ленинграде родился Валентин Пикуль. Родители: отец — Савва Михайлович Пикуль, украинец, мать — Мария Константиновна Каренина, русская.

1936-1940 — окончил 4 класса школы № 16 на Бородинской улице в Ленинграде.

1940-1941 — окончил 5-й класс в г. Молотовске (ныне г. Северодвинск).

26 декабря — первое упоминание имени Валентина Пикуля в печати в газете «Сталинец». Член кружка «Юный моряк», г. Молотовск.

1941-1942 — жизнь в блокадном Ленинграде.

1942; 13 июля — побег в Соловецкую школу юнг.

1943, 6 октября — окончил Соловецкую школу юнг с отличием. *17 октября* — прибыл на эсминец «Грозный» Северного флота.

1945, июнь — после войны вернулся в Ленинград.

Сентябрь — курсант училища Подготи.

1946, июнь — исключили из училища за неуспеваемость.

1 августа — женился на Заре (Зое) Борисовне Чудаковой. *1946-1948* — посещал литературный кружок при Союзе писателей.

1948, сентябрь — посещает литобъединение при Ленинградском издательстве «Молодая гвардия».

1948-1950 — публикация рассказов «Женьшень» и «На берегу». *1949* — публикация главы «Конец фашистского пирата».

1950, 20 августа — публикация главы «Дядюшка Август» в журнале «На страже Родины».

1951, 11 августа — публикация главы «Друзья» в журнале «На страже Родины». (Под псевдонимом Каренин.)

1952, 9 августа — публикация главы «Джентльмены» в журнале «Смена».

1953, 19 декабря — публикация главы из романа «В лесах Суоми» в газете «Вечерний Ленинград».

1954, апрель — вышел первенец — роман «Океанский патруль». *1956, 11 октября* — принят в Союз писателей СССР.

1958, 23 марта — женился на Веронике Феликсовне Чугуновой (Гонсовской).

1961 — вышел первый исторический роман «Баязет».

1962, сентябрь — журнал «Звезда» опубликовал роман «Париж на три часа».

Ноябрь — переезд в Ригу.

1964 — вышел первый том «На задворках великой империи».

1966 — вышел второй том «На задворках великой империи». *1968*— в Лениздате напечатан роман-хроника «Из тупика».

1970— в журнале «Звезда» № 5 опубликован «Караван PQ-17».

1972 — на Соловках установили памятник погибшим юнгам. Лениздат выпустил сборник «Пером и шпагой».

1973 — роман-хроника «Моонзунд» вышел в «Советском писателе» (Ленинград).

1974 — Детгиз выпустил повесть «Мальчики с бантиками». Увидела свет первая книга романа-хроники «Слово и дело». Роман посвящён Веронике Феликсовне.

1975 — вышел второй том романа-хроники «Слово и дело».

1976 — Детгиз издал книгу миниатюр «Из старой шкатулки».

В Софии переведён короткий роман «Звезды над блаотото».

1977 — альманах «Спутник» опубликовал миниатюры на иностранных языках.

Лениздат выпустил сборник «Битва железных канцлеров».

В журнале «Аврора» № 2 опубликовано 5 миниатюр.

Роман «Богатство» опубликован в журнале «Молодая гвардия» № 8-9.

1978' 29 января — впервые на латышском языке газета «Циня» опубликовала миниатюру «Ничего, синьор, ничего, синьорита».

13 июля — 50-летний юбилей. Валентин Пикуль приказом войсковой части № 39040 № 513 «Зачислен в списки части почётным членом экипажа ракетного крейсера «Грозный»».

18 июля — Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденом Трудового Красного Знамени в связи с 50-летием.

12 августа — газета «Советская Латвия» опубликовала главу из романа «Нечистая сила».

Сборник «Богатство» выпустил «Советский писатель».

1979 — дополненное издание документальной трагедии «Реквием каравану PQ-17» вышел в Лиесме (Рига).

Роман «Богатство» вышел в Лиесме (Рига) отдельным изданием.

«У последней черты» — сокращённый вариант «Нечистой силы» опубликован «Нашим современником» № 4-7. *1980* — отрывок из романа «Нечистая сила» опубликован в «Вестнике Торонто», № 1 (Канада).

«Калиостро — друг бедных». Миниатюра на латышском языке опубликована в «Звайгзне» № 1 под названием «Калиостро».

14 февраля — ушла из жизни Вероника Феликсовна.

19 ноября — женился на Антонине Ильиничне Онджан.

1981 — впервые сокращённый вариант романа «Три возраста Окини-сан» опубликован в журнале «Нева» № 9—11. Двухтомник «Битва железных канцлеров» и «Пером и шпагой» опубликованы в Братиславе на словацком языке.

Роман «Пером и шпагой» издан на латышском языке.

1982 — сокращённый вариант «Баязета» вышел в свет в Лениз-дате.

На болгарском языке вышел «Реквием каравану PQ-17». Миниатюры публиковались в журналах «Нева» и «Студенческий меридиан».

1983 — сборник «Над бездной» издан Дальиздатом.

На чешском языке в Праге издана повесть «Мальчики с Бантиками».

Июль — поездка в Светлогорск.

Сборник «Миниатюры» выпустил Детгиз (Ленинград). Роман «Пером и шпагой» на французском языке издан в Париже.

Роман «Баязет» вышел в Ереване на армянском языке.

4 миниатюры были опубликованы в «Даугаве» № 3. «Миниатюры» в альманахе «Спутник» опубликованы на английском, испанском, итальянском и немецком языках.

1984, 5 марта — родился внук Валентин.

Июль — «Реквием каравану PQ-17» вышел в «Роман-газете». «Хлопчики з бантиками» издан в Киеве («Веселка»). «Богатство» — роман на чешском языке издан в Праге.

16 ноября — Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденом Дружбы народов.

Впервые сокращённый вариант романа «Три возраста Окини-сан» издал отдельной книгой

«Современник».

«Три возраста Окини-сан» и «Богатство» изданы в Братиславе на словацком языке.

«Гибель каравана PQ-17» на чешском языке опубликовали в Праге в газете «Свет социализма».

Декабрь — «Фаворит» в двух томах вышел в Лениздате.

1985, 11 марта — Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденом Отечественной войны II степени. Впервые журнал «Молодая гвардия» № 8-9 опубликовал роман «Крейсера».

Русско-болгарский журнал «Дружба» № 3-6 опубликовал роман «Каждому своё». Автор посвятил роман Антонине Пикуль.

4 октября — правление Советского Фонда мира наградило Валентина Пикуля Почётной медалью за активное участие в деятельности фонда (за гонорар романа «Фаворит»).

Роман «Каждому своё» опубликован в журнале «Даугава» № 7-12.

Сборник «Под шелест знамён» вышел в «Советском писателе» (Ленинград).

На литовском языке издана документальная трагедия «Реквием каравану PQ-17».

Роман «Битва железных канцлеров» вышел на латышском языке.

18 миниатюр были опубликованы в периодических изданиях, в том числе и на иностранных языках.

Миниатюра «Тепло русской печки», опубликованная в журнале «Вокруг света» № 10, была отмечена премией, как лучшая публикация года.

1986 — «Даугава» № 1-3 продолжила публикацию «Каждому своё». *4 марта* — в соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 12 апреля 1985 года награждён юбилейной медалью «40 лет Победы в Великой Отечественной войне».

В серии «Морской роман» вышел в полном объёме роман «Три возраста Окини-сан» в Калининграде.

Май — съёмки документального фильма. Ведущая — Т. Земскова.

15 июля — обширный инфаркт.

«Реквием каравану PQ-17» вышел в Варшаве.

«Реквием каравану PQ-17» издан в Венгрии.

Издательство «Воениздат» в одном томе выпустило роман «Из тупика», за который автор был удостоен премии.

Роман «Крейсера» выпустила «Роман-газета» № 19. Роман посвящён светлой памяти Виктора.

«Последние ночи Шайтана» — под таким заголовком вышел роман «Нечистая сила» в Сирии на арабском языке. «Адмирал и гейша» — под таким названием издан на чешском языке роман «Три возраста Окини-сан».

Роман «Три возраста Окини-сан» вышел в Варшаве, следом издан в Литве.

В Ереване издательство «Айастан» выпустило сборник «Миниатюры».

В советско-болгарском журнале «Дружба» № 6, на болгарском языке, опубликованы 4 миниатюры.

«Наш современник» № 9 опубликовал 7 миниатюр под названием «Кровь, слёзы и лавры».

16 миниатюр опубликовано на русском и иностранном языках — в разных периодических изданиях.

1986-1987 — журнал «Аврора» публикует 1 часть романа «Честь имею».

1987 — сборник «Миниатюры». Издательство «Молодь». Киев. Впервые в журнале «Молодая гвардия» № 3-5 выходит «Каторга».

10 июля — «Книжное обозрение» опубликовало список 20 книг «Популярной библиотеки». Пикуль занял второе место.

Первый том романа «Фаворит» вышел в «Роман-газете» № 9-10.

«Три возраста Окини-сан» издали на польском языке.

Роман «Из тупика» вышел в сокращённом варианте двухтомником в издательстве «Молодая гвардия».

Газета «За Родину» (Рига) опубликовала главы из романа «Честь имею» в июне — октябре.

«Современник» выпустил сборник романов «Невидимки». Дальиздат выпустил книгу миниатюр «Эхо былого».

Книга «Пером и шпагой» издана в Варшаве.

В Китае издали «У последней черты» («Нечистую силу»). «Живая связь времён». Размышления. Книга издана в серии «Библиотечка журнала “Советский воин”».

24 исторические миниатюры опубликованы в периодических изданиях: «Комсомолец Армении», «В мире книг», «Советский Сахалин», «Советская библиография», «Морской сборник», «Кавказская здравница», «Строительная газета», «Наш современник», журнал «Природа и человек», журнал «Смена». Среди 19 номинантов премии «Смены» есть имя В. Пикуля — за миниатюру «Железные чётки», денежное содержание автор просил перечислить в Детский фонд.

1988, 22 марта — вручение литературной премии Министерства обороны СССР за 1987 год за роман «Из тупика». Денежное содержание премии в размере двух тысяч рублей В. Пикуль отдал на лечение воинов-интернационалистов в 289 ОБГ г. Риги.

22 марта — вручена медаль «70 лет Вооружённых сил СССР».

12 июля — Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденом Трудового Красного Знамени в связи с 60-летним юбилеем.

13 июля — Валентин Пикуль отказался от получения пенсии в связи с достижением пенсионного возраста. «Современник» выпустил «Избранное» в 4 томах.

Воениздат выпустил сборник «Крейсера», куда вошёл и роман «Три возраста Окини-сан».

«Роман-газета» выпустила второй том «Фаворита» тиражом 3 570 000.

Издательство «Советский писатель» (Ленинград) выпустило красочно изданный сборник миниатюр «Кровь, слёзы и лавры» к 60-летию писателя.

Октябрь — съёмочная группа документального кино ВМФ (А. С. Вожжов и В. А. Рыжов) сняли документальный фильм. «Честь имею» — полный текст романа опубликовал журнал «Наш современник» № 9—10.

20 декабря — Постановлением Совета министров РСФСР за № 535 за роман «Крейсера» присуждена Государственная премия РСФСР им. М. Горького, денежное содержание

В. Пикуль передал на нужды пострадавших от землетрясения в Армении.

Роман «Каторга» выпустил «Современник».

Романы «Крейсера», «Каторга». Выпустил Лениздат.

Рассказ «Выстрел в отеле “Кломзер”». Выпустил Внешторг-издат.

Роман «Каждому своё» издали в Киргизии (Фрунзе).

Первые пиратские издания книг В. Пикуля «Битва железных канцлеров» и «У последней черты» появились за рубежом — в Англии.

Газета «За Родину» в Риге закончила публикацию романа «Честь имею» (43 номера).

Начал печатать «Честь имею» журнал «Советский воин» № 14–24, публикация которого закончится в 1989 году.

18 миниатюр печаталось в разных периодических изданиях. 1989 — «Советский воин» № 1–3 закончил

публикацию романа «Честь имею».

«Три возраста Окини-сан» издали в Туркмении (Ашхабад). Валентин Пикуль выходит из Ленинградской писательской организации. Вместе с четырнадцатью членами писателей организуют писательскую организацию «Содружество». Двухтомник «Нечистая сила» впервые появился в Воронеже, где помещён диалог В. Пикуля и критика С. Журавлёва. Полный вариант «Нечистой силы» печатал журнал «Подъём». Первый том «Фаворита» на болгарском языке издан в Софии. Двухтомник «Фаворит» вышел в Туве (Кызыл).

Миниатюры «Этюды о былом» издал ДОСААФ.

Роман «Каторга» опубликовала «Роман-газета» № 13-14 тиражом 3 920 000.

«Нечистая сила» в одном томе издана в Красноярске.

«Честь имею» с миниатюрами вышел в «Современнике». «Битву железных канцлеров» вместе с миниатюрами издало московское издательство «Современник».

«Битву железных канцлеров» издали в Ташкенте тиражом 500 000.

Сборник «Битва железных канцлеров» издан в Кишинёве. Роман «Три возраста Окини-сан» на японском языке вышел в Токио.

Сборник «Живая связь времён» издал Профиздат.

«Выстрел в отеле “Кломзер”» выпустил «Смарт».

Сборник миниатюр «Душистая симфония жизни» выпустил «Прометей».

«Имам част» («Честь имею») вышел на сербском языке. «Нечистую силу» начал печатать журнал «Советский воин». Сборник «Исторические миниатюры» выпустил «Патриот». «Фаворит» на армянском языке вышел в Ереване.

Роман «Крайцерите» («Крейсера») издан в Софии.

Роман «Ступай и не греши» опубликовали в Киргизии. «Napoleon» («Каждому своё») на чешском языке вышел в Праге.

39 исторических миниатюр вышли в разных периодических изданиях и сборниках. Газеты: «Правда», «Флаг Родины», «Вечерний Волгоград»; журналы: «Пограничник», «Коммунист вооружённых сил», «Литературный Киргизстан», «Дружба», «Слово» и др. Сто лучших книг 1989 года, названных читателями в итоге Всесоюзного конкурса, опубликованы в еженедельнике «Книжное обозрение» от 17 августа 1990 года.

Напечатаны результаты читательского опроса: 6 позиция — *«Нечистая сила»*; 7 позиция — *«Фаворит»*; 17 позиция — *«Каторга»*; 38 позиция — *«Честь имею»*; 56 позиция — *«Невидимки»*; 98 позиция — *«Битва железных канцлеров»*.

1990 — журнал «Молодая гвардия» № 2-3 опубликовал роман «Ступай и не греши».

В Алма-Ате вышел сборник «Миниатюры».

«Роман-газета» № 13-14 выпустила «Честь имею». Тираж — 3 426 000.

Издательство «Днипро» в Киеве издало «Каторгу».

«Ступай и не греши» издало «Транс-Ф».

Сборник миниатюр «Удаляющаяся с бала» выпустил журнал «Советская библиография».

16 миниатюр увидели свет в периодических изданиях.

16 июля — ушёл из нашего мира писатель Валентин Саввич Пикуль.

Литература о жизни и творчестве писателя

Валентин Пикуль. Ночной полёт. Биография, написанная писателем.

Валентин Пикуль. Я мерил жизнь томами книг. М.: АСТ, Вече, 2004.

Валентин Пикуль. Живая связь времён: Размышления. М.: Советский воин, 1987. (Книга подготовлена к печати кандидатом филологических наук С. И. Журавлёвым.)

Каменев С. М. Любовь к истории питая. Портрет писателя Валентина Пикуля. М.: РИО ГПНТБ СССР, 1990.

Виноградов Ю. А. Сладкая каторга: Встречи с Валентином Пикулем. М.: Граница, 1999.

Коняев П. М. Валентин Пикуль. М.: Алгоритм, 2007.

Волков М. Пламя над столом. Воспоминания о Валентине Пикуле // Откровение: литературно-художественный альманах. Вып. 1. Иваново, 1993. С. 225-269.

Гончар Д. Слово о Валентине Пикуле. Записки лечащего врача. Рига: Glorija M, 2007.

Юдин В. А. Он знал историю в лицо: О творчестве В. Пикуля. В кн.: Родина — всему начало. М.: Вече, 2010.

Светлой памяти Валентина Пикуля // Россияне. № 7-8.1991. С. 2-205.

Памяти Валентина Саввича Пикуля // Аврора. 2000. № 6. С. 1-192.

Основные источники для написания книги

Справки из Ленинградского государственного архива. Дневники.

Записки.

Наградные документы.

Внутренние рецензии на произведения.

Договоры с издательствами.

Неизданные рукописи.

Сочинения писателя.

Переписка.

Критические статьи.

Документальные киноматериалы.

Фотодокументы.

Фотографии

В. Тимус

С матерью Марией Константиновной

Отец - Савва Михайлович Пикуль. 1940 г.

Валентин Пикуль с родителями

Четвертый класс Бородинской средней школы в Ленинграде. Валя Пикуль стоит в верхнем углу слева. 1940 г.

Юнга Валентин Пикуль на эсминце «Грозный». 1944 г.

Начальник Соловецкой школы юнг Николай Юрьевич Авраамов

Первая награда

Медаль «За оборону Ленинграда»

Друг юности В. А. Курочкин, автор повестей о войне

Друг юности, писатель Виктор Викторович Конецкий

Медаль «За победу над Германией»

Медаль «За оборону Советского Заполярья»

Друг юности Дмитрий Ремезов

***В литературном объединении, которым руководил В. А.
Рождественский***

***Мария Константиновна Пикуль читает автограф сына на романе
«Океанский патруль». 1982 г.***

Вероника Феликсовна Чугунова

Автор двух романов

С редактором романа «Слово и дело» Л. А. Плотниковой

Моя жизнь — моя работа

Кабинет писателя

В кабинете писателя с супругой переводчика «Три возраста Окини-сан» Наоко Судзукава

На съёмках документального фильма

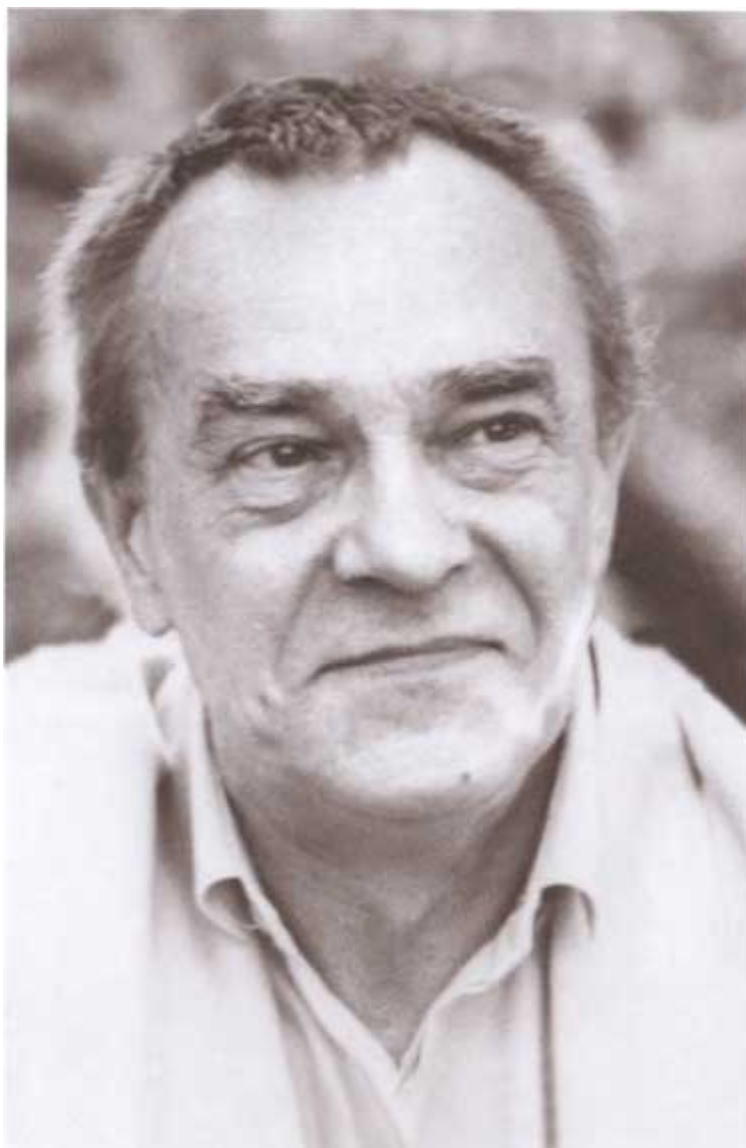
Каждая книга прочитана не один раз

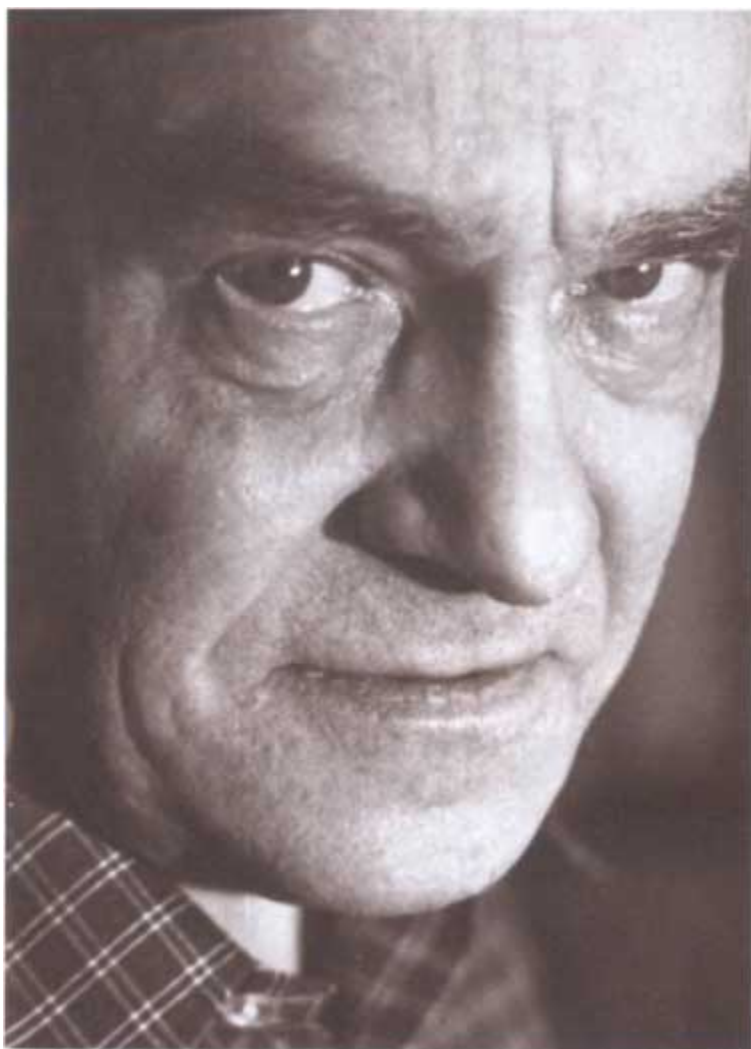
Библиотека В. С. Пикуля

С котом Канарисом

Роман закончен — можно отдохнуть

***Создатели фильма «Моонзунд», режиссёр Александр Муратов
(слева)***

Встреча В. С. Пикуля с курсантами

Ю. Д. Вовк и В. С. Пикун — друзья-единомышленники

С Валерием Николаевичем Ганичевым

С Юрием Стаднкжом в литературной гостиной Дома офицеров

Антонина Ильинична Пикуль. 1980 г.

Бескозырка маловата

***Встреча двух писателей — Олега Павловича Смирнова и Валентина
Саввича Пикуля***

С Юрием Васильевичем Бондаревым

***С главным редактором журнала «Наш современник» Сергеем
Васильевичем Викуловым***

С другом и советчиком В. А. Багировым

С Сергеем Журавлёвым

Орден Трудового Красного Знамени

С внуком Валентином на прогулке

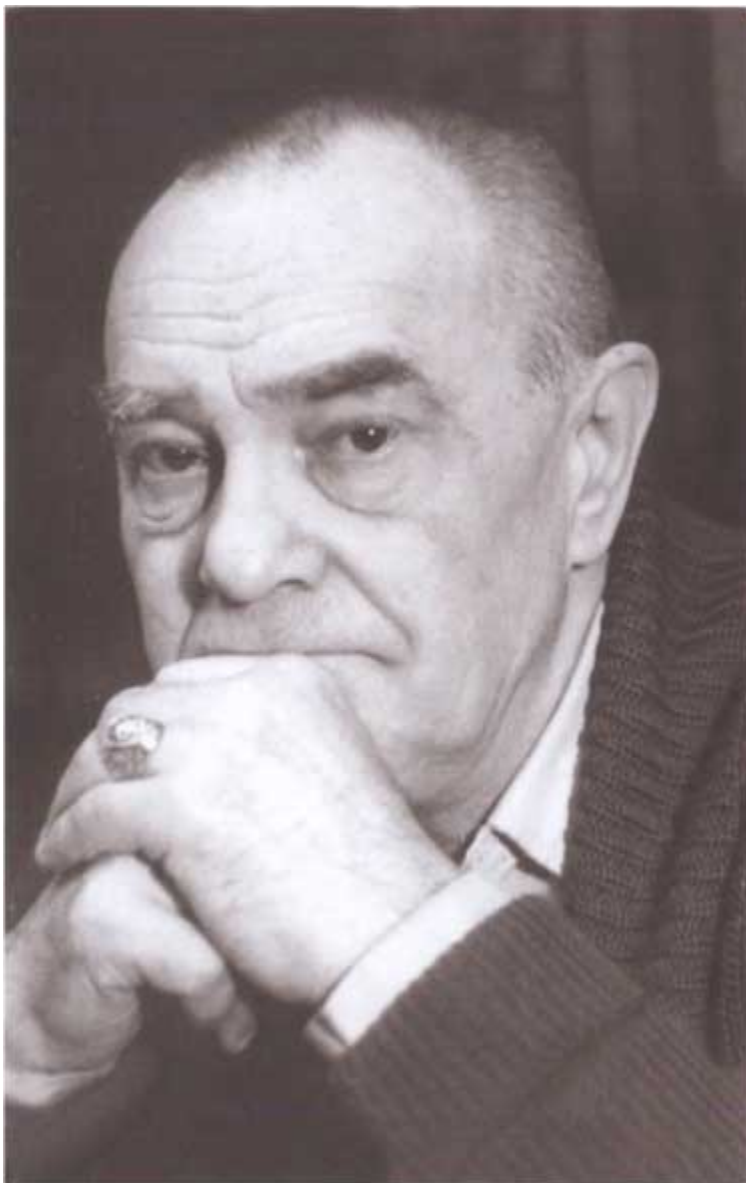
На вручении премии за роман «Из тупика»

Орден Дружбы народов

Подарок министра обороны

Одна из последних фотографий

Часы остановились...

М. П. Ненашев и А. И. Пикуль на выставке, посвящённой Валентину Пикулью. Латвийская академическая библиотека

***Сотрудники издательства «Молодая гвардия» А. Б. Романова, В. М. Исаченков, Л. А. Барыкина с А. И. Пикуль в библиотеке писателя.
Рига, 1990 г.***

Могила Валентина Пикюля на Первом Лесном кладбище в Риге

Мемориальная доска на улице Вестас в Риге

Сухогруз «Валентин Пикуль»

Памятник Валентину Саввичу Пикулю. Мурманск

notes

Примечания

1

Сохранена орфография написания документа. — А.
П.

«Как выкидывали Пикуля» в книге «Живёт страна Пикулия» (Вече, 2006. С. 135).